

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Швецова

На правах рукописи

ШВЕЦОВА Виктория Михайловна
ГОЛОГРАФИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СЕМАНТИКИ СЛОВА
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ:
ЛИНГВОКОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Специальность 10.02.01 – русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Научный консультант –
доктор филологических
наук, профессор
Пискунова Светлана
Владимировна

Тамбов 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГОЛОГРАФИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ: СЕМАНТИКА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ТЕКСТА	25
§ 1. Голографическая природа единицы с продуктивной текстовой реализацией	25
§ 2. Функциональная значимость текстовых единиц-стимуляторов	37
§ 3. Принципы организации внутреннего устройства текстовой голографической единицы	46
§ 4. Полевое устройство текстовой голографической единицы – модель порождения, восприятия и сохранения новой семантики	58
§ 5. Коммуникативное моделирование лексической системы языка – способ развития семантического пространства слова в тексте	73
Выводы к главе I	89
ГЛАВА II. СТРУКТУРА ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ ТЕКСТОВОЙ ГОЛОГРАФИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ	92
§ 1. Особенности организации лексико-семантического микрополя голографической единицы (ядерная часть информационного поля голографической единицы)	92

§ 2. Особенности формирования ассоциативного микрополя голографической единицы	103
§ 3. Вербализованные ассоциативные связи как основной элемент развития периферийной зоны информационного поля	133
§ 4. Поверхностно-развёртываемая разновидность информационного поля текстовой голографической единицы	173
§ 5. Глубинно-развёртываемая разновидность информационного поля текстовой голографической единицы	192
5.1. Виды альтернативных зон глубинно-развёртываемой разновидности информационного поля голографической единицы	196
5.1.1. Семантико-ассоциативный вид альтернативной зоны глубинно-развёртываемой разновидности информационного поля голографической единицы	197
5.1.2. Ассоциативный вид альтернативной зоны глубинно-развёртываемой разновидности информационного поля голографической единицы	243
Выводы к главе II	256
ГЛАВА III. МОДЕЛИ СЕМАНТИКИ СЛОВА В ТЕКСТЕ	263
§ 1. Типы и виды голографических моделей текстового развития семантики слова	263
§ 2. Эскалационный тип голографической модели «Линейное структурирование внутреннего пространства текстовой голографической единицы».....	265
2.1. Модель «Информационная петля» (вид-1 голографической модели эскалационного типа текстового развития семантики слова) ...	266
2.2. Модель «Двойная сферическая плоскость» (вид-2 голографической модели эскалационного типа текстового развития семантики слова)	275

2.3. Модель «Сфера»» (вид-3 голографической модели эскалационного типа текстового развития семантики слова)	279
2.4. Модель «Информационная цепочка» (вид-4 голографической модели эскалационного типа текстового развития семантики слова)	289
§ 3. Организационный тип голографической модели «Каркасная трансформация текстового пространства»	298
3.1. Модель «Зонирование структуры текста» (вид-1 голографической модели организационного типа текстового развития семантики слова) ...	298
3.2. Модель «Ассоциативный текст» (вид-2 голографической модели организационного типа)	320
Выводы к главе III	342
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	347
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	356
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	390
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА	392
ПРИЛОЖЕНИЯ. МАТЕРИАЛЫ ОПЫТНОЙ ПРОВЕРКИ: ВАЛИДНОСТЬ РЕЗУЛЬТАТОВ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	394
Приложение 1. Основные положения эксперимента	394
Приложение 2. Сведения об опытной проверке валидности результатов диссертационного исследования	397
2.1. Эскалационный тип голографической модели «Линейное структурирование внутреннего пространства текстовой голографической единицы»	397
2.2. Организационный тип голографической модели «Каркасная	

трансформация текстового пространства»	451
Приложение 3. Результаты осознания голографических моделей	496

ВВЕДЕНИЕ

Особенности формирования современного языкового коммуникативного пространства требуют специального изучения. Процесс получения и организации нового знания непосредственно связан с теорией текстового развития семантики, что позволяет установить модели расширения слова и системы языка. Актуализация значения единиц, отражающих этапы этого развития, приводит к тому, что в ходе речевой деятельности языковой личности возникают и начинают функционировать новые значения лексических единиц, которые в дальнейшем могут по-своему интерпретироваться коммуникантами.

В современных социально-экономических, политических условиях существования общества формируются и новые этапы в развитии ассоциативного мышления, что приводит к изменению ментальных установок (что и как видит человек в этом мире; каким он ему представляется, убеждения и ценности, из которых он исходит в восприятии окружающего мира), ментальных проблем (сложности и противоречия в таких «видениях» и восприятии), а также к осознанию функции единиц языка, их содержательной стороны. В таких условиях развиваются иные типы языкового общения, например, в виде компьютерно-опосредованной коммуникации. Это во многом способствует переформатированию основных параметров языковой картины мира, замене личной и общественной смысловых матриц. Активно создаются тексты различного типа, которые могут сопровождаться определёнными коммуникативными сдвигами и сдвигами, обусловленными психологическими, социальными причинами. Поэтому изучение семантики необходимо осуществлять на уровне лингвистического моделирования, способного передать специфику динамических преобразований в семантической структуре слова и текста, их коммуникативном пространстве.

Моделирование в науке – это выяснение свойств какого-либо предмета при помощи построения его модели, образцов. Оно используется в структурной лингвистике при описании языка и его отдельных аспектов (фонологических, грамматических, лексических и других систем) для уточнения лингвистических понятий и связей между ними, что помогает выявить структуры, лежащие в основе бесконечного разнообразия языковых явлений. Моделирование лексической системы языка необходимо рассматривать в условиях семантического расширения слова в тексте.

Модели, используемые в современных научных исследованиях, впервые были представлены в математике для доказательства непротиворечивости геометрии Лобачевского относительно геометрии Евклида. Они представляют совокупность объектов, свойства которых и отношения между которыми удовлетворяют данным аксиомам, в терминах которых эти объекты описываются. В дальнейшем на стыке алгебры и математической логики получила развитие специальная дисциплина – теория моделей, в рамках которой под *моделью* понимается произвольное множество с заданными на нём наборами предикатов. Дальнейшую детализацию данный термин получил в рамках логической семантики.

Следовательно, модель в широком понимании – образ (в том числе условный или мысленный – изображение, описание, схема, чертёж, карта и т.п.) или образец какого-либо объекта или системы объектов, применяемый при определённых условиях в качестве их «заместителя».

Понятие *модель* по-разному определяется в современных словарях. Ср.: как «устройство, воспроизводящее, имитирующее (обычно в уменьшенном, «игрушечном» масштабе) строение и действие какого-либо другого устройства («настоящего») в научных, практических (например, в производственных испытаниях) или спортивных целях» [БЭС. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/166420/%D0%23%D1%BE%D0%B4%D0%B15%D0%BB%D2%815C> (дата обращения 14.09.2009)]; как «обобщенная,

искаженная и содержащая упущения копия» [БПС, 2003: 289]; как «схема какого-либо явления или физического объекта» [Ефремова 2000. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/1862064> (дата обращения: 20.04.2011)].

Приведенные определения термина «*модель*» делятся на две основные группы: в первой – выражается идея «имитации» (описания) чего-то «сущего» (некоей действительности, «натуры», первичной по отношению к модели); во второй – напротив, проявляется принцип «реального воплощения», реализации некоторой умозрительной концепции. Иными словами, модель может быть системой и более высокого уровня абстракции, чем её «оригинал» (как в первом случае), и более низкого (как во втором).

В естественных науках, например, в физике, химии, следуют обычно первому из упомянутых пониманий термина, называя моделью какой-либо системы её описание на языке некоторой научной теории, в частности, химическую или математическую формулу, фрагмент теории или даже всю теорию в целом. В таком же смысле говорят и о моделях языкознания, хотя в последнее время всё чаще следуют второму пониманию, называя *моделью* некоторую языковую реальность, противопоставляя эту реальность её описанию – лингвистической теории. Ср.: «искусственно созданное лингвистом реальное или мысленное устройство, воспроизводящее, имитирующее своим поведением (обычно в упрощённом виде) поведение какого-либо другого («настоящего») устройства (оригинала) в лингвистических целях» [ЛЭС. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/304a.html> (дата обращения: 12.11.2010)].

В зависимости от области применения в лингвистической практике на основе различных методов *модели* разделяются на фонологические, морфологические, синтаксические, семантические. При их создании используются средства и методы математической лингвистики как дисциплины, разрабатывающей формальный аппарат для описания строения естественных и некоторых искусственных языков.

В современном языкознании понятие «*модель*» применяется не только и не столько с целью получения объяснений различных явлений, сколько для предсказания интересующих исследователя явлений. Эти аспекты учитываются в случае использования данного понятия при изучении способов и приёмов развития семантики слова в тексте как основного средства языковой коммуникации.

Под *моделью семантического расширения слова* в тексте понимается структура, объединяющая результаты лексико-семантического, ассоциативного, коммуникативного развития языковой единицы в период порождения и восприятия текста, его смыслового поля.

Голографический принцип, установленный в XX веке и применяемый в изучении текстовых единиц, обосновывается универсальностью использования данной категории в различных научных направлениях (психологии, психиатрии, лингвистики, физики и др.). Его открытие полностью изменило современные представления о реальности, окружающей человека.

Голографические модели семантического расширения слова представляют наиболее частотные лингвокоммуникативные структуры, которые отражают устройство смыслового поля текста, а также вид внутриполевой организации его единиц. В них репрезентируются способы и механизмы развития языка.

В истории лингвистики статус поля определялся по-разному. Во-первых, как прагматическая система оно объединяет классы слов, близких по смысловым признакам, лексико-семантические группы слов, части речи и их грамматические категории и т.д. (Л. Вейсгербер [1927, 1962], О. Духачек [1960, 1967], Г. Ипсен [1942], В. И. Кодухов [1955], А. А. Уфимцева [1961, 1983] и др.). Во-вторых, как синтагматическое явление поле представляет собой классы слов, которые тесно связаны друг с другом по употреблению, но не выступают в одной синтаксической позиции (Г. Мюллер [1957],

В. Порциг [1934, 1957] и др.). В-третьих, с позиции когнитивной категории компонентами поля выступают концепты различной степени абстракции (Н. Н. Болдырев [2001], Н. С. Болотнова [1994, 1998, 2000, 2001, 2003], Е. С. Кубрякова [1997, 2004], И. А. Стернин [1985, 2000] и др.).

Одним из основных достижений в лингвистике стала разработка теоретических основ когнитивного моделирования языковых явлений (А. А. Залевская [1998, 2000, 2005], А. Н. Леонтьев [1983], А. Р. Лурия [1958а, 1979] и др.); в коммуникативной лингвистике – отношения коммуникантов, носителей языка и познающих субъектов (И. С. Бороздина [2011], Т. Ю. Сазонова [2000] и др.); в структурной лингвистике – при описании языка и его отдельных аспектов (фонологических, грамматических, лексических и других систем) для уточнения лингвистических понятий и связей между ними, что помогает выявить структуры, лежащие в основе бесконечного разнообразия языковых явлений (С. В. Пискунова [1999, 2002], И. И. Ревзин [1989], В. Г. Руделев [1979, 2000], Ф. де Сосюр [2007] и др.). Лингвистическое моделирование содержательной стороны языковых категорий способно передать специфику динамических преобразований в семантической структуре слова и текста, их коммуникативном пространстве, что может быть отражено в *голографических единицах* и *их моделях*.

Объект исследования – языковые единицы с продуктивной текстовой реализацией, информационное поле голографической единицы.

Предмет исследования – модели формирования семантики текстовых компонентов, выступающих в качестве голографических единиц.

Актуальность исследования определяется возрастающим интересом учёных гуманитарных научных дисциплин, общественности к проблемам текстовой коммуникации при порождении, восприятии, сохранении различной информации; обусловлена необходимостью дальнейшей разработки антропоцентрического направления в оценке языковых средств, отражающих особенности речевой деятельности языковой личности, а также

выявления статуса многоаспектного информационного поля языковой единицы с продуктивной текстовой реализацией в общеязыковой культуре.

В большинстве своём целям антрополингвистики, функциональной лексикологии, лингвопсихологии, коммуникативной стилистики, культурологии, лексикографии служит описание смыслообразования на уровне слова и текста. Поэтому **актуально** для различных лингвистических направлений с позиции собственных научных теорий, методов и приёмов изучение языковых аспектов на уровне моделирования. Системно-динамические аспекты теории текста и их дальнейшая разработка на базе конкретного описания семантики его единиц способствует поиску новых методов и принципов изучения, установлению возможных условий развития функциональных и смысловых аспектов их организации, что связано с голографическим моделированием, то есть описанием процесса синтеза и анализа, а также функции голографических единиц.

Поле единицы с продуктивной текстовой реализацией необходимо рассматривать в качестве структуры, возникшей на основе коммуникативных представлений человека. Языковые знания человека репрезентируются в лексико-семантическом микрополе голографической единицы через систему лексических значений, а результаты его предметно-познавательной и коммуникативной деятельности – в виде вербализованных ассоциаций в ассоциативном микрополе. Поле голографической единицы обусловлено текстом, то есть имеет статус информационного поля лингвистического и экстралингвистического характера.

Обоснование целесообразности использования полевого подхода к изучению природы голографических текстовых единиц определяется возможностью исследования на данной основе их внутреннего устройства, а также процессов, протекающих в нём и способствующих формированию нового значения.

Изучение лингвистической основы ассоциаций как источника организации семантики слова в тексте связано с дальнейшей разработкой теории альтернативных ресурсов развития современного русского языка. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа средств и способов, стимулирующих ассоциативную природу развития слов в тексте и определяющих её возможную вербализацию в виде развёртывания ассоциативного значения.

Ассоциирование как процесс смыслообразования рассматривается в лингвистике в качестве основного аспекта формирования лексической структуры текста. Научные исследования в этом направлении имеют свои традиции. Первоначально внимание лингвистов было обращено на анализ ассоциативного ресурса слова в узусе (И. И. Бабенко [2001], А. А. Залевская [1971, 2000, 2005, 2008], Ю. Н. Караулов [1989, 1990], С. М. Карпенко [2000, 2001, 2001a], А. П. Клименко [1974, 1975, 1977], А. А. Леонтьев [1969], Г. А. Мартинович [1990], Г. С. Щур [1974] и др.). Затем направление исследований изменило свой вектор в сторону изучения психологических аспектов ассоциативных механизмов мышления (А. А. Залевская [2000, 2005], А. Н. Леонтьев [1983], А. Р. Лурия [1930, 1956, 1958, 1958a, 1979] и др.).

Возрастает интерес к изучению роли ассоциативного принципа в организации картины мира и формированию текстовых ассоциаций, связанных со структурой текста (И. И. Бабенко [2001], Н. С. Болотнова [1998a, 2003], В. А. Ефремов [1998, 1999], С. М. Карпенко [2000, 2001a], Л. А. Климова [2008], М. Ю. Максимов [1975], Е. А. Некрасова [1983], И. А. Пушкарева [1996, 1999], Е. А. Стальмахова [1998] и др.).

В рамках основных направлений теории коммуникативной стилистики текста применяется комплексный подход к анализу ассоциативных связей слов в аспекте коммуникативной деятельности автора и читателя (Н. С. Болотнова [1992, 2001], И. С. Куликова [1988], Т. М. Рогожникова

[1991] и др.). При этом особое внимание уделяется изучению вопросов смыслоформирования и описанию авторской картины мира в тексте (И. И. Бабенко [2001], Н. С. Болотнова [1992, 2003], С. М. Карпенко [2001, 2001a], О. В. Орлова [2000, 2002], И. А. Пушкарева [1996, 1999] и др.).

В опоре на идеи Д. Юма о трёх типах ассоциативных связей (по смежности в пространстве и времени, по причинно-следственной зависимости) появляется возможность сформулировать принципы развития ассоциативных связей, возникающих в информационном поле голографической единицы. В качестве основного аспекта ассоциирования в тексте выделяется процесс вербализации лингвистической природы ассоциаций.

Кроме того, представление языка в виде модельных структур является достаточно перспективным направлением, поскольку способствует систематизации способов его пополнения, обоснованию единой программы в понимании механизмов и действий коммуникативного процесса.

Целью исследования является теоретическое обоснование и разработка семантических моделей слова, имеющих голографическую природу и влияющих на развитие коммуникативной функции русского языка.

Цель исследования определила постановку следующих **задач**:

- 1) представить теоретическое обоснование проблемы исследования;
- 2) обосновать теоретические положения о влиянии текстового расширения семантики слов на формирование лексической подсистемы современного русского языка, также индивидуального словарно-понятийного запаса носителей языка;
- 3) определить понятия «моделирование семантики слова», «голографическая единица», «языковая единица с актуализирующим значением» с учётом процессов смыслообразования на уровне текста;

4) оценить и теоретически обосновать продуктивность семантического текстового развития слов в условиях современной языковой коммуникации;

5) разработать научно обоснованные модели порождения, восприятия и сохранения семантики актуализированных языковых единиц в тексте;

6) разработать теоретические основы лингвистического моделирования и классификации единиц по семантическому признаку;

7) исследовать возможности полевого подхода к изучению структуры и семантики слов с продуктивной текстовой реализацией;

8) выявить закономерности вербализации текстовых ассоциаций в процессе развития семантики голографических единиц;

9) определить основные этапы развития семантики слов в тексте и выявить особенности их моделирования на примере выполняемых функций в русских художественных произведениях.

Основные гипотезы исследования состоят в том, что голографические модели, реализующиеся в процессе семантического расширения лексической системы, отражают смысловое поле текста, внутрислоевую структуру единицы с актуализируемым значением; имеют коммуникативный характер и обусловлены текстом; по своему характеру являются аналитическими.

Теоретической базой исследования выступают следующие теории и идеи:

– *идея семантической и эстетической текстовой трансформации слова* (В. П. Григорьев, Е. И. Диброва, Г. В. Колшанский, С. В. Пискунова, В. Г. Руделев и др.);

– *голографическая теория* (Ю. Островский, М. Талбот, В. С. Burckhardt, R. Collier, K. Pribram, и др.);

– *теория полевого подхода к изучению внутренней организации и значения языковых единиц* (В. Г. Адмони, И. В. Арнольд, Н. Н. Болдырев, А. В. Бондарко, Л. М. Васильев, Е. В. Гулыга, Ю. Н. Караулов, Э. Косериу, Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Ф. де Соссюр, А. А. Уфимцева, Р. М. Фрумкиной, А. Л. Шарандин, Г. С. Щур, G. Ipsen, K. W. Heuse, K. Lewin, R. M. Meyer, W. Porzig, I. Trier и др.);

– *теория типологии (классификации) текстовой информации* (Н. Ф. Алефиренко, М. М. Бахтин, В. С. Виноградов, И. Р. Гальперин, Л. А. Киселева, П. И. Копанев, Л. В. Лисоченко, Р. Г. Пиотровский, Э. П. Шубин и др.);

– *общая теория текста* (И. Р. Гальперин, Н. С. Валгина, К. Н. Дубровина, Ю. М. Лотман, С. В. Пискунова, Г. В. Степанов, З. Я. Тураева, В. Чейф и др.);

– *когнитивный подход к описанию языка и его единиц* (Н. Н. Болдырев, Н. С. Болотнова, А. Вержбицкая, Е. С. Кубрякова и др.);

– *теория ассоциативных возможностей различных категорий* (Дж. Беркли, А. В. Брушлинский, Н. И. Жинкин, Е. А. Сергиенко, М. М. Покровский, А. А. Потебня, Т. А. Ребеко, Д. Юм, G.H. Kent, G. Miller, A. J. Rosanoff и др.);

– *теоретические основы лингвокультурологии* (В. В. Воробьев, В. В. Карасик, В. А. Маслова, В. М. Шаклеин и др.);

– *аксиологическая проблематика, рассматриваемая в рамках текстового аспекта исследования особенностей формирования семантики языковых единиц в художественном тексте* (В. В. Леденева, Т. В. Маркелова, Т.С. Моница, О. Г. Ревзина и др.);

– *теория формирования вербализованных ассоциативных связей и текстовых ассоциаций* (И. И. Бабенко, В. А. Ефремов, Ю. Н. Караулов, С. М. Карпенко, Л. А. Климова, Ю. Н. Кольцова, О. В. Кондрашова, М. Л. Корытная, А. П. Клименко, Л. Ю. Максимов, Г. А. Мартинович,

Е. А. Некрасова, О. В. Орлова, И. А. Пушкарева, Е. А. Стальмахова, Н. В. Уфинцева и др.);

– *теория организации ассоциативного значения слова* (Н. С. Болотнов, А. А. Залевская, А. А. Климкова, В. Н. Телия, J. Deese и др.);

– *аспект моделирования семантики слова в тексте* (О. А. Алимуратов, Н. М. Амосов, К. И. Белоусов, А. А. Веденов, А. Н. Кочергин, И. Т. Фролов и др.).

Научная новизна исследования определяется: 1) осуществлением дальнейшей разработки новых научных подходов к освещению проблемы преобразования текстовой семантики слова с позиции лингвомоделирования и полевого подхода к изучению внутренней структуры текстовой единицы в целях раскрытия диалектических связей между языковыми явлениями и речевой деятельностью коммуникантов; 2) введением новых терминов «языковая единица с продуктивной текстовой реализацией», «голографическая единица», «стимулятор», «информационное поле голографической единицы», «голографическая модель», «процессы первичного и вторичного моделирования текстовой семантики», определением их статуса, функциональной значимости в смыслопорождении слова и текста; 3) целесообразностью применения и развития терминологической значимости и функции голографической теории Р. Кольера, К. Прибама при изучении смыслового поля текста и его единиц; 4) обоснованием принципов голографического устройства семантики языковых единиц с продуктивной текстовой реализацией; 5) выделением двух типов языковых единиц с продуктивной текстовой реализацией: голографическая единица и стимулятор; установлением критериев их дифференциации; представлением структуры и обозначением функций языковых единиц с продуктивной текстовой реализацией; 6) рассмотрением лингвистических основ ассоциаций как альтернативного источника формирования семантики современного русского языка;

7) двуплановостью полевой структуры голографической единицы как вида устройства и как принципа организации её обновлённой семантики; 8) определением принципов моноцентричной организации полевого пространства голографической единицы; обоснованием зависимости видовой и типовой организации поля голографической единицы от характера информации, репрезентируемой ею; 9) выделением специфических закономерностей и определением механизмов развития процессов первичного и вторичного моделирования текстовой семантики голографической единицы; 10) выработкой принципов классификации различных типов и видов голографических моделей семантики, отражающих преобразования в семантической структуре слова и текста.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Слово с актуализируемым в тексте значением обладает *голографической природой* и характеризуется как *голографическая единица* многомерностью значения (возможностью объединять разноплановые по характеру и типу значения слова – исходное семантическое, ассоциативное, понятийное и др.); способностью отражать смысловое поле текста, в котором она употребляется, а также реализовывать отдельно в коммуникативном пространстве русского языка каждое из сформировавшихся в условиях текста значений.

2. *Голографическое моделирование* текстовой семантики слова – это процесс, осуществляемый в результате порождения и восприятия потенциала языковых единиц в сознании участников общения через систему знаков, которые зафиксированы в русском языке или на вербальных материальных носителях, направленных на формирование коммуникативного и семантического пространства слова в связи с его расширением в тексте. К факторам, определяющим *голографическое моделирование*, относятся *актуализация* голографической единицы в тексте при *активизации* возможностей языковых единиц с продуктивной текстовой реализацией.

3. *Внутреннее пространство* голографической единицы представляет *полевую структуру*, которая рассматривается как вид устройства единицы, получающей развитие, и как модель порождения, восприятия и сохранения новой семантики.

4. *Поле голографической единицы* характеризуется моноцентричностью; обладает внутренней ядерно-периферийной структурированностью; представляет собой диверсификационный тип поля.

5. Ассоциативный потенциал текстовых единиц, характеризующийся собственной лингвистической природой в виде лексем, реализуется при организации:

- информационного поля в виде вербализованных ассоциаций, формирующих ассоциативное значение единиц с продуктивной текстовой реализацией, периферийной части поля голографической единицы (ассоциативное микрополе), а также внутривольных имплицитных промежуточных структур (ассоциативный и смешанный виды);

- голографических моделей развития семантики слова в виде уровней (зонально-ярусных) смыслового поля текста (модель «Зонирование структуры текста»), а также в виде ассоциативных доминант текста, формирующих альтернативную структуру в смысловом поле текста (модель «Ассоциативный текст»).

6. *Голографическая модель* развития семантики слова – лингво-коммуникативная структура, которая формируется в период порождения и восприятия носителем языка смыслового пространства текста и представляет систему результатов взаимодействия потенциальных ресурсов единиц с актуализирующим и актуализируемым значениями. По своему характеру голографические модели текстового развития семантики являются аналитическими.

7. *Эскалационный тип* голографических моделей представляет собой линейную структуру. Его развитие ограничено лексико-семантическими

ресурсами текстовых единиц, а формирование осуществляется: на базе пересечения семантики компонентов голографической единицы на основе синонимичности их значений (модель «Информационная петля»); через наложение семантики компонентов голографической единицы на основе одноплановости, разноплановости или оппозиционности выражаемой ими семантики (модели «Двойная сферическая плоскость», «Сфера-1», «Сфера-2»); на базе линейного развертывания синонимичных или оппозиционных лексических цепочек, в состав которых одновременно входят и стимуляторы, и голографическая единица (модели «Информационная цепочка», модели «Двойная информационная цепочка»).

8. Организационный тип голографических моделей развития значения слова реализуется на основе текстового толкования семантики единицы с актуализируемым значением в форме концентрированного предложения-текста. Он представляет собой объёмную структуру, развивающуюся одновременно в нескольких направлениях (лексико-семантическое, содержательное, текстовое и др.). В рамках организационного типа голографических моделей развитие текстовой семантики слова осуществляется в процессе структуризации смыслового поля конкретного текста, в котором оно реализовано (модель «Зонирование структуры текста»), а также в виде ассоциативного развёртывания текста на базе его ассоциативных доминант, в качестве которых выступают ассоциативные значения стимуляторов (модель «Ассоциативный текст»).

9. Художественный текст даёт наиболее полную картину классификаций голографических моделей по их функции в условиях формирования семантики слова.

Теоретическая значимость исследования определяется:

- разработкой принципов общей теории текста;
- углублением семантической теории в применении к текстовым лингвистическим единицам;

- обоснованием и конкретизацией синергетических механизмов смыслообразования на уровне текста;
- вкладом в разработку лингвистической проблемы значения и употребления – виртуальной и актуальной семантики лингвистических единиц; разработкой теоретических положений о влиянии текстового расширения семантики на формирование системы русского языка;
- теоретическим обоснованием продуктивности результатов текстового развития семантики слов на примере анализа художественных произведений различных исторических периодов;
- привнесением в понятийный аппарат общей теории текста понятий «языковая единица с продуктивной текстовой реализацией», «текстовая единица с актуализируемым значением» («голографическая единица»); «текстовая единица с актуализирующим значением»;
- систематизацией общенаучных, дидактических, психологических, лингвистических основ, позволяющих обозначить специфические закономерности формирования семантики слов в тексте;
- разработкой принципов анализа текстовой семантики языковых единиц с позиции лингво моделирования;
- выявлением потенциала ассоциативных связей языковых единиц с продуктивной текстовой реализацией;
- характеристикой механизмов ассоциативного развёртывания семантики единиц с продуктивной текстовой реализацией; конкретизацией некоторых аспектов теории текстовых вербализованных ассоциаций (лингвистическая обусловленность; типология и анализ своеобразия ассоциативных микрополей текстовых единиц; моделирование ассоциативного развёртывания семантики; роль ассоциаций в смысловой интерпретации текста);
- теоретическим обоснованием возможностей построения моделей семантики единиц с продуктивной текстовой реализацией.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечиваются:

1) опорой на общенаучные, лингвистические, психологические теории и идеи, позволившие разработать теорию голографической природы единиц с актуализируемым значением;

2) уточнением положения полевого подхода в изучении внутреннего пространства голографической единицы;

3) комплексным использованием теоретических, эмпирических, диагностических, статистических, дескриптивных методов;

4) опытом научно-педагогической деятельности автора диссертационного исследования в высшем учебном заведении; привлечением к анализу материала носителей русского языка (523 человека), которые интерпретировали значения исследуемых единиц в тексте (220 человек – студенты очной и заочной формы обучения Мичуринского государственного педагогического института (факультет начальных классов и факультет биологии), 303 человека – студенты Мичуринского государственного аграрного университета (социально-гуманитарного, инженерного факультетов и Плодоовощного института).

Методы исследования. Для реализации целей и задач исследования, проверки гипотезы и обоснования вынесенных на защиту положений применялись:

1) функциональный метод (разработка и интерпретация основных направлений теории внутрисловоупотребительской организации языковой единицы с продуктивной текстовой реализацией, а также теории моделирования текстовой семантики слова);

2) описательный метод (сбор, обработка и интерпретация материала); эмпирические методы (разработка практических моделей, определяющих принципы формирования текстовой семантики слова);

3) диагностические методы (наблюдение в ходе проведения эксперимента по выявлению условий и особенностей развития содержательных возможностей голографической единицы);

4) статистические методы (математическая обработка полученных данных);

5) экспериментальные методы (выявление приёмов порождения семантики слова в тексте, вне его границ и в рамках словарной дефиниции);

6) дескриптивные методы (описание и вербальная фиксация полученных результатов);

7) метод моделирования внутренней организации семантики слова в тексте.

При анализе семантического устройства слова и текста использовался прием конструирования голографических моделей, полевой организации единиц и отражение результатов анализа в виде схем и таблиц.

Практическая значимость исследования состоит в том, что на основе результатов анализа художественных текстов определено состояние современного русского языка, выработаны концепции его дальнейшего развития в научной практике, а также предложены направления, позволяющие оценить продуктивность текстовых единиц различного типа. Описана голографическая природа языковой единицы с продуктивной текстовой реализацией и определены критерии формирования ассоциативного значения голографической единицы в ее текстовой семантике. Выявление структурных особенностей внутриполевого устройства единицы с актуализируемым значением позволяет рассмотреть принципы семантической организации различных типов, видов и жанров русских произведений. Проведение научно-лингвистического эксперимента, связанного с выявлением порождения и восприятия слова в современной речевой коммуникации, позволяет дополнить содержание словарей различного типа.

Разработанные и апробированные материалы могут быть внедрены в практику преподавания в вузе при изучении курсов «Русский язык», «Стилистика русского языка», «Коммуникативная лингвистика», «Интерпретация текста», «Лингвистический анализ художественного текста», «Лингвопедагогика» и др.; вносят определенный вклад в обогащение теоретических основ спецкурсов «Лингвомоделирование», «Теория текста», «Композиционная семантика текста», «Коммуникативная стилистика», «Функциональная лексикология», могут быть использованы при изучении русского языка и литературе средней школе; а также дополняют содержание словарей разного типа.

Материалом исследования послужили произведения современной русской литературы (М. Булгаков, А. И. Солженицын, В. Аксенов, М. Веллер, С. Минаев, Т. Толстая и других), а также лексикографические источники.

Апробация исследования: основное содержание диссертационной работы изложено в 68 публикациях общим объёмом 45 п.л., из них: 2 монографии, 15 статей в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ, а также нашло отражение в выступлениях на следующих региональных, общероссийских и международных конференциях: Вторая региональная конференция «Язык и общение» (Мичуринск, октябрь 2005 г.); Международная научная конференция «Аспекты исследования языковых единиц и категорий в русистике XXI века» (Мичуринск, ноябрь 2007 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы преподавания русского языка в школе и вузе» (Мичуринск, май 2007 г.); научно-практическая конференция «Информационное пространство современной науки» (г. Чебоксары, февраль 2010 г., март 2011 г.); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Актуальные проблемы современной науки образования. Филологические науки» (г. Уфа, февраль 2010 г.);

Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы современной науки» (г. Таганрог, сентябрь 2010 г.); Международная научно-практическая конференция «Проблемы гуманитарных и социальных наук в современном мире» (г. Липецк, март 2010 г.); Международная научная конференция «Язык и общество в зеркале культуры» (г. Астрахань, октябрь 2010 г.); Международная научная конференция «Язык как система и деятельность-2» (г. Ростов-на-Дону, октябрь 2010 г.); I Международная практическая конференция «Современная наука: теория и практика» (г. Ставрополь, ноябрь 2010 г.); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Текст как единица филологической интерпретации» (г. Куйбышев, апрель 2011 г.); Международная научная конференция «Экология языка и речи» (г. Тамбов, ноябрь 2011 г.); Международная научная конференция «Славянский мир: духовные традиции и словесность» (Тамбов, май 2011 г., май 2012 г.); региональная научная конференция «Русистика XXI века: традиции и тенденции» (г. Мичуринск, май 2012 г.); Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы филологических наук» (Украина, г. Одесса, октябрь 2012 г.); Всероссийская научная конференция «Жизнь языка. Жизнь в языке» (г. Липецк, март 2013 г.); Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы филологии» (Украина, г. Ивано-Франковск, ноябрь 2013 г.); II Всероссийская научно-практическая интернет-конференция «Роль языка и литературы в духовно-нравственном воспитании личности» (г. Мичуринск, апрель, 2014 г.); Международная научная конференция «Основные тенденции развития русского и других славянских языков в современном мире» (Словакия, г. Трнава, май 2014 г.); I Международная научная конференция «Лингвокультурные феномены в коммуникативном пространстве полиэтнического региона» (г. Ростов-на-Дону, ноябрь 2014 г.); Международная научно-практическая конференция «Наука и образование в

XXI веке» (г. Тамбов, октябрь 2014 г.); V Международный конгресс «Русская словесность в мировом культурном контексте» (г. Москва, Региональный общественный гуманитарный фонд содействия изучению жизни и творчества Ф. М. Достоевского, декабрь 2014 г.); научно-методическая конференция «Гуманитарные науки и православная культура (г. Москва, апрель, 2014 г.).

Опыт внедрения результатов исследования в практику обучения обсуждался на заседаниях кафедры филологических дисциплин и методики их преподавания Мичуринского государственного аграрного университета, на кафедре общественных связей Сибирского государственного аэрокосмического университета им. акад. М. Ф. Решетнева (г. Красноярск), на кафедре «Русская филология» (гуманитарная) Тамбовского государственного технического университета, на кафедре русистики Университета Святых Кирилла и Мефодия (Словакия, г. Трнава), на кафедре гуманитарных, экономических и социальных дисциплин Липецкого филиала Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, в Научно-исследовательском центре Международного исследовательского института (Россия, г. Москва).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы (336 ед.), списка сокращений, списка источников фактического материала, приложения, в котором представлены материалы опытной проверки валидности результатов диссертационного исследования. Работа иллюстрирована схемами и таблицами. Общий объём – 496 с.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГОЛОГРАФИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ: СЕМАНТИКА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ТЕКСТА

§ 1. Голографическая природа единицы с продуктивной текстовой реализацией

В современных условиях развития языка особое внимание лингвисты уделяют изучению особенностей организации текста, а также системы его внутренних и внешних ресурсов. Этот интерес связан с несколькими факторами: расширяется само понятие «текст», изменяются функции и условия его возникновения, особым образом преобразуется система его единиц.

Следует отметить, что в последнее время возрастает интерес учёных к проблеме семантической и эстетической текстовой трансформации слова, в результате которой отмечается расширение его информационного содержания [Акулинина (Мачихина) 2009, 2011; Беспалова 2006; Болотнова 1994, 2001; Бычкова 2004; Леденёва 2004, 2014; Петрова 2011, Рацибурская 2010; Руделёв 2002; Шарандин 2002 и др.]. Данный процесс связан с актуализацией лексико-ассоциативных, грамматических, логических ресурсов текстовых единиц; отличается вариативностью, динамичностью, что во многом определяется языковым и социальным опытом коммуникантов.

В процессе семантической и эстетической текстовой трансформации слова оказывается задействованной система языковых единиц, характеризующихся высокой степенью текстовой функции. *Языковая единица с продуктивной текстовой реализацией* представляет собой

компонент системы (слово, элемент нового предложения, предложение, элемент нового словосочетания, часть текста и т.д.), который либо участвует в моделировании значения конкретной единицы, либо получает собственное развитие за счет других. В первом случае языковая единица стимулирует расширение текстовой семантики на основе лексико-ассоциативных связей. Такую единицу можно назвать *единицей-стимулятором или текстовой единицей с актуализирующим значением*. Она в большей степени обладает информационным потенциалом, который может послужить источником как её развития, так и развития других единиц. Во втором случае единица обладает актуализируемым значением и, по сути, имеет голографическую природу. То есть помимо того, что данные единицы реализуются в тексте, определяя его семантическую структуру, они выполняют и другую важную функцию – участвуют в процессе актуализации и развития нового текстового содержания, а также функционального коммуникативного значения.

В связи с этим понятие текстовой единицы выносится за пределы традиционного дифференцированного понимания: они не систематизируются по характеру или типу выражаемой семантики, способу образования, виду текстовой организации, в котором они функционируют, то есть выявляются общие тенденции развития их значения в условиях, определяемых самим текстом или его ресурсами. При этом указанные типы единиц могут быть реализованы по отношению ко всем установленным в современной отечественной лингвистике классификационным типам компонентов текста: *поэтемам* [Руделев 1979], *экспрессемам* [Григорьев 1979], *блокам и текстемам* [Колшанский 1984], *композиатам* [Диброва 1999], *текстовым единицам различного типа* [Пискунова 2002]. В данном случае определяется их роль через систему развития семантического и ассоциативного потенциала текста в условиях современной языковой коммуникации.

Для того чтобы теоретически обосновать наличие голографической природы у текстовой единицы с актуализируемым значением, необходимо

проанализировать особенности возникновения, выявить формы существования данного семантического явления, сложность которого можно отразить с использованием опыта моделирования оптического процесса, дифференцируемого в результаты исследования различных отраслей фундаментальных наук, и установить их общие закономерности, позволяющие рассмотреть эти понятия как единую функциональную языковую систему.

На протяжении XX века проблема *голографической модели, голографического принципа* всего живого активно исследуется в психологии и психиатрии. По мнению российских и западных учёных, по своей значимости данные понятия выходят за рамки этих научных направлений, полностью переверачивая современные представления о реальности, окружающей человека (язык, как известно, является её частью) [Арбиб 1976; Кольер 1973; Прибрам 1975; Талбот 2004; Penfield 1975; Pribram 1977].

Теории, предсказавшие появление голограммы, в 1977 году впервые сформулировал Д. Табор. Однако намного раньше (в 1948 году) этот английский учёный предложил метод записи и восстановления волнового фронта, который назвал голографией (от греч. *holos* – весь, полный и *grapho* – пишу, черчу, рисую). Им же был введён термин *голограмма*.

Голография возникла на базе двух технических наук: оптики и радиотехники. В оптике наблюдают и изучают законы прохождения пространственных спектров и образов объектов через оптические тракты. В радиотехнике исследуют законы прохождения временных сигналов через радиотехнические тракты. Активное развитие голографии началось с 1962–1963 года с появлением лазеров, обеспечивающих возможность получения особого вида излучения, необходимого для записи голограмм. Вскоре данное понятие стало популярным не только среди узкого круга специалистов в данной области, но и для исследователей различных областей естествознания.

Принцип создания оптической голограммы прост: одиночный луч лазера, расщепляясь на два отдельных луча, создает голограмму. Первый сформировавшийся луч отражается от фотографируемого объекта. После этого второй луч сталкивается с отраженным светом первого. При этом они создают особый тип изображения (интерференционный), которое фиксируется на пленке. Для невооруженного глаза получившаяся картинка не похожа на фотографируемый объект. Ситуация меняется, когда луч другого лазера попадает на пленку – возникает трехмерное изображение первоначального объекта. Оно выглядит удивительно реально, его можно увидеть под разными углами. Однако дотронуться до такого изображения невозможно – рука пройдет через воздух. Трёхмерность, по мнению ряда ученых, не является единственным уникальным свойством голограммы [Залевская 2005; Кольер 1973; Островский 1970; Талбот 2004; Pribram 1969].

Особенно интересными по данной проблеме представляются исследования выдающегося специалиста в области квантовой физики К. Прибрама. В книге «Языки мозга» [Прибрам 1975], посвященной изучению природных особенностей голограммы, он описывает научный эксперимент с голографическим изображением яблока, которое сначала разрезали на две половины, а затем осветили лазером. Каждая сформировавшаяся часть содержала целое изображение яблока. При дальнейшем подобном делении эффект устойчиво сохранялся. Ученый выявляет еще одно свойство голограммы: любая ее часть содержит всю информацию целого. А для этого, по мнению К. Прибрама, в самой голограмме изначально должна быть заложена фантастическая способность к хранению информации. Следует отметить, обнаружившийся факт в дальнейшем позволил ему доказать, что мозг человека представляет собой голограмму, а в основе памяти и зрения как его функции лежит голографический принцип.

У гипотезы о феноменальном свойстве «резервирования» информации нашлось достаточно последователей. Так, в начале 70-х годов XX века

американский ученый Р. Кольер, занимающийся вопросами применимости голографической гипотезы к рассмотрению различных аспектов деятельности мозга человека, систематизирует накопленный научный материал и разрабатывает более детальную описательную систему природных особенностей голограммы [Колер 1973]. Им был установлен, а также теоретически и практически обоснован метод записи и хранения большого количества изображений на одной и той же поверхности. Суть его заключалась в следующем: при изменении угла лазерного облучения кусочков фотопленки реализуется возможность многократной фиксации информации на одном участке. Благодаря этому любое записанное таким образом изображение может быть восстановлено простым освещением пленки лазером, направленным под тем же углом, под которым первоначально находились два луча. Используя данный метод, американские коллеги Р. Кольера установили, что на одном квадратном сантиметре пленки размещается по объему столько же информации, сколько содержится в десяти Библиях [Collier 1971].

Подтверждая положение о голографической сущности мозга, американский ученый М. Талбот приходит к выводу о том, что между голографической моделью и ассоциативной памятью человека прослеживается определенная взаимосвязь: вкусовые ощущения и предметные изображения вдруг могут вызвать у человека образы из прошлого. Существование подобной связи объясняет, «почему некоторые объекты вызывают у нас специфические воспоминания» [Талбот, 2004: 35]. Следовательно, ассоциативная память в системе голографической модели выполняет особую, порождающую функцию.

В языкознании введение термина *голограмма* было теоретически обосновано в научных трудах по психолингвистике, связанных с изучением лексикона человека [Ахутина 1983; Залевская 1990, 2005; Леонтьев 1983; Мартинович 1989]. В них теоретические представления о лексиконе как

многоярусной системе объемных, полифункциональных, пересекающихся полей согласуется с голографической гипотезой кодирования и считывания информации. Это позволяет определить голограмму в аспекте лингвистической теории как текстовую единицу, которая функционально предназначена для порождения и восприятия различного типа семантики в условиях современной языковой коммуникации. Обладая значительным содержательно-смысловым, лингвистическим потенциалом, она способна трансформировать объём собственного значения не только на базе собственных, но и чужих ресурсов (в частности, системы стимуляторов), составляющих смысловое поле конкретного текста. Реальность данного явления подтверждают исследования в области определения многоаспектного информационного содержания слова и текста с использованием понятия текстовых единиц С. В. Пискуновой [Пискунова 2002] и её учеников [Левина 2011, Назарова 2014 и др.].

Текстовая единица с актуализируемым значением имеет голографическую природу. Репрезентируемое ею значение многомерно: его можно наблюдать на лексическом, понятийном и ассоциативном уровнях. Так же как интерференционное изображение, попадая под луч другого лазера и создавая трёхмерное изображение, текстовая голографическая единица актуализирует своё значение под влиянием единиц стимуляторов, развиваясь в лексическом, понятийном и ассоциативном направлениях. Данную особенность формирования *текстовой единицы с актуализируемым значением* можно проанализировать на следующем примере:

*Заседание кафедры было долгое, нудное. Докладывала я неудачно. Энэн спал, а потом нёс обычную **невнятицу**. Когда он говорит, остаётся впечатление, будто кто-то при тебе чешет правой ногой левое ухо* (И. Грекова «Кафедра»).

В данном тексте при участии стимуляторов *долгое, нудное, неудачно, нёс, чешет правой ногой левое ухо* значение голографической единицы

невнятица («что-либо невразумительное, непонятное» [ССРЛЯ, Т. 7, 1958: 750]) одновременно развивается в нескольких направлениях:

1) *лексическое значение*: стимулятор *нести*, имеющий следующее значение: «говорить, болтать что-либо неразумное, вздорное» [ССРЛЯ, Т. 7, 1958: 1198], «говорить (что-нибудь пустое; разг.)» [Ожегов, 1988: 331], наращивает значение исследуемой единицы, усиливая в её семантике признак «бесполезности, бессмысленности чего-либо по сути», в языковой единице **невнятица** изначально развивается коннотационная оценка, показателем которой выступает аффикс *-иц-* «ненужная суэта»;

2) *ассоциативное значение* развивается в нескольких аспектах: «процесс бесполезный, не имеющий должного эффекта» (при участии стимуляторов *долгое, нудное, неудачно, нёс, чешет правой ногой левое ухо*); «различимый шум, шумовой диссонанс на уровне восприятия информации» (из-за внешних факторов при участии стимуляторов *чешет* – «шум, шорох, нарушающий тишину, улавливаемых ухом» (ср.: собака чешет); *спал* – «после сна от длительного молчания садится голос, в нём преобладают шумы»);

3) *коммуникативный аспект*: сложилась невыносимая служебная ситуация, в которой создается атмосфера безразличия к происходящему. В этом случае профессиональная реализация человека невозможна.

С учётом данных типов значений формируется текстовая семантика голографической единицы **невнятица**.

Любая *голографическая единица* или её часть отображает практически всё смысловое поле текста, вбирая и систематизируя значение сразу нескольких единиц, реализованных в нём. Данная ситуация осуществляется, когда в качестве стимуляторов выступают практически все единицы, реализующиеся в тексте. Актуализированная таким образом семантика голографической единицы будет не только отражать смысловое поле текста, но и трансформировать его (описанию данного положения посвящена глава

III § 3 «*Организационный тип голографической модели “Каркасная трансформация текстового пространства”*»).

Во внутреннем пространстве (поле) голографической единицы одновременно может развиваться несколько значений, которые в дальнейшем способны реализоваться по отдельности; то есть в поле текстовой единицы с актуализируемым содержанием фиксируется несколько видов информации, но в определенных текстовых ситуациях востребованным оказывается только один из них. Очевидно, что возможности архивирования у физической оптической голограммы определяются особым методом записи изображения на фотопленке при изменении угла облучения лазером; у текстовой единицы с актуализируемым значением эта способность к информационному хранению непосредственно связана с особенностями структуры её поля и условиями восприятия коммуникантами (подробно особенности внутреннего устройства голографической единицы рассматриваются в главе I § 4 «*Полевое устройство текстовой голографической единицы – модель порождения, восприятия и сохранения новой семантики*»).

Информационное поле текстовой голографической единицы состоит из нескольких ярусов, в которых дифференцированно, то есть в зависимости от типа, фиксируются значения различного вида. В установленных коммуникативных ситуациях, в том числе, в процессе говорения, чтения, при изменении психологической установки человека извлекается определенное, востребованное содержание указанной голографической единицы.

При восприятии оптической голограммы значительная роль отводится ассоциативной памяти человека. В своём сознании он «достраивает» недостающие участки голографического изображения, опираясь на имеющуюся систему индивидуальных ассоциаций, и делает его объёмным.

В процессе формирования значения текстовой единицы особая функция возлагается на *систему ассоциативных аналогий и реакций*. Она

возникает в результате взаимодействия: 1) голографической единицы со стимуляторами или 2) компонентов голографической единицы с уже реализовавшимися в языке самостоятельными словами и их фонетическими, морфемными или семантическими элементами.

Развитие голографической единицы непосредственно связано с таким понятием, как ассоциативная память, которая в условиях текста функционирует в виде ассоциативного микрополя. В его пространстве возникают *внутрисловные и межсловные связи* (их изучению посвящена глава II § 3 «*Вербализованные ассоциативные связи как основной элемент развития периферийной зоны информационного поля*»).

Признание текста в качестве единицы языковой коммуникации, которая, по мнению Б. Г. Ананьева, как «продукт особого рода интеллектуально-мыслительной активности направлена на организацию смысловой информации для общения» [Ананьев, 1997: 202], позволяет определить единицу с актуализируемым значением как коммуникативную. Данное положение объясняется следующим: *голографическая единица и стимуляторы*, являясь единицами языка как системы, выступают в качестве средства, которое человек извлекает из языка и применяет в процессе коммуникативно-познавательной деятельности. Реализуясь в условиях текста, в котором изначально содержится образ деятельности по его порождению, они определенным образом трактуют смысловую информацию текста. Данный процесс обусловлен уровнем знания участников общения правил языковой комбинаторики, а также стремлением реализовать коммуникативно-познавательные задачи.

Голографические единицы по происхождению представляют собой как общеизвестные слова, не имеющие конкретного автора, так и индивидуально-авторские конструкции. Под *индивидуально-авторской конструкцией* понимается именно текстовая единица (слово или словосочетание) авторского происхождения, созданная по неизвестной или

знакомой модели, наделенная дополнительным или новым значением, экспрессивностью или эмоциональностью; её появление может осознаваться или быть спонтанным. Такие структуры обладают особой информационной, коммуникативной значимостью, а также перспективой участия в смысловом расширении авторских произведений и системы в целом. Имея дело с такими необычными конструкциями, трудно однозначно определить их мотивирующую семантическую основу, в связи с чем существенно возрастает роль стимуляторов, которые принимают участие в процессе развития значения голографической единицы. Особенности структуры данного вида единиц можно рассмотреть на следующем примере:

Верочка – как отлитая, и в ее повседневной уютности-полунебрежности, и в момент объяснения – каждый жест и поступок, и «придушенный от волнения голос» (А. И. Солженицын «Окунаясь в Чехова»).

Единица **уютность-полунебрежность** представляет собой сложную по структуре единицу авторского словотворчества А. И. Солженицына. По своему происхождению она является нестандартной индивидуально-авторской конструкцией, поэтому следует обратиться к анализу значений компонентов данной голографической единицы по данным толковых словарей: **уютность** – «свойство уютного» [Даль, Т. 4, 2003: 530; Ефремова. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova> (дата обращения: 10.10.2010); ССРЛЯ, Т. 16: 1184]; **полунебрежность** – «некая неряшливость; небольшая халатность в чем-либо».

Особенность индивидуально-авторской конструкции **уютность-полунебрежность** заключается в том, что оба компонента сложного образования являются отвлеченными существительными. Однако вторая часть слова представляет собой оттенок признака того явления, которое выражено в первой части. Указанный составной элемент – **полунебрежность** с точки зрения семантики и формообразования не

относится к классу прилагательных, но, реализуясь в данном контексте, приобретает его признаки.

Стимулятор *повседневный* актуализирует значение исследуемого слова: на второй компонент голографической единицы **уютность-полунебрежность** переходит часть его семантики (ср.: *повседневный* – «*постоянный, каждодневный; обычный*» [Лопатин, 2001: 478]). Поэтому текстовая семантика голографической единицы **уютность-полунебрежность** развивается следующим образом: «комфортность, представляющая собой ежедневную обыденность» (см. с. 427 *Приложения*). Это внутреннее качество человека, проявляющееся в пограничном состоянии между легким душевным беспорядком или смятением и спокойствием.

Голографические единицы, представляющие собой общеизвестные слова, функционируют в тексте, развивая свой потенциал. Они трансформируют значение следующим образом:

*Олег Иванович был широкоплеч, **широкоскул**, пышные усы, а размер его руки просто шокировал меня* (В. Аксенов «Ожог»).

Семантика индивидуально-авторской единицы **широкоскулый** формируется на основе значений её компонентов: **широкий** – «большой в ширину» [Лопатин, 2001: 843]; «имеющий большую протяженность, размер» [ССРЛЯ, Т. 17, 1965: 411]; **скула** – «одна из парных лицевых костей черепа ниже глазницы под верхней челюстью, а также соответствующая часть лица» [ССРЛЯ, Т. 13, 1965: 1089]; **широкоскулый** – «имеющий широкие, выдающиеся скулы» [ССРЛЯ, Т. 17, 1965: 1422].

В тексте слово **широкоскулый** выступает в качестве голографической единицы: её значение трансформируется. При этом расширяется общий семантический объём данной единицы. Признак значительной размерности является в данном контексте доминантным. Семантически это выражается при помощи стимуляторов *широкоплечий* (с компонентом – *широкий*), *пышные усы*, а также тех стимуляторов, для которых указанный признак

является ассоциативно приобретенным (*размер руки просто шокировал*). Ср.: *широкоплечий* – «имеющий широкие плечи» [ССРЛЯ, Т. 17, 1962: 1422]; *пышный* – «мягкий, пухлый, рыхлый и легкий; с густой, пушистой шерстью, волосами и т.п.» [ССРЛЯ, Т. 11, 1961: 1422]; то есть *пышные усы* – густой и, следовательно, объёмный волосяной покров над верхней губой, челюстью.

Ассоциативно признаки «большая размерность», «объёмность» фиксируются всеми стимуляторами (ср.: *широкоплечий* – мощный плечевой пояс; верхняя часть тела развита физически (см. с. 425 *Приложения*); *пышные усы* – рыхлый, то есть объёмный, большой; объёмная «растительность» на лице (см. с. 425 *Приложения*); *размер руки просто шокировал* – смущает, как правило, что-то неординарное (см. с. 425 *Приложения*), то, что выходит за рамки стандартов, в частности, значительный размер верхней конечности человека). Возникает образ человека с крупным лицом. Стимуляторы ассоциативно поддерживают данное информационное направление в семантике – части его тела также обладают масштабностью.

Следовательно, семантика текстовой голографической единицы *широкоскулый* имеет следующий вид: «обладающий крупным лицом с мощными и хорошо развитыми скулами» (см. с. 426 *Приложения*).

Таким образом, использование голографической единицы при определении семантического объёма слова в формировании содержания текста и его функции в коммуникативном речевом процессе позволяет определить, что голографическая единица представляет собой уникальную модель для понимания значений, реализующихся в условиях текста, а способы её развития определяются особенностями языкового сознания языковой личности.

§ 2. Функциональная значимость текстовых единиц-стимуляторов

Стимуляторы принимают активное участие в формировании текстовой семантики в двух направлениях: выступают в качестве «проводника» репрезентированного при помощи собственных ресурсов содержания голографической единицы, либо раскрывают, дополняют, иногда и полностью трансформируют известное, закреплённое в словарях значение. В условиях моделирования текстовой семантики стимуляторы способны выполнять *констатирующую* и *развивающую* функции.

В первом случае стимуляторы подтверждают правильность направления семантического расширения, реализующегося во внутреннем пространстве определенной единицы. Актуализируя только общую понятийную сторону, они непосредственно не участвуют в процессе трансформации значения самой голографической единицы. При этом собственные лексические возможности стимуляторов оказываются невостребованными. Соответственно их информационную активность в тексте можно считать потенциальной [Пискунова 2002].

Развивающая функция, выполняемая стимуляторами в процессе актуализации значения голографической единицы, характеризуется динамичностью. В этом случае активность таких единиц значительно возрастает, так как именно они организуют процесс моделирования расширенного содержания определенной леммы путем структурирования смыслового пространства текста, в котором она функционирует: его зонирование, создание информационных цепочек и концентрированных предложений-текстов. Смысловое поле текста реорганизуется в соответствии с лексическими, ассоциативными, коммуникативными возможностями, направленными на расширение значения одной из его единиц, поэтому необходимо выявить условия и механизмы действия стимуляторов в процессе моделирования текстовой семантики слова.

Поле *текстовой единицы с актуализируемым значением* развивается при помощи последовательно соединенных информационных участков – цепочек, состоящих из некоторого числа стимуляторов и голографической единицы. Их семантика разворачивается в одной плоскости в ряд или ряды. При этом созданное пространство «растягивается» в единый семантический участок. Между *единицами с актуализирующим значением* устанавливается определенная связь: они дополняют друг друга, не вторгаясь в границы чужих семантических пространств. Однако, выражая близкие или параллельно сосуществующие понятия, признаки, каждая из них в отдельности развивает в поле голографической единицы лишь то содержание, которое в нём сконцентрировано в наибольшей степени. Именно такое значение становится доминантным в определенных условиях заданной текстовой ситуации.

При создании информационных цепочек возникающие между стимуляторами и голографической единицей отношения носят парадигматический характер. В этом случае указанные текстовые единицы могут построить одну или несколько информационных цепочек, в рамках которых через лексико-семантическое или ассоциативное толкование каждого их элемента расширяется пространство поля голографической единицы.

Стимуляторы, организующие однофазную цепочку, вовлекают единицу с актуализируемым содержанием в систему противительных отношений. На первый взгляд, это – контекстуальные антонимы. Однако стимуляторы выполняют более сложную лексико-семантическую задачу: репрезентируя противоположные значения, они по-новому моделируют внутреннее пространство голографической единицы, кардинально изменяя его характер. Первичное положительное содержание трансформируется в отрицательное или наоборот, нейтральное – в эмоционально окрашенное и т.д.

Стимуляторы выстраивают информационную цепочку на основе ассоциативных соответствий, потому что лексической близости между ними,

как правило, не существует. При этом каждая подобная текстовая единица действует как бы от «обратного» и находит именно таким образом общие семантические области в их содержании.

Структурно голографическая единица в такой цепочке занимает *ядерное*, информационно значимое положение. Стимуляторы, выступающие в качестве оппозитов, организуют *периферийную зону*, из которой к центру поэтапно от единицы к единице происходит наращение, усиление определенного значения или трансформация его семантического характера. Именно во внутреннем пространстве голографической единицы, представленной в виде полевой структуры, такое актуализированное содержание достигает наибольшей концентрации и благодаря этому закрепляется. Такое комплексное расширение связано с принципом последовательного семантического развития текстовых единиц всей цепочки (детальному изучению особенностей данного типа взаимодействия текстовых единиц в процессе формирования новой семантики слова посвящена глава III § 2 «*Эскалационный тип голографической модели “Линейное структурирование внутреннего пространства текстовой голографической единицы”*»).

Более сложные отношения развиваются при структурировании смыслового поля текста в виде многоуровневых информационных участков. Лексические оппозиции возникают между линейно организованными информационными цепочками, в состав которых входят текстовые единицы. В первой цепочке, включающей в свой состав саму голографическую единицу, репрезентируется синонимичное или ассоциативно схожее (близкое) ей содержание. Во второй цепочке стимуляторы моделируют иное, противоположное значение. В результате сложившихся отношений может актуализироваться как положительное содержание, синонимичное, изначально заложенное во внутреннем пространстве голографической единицы, но несколько информационно расширенное в данных условиях, так и противоположное, антонимичное, то есть кардинально изменённое.

Достаточно часто при актуализации значения голографической единицы несколько текстовых единиц зонировуют смысловое поле текста в соответствии с горизонтальной и вертикальной плоскостями, которые отражают связи между его элементами. В результате этого процесса создается своеобразный каркас смыслового поля текста, в центре которого развивается новая семантика определенного слова. Количество зонированных участков зависит от семантических возможностей конкретного текста.

В условиях вертикального семантико-ассоциативного взаимодействия текстовые единицы в структуре собственных значений определяют общие зоны соответствий и аналогий. На основе именно этих ресурсов актуализируется значение голографической единицы. Подобное развитие осуществляется в одном семантическом направлении.

Внутри каждой зоны отношения между стимуляторами строятся на базе своеобразного семантического или ассоциативного включения. При таком взаимодействии объём их информационного содержания значительно увеличивается вследствие того, что значение одной текстовой единицы частично «вкладывается» в значение другой. Возможность такого взаимодействия реализуется за счет способностей стимуляторов репрезентировать несколько типов значения, каждый из которых оказывается востребованным и реализованным в условиях смыслового поля конкретного текста.

В каждой зоне границы семантического пространства соседствующих стимуляторов, представленных совокупностью выражаемых ими значений, как бы разрываются, частично впуская в свое пространство определенную информацию, которая активно накапливается. При этом значения стимуляторов не пересекаются, так как области их пересечения отсутствуют. Между данными единицами устанавливаются отношения включения: определенный участок значения стимулятора вторгается в пределы чужого,

развивая его пространство в определенном направлении. Вектор текстового развития направлен вертикально вниз.

Смоделированное таким образом значение, как правило, носит описательный характер, который определяется факторами, организующими его в условиях текста. Например, система ассоциативных аналогий и семантических соответствий по своей природе не может репрезентировать близкие или конкретные значения.

Графически этот процесс представлен следующим образом (рис. 1):

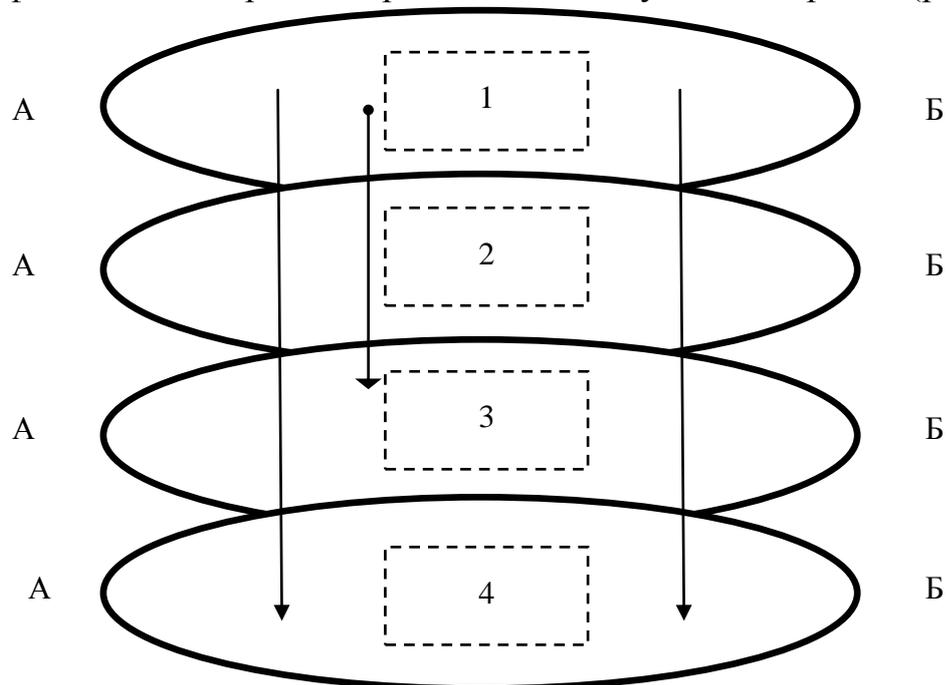

Рис. 1. Схема механизмов действия стимуляторов в процессе моделирования текстовой семантики голографической единицы:

1–4 – семантическое пространство единиц-стимуляторов; ↓ – направление информационного развития; А, Б – информационная цепочка

При одновременном горизонтальном и вертикальном взаимодействии стимуляторы, развивающие значение голографической единицы, ведут себя иначе. Они выстраивают информационный каркас смыслового поля текста в двух направлениях. В условиях горизонтального развития стимуляторы организуют семантические ярусы, внутри которых устанавливаются

оппозиционные отношения. На границе положительного и отрицательного содержания устанавливаются семантические диапазоны, в рамках которых будет расширяться значение голографической единицы. Вне этих пределов процесс развития её семантики не реализуется.

На основе подобного противопоставления в наибольшей степени развиваются лексико-семантические возможности текстовых единиц; определяемые ими понятия, признаки, свойства рассматриваются с разных позиций. Например, указываются крайние точки их выражения, устраняется все лишнее и незначительное, достигается определенный информационный максимум, в котором концентрируется новое значение голографической единицы.

При вертикальном развитии стимуляторы организуют зоны на базе отношений включения. Каждый её элемент дополняет значение последующего и развивает только один из семантических участков. В нём, как правило, определяется понятие, какой-то признак, свойство. При этом вся система лексических значений, формирующая конкретную текстовую единицу, остается не вовлеченной в этот процесс.

Внутри каждого вертикального информационного участка между стимуляторами устанавливаются квазисинонимичные отношения. В результате этого существенно увеличивается информационный потенциал смыслового поля текста, а также более динамично осуществляется *актуализация голографической единицы*, под которой понимается процесс маркирования коммуникантом её внутреннего потенциала в смысловом поле конкретного текста в целях его дальнейшего развития. При этом репрезентируется дополнительная система семантически связанных друг с другом значений, позволяющих охарактеризовать или оценить ту информацию, которая уже зафиксирована. Данный процесс осуществляется на основе привлечения значительного числа содержательно-смысловых ресурсов текстовых единиц.

При ярусном и зональном взаимодействии стимуляторов в силу разноплановости значений и условий их саморазвития активизируется система ассоциативных отношений. Именно этот фактор является функционально доминантным при формировании значения голографической единицы. Объединить столь обширную лексико-семантическую базу, организованную на основе взаимодействия единиц с актуализирующим значением, без участия в этом процессе ассоциативных представлений и аналогий, спровоцированных условиями текста, невозможно.

В тексте возникающая ассоциативная близость между значениями стимуляторов может быть реализована на основе «приписывания» им выражаемого или подразумеваемого значения, которое приводит к общему информационному результату – в итоге репрезентируется общее значение. При зонировании смыслового поля текста стимуляторы, выражая в вертикальном семантическом направлении однотипные или близкие понятия, дополняют значения друг друга определенным ассоциативно общим содержанием. Более подробно процессы зонально-уровневой организации рассматриваются при анализе голографической модели семантики *«Зонирование структуры текста»* (этому посвящено содержание главы III § 3 *«Организационный тип голографической модели “Каркасная трансформация текстового пространства”»*).

Участие стимуляторов в процессе, направленном на актуализацию и дальнейшее развитие семантики голографической единицы, связано с особенностями текстовой архитектуры, когда система внутреннего устройства, организованная в виде зон или участков, самостоятельно определяет новое направление в моделировании значения определенной единицы.

Следовательно, через систему стимуляторов смысловая структура текста оказывается задействованной в полном объеме в данном процессе, поскольку выделяемые в ней в вертикальной и горизонтальной плоскости

информационные участки вступают в семантико-ассоциативное взаимодействие и определяют значение голографической единицы.

Особенности участия стимуляторов в моделировании текстовой семантики можно проследить на следующем примере.

До тридцати лет шляться по миру, пробовать все работы и менять всё, что можно менять в жизни, хлебая приключений; а в тридцать осесть в тихом городе и писать. Это в советских условиях было весьма трудно. Интуитивно я знал, что так и проживу (М. Веллер «Моё дело»).

Значение слова *до тридцати лет* связано с определением возраста человека от рождения до 29 лет. Это период становления личности. В тексте М. Веллера данное значение слова трансформируется следующим образом.

В процессе актуализации семантики голографической единицы *до тридцати лет* участвуют стимуляторы *шляться по миру* (1) – *пробовать все работы* (2) – *менять все, что можно менять в жизни, хлебая приключений* (3). Действительно, «бесцельное путешествие по миру» (значение стимулятора 1) предполагает «бесчисленные попытки, связанные с поисками любой работы» (2), которые «в указанных условиях» (значение стимуляторов 1–2) «не могут принести стабильности, но в конечном итоге человек получает так называемую независимость от формальностей жизни, которые ему ненавистны в силу определенных личных обстоятельств» (значение стимуляторов 1–3). На основе данных ресурсов единиц с актуализирующим значением семантика голографической единицы трансформируется следующим образом: *до тридцати (лет)* – «жизнь, свободная от всякого рода условностей» (см. с. 455 *Приложения*).

В условиях ярусного развития содержания единиц с актуализирующим значением репрезентируются семантически противоположные, а иногда и взаимоисключающие позиции. Например, в тексте М. Веллера, в котором одновременно развивается значение голографической единицы *до тридцати (лет)* и *в тридцать (лет)*, стимуляторы выстраивают следующий

семантический ярус: *шляться по миру* (стимулятор 1) – *осесть в городе* (стимулятор 2). Вполне очевидно, что возникающие ассоциативные реакции полярны по отношению друг к другу. С одной стороны, шум, пестрота красок, стремительность и беспечность (передается через стимулятор 1), то есть свобода; с другой, тишина, спокойствие, однообразие (передается через стимулятор 2), то есть рутина, несвобода. Однако определенная ассоциативная близость прослеживается: свобода и несвобода – это две стороны одной жизни.

В своём развитии несколько противоположных значений, репрезентируемых в ярусном и зональном направлениях, приводят к одному смысловому «результату» – на их базе формируется семантика голографической единицы. При этом нивелируется оппозиционный характер лексических отношений.

На основе реализуемого лексико-семантического содержания стимуляторов при непосредственном участии ассоциативно приписываемых им или подразумеваемых значений осуществляется актуализация и дальнейшее развитие голографической единицы.

Итак, стимулятор представляет собой полифункциональную единицу, которая не только формирует смысловое поле конкретного текста, но и организует внутреннее устройство голографической единицы, что также обуславливает увеличение ее семантического объёма. При этом механизмы участия стимулятора в данном процессе определяются непосредственным взаимодействием собственных ресурсов или адекватной интерпретацией коммуникантами нового содержания.

При моделировании семантики голографической единицы стимуляторы могут использовать собственные содержательно-смысловые возможности, то есть это представления об информационном плане лексемы (как человек понимает её содержание) и о семантической структуре слова и текста (смысл «на выходе» лексемы из текста). Кроме того, ими активно

может быть привлечена система внешних ресурсов через текст и его смысловое поле.

§ 3. Принципы организации внутреннего устройства текстовой голографической единицы

Говоря об организации внутреннего устройства голографической единицы, следует обратиться к теории полей, которая имеет примечательную научную судьбу. Безусловно, первоначальные представления авторов учения о поле во многом определили дальнейшие подходы, направления, а также механизмы его изучения и описания в лингвистике. Для обоснования правомерности употребления данного понятия в отношении единицы, развивающей свою семантику в тексте, следует обратиться к исследованиям зарубежных учёных-основоположников этой теории и проследить узловые этапы в формировании термина «поле».

Как известно, появление в языкознании термина «поле» определенным образом обусловлено влиянием физики. В XIX веке английский ученый Д. Максвелл вводит понятие вихревого электрического поля [Мулу 1969]. Термин «поле» в физике употребляется для обозначения различных по своему содержанию понятий. С одной стороны, оно представляет собой пространственное распределение какой-либо физической величины. С другой стороны, полем «называют особый вид материи» [Физика. Электростатическое поле, 2005: 3]. Физическое поле определяется либо как феноменологическое явление, либо как модель описания. Функциональная универсальность данного понятия во многом определила интерпретацию, а также условия и особенности его выделения в других науках.

В философии содержание термина «поле» рассматривается с точки зрения такого направления, как гуманистический космизм. Поле – это «изначальное, базовое состояние космоса как целого, существующего во взаимодействии, несотворимое и неуничтожимое. Оно имеет иерархическую структуру» [ТПФ. ULR: <http://www.sunhome.ru/philosophy/14547/p2> (дата обращения: 03.08.2011)]. Очевидно, в философии термин «поле» рассматривается как способ существования.

В психологии теория поля, разработанная К. Левиним, используется применительно к мотивам поведения, а не к психическим образам. Свои теоретические взгляды ученый изложил в книгах «Динамическая теория личности» [Lewin 1935] и «Принципы топологической психологии» [Lewin 1936], вышедших в начале 30-х годов XIX века в Соединенных Штатах Америки. Под термином «поле» К. Левин использовал понятие, заимствованное в физике, которое употреблялось им в качестве аналога гештальта. Согласно его концепции, в индивидууме сосуществует определенное множество психологических полей. Между ними возникают определенные отношения. Каждое поле представляет собой сложную систему психологических сил «притяжения» и «отталкивания» субъекта по отношению к объектам определенного типа. Когда субъект «проявляется» в одном психологическом поле, он временно «исчезает» для остальных полей.

Свою теорию личности К. Левин называл «теория психологического поля» и определял ее как метод анализа каузальных отношений и построения научных конструкторов. В основу его концепции положен принцип взаимной обусловленности фактов.

В социологии термин «поле» рассматривается в теориях общественного пространства. Французский ученый П. Бурдьё определяет данное понятие как автономные сферы практик, объединенных в социальное пространство, то есть локальные и относительно замкнутые фрагменты социального пространства, объединённые взаимодействием агентов с

близкими характеристиками и общей сферой интересов (искусство, наука, политика, сельское хозяйство и т.д.) [Бурдые 1993]. Иными словами, поле представляет собой специфическую систему объективных связей между различными позициями, находящимися в альянсе или в конфликте, определяемыми социально и в большой степени не зависящими от физического существования индивидов, которые эти позиции занимают.

Говоря об особенностях представления понятия «поле» в психологии и социологии, необходимо отметить, что данный термин рассматривается как совокупность взаимозависимых фактов.

В языкознании понятие «поля» трактуется иначе. Прежде всего, это связано с отличным, несколько специфическим пониманием функций тех механизмов, которые формируют данную категорию. Такая особенность в подходе и оценке данного понятия в языкознании, по мнению Г. С. Щура, обусловлена тем, что изначально поле возникает как интуитивное отображение структурно-функционального подхода к явлениям языка [Щур 1974]. В современной лингвистике «поле» одновременно обозначает как лексическую группировку, так и принцип организации этой группировки, то есть наличие полевой структуры.

Об актуальности теории полей в лингвистике свидетельствует большое количество его определений. Сводка дефиниций этого понятия, предложенная Ю. Н. Карауловым, насчитывает более 30 определений [Караулов 1976], и этот список продолжает пополняться.

Полевая теория с соответствующим метаязыком получила своё теоретическое обоснование в работах германских ученых в конце первой трети XX века. Однако предпосылки для возникновения данной концепции появились еще в XVII веке. Речь идет об исследованиях Г. Лейбница, в которых ученым предпринимается попытка создания универсального символического словаря, представляющего лексемы в соответствии с природой обозначаемых вещей. Значительно позже, только в середине XIX

века, появляются первые эмпирические исследования семантического поля. В 1856 году К. Хейзе изучает особенности лексического поля Schall [Heyse 1856]. Ученый исследует его внутреннюю структуру, устанавливая в ней пустые множества, не лексикализованные языком, то есть лакуны. Очевидно, выделяемое с учётом подобных параметров поле следует определять как концептуальное.

Заслуга К. Хейза состоит в том, что исследование данного понятия осуществлялось на основе структурно-семантического анализа. Ученый применил структурно-полевой метод с целью установления иерархической организации определенной лексической группы.

Одна из точек зрения на распределение лексики по семантическим полям, то есть по «системам значений», была предложена в 1910 году Р. Мейером. Под «системой значений» он понимает «взаимоупорядоченность некоторого ограниченного числа выражений, рассматриваемых под определенным углом зрения» [Meyer, 1910: 339]. Р. Мейер выделяет три типа полей, в основе которых лежит какой-либо один семантический признак — дифференцирующий фактор: естественные поля (названия деревьев, животных, чувственных восприятий и т.д.); искусственные поля (названия составных частей механизмов и т.д.); полуискусственные поля (этические понятия, терминология отдельных профессиональных и социальных групп людей и т.д.). В основе его полевого подхода лежит критерий дифференциальных факторов, который в дальнейшем в работах современных исследователей приобретёт статус одного из определяющих параметров.

В содержательном и теоретическом отношении возникновение теории поля обусловлено развитием ряда научных концепций. Во-первых, это учение Ф. де Соссюра «о значимости языковых сущностей», приобретаемых ими лишь внутри замкнутых систем [Соссюр 2007]. Во-вторых, это учение В. Гумбольдта о внутренней форме языка [Humboldt 2003], понимаемой в качестве неизменного и однородного по своему происхождению, свойству

элемента деятельности ума, который поднимает артикулированный звук до выражения мысли. По мнению ученого, это такая структура, в которой каждый отдельный элемент существует благодаря другому. Следовательно, теория полей, активно развивающаяся в современном языкознании, имеет серьезную научно-теоретическую базу.

Теория полей как системы определенным образом организованных объединений получила широкое распространение и развитие в XX веке. Предметом исследования в ней стали «группировки языковых единиц, объединяемых на основе общности выражаемого ими значения (семантический принцип), или по общности выполняемых ими функций (функциональный принцип), или на основе комбинации двух признаков (функционально-семантический принцип)» [Полевые структуры в системе языка, 1989: 4].

Необходимо ещё раз подчеркнуть, что анализ данного материала вовсе не сопряжен с разработкой свода критических замечаний в адрес существующих концепций поля. Тем более, что в современной лингвистике существует много блестящих примеров подобных аналитических обзоров. Например, в работе Г. С. Щура «Теории поля в лингвистике» [Щур 1974] дан исчерпывающий анализ концепций поля на основе гипотезы о существовании в языке различных типов групп. В исследовании Л. В. Васильева «Теория семантических полей» [Васильев 1971] представлена наиболее объективная оценка вклада учёных-теоретиков в развитие концепции «поля». Работы А. Лерера посвящены всестороннему анализу источников развития полевой теории [Lehrer 1974]. Интересна возможность применения теории поля в отношении других явлений языка, например, текста и его единиц.

В 1924 году немецкий социолог, демограф, филолог, историк Г. Ипсен, описывая систему древних европейских языков, впервые использует термин «смысловое поле» относительно группы слов – названий металлов в

восточных языках. По мнению ученого, связь между этими словами «представляет собой соединение, при котором вся группа составляет единое членящееся «смысловое поле», в котором, «как в мозаике, соединяются друг с другом слова, каждое отграничивая другое, образуя тем самым все вместе смысловое единство более высокого порядка» [Ipsen, 1924: 225]. Под «смысловым полем» он понимает группу этимологически связанных слов, объединенных смысловой и грамматической общностью.

Само же понятие «поле» вводится в научный обиход лингвистики в 1931 году Й. Триром. Языковым полем он называет «группу родственных смыслов или некоторую смысловую сферу, где слова образуют некоторое членимое целое и которую можно назвать словесным полем языковых знаков» [Trier, 1931: 47].

По мнению Й. Трира, поле имеет свою специфическую структуру. Словарь разделяется на большие словесные поля, пространство которых структурируется мельчайшими единицами – отдельными словами, представляющими собой предел членения словесного поля. Они делят понятийное поле между собой – каждому из них достается определенный участок. Составные компоненты находятся друг с другом, как правило, в отношении коммутации, то есть в отношении дополнительной дистрибуции. Учёного интересует, какой критерий может быть взят за основу при маркировании определенной совокупности слов из общего лексикона. В качестве такого разграничивающего параметра может выступать фактор наличия общих значений у данной группы слов. Однако, так как по другим значениям те же самые слова входили в другие группы, более надежным Й. Трир считает то, что позднее было названо *общим понятием*. Таким образом, оказалось возможным провести границу между данной и другими совокупностями лексем.

Заслуженой ученого является то, что он разделил понятия лексическое и понятийное поле, а также ввел эти термины в лингвистический обиход.

Однако Й. Трир ошибочно предполагал, что поле представляет собой закрытую группу слов. В качестве основного принципа организации и функционирования поля он считал логический. При этом внутрисловолевой характер данного понятия им не учитывался. Также Й. Трир отрицал самостоятельность слова и считал, что слова бессмысленны, если слушающему неизвестны противоположные им слова из того же понятийного поля. Подобные замечания не умаляют заслуг Й. Трира в исследовании данной проблемы. Труды учёного стали стимулом для дальнейшего изучения проблемы полевого устройства различных языковых явлений.

Теория словесных полей Л. Вейсгербера очень близка к концепции Й. Трира. Ученые сходятся во мнении, что значение слова – это не самостоятельная единица поля, а структурный компонент. Однако необходимо отметить тот факт, что Л. Вейсгербер определяет языковое поле как «часть языкового промежуточного мира, строящегося на основе единства органически связанных, взаимодействующих групп языковых знаков» [Цит. по: Кузнецова, 1963: 29]. Он подразделяет данные структуры на однослойные, двуслойные и многослойные. Критерием подобной дифференциации является наличие определенного количества точек зрения на поле. Слова как результат членения понятия под тем или иным углом зрения получают своё значение исходя из того, как систематизирует их носитель языка.

Л. Вейсгербер исследует различные типы полей. В состав одних входят слова, объединенные общей функцией (однослойные поля), например, поле числительных; другие включают в себя слова с общим лексическим значением (двуслойное поле) – поле существительных, прилагательных, глаголов. Третий тип поля включает в себя слова не только с общим лексическим значением или объединенные одной функцией, но и слова, имеющие общий семантический признак (многослойные поля).

Идея «поля», по Вейсгерберу, открывает путь к научному пониманию структуры и особенностей «миропонимания», характерных для каждого языка. Принцип членения лексического состава языка на основе анализа «лингвистических полей» для Вейсгербера – это одна из основ методологии его теории. Лингвистические поля каждого языка, по мнению ученого, являются не только результатом привнесенного духом членения объективного мира, но и формой существования этого членения, которое практически никак не отражает реальные связи объективной действительности и не существует вне их.

Л. Вейсгербер не рассматривает значение слова в качестве самостоятельной единицы поля, выделяя его лишь как структурный компонент. Он считает, что «словесное поле живет как целое, поэтому, чтобы понять значение отдельного его компонента, надо представить всё поле и найти в его структуре место этого компонента» [Цит. по: Вайнштейн 2001. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2001/8/vainstein.html> (дата: 12.09.2011)].

Развитие теории синтагматических полей связано с именем В. Порцига, который строит поле на иных принципах, принимая за исходную точку сами языковые факты. В современной лингвистике именно его концепция практически единодушно признается специалистами, чего нельзя сказать о теории Й. Трира.

В трудах В. Порцига делается попытка совместить анализ парадигматических и синтагматических полей. По его мнению, различные синтаксические комплексы могут трактоваться как поля, поэтому все слова, обозначающие предметы и признаки, можно включать в так называемые синтагматические поля, основывающиеся на валентностных свойствах [Porzig 1957]. Подобное объединение оказывается возможным в силу того, что слова, входящие в одно словосочетание, которое он назвал «элементарным (минимальным) семантическим полем», нередко обладают общими семантическими признаками. Следовательно, между компонентами

словосочетания существует не только грамматическая, но и смысловая связь [Porzig 1934]; то есть В. Порциг впервые обращает внимание на особую роль системы ассоциативных ресурсов слов при организации поля.

Синтагматические поля отражают группы слов следующих видов. Во-первых, это слова, объединённые в синтагму только на основе общности их синтагматических сем, то есть семантической сочетаемости. К таким, например, относятся группы типа «субъект + предикат», «субъект + предикат + объект» и др. Во-вторых, это слова, объединённые в синтагму на основе общности их нормативных валентных свойств (лексической и грамматической сочетаемости). К таким относятся группы типа «существительное + прилагательное», «глагол + наречие» и др. [Васильев, 1971: 113]. Под термином «синтагматическое поле» В. Порцигом понимались словосочетания и синтаксические комплексы, в которых явно проступала возможность семантической совместимости компонентов. По его мнению, поля представляют собой сочетания двух или более слов, определяющих некое семантическое единство, обусловленное, во-первых, значением сочетающихся слов, во-вторых, соответственной моделью их синтаксических отношений.

Научные взгляды В. Порцига получают дальнейшее развитие в трудах Г. Мюллера. Ученый уделяет особое внимание проблеме полевой дифференциации [Мюллер 1967]. Под словесным полем Г. Мюллер понимает понятийное поле, а под языковым полем – синтаксическое поле, которое представляет собой ряд слов, объединенных каким-либо синтаксическим значением.

Как показывает анализ концепций поля, сформировавшихся в зарубежной лингвистике в конце XIX – начале XX века, учёные выбирают для своих исследований различные предметы и методы исследований. Это определило возможность развития двух научных подходов в изучении системной организации языка на всех его уровнях. В первом случае

предметом исследования являются группы слов или весь словарный состав. При этом детально анализируются связи, возникающие между словами и их значениями, которые и формируют семантическое поле. Данный подход представлен в работах Г. Ипсена, В. Порцига и др. Во втором случае в качестве предмета исследования выступают единицы понятийного содержания языка, которые рассматриваются в опоре на их структурную позицию. При этом особенности и закономерности лексической системы не учитываются. Слово и его значение как основные понятия любого семасиологического исследования не являются предметом исследования. Основной единицей измерения понятийного содержания языка выступает понятийное поле [Уфимцева 1961]. На основе данного научного подхода строятся концепции поля Л. Вайсгербера и Й. Трира и др.

Концепции *Трира – Ипсена – Порцига – Вайсгербера* представляют важный этап в развитии структурной семантики, стимулирующий развитие новых направлений исследований в данной области. Основные принципы, заложенные немецкими учеными-теоретиками в основу классификации поля и определяющие его сущность, помогают раскрыть системные отношения и системную организацию языка на всех его уровнях. Например, наиболее дискуссионные вопросы концепции *Трира – Ипсена – Порцига – Вайсгербера*, связанные во многом с ее происхождением, реализуются в качестве ключевых аспектов разработанной в данном исследовании теории поля текстовой единицы. Так, одними из основных классификационных параметров поля голографической единицы являются следующие:

- 1) критерий интегрированности текстовых единиц-стимуляторов в одно поле. В концепции *Трира – Ипсена – Порцига – Вайсгербера* с самого начала отсутствует ясное представление о том, какой параметр (семантический или формальный) должен лежать в основе подобной дифференциации;

2) характер ограниченности или открытости полевого устройства текстовой голографической единицы. В традиционной концепции нет единого взгляда на структурные особенности поля, так как оно представляет собой закрытую группу слов со строго очерченными внешними и внутренними границами или открытую структуру с неограниченными пространственными рамками;

3) наличие / отсутствие ассоциативного фактора как особого аспекта в формировании полевой структуры.

На протяжении последних ста лет научный интерес к проблеме полевой организации языка в лингвистике не ослабевает: всестороннему анализу подвергается система внутреннего устройства поля, разрабатывается его типологическая характеристика, исследуются принципы его формирования; вводится понятие его новой, понятийной составляющей – ментальных репрезентаций (подробному анализу данных аспектов в исследованиях представителей различных научных направлений посвящено содержание главы I § 4 *«Полевое устройство текстовой голографической единицы – модель порождения, восприятия и сохранения новой семантики»*, а также главы II § 1 *«Особенности организации лексико-семантического микрополя голографической единицы»*, § 2 *«Особенности формирования ассоциативного микрополя голографической единицы»*, § 3 *«Вербализованные ассоциативные связи как основной элемент развития периферийной зоны информационного поля»*).

Отсюда следует, что теория поля имеет научную основу, которая позволяет теоретически обосновать некоторые представления об общей структурно-системной организации данного понятия, а также способствует значительному расширению области функционирования термина «поле» в современной лингвистике. Инновационный характер исследования заключается в том, что полевая организация единицы, реализующейся в условиях текста, рассматривается в качестве модели для порождения и

сохранения её новой, расширенной семантики. Речь идёт уже не о семантическом классе, группе и так далее – в рамках данной теории трансформируется само понятие «поле». Оно рассматривается в отношении одной конкретной единицы, имеющей голографическую природу, семантика которой получает развитие в тексте.

Таким образом, термин «поле» активно реализуется в пространстве различных наук. Речь идет о различных объектах, подходах и принципах к их изучению. Однако можно выявить определенную систему общих принципов в трактовке данного понятия. Термин «поле» имеет метафоричную природу и связан с идеей пространства. Его употребление в гуманитарных и естественных науках позволяет говорить о существовании определенной сферы взаимодействия элементов, объединенных общностью маркированных свойств и признаков, наличием организационного устройства.

Поле на современном этапе развития лингвистической науки следует рассматривать как элемент научной картины мира, способ представления различных структур – как языковых, так и мыслительных. Содержание данного научного термина расширяется. «Полевой подход к описанию языка является перспективным и в связи с возможностью анализа разноуровневых единиц в экспликации общей идеи, и в связи со сменой научной парадигмы, предполагающей обращение к комплексному исследованию лингвистического объекта. Это приобретает особую актуальность в исследовании текстовых явлений, категорий и единиц, которые пока выстраиваются как однопорядковые, без учета их ядерно-периферийного статуса в тексте», – пишет Н. И. Беляева [Беляева, 1990: 73]. В силу этого применение понятия «поле» в отношении единиц, получающих развитие в тексте, является теоретически обоснованным.

§ 4. Полевое устройство текстовой голографической единицы – модель порождения, восприятия и сохранения новой семантики

Как уже было сказано, понятие «поле» трактуется исследователями неоднозначно и разноречиво, что не мешает проводить на базе различных теорий поля анализ многих явлений языка, в том числе и анализ воспроизводства и сохранения новой семантики в тексте и системе языка. Опираясь на предложенную отечественными и зарубежными учеными систему терминологической дефиниции, можно определить поле как лингвистическую категорию, которая характеризуется с нескольких позиций, что отражает различные моменты действия системы языка и позволяет рассмотреть коммуникативный процесс порождения и восприятия речи.

Во-первых, поле интерпретируется как прагматическая система, в состав которой входят самые разнообразные классы лексических единиц, тождественных по тем или иным смысловым признакам; лексико-семантические группы слов, синонимы, антонимы, совокупности связанных друг с другом значений полисемантического слова, словообразовательные парадигмы, части речи и их грамматические категории (Л. Вейсгербер [Weisgerber 1927; 1962]; О. Духачек [Duchбасек 1960; 1967]; Г. Ипсен [Ipsen 1924]; ; В.И. Кодухов [Кодухов 1965]; К. Хейзе [Heyse 1856]; А.А. Уфимцева [Уфимцева 1962] и др.).

Во-вторых, поле – это синтагматическое явление. Оно представляет собой классы слов, тесно связанных друг с другом по употреблению, но никогда не встречающихся в одной синтаксической позиции (В. Порциг [Porzig 1934]; Г. Мюллер [Muller 1957] и др.), то есть самые различные синтаксические комплексы трактуются как поля. При исследовании таких структур появляется возможность совместить анализ парадигматических и синтагматических полей.

В-третьих, поле – когнитивная категория. По мнению лингвистов, знания имеют полевую структуру. Поле является когнитивным образованием, компонентами которого выступают концепты различной степени абстракции (Н. Н. Болдырев [Болдырев 2001], Н. С. Болотнова [Болотнова 1998], Е. С. Кубрякова [Кубрякова 1997; 2004], З. Д. Попова [Попова 2001], Е. В. Рахилина [Рахилина 2000], И. А. Стернин, Г. В. Быкова [Стернин 2000] и др.).

Поле как когнитивная категория обладает следующими свойствами. Во-первых, оно отличается сетевым (пространственным) характером. Во-вторых, в поле устанавливаются базовые фреймовые отношения предметности, акциональности (динамичность, целеполагание), таксономии (классификации, типологии), компаративности (сравнения) между узлами фреймовой цепи. В-третьих, одним из главных свойств поля является способность сети организовать поверх себя связанные области концептуализации, возникающие во фреймовой сети в зависимости от вида осмысливаемой человеком концептосферы (поля). В-четвертых, значение слова «получает определенность исходя не из значения противопоставленных ему лексем, а из его участия в формировании одного из базовых фреймов и домена, а также исходя из его “наполненности” узлами сети» [Жаботинская, 1999: 3].

В лингвистике под полем следует понимать некоторую многомерную часть или область лингвистического пространства (фонетического, морфологического, лексического и так далее или же разноуровневого, многоуровневого и т.п.), в котором рассматривается определенное лингвистическое явление. Оно также может характеризоваться величинами, свойствами, практически уже давно так или иначе определяемыми во многих лингвистических исследованиях.

При определении поля текстовой единицы следует опираться на главное положение концепции *Трира – Инсена – Порцига – Вайсгерберга* о

том, что в границах любого вида поля все слова связаны друг с другом, то есть стимуляторы объединяются внутри подобного пространства на базе поликомпонентного значения (синонимичного, антонимичного, квазисинонимичного и так далее, а также их синтеза), трансформирующего и развивающего в различных направлениях семантику голографической единицы.

Под *полем* понимается организованное особым образом (в виде иерархически смоделированного пространства) множество полифункциональных, разнородных взаимодействующих элементов различных языковых уровней, которые обладают каким-либо общим признаком, свойством, функциональной выраженностью, определяющим данное понятие. Опираясь на подобное утверждение, необходимо признать, что пространство голографической единицы обладает признаками полевой организации, а также представляет собой продуктивную модель для развития новой, обусловленной условиями текста семантики.

Следовательно, под *полем голографической единицы* подразумевается совокупность всех знаний и понятий, возникающих в сознании индивидуальной личности при восприятии и осмыслении данной единицы, а также система ассоциаций и представлений, формирующихся при осознанном и бессознательном механизме порождения и дальнейшего моделирования новой или иной по характеру текстовой семантики.

Поле голографической единицы представляет функционально-диверсификационный тип. С позиции элементного состава оно представляет систему разноуровневых по структуре средств языка (словообразовательных, лексических, морфологических, синтаксических и т.д.), объединенных общностью выполняемой ими функции семантического развития в отношении конкретной текстовой единицы, выступающей в качестве голографической.

Одним из центральных понятий в теории поля является *функция*. Следует отметить, что особенно внимательно её следует рассматривать в отношении элементов, составляющих поле. Очевидно, что голографическая единица и стимуляторы, формирующие данное пространство, способны выполнять определённое назначение, то есть до момента их реализации в конкретном тексте они имеют какое-либо лексическое содержание, которое впоследствии изменяется под воздействием определенных факторов. Значит, голографическая единица и стимулятор обладают потенциалом для собственного развития, который в максимальной степени реализуется в условиях их непосредственного взаимодействия, в результате чего моделируется текстовая семантика.

В основе семантического развития лежит процесс *диверсификации* (от позднелат. *diversificatio* – изменение, разнообразие, от лат. *diversus* – разный и *facio* – делаю), то есть *диверсификация* – одна из форм концентрации капитала, направленная на его дальнейшее увеличение. Несмотря на то, что термин заимствован из экономической теории и отличается метафоричностью, он в наибольшей степени отражает характер развития текстовой семантики голографической единицы: в качестве концентрированного капитала выступает текстовая семантика, а в качестве фирмы – голографическая единица. Если фирма, диверсифицируя своё производство, проникает в новые для себя отрасли и сферы, то она расширяет ассортимент товаров и постепенно превращается в многоотраслевой комплекс. В результате диверсификации фирма приобретает новый экономический статус. Она проникает в новые, наиболее прибыльные отрасли, развивающиеся высокими темпами. Все это приводит к увеличению капитала фирмы.

Актуализация же голографической единицы в тексте осуществляется либо за счет её компонентов, которые могут репрезентировать противоположные (разноплановые) или синонимичные (близкие) значения,

либо при участии стимуляторов. В результате этого в поле концентрируется полифункциональная по своей природе семантика. Значение голографической единицы будет моделироваться или трансформироваться именно на этой базе. В итоге данная текстовая единица получит новое семантическое наполнение. *Диверсификация* бизнеса – это одновременное развитие многих, не связанных друг с другом видов производства, расширение ассортимента производимых изделий. Поле голографической единицы формируется в результате развития не связанных друг с другом вне текста ресурсов языковых единиц. От уровня их потенциальных языковых и экстралингвистических возможностей зависит развитие поля и возникновение в его пространстве новой текстовой семантики.

В экономике имеется два главных типа *диверсификации* – связанная и несвязанная. Связанная диверсификация представляет собой новую область деятельности компании, обусловленную существующими направлениями бизнеса (например, в производстве, маркетинге, материальном снабжении или технологии). Несвязанная диверсификация – новая область деятельности, не имеющая очевидных связей с существующими сферами бизнеса. При образовании же поля голографической единицы её семантика может развиваться двумя способами. Во-первых, через трансформацию значения в виде детализации или конкретизации некоторых его аспектов. Это диверсификационно-связанный вид поля. Семантика меняется в границах существующего значения лексемы, которая выступает в качестве голографической единицы. Сохраняется организованное ранее общее информационное направление. При этом отмечается связь между новым текстовым значением и уже зафиксированным в словарях. Во-вторых, во внутриполевом пространстве голографической единицы развитие семантики может осуществляться через моделирование, при котором организуется иное по характеру и виду значение текстовой единицы, – это диверсификационно-несвязанный вид поля; то есть наблюдается отсутствие связи между

семантикой языковой единицы, зафиксированной в словарях, и семантикой, сформированной в конкретном тексте.

Основные характеристики поля, разработанные в исследованиях В. Г. Адмони [Адмони 1964]; А. В. Бондарко [Бондарко 1983]; Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельса [Гулыга 1969]; И. А. Стернина [Стернин 1985] и др., обнаруживаются при анализе поля голографической единицы:

1. Так же, как и языковое поле, поле голографической единицы представляет собой инвентарь элементов, связанных между собой системными отношениями (лексическими, морфологическими, синтаксическими и т.д.).

2. Элементы, обладающие подобной организацией, имеют семантическую общность и выполняют в языке общую функцию. Стимуляторы как элементы, формирующие поле голографической единицы, осуществляют в тексте ее актуализацию и дальнейшее развитие. Функция голографической единицы связана с расширением исходного семантического потенциала либо за счёт собственных ресурсов, либо на базе внутренних и внешних возможностей системы стимуляторов (об этом подробно уже говорилось в главе I § 1 «Голографическая природа единицы с продуктивной текстовой реализацией» и § 2 «Функциональная значимость текстовых единиц-стимуляторов»).

Понятие семантической общности в отношении поля текстовых единиц с актуализируемым значением трактуется иначе. Речь идет о том, что семантическая общность данного поля проявляется в возможности организации различных по своему характеру и типу значений стимуляторов в единый информационный поток, на базе которого и осуществляется дальнейшее развитие голографической единицы. Механизмы данного процесса достаточно просты: каждый из стимуляторов указывает на определенный признак, свойство и т.п., которыми обладает или может обладать голографическая единица. Следовательно, семантическая общность

поля формируется на основе ее значения, трансформированного в условиях конкретного текста.

3. Поле текстовой голографической единицы так же, как и языковое поле, объединяет однородные и разнородные элементы. В качестве однородных могут выступать стимуляторы, выражающие близкую по своей природе и характеру семантику, а также имеющие схожую словообразовательную структуру (простые, сложные слова), одинаковый состав (единичные слова, словосочетания, предложения).

К разнородным элементам относятся сама голографическая единица и стимуляторы, которые выполняют в пространстве данного поля разные функции. Единица с актуализируемым значением моделирует свою семантику, обновленную в условиях текста, за счет системы собственных ресурсов или на основе семантико-ассоциативных возможностей других единиц. Стимуляторы выполняют две функции: констатирующую и развивающую. Своим участием они либо удостоверяют адекватность информационного направления в моделировании текстовой семантики голографической единицы, либо с их помощью организуется процесс её непосредственного развития.

Кроме того, к разнородным по структуре элементам поля текстовой единицы относятся его компоненты – ядерная и периферийная зоны. Они имеют различную природу. Ядро формируется на основе лексико-семантических ресурсов текстовых единиц; периферия – на базе ассоциативных.

Систему разнородных элементов организуют стимуляторы, репрезентирующие разноплановую, иногда и противоположную семантику, а также стимуляторы, имеющие различную морфологическую и словообразовательную структуру, то есть в процессе формирования поля голографической единицы могут принимать участие и гетерогенные

языковые средства, принадлежащие к различным грамматическим классам или уровням языка.

4. Языковое поле образуется из составных частей – микрополей, то есть в пространстве поля текстовой голографической единицы также существует определенное количество структур меньшего порядка. Их число должно быть не меньше двух. Одно из них функционирует в виде лексико-семантического микрополя и, как правило, составляет ядерную часть поля голографической единицы. Другое – представлено ассоциативным микрополем и организует периферию поля единицы с актуализируемым значением. Данные структуры обладают относительной самостоятельностью (описанию особенностей внутренней структурированности поля голографической единицы посвящено содержание главы II § 1 «*Особенности организации лексико-семантического микрополя голографической единицы*» и § 2 «*Особенности формирования ассоциативного микрополя голографической единицы*»).

5. Языковое поле имеет особую структуру концентрического характера, где максимальное сосредоточение полеобразующих признаков происходит в ядре. По мере отдаления от него возникает ослабление интенсивности этих признаков, определяющих ядерные компоненты поля, или выпадение некоторых из них из набора признаков.

Концентрический характер поля текстовой голографической единицы выражается в структурной *моноцентричности*. Доминантную позицию всегда занимает тот его компонент, в котором локализуется наибольшее число устойчивых факторов (признаков, свойств и т.п.), формирующих единицу с актуализируемым значением.

Ядро реализуется в центральной внутрислоевой позиции. В нём концентрируется наибольшее число образующих признаков. Значения, возникающие внутри такой структуры, отличаются точностью,

детализированностью, конкретностью в представлении обозначаемых предметов или выражаемых признаков, свойств, действий и т.д.

Далее от ядра организуется периферия поля. Здесь формируется система менее значимых по продуктивности и уровню интенсивности значений, отличающихся высокой степенью обобщённости.

6. Важной характеристикой языкового поля является также возможность пересечения отдельных полей, приводящая к формированию так называемых *переходных зон*. Переход от ядра к периферии осуществляется постепенно с выделением ряда периферийных зон различной степени удаленности от ядра.

Внутри поля текстовые единицы в условиях особой активности и возникающей на этой основе продуктивности взаимодействия их ресурсов в месте пересечения ядра и периферии формируют переходную зону или *альтернативную*, под которой понимается имплицитная промежуточная структура. Она является результатом процесса вторичного семантико-ассоциативного или ассоциативного взаимодействия компонентов поля (вопрос о возникновении и функционировании имплицитных внутривидовых зон будет рассмотрен в главе II § 5 «Глубинно-развёртываемая разновидность информационного поля текстовой голографической единицы»).

7. Граница между ядром и периферией языкового поля является размытой ввиду непрерывного развития языка и, как следствие, взаимоперемещений элементов в структуре поля. Граница между компонентами поля голографической единицы тоже считается нечётко оформленной. Это связано с тем, что в их образовании участвуют одни и те же фактические элементы (единицы с продуктивной текстовой реализацией), которые свободно перемещаются в пространстве поля, вследствие чего границы поля становятся подвижными, формально-условными.

Таким образом, на основе проведенного сопоставительного анализа можно утверждать, что пространство голографической единицы представляет собой полевую организационную *модель*. Оно в полной мере обладает свойствами подобной структуры.

Статус поля текстовой голографической единицы определяется как *информационный*. Под «информацией» понимается смысловое объективное представление о фактах и процессах материального мира, сформированное сознанием человека с помощью смысловых образов (слов, образов и ощущений) и зафиксированное на каком-либо материальном носителе [ССРЛЯ, Т. 5, 1956: 418; Кузнецов, 2000: 451; БЭС, 1980: 489; ТСОИВТ, 1991: 59]. В современной науке существует понятие информационного пространства, под которым понимается совокупность результатов семантической деятельности человечества. Информационное пространство есть мир имён и названий, сопряженный с физическим миром, поэтому в широком смысле поле голографической единицы тоже представляет собой совокупность результатов языковой, понятийной деятельности человека, реализующейся и развивающейся в тексте.

Пространство поля голографической единицы по характеру своего развития и особенностям функционирования обладает некоторыми свойствами: оно может свёртываться в потенциал, если в другом тексте оно не реализуется, или развёртываться в реальное состояние. Это свойство связывает статус поля текстовой единицы с астрологическим понятием глубинного информационного пространства Вселенной, которая кодирует и хранит в виде голограмм любую информацию, исходящую от живых и неживых структур.

По своей структуре *поле голографической единицы* представлено совокупностью слов, реализованных в условиях конкретного текста и находящихся друг с другом в определенных отношениях (парадигматических, когнитивных, коммуникативных и т.п.); а также

обладающих продуктивной системой собственных ресурсов, дальнейшее развитие которых провоцирует актуализацию конкретной текстовой единицы и организацию её новой семантики. Поэтому в рамках поля голографической единицы реализуется много типов лингвистической информации. В связи с этим характер поля единицы с актуализируемым значением следует определять как информационный.

В лингвистике не сформировалось единого представления об универсальной категории для выделения поля. Как правило, в исследованиях, посвященных изучению данной проблемы, указывается на общее понятие, функцию, предметную сферу, общее лексическое значение и т.д. В качестве *категорий* для выделения поля голографической единицы выступают следующие аспекты:

1) характер реализуемых в его пространстве процессов, то есть формирование новой, текстовой семантики;

2) степень участия элементов поля в данном процессе. Она может быть высокой, когда текстовые единицы моделируют семантику, или низкой, когда текстовые единицы не формируют, а только «поддерживают» новое направление в развитии семантики;

3) способ участия единиц конкретного текста в процессе организации новой семантики голографической единицы. Это выражается в следующем: единицы, которые непосредственно участвуют в процессе актуализации и дальнейшего развития текстовой семантики, формируют полевое пространство. Однако уровень такого участия может быть *активным* и *пассивным*. При *активном (непосредственном)* способе участия элементы поля самостоятельно развивают текстовую семантику, опираясь на систему собственных ресурсов. Речь идет о стимуляторах и о компонентах самой голографической единицы, если по словообразовательной природе она представляет собой сложную структуру, то есть указанные единицы являются источниками моделирования текстовой семантики.

Пассивный, или опосредованный, способ участия определяется следующим образом: один из элементов поля, в частности, голографическая единица, получает семантическое развитие. Данный процесс осуществляется за счёт системы внешних и внутренних ресурсов стимуляторов.

Поле голографической единицы рассматривается с двух сторон: как вид устройства единицы, получающей развитие в тексте, и как принцип (модель) организации обновлённой семантики. Возможность применения подобного комплексного подхода к описанию данного понятия позволяет говорить о его универсальном функциональном характере, который проявляется в том, что через особенности внутренней структурированности конкретной текстовой единицы устанавливаются принципы и прогнозируются возможные направления развития процесса лексического расширения современного русского языка.

Выделяются следующие характерные особенности полевого устройства голографической единицы:

1) поле единицы с актуализируемым значением несёт на себе отпечаток человеческого фактора. В нём в наибольшей степени реализуется разнообразный по своему характеру опыт индивидуума. Например, степень актуализации семантики голографической единицы в тексте, а также характер её эмоциональной маркированности, реализующийся в поле, во многом определяются собственной системой духовно-нравственных воззрений коммуниканта. Именно в соответствии с этими представлениями им оценивается возможность выбора того или иного значения стимулятора, в частности, допустимого или отвергаемого нормой литературного языка. В дальнейшем на этой базе формируется общее направление моделирования текстовой семантики;

2) поле голографической единицы развивается на основе языковых знаний, а также результатов предметно-познавательной деятельности человека через сформировавшиеся в его сознании понятия. В последнем

случае имеется в виду система вербализованных ассоциаций (их подробное описание дано в главе II § 3 «*Вербализованные ассоциативные связи как основной элемент развития периферийной зоны информационного поля*»);

3) поле голографической единицы характеризуется мерой психологической и языковой реальности. Психологическая реальность, определяющая процессы порождения и восприятия текстовой семантики, активно реализуется через ассоциативные значения текстовых единиц. Они определяют особенности организации конкретного внутрислового пространства.

Языковая реальность как единство противоположных сторон (например, знак и значение, язык и речь и т.п.) определяет фактический состав элементов поля, который реализуется в виде системы стимуляторов, с одной стороны, и голографической единицы – с другой.

Кроме того, поле голографической единицы репрезентируется в голове коммуниканта в качестве когнитивной единицы мышления. Оно реализуется не только за счёт системы языковых средств. Изначально актуализация значения голографической единицы осуществляется в смысловом поле конкретного текста. Дальнейшее направление в моделировании семантики данной единицы определяется или частично корректируется окружением непосредственно соседствующих стимуляторов. Значение голографической единицы будет развиваться продуктивно в том случае, если ее связь с другими текстовыми единицами будет более тесной.

Когнитивным аналогом исследуемого вида поля можно считать фрейм. Данное положение подтверждается следующими факторами:

1) фрейм в его базовом определении – это структура данных для представления (визуальной) стереотипной ситуации, особенно при организации больших объемов памяти [Минский 1979. URL: <http://www.myai.narod.ru/Minsky/prilrus.htm> (дата обращения: 20.05.2011)]. Поле голографической единицы также характеризуется значительным

информационным пространством. Реализация одной и той же единицы в текстах может носить неоднократный характер. В каждом подобном случае сформировавшаяся семантика аккумулируется в её поле и тем самым расширяет имеющееся пространство. Поле голографической единицы предназначено для сохранения, накопления и передачи большого объёма различной по характеру информации.

Кроме того, для поля в качестве «фреймовской» стереотипной ситуации может выступать конкретный текст, его смысловое поле;

2) фрейм – это организация представлений, хранимых в памяти, структура знания, информация об определенном фрагменте человеческого опыта. По мнению В. А. Маслова, в качестве основных компонентов данного значения выступают лексическое значение и экстралингвистическое знание [Когнитивная лингвистика, 2004: 124].

Поле голографической единицы формируется в результате развития процессов моделирования семантики на основе взаимодействия лексико-семантических ресурсов текстовых единиц, а также в опоре на накопленный экстралингвистический опыт человека, который может реализоваться в виде вербализованных ассоциативных представлений коммуниканта;

3) фрейм представляет собой не одну конкретную ситуацию, а наиболее характерные, основные моменты ряда близких ситуаций, принадлежащих одному классу. Стимуляторы, структурно и информационно определяющие поле голографической единицы, могут выражать несколько типов значений, которые в контексте *фрейм – поле текстовой единицы* можно интерпретировать как «наиболее типичные моменты». Они характеризуют одну и ту же голографическую единицу с разных сторон и на этой базе осуществляют процесс развития её текстовой семантики.

Информационное поле так же, как и фрейм, представляет собой определенную совокупность наиболее характерных ситуаций в виде

значений стимуляторов, определяющих то, что обозначается единицей с актуализируемым значением;

4) во фрейм включается весь комплекс знаний о ситуации или объекте, существующий в данном социуме. В поле голографической единицы фиксируется вся информация, которая в условиях определенного текста способствует актуализации семантики конкретного слова;

5) фрейм представляет собой иерархическую структуру, в которой некоторые элементы могут выдвигаться на первый план, другие же находятся на периферии либо вообще на время исчезают из поля зрения говорящего. Поле голографической единицы также рассматривается как внутренняя упорядоченная система, характеризующаяся определенной подвижностью внутренних элементов, их взаимозаменяемостью. Подобная ситуация проявляется при образовании сложных структурных типов поля, например, глубинно-развёртываемая разновидность информационного поля голографической единицы (его описанию посвящено содержание главы II § 5 *«Глубинно-развёртываемая разновидность информационного поля текстовой голографической единицы»*).

Однако между фреймом и полем текстовой единицы можно отметить следующие отличия. Как известно, фрейм – более жесткая структура, отражающая типические связи в типических ситуациях. Поле голографической единицы – структура более мягкая, ассоциативно-конкретная, иногда – индивидуальная, способная постоянно развиваться в разных текстах.

В качестве интегрирующего начала во фрейме выступает ситуативная близость; в поле голографической единицы – семантико-ассоциативная обусловленность внутренних ресурсов единиц с продуктивной текстовой реализацией.

Структурная организация данных понятий различна. Фрейм характеризуется наличием узлов (слотов). Поле текстовой голографической

единицы предполагает существование ядра и периферии, границы между которыми подвижны. Они связаны общностью не только внутриязыковых отношений, но и системой экстралингвистических связей и отношений. Особую роль в формировании информационного поля выполняют содержательно-смысловые ресурсы текстовых единиц.

Таким образом, полевой подход при изучении лексического состава языка через его текстовую реализацию является обоснованным и перспективным. Он позволяет детально рассмотреть голографическую единицу во взаимосвязи с другими типами текстовых единиц, что помогает изучить её внутреннюю структуру, определить природу возникновения и установить причины актуализации, а также способы моделирования новой, порожденной конкретными условиями семантики. Не менее важным является тот факт, что полевой подход позволяет выяснить некоторые закономерности развития не только текста, но и структурно-семантической организации лексической системы языка в целом.

§ 5. Коммуникативное моделирование лексической системы языка – способ развития семантического пространства слова в тексте

На современном этапе развития лингвистической науки особый интерес у ученых вызывает проблема моделирования системы языка (фонологической, грамматической и т.п.). Данное направление исследований отличается особой перспективностью. Появляется возможность реального прогнозирования тех процессов, эффективная реализация которых может привести к дальнейшему развитию языка.

Моделирование языковых процессов сравнительно недавно стало осознаваться как одна из основных задач лингвистики. Оно связано с новым

подходом к языку как к кибернетическому устройству, преобразующему мысль в речь, поэтому в настоящее время ведётся интенсивная разработка данной теории. Изучить механизмы подобного аспекта рассмотрения современной языковой системы необходимо, только так можно проникнуть в сущность языка, понять структуру, свойства различных его компонентов, определить особенности их взаимодействия. Основным путём для такого понимания и является моделирование происходящих в языке процессов, которые приводят к его развитию.

Ученые не ставят перед собой задачу создать нечто, внешне похожее на те процессы, которые происходят в мозге человека при порождении речи – они создают такие модели, которые, реализуясь в языке, похожи на него по функции. При этом лингвисты ориентируются на смыслы, которые коммуникант хочет выразить, и тексты, в которых эти смыслы воплощаются.

Моделируя этот процесс, ученые стремятся построить такое описание языка, которое могло бы объяснить основные явления. Чтобы достигнуть наилучшего результата, исследователи предъявляют к создаваемым ими моделям определенные требования: универсальность (отражение наиболее общие тенденции) и объективность отражения (элементы, из которых она строится, и правила их взаимодействия должны быть описаны однозначно, в логически непротиворечивой форме).

Как известно, моделирование – это исследование объектов познания на их моделях, образах как отражение внутренних, мыслительных и внешних представлений; построение моделей реально существующих предметов и явлений (живых организмов, инженерных конструкций, общественных систем, различных процессов и т.п.).

Моделирование как форма отражения действительности зарождается в античную эпоху одновременно с возникновением научного познания. Однако в отчётливой форме, хотя без употребления самого термина, моделирование начинает широко использоваться в эпоху Возрождения. Ф. Брунеллески,

М. Буонарроти, а также другие итальянские архитекторы и скульпторы пользовались моделями проектируемых ими сооружений. В теоретических же работах Г. Галилея и Леонардо да Винчи выясняются пределы применимости данного метода. И. Ньютон пользуется им уже вполне осознанно. В XIX–XX вв. трудно назвать область науки или её приложений, где моделирование не имело бы существенного значения. И. А. Бодуэн де Куртенэ, говоря о задачах языкознания, которые необходимо решить в XX веке, отмечал: «Нужно чаще применять в языкознании количественное, математическое мышление и таким образом приближать его все более к наукам точным» [Бодуэн де Куртенэ, 1963: 16]. Именно он первым начал применять в лингвистике математические модели. Ученый доказал, что на развитие языков можно воздействовать, а не только пассивно фиксировать все происходящие в них изменения. На основе его работ возникло новое направление – экспериментальная фонетика. В XX веке в этой области учёные добились выдающихся результатов.

Для различных областей научного познания характерно общее представление о моделировании как о процессе исследования каких-либо явлений, последовательных действий или систем объектов путем построения и изучения их моделей; использование моделей для определения или уточнения характеристик и рационализации способов построения вновь конструируемых объектов.

В рамках данного исследования понятие *моделирование лексической системы языка* рассматривается в условиях семантического расширения слова в тексте, связано с новыми возможностями информационного поля слов за счёт взаимодействия внутритекстовых отношений на семантическом и структурном уровнях. При таком способе развития внешний объём системы может не изменяться, а внутренний – увеличивается за счёт информационного текстового содержания.

Семантическое расширение слова в тексте может носить не только формально выраженный характер, то есть фиксацию слова в словаре, частотность употребления у других авторов. Оно может быть связано с информационным развитием понятий, которое вошло в сознание отдельного коммуниканта или группы коммуникантов. Следовательно, расширение информационного поля носителя языка как части национальной культуры, ее обогащение новым значением или художественной формой уже является частью данного процесса.

Под *семантическим расширением слова* понимается сложный процесс развития языковой системы путем актуализации лексики в тексте, отдельных лексических информационных блоков в его структуре, имеющих в системе языка, или создания новых слов, в результате чего развивается семантическое поле конкретного языка. Таким образом, семантическое расширение слова в тексте носит не только формально выраженный характер на основе фиксации слова в словаре, частотности употребления у других авторов, но и направлено на трансформацию понятий, то есть изменение, развитие семантического объёма слова, изменение его *функций*.

Первоначально *семантическое расширение слова* может происходить в отдельном тексте, а также в индивидуальной языковой системе мастера художественного слова, которая представляет собой составную часть русского литературного языка. Данный процесс также реализуется в виде развития информационного поля коммуниканта как части национальной культуры, через её обогащение новым значением или художественной формой.

Семантическое расширение слова в тексте реализуется в двух направлениях. Во-первых, оно осуществляется через актуализацию лексико-семантических ресурсов конкретной языковой единицы, выступающей в качестве голографической единицы. Во-вторых, данный процесс реализуется

через активизацию текстовых возможностей нескольких языковых единиц (*голографической единицы и стимулятора*) на базе их содержательно-смыслового потенциала, коммуникативных возможностей значения в подсознании человека.

Семантическое расширение слова в тексте – один из видов языкового расширения. В научный обиход термин «языковое расширение» введен русским писателем А. И. Солженицыным в 90-е годы XX века [Солженицын 1993; РСЯР 2000]. Однако в своих исследованиях он чётко не сформулировал мысль о языковом расширении. А. И. Солженицын рассматривает его как явление, противоположное процессу сокращения активного запаса современного языка. В статье «Некоторые грамматические соображения, применённые в этом собрании сочинений» термины «языковое расширение», «развитие языка» и «обогащение языка» используются в качестве синонимов [Солженицын 1993].

Однако писатель стремится охарактеризовать основополагающие составные элементы языкового расширения и указать на них, на появление утерянных ранее, но ныне восстановленных форм; создание авторских образований, возникновение которых зачастую связано с нарушением законов и норм языка.

Итогом многолетней лингвистической работы А. И. Солженицына является создание «Русского словаря языкового расширения» [РСЯР 2000], в котором детально описываются результаты данного процесса. Исследование писателя представляет определенный познавательный интерес. Однако он уступает известным словарям Д. Н. Ушакова [ТСРЯЗ 1940; ТСРЯ 2000], С. И. Ожегова [Ожегов 1988] и, тем более, «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля [Даль, Т. 1–4, 2003]. В нем собрано все малоизвестное и малоупотребимое или вообще неизвестное. Писатель не дает полного грамматического аппарата, характеризующего конструкцию, а иногда толкование отсутствует вовсе для большей свободы использования.

В отечественной лингвистике проблема развития современной языковой системы занимает важное место. Её решению посвящены многочисленные исследования. Однако строгой дифференциации процессов языкового развития и языкового расширения в них не приводится. В отдельных случаях данные термины рассматриваются как синонимы. Развитие языка и есть его расширение за счёт количественного увеличения словарного запаса, например, появление окказионализмов (В. В. Лопатин [Лопатин 1973], А. Г. Лыков [Лыков 1976; 1977], Н. И. Фельдман [Фельдман 1971], Эр. Хампира [Хампира 1966; 1972]), потенциальных слов (Е. А. Земская [Земская 1963; 1973], Н. М. Шанский [Шанский 1964; 1968]), индивидуально-авторских образований (М. А. Бакина [Бакина 1977; 1986], Г. О. Винокур [Винокур 1991]) и неологизмов (С. И. Ожегов [Ожегов 1974], А. И. Смирницкий [Смирницкий 1956]), а также за счёт развития содержательно-смысловых потенций, заложенных в семантике конкретной единицы, например, экспрессивно-эмоциональная выраженность (В. П. Григорьев [Григорьев 1983; 1990], А. Д. Григорьева [Григорьева 1980], М. К. Давыдова [Давыдова 1973]), Н. А. Кожевникова [Кожевникова 1992]), различного типа семантическая информация (Р. Ю. Намитокова [Намитокова 1968; 2005], С. В. Пискунова [Пискунова 1990; 1997; 2002], В. Б. Сузанович [Сузанович 1975], Н. В. Чернова [Чернова 1977]) или функциональные типы текстов современного русского языка (Л. В. Рацибурская [Рацибурская 2010], В. М. Швецова [Швецова 2009, 2015]).

В связи с этим возникает необходимость определить место языкового расширения в системе развития языка. Поддерживая взгляды И. А. Бодуэна де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1963] о развитии как о непрерывной протяженности однородных явлений, находящихся в непосредственной причинной зависимости, под развитием языка понимаем трансформацию различной степени продуктивности, связанную с воздействием на него общества, адаптацию к модифицирующимся условиям функционирования

[Звегинцев 2009]. Данные процессы, с одной стороны, различаются характером своей природы; с другой стороны, находятся в отношениях иерархической зависимости. Развитие языка представляет собой тип процесса, которому соответствует ряд языковых факторов, явлений. Он определяет признаки на основе сходства и подобия.

Под *языковым расширением* понимается процесс обогащения языка путем актуализации лексики, словообразования, синтаксических моделей и так далее, функционирующих в системе, а также организация новых. Оно выступает в качестве вида языкового развития, устанавливает, в какой мере присутствуют общие признаки, факторы в конкретном языковом процессе.

Семантическое расширение слова представляет собой разновидность языкового расширения. Данный процесс затрагивает лишь определенную часть языковых средств, которые актуализируются в тексте. Семантическое расширение слова осуществляется следующим образом. На первом этапе единица языка, попадая в текст, актуализирует своё значение на базе внутритекстовых отношений, когда новая семантика определяется через один из компонентов (или компоненты) смыслового поля текста. В результате этого происходит «нарастание» информационного содержания конкретного слова, приводящее к его актуализации. Единицы, участвующие в этом процессе, как бы дублируют, взаимодополняют друг друга, расширяя границы текстовой семантики и трансформируя одну из них в голографическую единицу. На втором этапе реализуется система потенциальных ресурсов голографической единицы или одновременно всех типов текстовых единиц. В первом случае на базе данного взаимодействия развивается информационное поле единицы с актуализируемым значением. Во втором случае моделируется не только поле текстовой единицы, но и трансформируется смысловое поле самого текста. Активизация указанных внутривербальных процессов приводит к семантическому расширению слова (третий этап процесса языкового развития). Читатель обращает своё

внимание на подобную единицу в тексте: темп чтения и восприятия ускоряется, создается ситуация напряженности. Происходит активизация мышления методом сравнения, которое выражается в том, что значение слова, известное читателю, сопоставляется с тем, что реализовано в тексте. Автоматизм прочтения нарушается. Именно в этот момент осуществляется процесс семантического расширения слова в тексте, а голографическая единица трансформируется в лексему для «удобства» последующего ее включения в систему языка.

Семантическое расширение слова в тексте реализуется в форме голографического моделирования лексических единиц. Графически данный процесс семантического расширения слова представлен следующим образом (рис. 2).

Моделирование текстовой семантики – это способ развития пространства языковой единицы, направленный на организацию ее расширенного значения. Систему семантического расширения следует рассматривать на уровне текстового развития слова, когда текст и его смысловое поле могут воздействовать на общее формирование значения.

Моделирование языковых процессов, направленных на расширение семантического пространства слова в тексте, имеет коммуникативный характер. Это объясняется следующими факторами. Развитие лексической системы осуществляется через процесс порождения и восприятия того или иного содержания языковой единицы, ее информационного и коммуникативного потенциала от сознания одного коммуниканта к другому, (например, от автора текста к читателям, от одного участника общения к другому и т.д.) посредством знаков, зафиксированных в конкретном языке или на каких-либо материальных носителях. При этом уровень адекватности получаемой информации, приводящей к организации семантического пространства слова в тексте, определяется возможностями продуцента (автора текста или читателя, передающего содержание или собственные

впечатления о прочитанном другому лицу) эффективно реализовать собственные коммуникативные намерения.

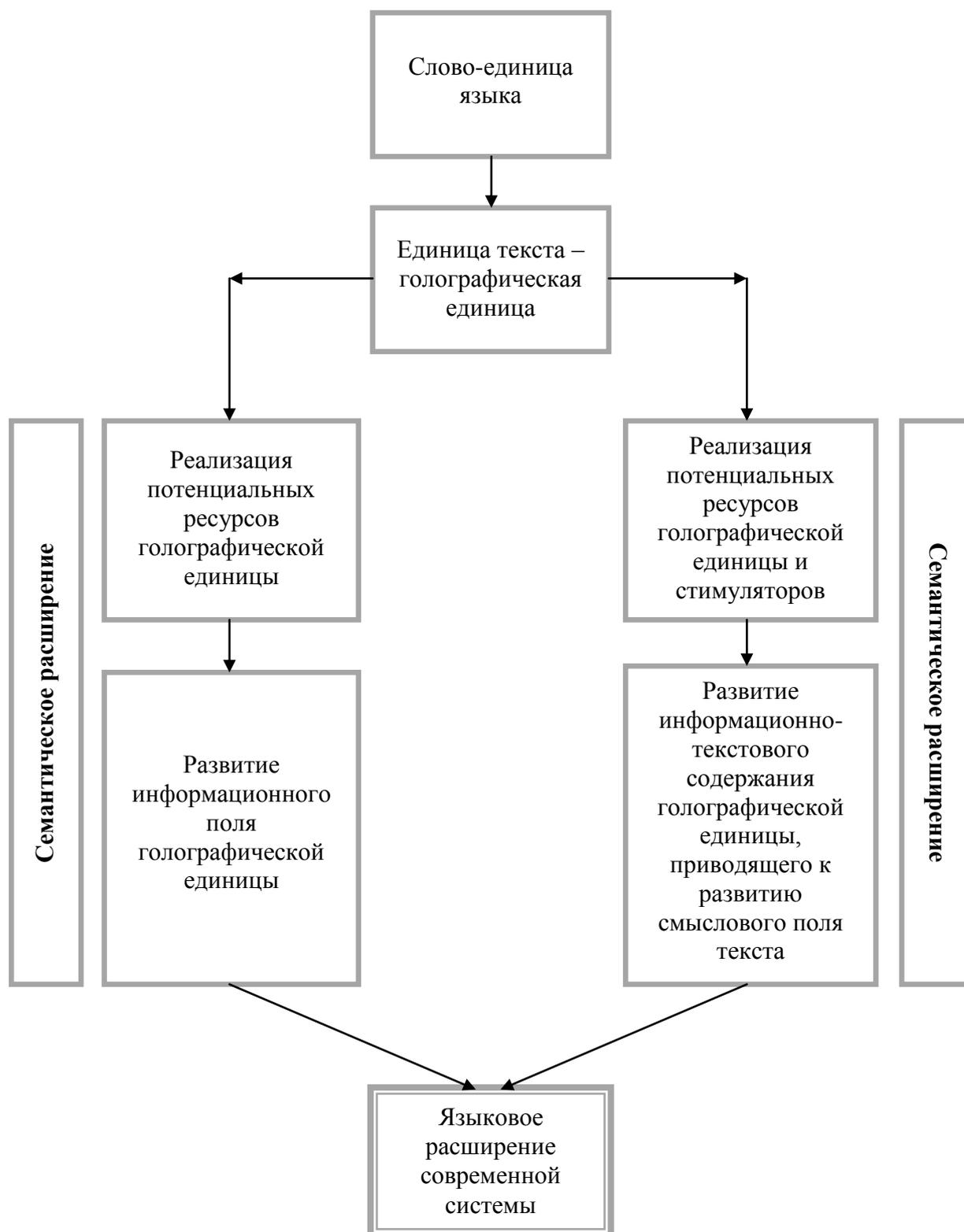

Рис. 2. Схема процессов семантического расширения слова в тексте

Коммуникативное моделирование лексической системы как способ развития семантического пространства в тексте активизируется в виде *голографического моделирования текстовой семантики*, которое развивается в результате взаимодействия внутренних, потенциально значимых ресурсов всех типов единиц с продуктивной текстовой реализацией. В нём принимают участие *голографические единицы* и *стимуляторы*.

Данный вид моделирования семантики представляет полифункциональный процесс, который реализуется в несколько этапов. Начальный этап связан с актуализацией текстовой единицы, под которой понимается процесс маркирования её внутреннего потенциала в смысловом поле конкретного текста в целях дальнейшего развития. В результате в сознании коммуниканта происходит идентификация голографической единицы и стимуляторов.

Теория актуализации языковых знаков связана с именами Ш. Балли и В. Матезиуса. Они ввели в лингвистическую науку понятие актуализации смысловых отношений в предложении [Балли 1955; Матезиус 2003]. Ш. Балли рассматривал данный процесс как отождествление понятий с реальным представлением говорящего субъекта и соотносил их с членами предложения [Балли, 1955: 93]. Следовательно, функция актуализации смысловых отношений заключается в переводе языка в речь.

В диссертационном исследовании актуализация рассматривается в узком смысле, так как она ограничена условиями художественного текста и направлена на расширение возможностей семантической природы конкретного слова. Активизация данного процесса обусловлена возможностями единиц с продуктивной текстовой реализацией. Они обладают значительной системой лексико-семантических, содержательно-смысловых и других ресурсов, раскрывающихся в полном объёме в случае их непосредственного взаимодействия в информационном поле: чем больше

возникает условий для реализации отношений, способствующих выделению возможной семантической доминанты в виде голографической единицы, тем эффективнее развивается процесс актуализации её семантики в системе русского языка.

При актуализации семантики языковой единицы в сознании коммуниканта через смысловое поле конкретного текста осуществляется маркирование лексико-семантических, ассоциативных и других ресурсов голографической единицы (или составляющих ее компонентов). На уровне психики человека механизм развития этого процесса можно представить следующим образом. В смысловом поле текста выявляются возможные связи между его единицами; определяются принципы и способы взаимодействия их ресурсов. На этой основе устанавливается характер возникающих связей, их результативность, а именно: способствует ли развитие данных отношений выделению нового понятия, его признака в пространстве смыслового поля конкретного текста. Далее в сознании коммуниканта определяется единица, выполняющая функцию возможной семантической доминанты маркированного понятия, то есть выступающая в тексте в качестве голографической единицы.

Следует также отметить, что именно на стадии формирования процесса актуализации голографической единицы фактически устанавливается второй тип единиц, который не только непосредственно участвует в моделировании текстовой семантики, но и выполняет одну из главных функций, способствующих эффективному развитию данного процесса. Речь идет о стимуляторах. В дальнейшем ими провоцируется развитие нового значения на базе системы собственных ресурсов. Этот процесс осуществляется путём установления возможных видов реакций (на ассоциативном, эмоциональном, когнитивном и других уровнях), возникающих между данными типами единиц.

В связи с этим актуализация голографической единицы и её семантики, являющаяся результатом непосредственного функционирования единиц в пространстве текста, рассматривается как процесс текстовой организации значения слова за счет лексического и ассоциативно-понятийного развития, а также взаимодействия единиц, определяющих смысловое поле текста.

Опираясь на принципы композиционной семантики, разрабатывается теория текстовой актуализации семантики: через процесс получения и организации нового знания в структуре текста устанавливаются модели расширения системы языка. Актуализация значения текстовых единиц как составной этап этого развития приводит к тому, что в ходе текущей языковой деятельности возникают и начинают жить своей жизнью новые значения, которые в дальнейшем интерпретируются носителями языка. При этом содержание текстовой семантики моделируется по особым правилам (более детально процесс актуализации описывается в главе II § 4 *«Поверхностно-развёртываемая разновидность информационного поля текстовой голографической единицы»* и § 5 *«Глубинно-развёртываемая разновидность информационного поля текстовой голографической единицы»*).

Актуализация голографической единицы провоцирует развитие *процессов моделирования* её семантики, под которым понимается прямая семантико-ассоциативная реакция, возникающая на основе взаимодействия системы ресурсов голографической единицы и стимуляторов. Завершающий этап *голографического моделирования* связан с формированием механизмов данных процессов, которые реализуются в двух видах: *первичные* и *вторичные процессы моделирования*.

Первичные процессы моделирования семантики развиваются в ядерной части поля голографической единицы, когда вступают во взаимодействие все типы текстовых единиц, дифференцируемых в данном диссертационном исследовании. В итоге моделируются *базовые значения*, то есть участки обобщённой семантики, которые возникают в результате совокупной

реализации лексико-семантических ресурсов текстовых единиц. Следовательно, развивается ядерная часть информационного поля. Число базовых значений зависит от возможностей стимуляторов и особенностей структурирования пространства лексико-семантического микрополя (о механизмах формирования *первичных процессов моделирования текстовой семантики* детально излагается в главе II указанного выше § 4).

При участии процессов первичного моделирования в периферии информационного поля организуется *ассоциативное значение голографической единицы*, под которым понимается упорядоченная система вербализованных ассоциаций, порожденных в сознании коммуниканта различными видами взаимодействия единиц с продуктивной текстовой реализацией, например, внутрисловными или межсловными связями. Ассоциативное значение формируется в зависимости от следующих факторов:

1) от индивидуального опыта человека. Изначально голографическая единица и стимуляторы функционируют в языке в качестве его единиц. Они имеют исходное лексическое значение, обладают системой грамматических характеристик; их осознанное или неосознанное употребление в речи вызывает у человека определенные индивидуальные эмоции, аналогии, ассоциации, отражающие особенности его психики. Позже, приобретая статус текстовых единиц, они сохраняют этот «опыт», формируя на его основе особый тип значения – ассоциативный;

2) от конкретного текста. Ассоциативные значения голографической единицы и стимуляторов в виде вербализованных ассоциаций в сознании человека могут порождаться условиями конкретного текста, например, его сюжетными линиями, авторской позицией, единицами, составляющими его пространство (описанию особенностей формирования ассоциативного значения голографической единицы посвящено содержание главы II § 2

«Особенности формирования ассоциативного микрополя голографической единицы» и § 4, указанного ранее).

В дальнейшем в результате взаимодействия и синтеза базовых и ассоциативных значений текстовое развитие голографической единицы может завершиться. Однако в некоторых случаях процесс моделирования семантики на данной стадии не прекращается. Это происходит в том случае, если один из участков обобщённой семантики или синтезированных типов значений текстовых единиц обладает большим внутренним потенциалом по сравнению с другим. В результате развивается разное количество базовых и ассоциативных значений, то есть их числовое выражение может не совпадать, их содержательный объём также может существенно различаться. В этом случае возникают условия для повторной реализации участков обобщённой семантики и синтезированных ассоциативных значений текстовых единиц, вследствие чего развивается *процесс вторичного моделирования семантики*. Он активно реализуется за счёт активизации *глубинных возможностей голографической единицы и стимуляторов*, под которыми понимается внутренне обусловленная, скрытая, реализующаяся только в условиях повторного взаимодействия система лексико-семантических и ассоциативных ресурсов текстовых единиц. При их активном участии завершается формирование нового значения (процессы вторичного моделирования семантики, а также их механизмы детально описаны в главе II § 5 «Глубинно-развёртываемая разновидность информационного поля текстовой голографической единицы»).

Под **моделью семантического расширения** слова в тексте понимается структура, объединяющая результаты содержательно-смыслового развития языковой единицы в период порождения и восприятия текста, его смыслового поля. В связи с этим в лингвистическую практику было введено понятие модели текста, которая С. В. Пискуновой была определена состоянием коммуникативного процесса в различные моменты речи:

исходное, порождение, восприятие, коррекция [Пискунова 2002]. Опыт моделирования системы единиц, их внутреннего устройства и выполнения функций были во многом определены исследованиями Н. С. Трубецкого [Трубецкой 1960], продолжены В. Г. Руделевым при структурировании фонетической системы русского литературного языка и его диалектов [Руделев 1979, 2002], А. Л. Шарандиным и О. А. Цыпиным при описании грамматических классов слов и синтаксических композиций [Шарандин 2001, Цыпин 2003].

Процесс организации семантики языковой единицы в тексте реализуется в виде голографических моделей. В исходном положении они могут не совпадать, а в тексте – образуют единую группу. Следовательно, выделяются базовые модели семантической организации, которые сохраняются в языке и эффективно им используются, а также единичные (развивающиеся) модели, не получившие своего статуса, о продуктивности которых еще рано судить.

По своему характеру голографические модели семантики являются аналитическими. На «входе» при анализе следует опираться на слова (в единичном их представлении, в качестве части предложения и т.д.), а «на выходе» результатом являются новые семантико-смысловые структуры текста.

Голографические модели семантики слова представляют типичные, наиболее частотные лингвокоммуникативные структуры, отражающие организацию смыслового поля текста, а также внутреннее устройство голографической единицы. В них репрезентируются способы и механизмы языкового расширения. Так, например, голографические модели семантики «*Информационная петля*», «*Сфера-1*» и «*Сфера-2*» развиваются на основе пересечения ресурсов только голографической единицы (более подробно об особенностях организации данных моделей изложено в главе III § 2 «*Эскалационный тип голографической модели “Линейное структурирование*

внутреннего пространства текстовой голографической единицы”»). Их взаимодействие осуществляется только в определенной точке, где актуализируется доминантное значение признака, действия и т.п., выражаемого при участии структурных компонентов данной единицы.

Голографические модели организуются путём поэтапного наращивания стимуляторами текстовой семантики голографической единицы. Данный процесс может реализоваться в линейной плоскости в виде постепенного включения голографической единицы в систему ресурсов-стимуляторов. На данной основе организуется ее новое значение (*модель «Информационная цепочка», «Двойная цепочка»*) (см.: глава III § 2 *«Эскалационный тип голографической модели “Линейное структурирование внутреннего пространства текстовой голографической единицы”»*). При участии стимуляторов поэтапное наращивание текстовой семантики может осуществляться через систему информационных ярусов и уровней. В этом случае всё поле голографической единицы оказывается полностью задействованным. Оно разделяется по вертикали и горизонтали на информационные ярусы и уровни, которые представляют собой более крупные внутриполевые структуры, чем цепочка (*модель «Зонирование структуры текста»*) (более детально описание данной голографической модели представлено в главе III *«Модели семантики слова в тексте»*).

Таким образом, коммуникативное моделирование как способ развития семантического пространства слова представляет собой сложный и многоуровневый процесс, в рамках которого определяются принципы организации семантической структуры текста в целом. Оно реализуется в виде голографических моделей, которые имеют аналитический характер.

Выводы к главе I

Текст – основная единица языковой коммуникации, в связи с этим его единицы обладают коммуникативной природой, семантика которых способна отражать динамические процессы в системе русского языка.

Единица с актуализируемым значением определяется как голографическая единица, трансформирующая своё структурное и семантическое пространство за счёт собственных ресурсов или путём организации содержания при участии других текстовых единиц – стимуляторов. Она обладает системой собственных характеристик: по происхождению – авторские и общеизвестные; по словообразовательной природе – простые и сложные; по морфологической выраженности – самостоятельные части речи. Стимулятор в процессе формирования новой семантики выполняет особые функции – констатирующую и организующую. Данные типы единиц способны изменять структуру смыслового поля текста.

Представление голографической единицы в форме полевой модели позволяет говорить о ней как о полноценной системе подсистем, взаимопроникающих и взаимосвязанных между собой, которая формируется на основе различного рода отношений её компонентов (ядерной и периферийной зон). Поле голографической единицы – системное образование с характерными связями и отношениями, обладающее собственными специфическими чертами. Оно одновременно выступает как вид устройства и как модель порождения, восприятия и сохранения текстовой семантики.

По типу организации поле голографической единицы моноцентрично. Ключевую позицию занимает один из его компонентов, в котором сосредоточено наибольшее число устойчивых факторов, определяющих информациональный характер текстового развития языковой единицы.

Поле голографической единицы характеризуется иерархичной структурированностью: *ядро*, которое представлено лексико-семантическим микрополем (это совокупность лексических единиц и их значений, реализованных в конкретном тексте и объединённых в процессе актуализации голографической единицы общностью содержания, а также единой функциональной обусловленностью на развитие новой семантики), и *периферия*, организуемая ассоциативным микрополем (это совокупность развивающихся ассоциативных связей голографической единицы и стимуляторов, экспериментально выявленных в условиях текста).

Информационное поле и процесс *актуализации* голографической единицы характеризуются полифункциональностью:

– определяются возможные направления развития текстовых единиц, а на их основе выявляются принципы организации семантической структуры текста в целом; устанавливаются принципы моделирования текстовой семантики голографической единицы, а также формируются внутренние механизмы моделирования их семантики в виде первичных или вторичных процессов;

– выявляются участники процесса моделирования – голографическая единица и стимуляторы, на основе системы которых осуществляется процесс порождения и восприятия семантического расширения слова в тексте.

Процессы *первичного и вторичного моделирования семантики* определяют не только характер отношений компонентов информационного поля, условия взаимодействия его элементов, но и тип внутреннего устройства его пространства.

Коммуникативное моделирование семантики слова в тексте осуществляется в процессе порождения и восприятия информационного потенциала языковых единиц. Непосредственное взаимодействие различных типов ресурсов текстовых единиц, обладающих потенциальной значимостью,

направлено на развитие их лексико-семантических, содержательно-смысловых, коммуникативных возможностей. Результатом реализации данного процесса является увеличение объёма значения конкретного слова и семантическое расширение системы языка, что находит своё отражение при *голографическом моделировании семантики слова*, которое реализуется в сознании коммуниканта; в единицах системы языка – компонентах текста; в слове-единице, реализованной в смысловом поле определенного текста; в момент порождения с учётом авторских единиц, а также в момент восприятия с учётом моделей получателя информации.

Современное моделирование осложнено условиями общения, наложением разнокодовых систем, состоянием коммуникантов, уровнем их компетенции. Совокупность голографических моделей представляет собой систему: они классифицируются по типу, по форме и семантической функции на уровне слова и текстов отправителя и получателя информации или на уровне системы языка как её потенциала.

Тип и вид голографических моделей семантики слова определяется особенностями внутрислового пространства единицы с актуализируемым значением, описанию которых посвящено содержание главы II данного диссертационного исследования.

ГЛАВА II.

СТРУКТУРА ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ ТЕКСТОВОЙ ГОЛОГРАФИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ

§ 1. Особенности организации лексико-семантического микрополя голографической единицы (ядерная часть информационного поля голографической единицы)

Лексико-семантическое микрополе ядерной части поля голографической единицы делится в двух направлениях: по горизонтали и вертикали. С позиции структурной организации данные уровни и зоны выступают как самостоятельные элементы по отношению друг к другу. Подобная ректифицированность обусловлена внешними и внутренними факторами. К первой группе относятся следующие: особенности организации поля голографической единицы и многоаспектность информации в тексте; ко второй – полифункциональный характер отношений, возникающих при взаимодействии стимуляторов. Данная система требует более детального рассмотрения.

Внешние факторы – многокомпонентность организации информационного поля голографической единицы:

1. Информационное поле голографической единицы развивается на основе многокомпонентности, а также вариативности взаимодействия составляющих его элементов и характеризуется потенциальной эксплицитностью (открытостью) собственного пространства, поэтому его границы условны.

2. Информационное поле может расширяться, «впуская» оптимально большое число стимуляторов; то есть лексико-семантическое микрополе, в

условиях которого они аккумулируются, получает в развитии мощный толчок и изменяет собственные границы. В результате этого внутри ядерной зоны складывается следующая ситуация: с одной стороны, в условиях многокомпонентности системы стимуляторов границы лексико-семантического микрополя способны достигать своего максимума. Следует отметить, что в дальнейшем на этой значительной по содержанию базе более эффективно и динамично будет осуществляться развитие семантики голографической единицы. Обусловленность этих процессов очевидна: чем большее количество стимуляторов реализуется в лексико-семантическом микрополе, тем сложнее протекает процесс их взаимодействия. Возникает необходимость в их внутрислоевой систематизации и структурировании данных единиц. Подобная ректификация ядерной зоны позволяет детально оценить перспективность и установить особенности участия возможностей текстовых единиц в условиях развития информационного поля, а также выявить наиболее продуктивные варианты их взаимодействия. С учетом данных факторов текстовое развитие голографической единицы будет осуществляться максимально эффективно.

Внешние факторы – текст, система его смысловых ресурсов.

Информация в тексте представляет собой сложное многоаспектное и многоуровневое явление. Она включает в себя несколько пластов содержания (внутреннее и внешнее, скрытое и реализованное, приращенное и диагностическое, социальное и т.д.) [Пискунова 2002]. Следовательно, в тексте содержится достаточно разноплановая информация. У лингвистов подобная многоаспектность вызывает научный интерес. Этим и объясняются неоднократные попытки систематизации текстовой информации.

В истории науки существуют различные подходы к определению типологии информации и принципов ее классификации в тексте. Например, И. Р. Гальперин предлагает различать информацию содержательно-фактуальную; то есть факты, события, реальный или воображаемый мир;

содержательно-концептуальную; то есть замысел автора, его содержательная интерпретация, содержание эстетико-художественное; содержательно-подтекстовую; то есть скрытые ассоциативные и коннотативные значения [Гальперин, 2007: 27–28]). В основе концепции положен критерий прагматического назначения информации. Данная классификация находит поддержку и получает дальнейшее развитие при исследовании проблем художественного текста в научных трудах М. М. Бахтина [Бахтин, 1975: 17], Г. В. Степанова [Степанов 1976; 1978], В. Чейфа [Parret 1974] и др.

Предложенная С. В. Пискуновой типология информации в тексте соотносится с разработанной концепцией И. Р. Гальперина. Ею выделяется содержательно-фактуальная и событийная интенциональная информация социального, а также потенциального характера [Пискунова, 2002: 100].

Справедливо замечание С. В. Пискуновой о том, что наличие многоаспектной информации в художественном тексте способствует организации различных разновидностей семантики. Исходная семантика, зафиксированная в единицах грамматической природой языка, получает своё развитие на основе наращения эмоционально-экспрессивного и эстетического аспектов содержания [Пискунова, 2002: 101]. Приращенная (объективная), диагностическая и объективно-ошибочная семантики носят реальный характер. Они разворачиваются в процессе анализа-восприятия отдельных единиц или всего текста. В монографии «Тайны поэтической речи (грамматическая форма и семантика текста)» [Пискунова 2002] С. В. Пискунова обращается к анализу романа И. А. Гончарова «Обломов» и справедливо приходит к выводу, что поведение главного героя объясняется именно его реальным физическим состоянием – душевной опустошенностью, приводящей к физической усталости.

Очевидно, что наращение как вид развития исходной семантики характеризуется полифункциональностью и многоаспектностью, что подтверждает обоснованность установленных форм данного процесса,

реализующихся в голографических моделях: пересечение семантики компонентов голографической единицы на основе синонимичности их значений (модель «*Информационная петля*»); наложение семантики компонентов голографической единицы, осуществляемое на основе одноплановости, разноплановости или оппозиционности выражаемой ими семантики (модель «*Двойная сферическая плоскость*», «*Сфера-1*», «*Сфера-2*»); линейное развёртывание синонимичных или оппозиционных лексических цепочек (модель «*Информационная цепочка*», модель «*Двойная информационная цепочка*») и др. Подробно данный аспект рассмотрен в главе III § 2 «*Типы и виды голографических моделей текстового развития семантики слова*».

Наиболее полно оценка степени влияния типов информации на развитие значения слова в поэтическом тексте представлена в работе С. В. Пискуновой «*Поэтическая семантика слова (Б. Пастернак “Близнецы”)*» [Пискунова 1997]. В ходе анализа стихотворения Б. Пастернака «*Близнецы*» ученый обоснованно приходит к выводу, что моделирование содержания текста и его единиц осуществляется на основе всех знаний о семантике слова «близнецы» (в частности, грамматической природы слова: множественное число; цветовая гамма созвездия; иерархия смыслов – близнецы: 1) люди; 2) звёзды; 3) знаки Зодиака; 4) родственные души; 5) подражание и т.д.). Речь идет о приращении семантики. С. В. Пискунова обращает внимание на интересный факт: на основе подобного развития значения появляются новые слова; то есть периферия становится в них ядром.

В работах, посвященных проблемам поэтической и прозаической речи, С. В. Пискуновой неоднократно подчеркивается, что единицы, реализующиеся в тексте, изначально наделены природой языка определенной информацией. Она классифицируется в качестве исходной. В ходе анализа-восприятия человеком отдельных единиц и всего текста на основе данной

информации могут развиваться ее виды: приращенная (объективная), диагностическая (дополнительно объективная, но не обязательная), а также объективно ошибочная и их разновидности по функциональному типу [Пискунова 1991; 1999; 1999а; 2001; 2002]. По мнению ученого, все они носят реальный характер. Кроме того, данные виды информации возникают в процессе коммуникации на основе конкретных текстовых отношений, способствующих возникновению особого типа единиц – текстовых. К ним, по мнению С. В. Пискуновой, следует отнести «слово, элемент нового предложения, элемент нового словосочетания, новой звуковой гармонии, способное восстановить или породить скрытые, “нулевые”, формально не выраженные компоненты произведения» [Пискунова 2002: 69]. Очевидно, что выделенные ученым типы информации определяются в отношении тех единиц, которые получают развитие непосредственно в тексте. Именно к ним следует отнести голографическую единицу, то есть предложенная научная концепция теоретически обосновывает выдвинутую гипотезу о существовании голографической единицы.

Н. С. Валгина, изучая структуру и семантику художественного текста, а также механизмы его образования и восприятия, приходит к выводу о зависимости функционально-смысловых типов речи от характера передаваемой содержательной информации. В связи с этим ею выделяются в тексте следующие виды информации: фактологическая (соответствует эмпирическому уровню познания); концептуальная и гипотетическая (соотносится с теоретическим уровнем познания); методическая (заключает в себе описание способов и приемов усвоения информации) и т.д. [Валгина 2003]. Нельзя не согласиться с мнением ученого, что установленные виды информации представлены в разных текстах либо отдельно, либо в совокупности. Действительно, фактологическая информация, представляющая собой факты так же, как и иные виды знания, которые устанавливаются в ходе познания действительности разными методами, и

эстетическая информация, связанная с категориями оценочного, эмоционального, нравственно-этического плана, определяют тексты художественные. Для них важна событийность, система художественных образов, с помощью которых автор оценивает поступки и характеры своих персонажей и передаёт свое восприятие окружающего мира и др. В романе Л. Н. Толстого «Война и мир» на базе данных видов информации формируется смысловое поле текста, система его ресурсов. Через картины подлинной исторической действительности России XIX века дана оценка системы духовно-нравственных ориентиров русского народа, его отдельных личностей и т.п. Это во многом определяет смысловое поле текста романа и находит своё отражение в системе его единиц.

Научные изыскания З. Я. Тураевой связаны с решением проблемы параметризации уровней глубины художественного текста. Основопологающим критерием предложенной ею типологической классификации является идейно-тематическое содержание текста. Вслед за А. В. Бондарко [Бондарко, 1978: 197], З. Я. Тураева различает контекстуальную, ситуативную и энциклопедическую разновидности информации [Тураева, 1986: 14]. Лингвист указывает на значимую роль энциклопедической информации при осмыслении художественного текста, так как она находится в прямой зависимости от словаря носителя языка. З. Я. Тураева представила блестящие образцы анализа поэтических произведений Д. Кедрина «Зодчие» и А. Вознесенского «Мастера» в аспекте приращения семантики слова с учетом различных видов информации, реализующихся в тексте. В основе поэм лежит легенда об ослепленных зодчих, построивших храм Василия Блаженного. З. Я. Тураева справедливо приходит к выводу, что на базе энциклопедической разновидности информации, зависящей от фоновых знаний читателя, в частности, исторических сведений о средневековой Руси, его социального и культурного статуса, а также эстетической разновидности информации, неотделимой от ее материальной

формы, в поэмах развивается особая глубинная и поверхностная структуры поэтического текста, в которых моделируется новая семантика единиц (*мрак, словно мамонт; Мичурин шестнадцатого века, пожарище-сутана* и др.).

Проблемами текста активно занимается когнитивная наука (коммуникативно-семантическое направление лингвистических исследований в области текста [Лисоченко 1992], прагматическо-семантическое направление [Алефиренко 1999; Болотнова 1992; 1994; Петрова 2000 и др.]) и др.

Н. Ф. Алефиренко, определяя текст как коммуникативное образование, выделяет в его семантической структуре ядерную и периферийную части, где формируется различное по характеру содержание (предметно-понятийное и коннотативное) [Алефиренко, 1999: 253]. Денотат текста, сформированный событийным содержанием, а также коммуникативной природой семантики и грамматики его единиц, связан с речевой деятельностью носителя языка, с экстралингвистическими факторами. Следовательно, по мнению Н. Ф. Алефиренко, сигнификативный компонент, отражающий реакцию на окружающую реальность, на её познание, входит в смысловую структуру текста. Учитывая аспект порождения и восприятия текста, ученый признаёт многоаспектность информации. Он выделяет приращенный, диагностический и объективно-ошибочный типы информации, на базе которых формируется смысловая структура текста.

Данное утверждение доказывает предположение о том, что разный тип информации, реализуемой в тексте, способствует развитию его смысловых ресурсов, которые обеспечивают внутрислоевую ректифицированность пространства голографической единицы.

Нельзя не согласиться с мнением Л. В. Лисоченко о том, что не менее важным аспектом процесса порождения, восприятия и языковой реализации информации в тексте является привлечение дополнительных, внетекстовых факторов, базирующихся на знаниях участников общения, на национальной

специфике их коммуникативного поведения, особенностях речевого акта и т.д. На основе информации данного вида в сознании коммуниканта развивается наиболее полное представление о различных типах текстов и его единицах. Отмеченная учёным продуктивность подобного подхода позволяет рассматривать ассоциативный ресурс голографических единиц и стимуляторов в качестве одного из главных факторов, способствующих организации их новой семантики. В свою очередь объективность интерпретации значения коммуникантом определяется триединством: действительность – мышление – язык, так как мышление – высшая форма отражения действительности, а язык – материальная форма осуществления мыслительной деятельности.

К интересному повороту в оценке видов текстовой информации применительно к стилистике и переводу подошли отечественные лингвисты В. С. Виноградов [Виноградов 2001], К. Н. Дубровина [Дубровина 1970], Л. А. Киселева [Киселева 1973], П. И. Копанев [Копанев 1972], Э. П. Шубин [Шубин 1971] и др.

В исследованиях, посвященных проблемам переводных текстов, В. С. Виноградов, рассматривая типологическую классификацию информации в тексте, учитывает факт обязательной соотнесенности любого слова как с реалиями объективной действительности, так и с языковой системой. Ученый приходит к выводу о целесообразности выделения двух разновидностей информации: экстралингвистической и лингвистической. В информации первого типа отражаются понятия и представления о явлениях, любых объектах действительности, характеристиках, действиях, состояниях, особенностях и т.п., которые присущи различным материальным и духовным формам природы и общества. Информация второго типа имеет внутриязыковое содержание; в ней отражены объекты языковой системы, отношения между ними и закономерности создания речевой цепи [Виноградов 2001].

В работе «Языковая коммуникация и обучение иностранным языкам» Э. П. Шубин выделяет три типа информации в тексте в зависимости от общего фонда знаний социума: семантическая, передающая разнообразные сведения о быте и выражающая отношение говорящего к сообщаемым сведениям; паралингвистическая, то есть информация о самом говорящем или пишущем, которая может порождаться независимо от их воли; эмоционально-эстетическая, воздействующая на реципиента [Шубин, 1971: 20–22].

П. И. Копанев дифференцирует семантическую и эмоционально-эстетическую (эмоционально-экспрессивную) информации [Копанев, 1972: 46; 53]. К. Н. Дубровина, опираясь на положения, выдвинутые Р. Г. Пиотровским [Пиотровский, 1960: 11–12], выделяет типы текстовой информации с учетом особенностей семантической структуры слова. При этом особое внимание лингвист обращает на систему составляющих ее компонентов: основного и дополнительного (социально-исторический, территориальный, профессиональный, эмоционально-экспрессивный, оценочный, эстетический). В соответствии с этим К. Н. Дубровина предлагает выделять основную лингвистическую информацию, которая передается при участии основного компонента, и добавочную лингвистическую, или социально-лингвистическую информацию; ее характер определяется дополнительным компонентом семантической структуры слова. Необходимо учитывать, что данный тип классификации особенно актуален при выполнении переводческой работы, так как знание таких характеристик слов оригинала, как социальная и территориальная обусловленность, профессиональный статус, эмоционально-экспрессивная выраженность чрезвычайно важны для правильного осмысления и восприятия текста и верного выбора лексических соответствий при переводе.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить следующее: признание многими учеными многоаспектности текстовой информации позволяет

подтвердить предположение, выдвинутое в ходе исследования голографических моделей, о сложном характере структурной организации текстовой единицы и, в частности, об особенностях ее внутрислоевой ректификации.

Очевидно, что разнообразные типы информации отдельно или в совокупности могут содержаться в одном тексте. Система стимуляторов, функционирующая в конкретном тексте и одновременно формирующая поле единицы с актуализируемым значением, непосредственно принимает участие в их репрезентации через структурирование внутрислоевой ядерной зоны в нескольких направлениях, что оптимизирует систему внутрислоевого устройства голографической единицы. В дальнейшем на этой организационно упорядоченной базе будет более эффективно моделироваться текстовая семантика слова. Структурирование ядерной зоны поля способствует развитию смысловых ресурсов самого текста, что позволяет более дифференцированно и в то же время максимально полно передать все реализуемые в нем разновидности информации.

Следовательно, подобная внутрислоевая ректифицированность голографической единицы обусловлена не только субъективными причинами, в частности, необходимостью её организационной упорядоченности, но и системой объективных факторов: текстом, его потребностями, возникающими при реализации различного рода информации.

Внутренние факторы – полифункциональность отношений, возникающих при взаимодействии стимуляторов.

Лексико-семантическое микрполе голографической единицы (или ядерная часть ее информационного поля) организуют стимуляторы, как правило, характеризующиеся разной грамматической природой, репрезентирующие разноплановую по характеру или виду семантику, например, оппозиционную, синонимичную, квазисинонимичную на основе

родо-видовых или видо-видовых отношений, стилистически дифференцированную и т.д. Безусловно, зональная (в вертикальном направлении) и уровневая (в горизонтальном направлении) внутрисловообразовательная ректифицированность позволяет текстovým единицам интегрироваться с учетом их природных особенностей. В результате дифференциации стимуляторы получают возможность взаимодействовать избирательно. На этой вариативной основе определяется общее содержательное направление, в рамках которого формируется голографическая единица.

Следовательно, семантическая напряженность внутри ядерной части поля, затрудняющая развитие любых процессов языковой интеграции, частично снимается. Только тогда система потенциальных ресурсов стимуляторов реализуется в полном объеме. В результате чего ядро поля голографической единицы будет развиваться максимально динамично.

Проведенный анализ фактологии дает возможность заключить, что установленная многоуровневая форма внутрисловообразовательной ректифицированности в отношении единицы с актуализируемым значением обусловлена рядом объективных причин лингвистического и экстралингвистического характера. При таком виде структурирования задействованным в максимальном объеме оказывается все пространство ядерной зоны информационного поля, организованное при активном участии системы стимуляторов. Именно при таких условиях в полной мере раскрываются их природные особенности и коммуникативные возможности. В результате формируется значительная по своему объему лексико-семантическая база, на основе которой в дальнейшем будет осуществляться текстовое развитие значения голографической единицы.

§ 2. Особенности формирования ассоциативного микрополя голографической единицы

Термин «ассоциативное поле», введенный Ш. Балли, получил большое распространение не только в языкознании, но и в философии, психологии, медицине и др. По мнению ученого, его структуру организуют слова, спровоцированные в сознании информанта ассоциациями с ранее произнесенными словами-стимулами [Балли, 1955: 3], то есть данная обусловленность определяется возможностью установления структурных связей между конкретным словом и его ассоциациями, реализующимися в сознании носителя языка и ориентированными на социальный, возрастной, профессиональный и пр. опыт коммуниканта.

Значительный вклад в изучение ассоциативного поля внес Дж. Диз. В монографии «Структура ассоциаций в языке и мышлении» [Deese 1965] ученый научно обосновывает взаимосвязь семантических и ассоциативных ресурсов слова. Дж. Диз указывает на необходимость всестороннего анализа данных возможностей не только на основе сходства, но и различия в семантике слов-стимулов. Для дифференциации значения необходима реализация двух типов отношений – противопоставление и объединение.

В отечественной лингвистике актуализация интереса ученых к всестороннему изучению ассоциативных полей связана с изданием «Словаря ассоциативных норм русского языка» [САНРЯ 1977]. Он представляет собой результат длительной работы исследователей над систематизацией сведений о природе ассоциаций и ассоциативных норм. На данной научной базе разрабатывается методический аппарат ассоциативного эксперимента, на основе которого реализуется возможность выявления ассоциативных полей слова. Авторы приходят к выводу, что ассоциативный потенциал слов является одним из источников получения и реализации лингвистической информации. В частности, ассоциативное поле рассматривается в качестве

основной структурной единицы лексикона человека (И. И. Бабенко [Бабенко 2001], А. А. Залевская [Залевская 2000], Ю. Н. Караулов [Караулов 1999], Г. А. Мартинович [Мартинович 1989] и др.). Оно позволяет изучать различные явления языка с принципиально иных позиций, вне «жестких логических схем построения», приводящих к созданию «искусственных моделей, весьма далеких от предполагаемых “естественных” систем языка» [Мартинович, 1989: 40]. В ассоциативном поле фиксируется виртуальное значение слова, которое во взаимосвязи с общепринятым, уже освоенным языком, определяет возможные перспективы его дальнейшего развития. Данный вид поля отражает динамику языка.

Изучение ассоциативных структур языка тесно связано с именем Ю. Н. Караулова [Караулов 1976; 1987; 1994; 2000 и др.]. Анализируя природу ассоциативного поля, лингвист устанавливает его свойства. В качестве одной из главных характеристик Ю. Н. Караулов называет тяготение к нулевому показателю временной составляющей. Это определяется тем, что связи, формирующие ассоциативное поле, устанавливаются стихийно. Они носят самопроизвольный характер. Благодаря этому свойству ассоциативное поле в максимальной степени приближено к отражению различных мыслительных структур, в частности, механизма ассоциирования.

Основные направления концепции ассоциативного поля Ю. Н. Караулова нашли отражение в трудах отечественных психолингвистов. Так, А. А. Залевская, исследуя структурные особенности организации словаря человека, устанавливает, что ассоциативное поле представляет собой единицу лексикона языковой личности [Залевская 1990; 1999].

Н. И. Берсенева, рассматривая данную структуру в виде систематизированного по частотности набора реакций на стимул [Берсенева 1995], приходит к выводу, что ассоциативный потенциал, накопленный человеком, активно участвует в моделировании значения конкретного слова.

По мнению ученого, особенно эффективно этот процесс реализуется при формировании текстовой компетенции младшего школьника на основе его внутреннего лексикона. Предметом исследования становятся условия развития ассоциативного поля слова в онтогенезе (период: дети 6–10 лет), а также особенности влияния гендерных параметров ребенка на процесс ассоциирования.

Очевидным, по мнению психолингвистов, является тот факт, что ассоциативное поле каждого человека индивидуально по набору наименований и по интенсивности связей, устанавливаемых между ними в сознании индивидуума. Данную структуру формируют слова-стимулы и слова-реакции, находящиеся друг с другом в определенных отношениях, которые характеризуются степенью удаленности / приближенности к ядру. Наблюдается двунаправленность подобных связей, которая выражается, с одной стороны, казуальностью возникающих реакций при ответе на стимул (возрастные особенности, профессиональный фактор, гендерные и антропологические параметры и т.д.), с другой стороны – устойчивостью национально-культурного фактора (принадлежностью к одному народу, культуре и пр.), на базе которого устанавливаются ассоциативные связи и развиваются ассоциативные поля.

В структурном отношении ассоциативное поле отличается ядерно-периферийной дифференцированностью. Его ядерную часть составляют наиболее частотные реакции на слово-стимул, «которые фиксируют толкование лексической единицы, денотативные компоненты ее семантики» [Болдина, 2005: 24]. Периферийную часть ассоциативного поля составляют компоненты, существенные в смысловом отношении, которые регистрируют эмоциональные, оценочные, «случайные» составляющие значения единиц языка.

Признавая наличие лингвистического и когнитивного ресурсов ассоциативного поля, О. П. Болдина предлагает рассматривать его как

совокупность различных структур: фонетической, лексической, синтаксической, морфологической, когнитивной, прагматической и статистической [Болдина, 2005: 23–26]. Так, например, лексическая структура реализуется через лексико-категориальные отношения, формирующиеся при участии стимула и реакции. В свою очередь, словоизменительные и словообразовательные отношения между реакцией и стимулом организуют морфологический уровень ассоциативного поля. Когнитивная структура реализуется на базе сформировавшихся знаний носителя о стимуле, которые зафиксированы в языке. Она также может проявляться в метафорических выражениях стимула, представленных и объединенных в смысловом отношении в группах реакций. Прагматический компонент ассоциативного поля состоит из характеристик, оценок и пр. содержания стимула, которые формируются в сознании носителей языка на базе их опыта (социального, профессионального и т.п.). Статистическая структура организуется на основе количественных показателей, которые способны обеспечить устойчивость поля в качестве психического и языкового явлений.

Ассоциативное поле в современной лингвистике рассматривается как единица языка, которая имеет лексико-грамматическую структуру и на этой основе представляет непосредственно язык, что нашло подтверждение в ходе настоящего исследования, в котором *ассоциативное поле слова* рассматривается в качестве ключевого понятия в теории текстовых ассоциаций (направление коммуникативной стилистики). По мнению сторонников данной концепции, оно отражает собственный коммуникативный потенциал [Болотнова, 1992: 106]. Для описания особенностей данной структуры учёными вводится термин «текстовое ассоциативно-смысловое поле», под которым понимается особого вида образование, зафиксированное в сознании читателя, «коррелирующее с единицами образного строя произведения и формирующееся на

концептуальной основе» [Болотнова, 1998: 246]. Специфика его природы определяется следующими объективными и субъективными факторами: с одной стороны, функционирование каждого слова в тексте зависит от его системно-языковых характеристик и исторически сложившейся практики употребления; с другой – употребление его единиц определяется индивидуальными пристрастиями языковой личности автора, обеспечивающими «возможную оригинальность и неповторимость ассоциативной структуры ядерного элемента (ключевого слова-номината концепта) и круг индивидуально-авторских ассоциатов-реакций на стимул» [Болотнова, 1998: 247].

Обращение к вопросу о соотносимости разных типов полей позволило В. П. Абрамову решить проблему организации ассоциативно-смыслового поля художественного текста [Абрамов 1992; 2003]. Выделяются следующие аспекты его формирования: авторская стилистика, которая опирается на систему данного языка, то есть на общеязыковые парадигматические, синтагматические и эпидигматические связи; смысловой центр, репрезентирующий главную тему, идею, образы произведения, моделирует семантическое поле данного текста; «внутри СП художественного текста, как правило, синтезируется особое микрополе с окказиональными, произвольными, индивидуально-авторскими связями. В тексте осуществляется взаимодействие разноуровневых языковых единиц и происходит их семантическое преобразование под влиянием контекста» [Абрамов, 2003: 267].

Проблеме организации ассоциативно-смыслового поля уделяется особое внимание. Л. Н. Чурилина использует методику моделирования текстового ассоциативного поля, разработанную Ю. Н. Карауловым и Е. Л. Гинзбургом, которая базируется на придании полю «статуса потенциального множества слов текста, своеобразного набора ключевых слов, вербализующего фрагмент концептуальной картины мира» [Чурилина,

2003: 16]. Данный процесс осуществляется на основе маркирования ключевых слов, то есть «такие, которые обладают свойством образовывать смысловые сгущения, своеобразное семантико-тематическое поле, но поле, релевантное только в данном тексте, объединенном темой и основной идеей произведения» [Караулов, 1992: 158]. У слов данного типа обнаруживаются лексические связи с последующими словами текста. Стоит отметить, что голографическая единица также вступает в отношения с другими языковыми единицами с продуктивной текстовой реализацией. На этой основе, в частности, организуется её ассоциативное микрополе.

Однако ассоциативно-смысловое поле не тождественно ассоциативному полю. Оно формируется на основе ассоциативного поля писателя, которое отличается своеобразием, а также представляет связи в национальной концептосфере в соответствии с замыслом писателя. При этом читательское восприятие текста не учитывается. Ассоциативное микрополе голографической единицы организуется с учетом двух данных аспектов.

Согласно выработанной в когнитивной лингвистике концепции при изучении ассоциативного поля язык представляется одновременно как система, как текст и как способность. В этом случае его элементы, синтезирующие эмпирический и культурный опыт носителей языка, способны реализовать возможность применения лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов к значению слова [Караулов 2000; Попова 2007а; Уфимцева 2009]. Ассоциативное поле, по мнению Н. В. Уфимцевой, способно отразить «уникальность и неповторимость образа мира каждой культуры» [Уфимцева, 2009: 108].

По мнению З. Д. Поповой, ассоциативное поле базируется на внеязыковых связях денотатов и внутриязыковых связях слов-ассоциатов, которые развиваются за счет «стимула-идентификатора, находящегося внутри поля, по принципу ассоциаций» [Попова, 2007а: 33]. Слова-ассоциаты, «несмотря на их варьирующийся состав у разных информантов,

обнаруживают значительную степень общности (однородности). Слова одного ассоциативного поля характеризуются семантической близостью» [ЛЭС, 1990: 381]. Стимуляторы в ассоциативном микрополе голографической единицы тоже обладают определенной смысловой, коммуникативной, фонетической и другой схожестью, близостью, способствующей развитию связей и реакций, на базе которых формируется ассоциативное значение единиц с продуктивной текстовой реализацией. Это позволяет говорить о возможности изучения ассоциативного микрополя голографической единицы как вида устройства её внутреннего пространства (более подробно об этом сказано в главе II § 3 «*Вербализованные ассоциативные связи как основной элемент развития периферийной зоны информационного поля*»).

А. М. Новикова рассматривает текстовое ассоциативное поле как единицу языковой способности [Новикова 1998], которая представляет собой уникальную форму представления знаний, функционирующую наряду с фреймами, скриптами и сценариями и организуемую аналогично языковому полю [Новикова, 1998: 15].

Следует вспомнить, что первоначально понятие об ассоциации и ассоциативных возможностях различных категорий сложилось в философских учениях древнего мира. В работах Платона и Аристотеля встречается упоминание о связи психических процессов. В частности, последний выделял три вида ассоциаций: по смежности, сходству и контрасту. Согласно его концепции, ассоциации по смежности связаны с отражением в сознании пространственно-временных отношений предметов и явлений. Ассоциации по сходству реализуются в том случае, если образы предметов и явлений или мысли о них вызывают представления о чем-либо, сходном с ними. Ассоциации по контрасту определяют резко различающиеся явления. Данные представления легли в основу многих психолингвистических теорий об ассоциативности различных категорий.

Естественно-научное объяснение ассоциации была предложено И. П. Павловым. Учёный установил, что в основе всех видов ассоциаций лежат временные нервные связи. Данное понятие И. П. Павлов также считал одним из важнейших в психологии. Ассоциация рассматривается как связь между психологическими явлениями, при которой актуализация одного (восприятия, представления) влечет за собой появление другого [КПС 1985]. Устанавливается, что ассоциативное поле в известной степени является моделью сознания человека. Однако непосредственно слово не может опредмечивать образ. Оно лишь указывает на него. Следовательно, в ассоциативном поле представлены прежде всего правила оперирования знаниями (вербальными и невербальными) об определенной культурной общности. В ассоциатах (реакции на слово-стимул) отражены наиболее частотные семантические связи слов.

Особый интерес психологов к ассоциации отмечается в XVIII–XIX веке. Данное понятие становится ключевым для многих психологических систем. Термин «ассоциация идей» вводит Дж. Локк. Он противопоставляет ассоциацию связям на основе разума. Научное направление, придерживающееся данного принципа, получает название ассоцианизм.

Однако само понятие «ассоциация» в трудах последователей Дж. Локка трактуется по-разному. Например, Дж. Беркли [см.: Багрецов 1908; Девяткин 1999] и Д. Юм [Юм 1965], представители идеалистического направления ассоциативной психологии, рассматривают ее как связь феноменов в сознании; Д. Гартли, разработавший основы естественнонаучного принципа ассоциативной психологии, – как *связь феноменов внутри сознания субъекта* [Английские материалисты XVIII века 1967].

Особенно интересны взгляды Д. Юма. По его мнению, ассоциации прихотливы. Они определяются случайными комбинациями элементов опыта, а потому они по содержанию случайны, хотя по форме и согласуются с некоторыми постоянными (и в этом смысле необходимыми) схемами.

Именно идеи Д. Юма о видах ассоциативных связей положены в основу современного понимания данного явления. В опоре на эту концепцию в данном исследовании формулируются принципы развития ассоциативных связей, возникающих в информационном поле голографической единицы.

Д. Юм различает ассоциативные связи по смежности в пространстве и времени, по причинно-следственной зависимости. На данной основе могут ассоциироваться впечатления, идеи, впечатления и идеи друг с другом, а также с состояниями предрасположенности к дальнейшему развитию ранее возникших переживаний [Юм, Т. 1, 1965: 198].

Ученый детально анализирует характер формирования ассоциативности. Так, например, в основе развития ассоциаций по сходству могут лежать как положительные, так и отрицательные эмоции, впечатления, аналогии и т.д. По мнению ученого, особого внимания заслуживают последние. Отрицательные эмоции в отличие от положительных порождают контраст, на базе которого формируется противоположная по характеру ассоциация. Ассоциирование по смежности в пространстве и по непосредственной последовательности во времени связано с идеями внешних впечатлений и наиболее успешно реализуется в области эмпирического естествознания, так как «мысль о каком-нибудь объекте легко переносит нас к тому, что с ним смежно, но лишь непосредственное присутствие объекта делает это с наивысшей живостью» [Юм, Т. 2, 1965: 55].

Сформировавшееся в рамках психологии учение об ассоциациях разрушало логическую трактовку мыслительных процессов, изымало из мышления его логическую основу.

Психологические ассоциации составляют важнейший аспект восприятия, так как они лежат в основе познавательных процессов человека. Вся совокупность разнокачественных познавательных процессов рассматривается как проявление «единой системы когнитивного взаимодействия человека с миром», обобщаемой в понятии «ментальная»

или «когнитивная репрезентация» мира [Брушлинский, 1998: 8]. Первые когнитивные модели сформировались именно на основе ассоциативного принципа, который заключается в существовании стимула и последующей реакции, а также в обнаружении определенной связи между ними [Ребеко 1998].

С именем Н. В. Крушевского связано понимание ассоциации как особого психологического закона. По мнению учёного, языковая система определяется законами ассоциации, то есть слова, организованные на данной основе, должны распределяться в сознании человека на те же группы, что и обозначаемые ими вещи [Крушевский, 1998: 147].

Н. И. Жинкин рассматривает ассоциации в качестве особого физиологического механизма, фиксирующего язык. Принцип ассоциирования выражается в установлении различных видов связей, что и определяет процесс функционирования речевой организации человека. Это в свою очередь, по мнению Н. И. Жинкина, позволяет говорить об универсальном принципе ассоциирования, который нашел оригинальное воплощение в психоанализе [Жинкин 2001]. Речь идет о так называемом методе свободных ассоциаций, который был использован З. Фрейдом в качестве одного из основных диагностических приемов, позволяющих посредством анализа взаимосвязи слов-стимулов и ответов пациента выявить особенности бессознательной мотивации поведения [Фрейд 1999].

С конца XIX века большое внимание лингвисты и психологи уделяют исследованию собственно словесных (вербальных) ассоциаций. Изучение данного явления осуществлялось в двух направлениях. *В основу первого направления* положено традиционно-лингвистическое понимание вербальных ассоциаций. Данный подход представлен в работах выдающихся русских лингвистов Н. В. Крушевского [Крушевский 1883], М. М. Покровского [Покровский 1959], А. А. Потебни [Потебня 1999] и др. Примечательно, что в качестве основного материала исследования выступали литературные

тексты. На базе их изучения с опорой на собственный языковой опыт и интуицию учеными создавались и трансформировались различные виды ассоциативных связей. В русле второго научного направления рассматривается зависимость вербальных ассоциаций от особенностей ассоциативного эксперимента. Данное положение развивается в трудах западных психологов, психиатров и психолингвистов Г. Кента [Kent 1910], Дж. Миллера [Miller 1951], Ч. Кофера [Cofer 1957] и др. В основе данной концепции лежит утверждение о многочисленности различных связей между словами. Именно это выделенное свойство слова позволяет ученым классифицировать вербализованные ассоциации достаточно разнообразно: от самых общих до очень дробных и разнородных дифференциаций. Например, Дж. Миллер определяет следующие отношения между членами ассоциативных пар: контраст, сходство, подчинение, соподчинение, обобщение, ассонанс, часть-целое, дополнение, эгоцентризм, однокоренные слова, предикация [Miller 1951].

Особое внимание современных отечественных психолингвистов уделяется изучению приемов, направленных на выявление ассоциаций. В работах Е. И. Горошко [Горошко 2001], А. А. Залевской [Залевская 1971], А. А. Леонтьева [САНРЯ 1977], А. Н. Леонтьева [Леонтьев 1983], Р. М. Фрумкиной [Фрумкина 2001] детально рассматриваются виды и механизмы ассоциативных экспериментов. Выделяется три вида ассоциативных экспериментов: свободный, направленный, цепной [Белянин, 1999: 78]. Они имеют разные цели и направлены на решение определенных задач. Так, при проведении свободного ассоциативного эксперимента испытуемому необходимо за кратчайший промежуток времени назвать слово (реакцию), вызванное словом-стимулом. Причем определяющим моментом является первоочередность ответа. Только в этом случае, по мнению Р. М. Фрумкиной, коммуникант получает возможность не размышлять «...над тем, что бы ему сказать и как, так как само понятие ассоциирования

исключает идею отбора ответов» [Фрумкина, 2001: 191]. Методика свободного ассоциативного эксперимента была разработана в трудах К. Г. Юнга. На данной основе составлялся первый словарь ассоциативных норм английского языка в США [Kent 1910]. Следует отметить, что метод свободного ассоциативного эксперимента выступает в качестве одного из самых объективных и частотных в лингвистических исследованиях.

Цепной ассоциативный эксперимент при ограниченном временном интервале проведения не лимитируется количеством слов, предложенных испытуемым [Горошко, 2001: 16]. Задачей его проведения является установление общего объема репрезентируемых ассоциаций за единицу времени. При этом серьезной проблемой остается дифференциация первичного стимула, вызвавшего определенную реакцию. Данная ситуация вызвана взаимообусловленностью стимула и всех спровоцированных им реакций.

В условиях направленного ассоциативного эксперимента выбор планируемой реакции коммуниканта строго ограничивается каким-либо параметром (лексическим, морфологическим, парадигматическим и пр.) [Клименко, 1975: 66].

В ходе диссертационного исследования для опытной проверки валидности результатов теоретического исследования, целью которой является подтверждение установленных закономерностей в организации текстового значения голографической единицы на различных этапах моделирования, используется направленный ассоциативный эксперимент (см. результаты в *Приложении*). В качестве ограничителя выбора ассоциаций выступает художественный текст. На одном из этапов опытной проверки испытуемым предлагалось определить развивающийся в рамках фрагмента художественного произведения содержательно-смысловый потенциал голографической единицы и стимуляторов. В качестве слова-стимула выступала либо голографическая единица, либо стимулятор. Испытуемым

предлагалось установить типы связей, возникающих при взаимодействии потенциала данных единиц. Работа осуществлялась на основе материалов следующих словарей: «Русский ассоциативный словарь. От стимула к реакции» [РАС 2002]; «Русский ассоциативный словарь. От реакции к стимулу» [РАС 2002а]; «Словарь ассоциативных норм русского языка» [САНРЯ 1977], а также на базе сформировавшейся системы индивидуальных ассоциативных представлений испытуемых.

В ходе данного опытного этапа ставилась задача – выявить вербализованные текстовые ассоциации, спровоцированные голографической единицей или стимуляторами во фрагменте конкретного текста, и определить их количественную частотность. Результаты проведения направленного ассоциативного эксперимента подтвердили продуктивность участия ресурсов единиц в формировании семантики слова в тексте, а также доказали возможность установления выделенных внутрисловных и межсловных типов связей текстовых единиц (подробнее о них – см. глава II § 3 «*Вербализованные ассоциативные связи как основной элемент развития периферийной зоны информационного поля*»). Было установлено более 1300 вербализованных ассоциаций, организовавших ассоциативное значение голографической единицы (см. прил. 1).

В исследованиях Ю. Н. Караулова [Караулов 1996], М. В. Завьяловой [Завьялова 2001], А. Р. Лурии [Лурия 1927; 1930; 1958; 1956; 1958а и др.], Т. В. Соколовой [Соколова 1996; 1996а; 1999] анализируются особенности развития ассоциирования на ранних этапах онтогенеза человека.

А. Р. Лурия предложил дифференцировать реакции с учетом трех позиций ассоциативной связки: стимул – реакция – связь между ними. Именно подобный анализ хода всего ассоциативного процесса объективно отражает этапы «движения» ребёнка от стимула к реакции и их качественное наполнение [Лурия 1927]. Ученый выделяет несколько типов реакций, например, неадекватные реакции, в которых связи между стимулом и

представлением, вызванным им, не устанавливаются (молчание; реагирование одним и тем же словом на любой раздражитель; реакции по звуковому оформлению и т.п.); адекватные реакции с ярко выраженной семантической связью стимулом и реакцией (завершение единой структуры через различные предикативные реакции); собственно ассоциативные реакции с реализованной смысловой связью между стимулом и реакцией и пр. Данная классификация в полном объеме отражает особенности формирования нервно-психического аппарата ребенка (от периода отсутствия реакции до этапа организации более сложных в структурно-смысловом плане реакций). В частности, А. Р. Лурия приходит к выводу, что у ребёнка 5–7 лет преобладают предикативные реакции. Ассоциативное реагирование развивается в более позднем возрасте [Лурия, 1979: 134].

Н. А. Гасица, изучая особенности внутреннего лексикона ребенка дошкольного и младшего школьного возраста, выносит предложение об изменении классификации А. Р. Лурии. Ученый детализирует группу реакций, семантически обусловленных стимулом, и выделяет реакции-пояснения. Они связаны с интерпретацией, уточнением значения стимульного слова (например, через конкретную ситуацию или реагирование синонимами и пр.) [Гасица, 1987: 34–35; 1992]. В результате проведенного эксперимента устанавливается, что у детей 4–8 лет в качестве доминантных реакций выступают прагматические [Гасица 1986]. Это связано с тем фактом, что для детей указанного возраста особенно значимым является процесс осмысления морфологической организации слова. Однако процесс взросления способствует развитию у ребёнка синтагматических реакций.

Изучая механизмы ассоциирования, Т. В. Соколова устанавливает особенности их проявления в период раннего онтогенеза (3–6 лет) [Соколова 1996; 1996а; 1999]. Ученый выделяет до-семантическую модель ассоциирования, активно развивающуюся в данный период. Она реализуется на базе реакций, выражающих языковую способность ребенка на том

психологическом уровне, который соответствует его возрасту. При этом семантический потенциал остается невостребованным. Данная ситуация приводит к тому, что между стимульным словом и реакцией никаких связей не формируется. До-семантическое моделирование, несмотря на его «примитивность» по уровню сложности, для детей 3–6 лет является показателем неизменных переменных, функционирующих в процессе их ассоциирования [Соколова, 1999: 22].

В работах Н. В. Бурениной [Буренина 2001], И. В. Журавлевой и И. А. Курочкиной [Журавлева, Курочкина 2002] изучается влияние гендерных параметров коммуникантов, личностных факторов экспериментатора во время проведения ассоциативного эксперимента. Особенно активно изучаются формы и цели проведения ассоциативных экспериментов.

Е. И. Горошко рассматривает проблему гендерного влияния на ассоциативное поведение испытуемых [Горошко 2003]. Учёный приходит к выводу, что женские реакции менее стереотипны, они отличаются многообразием, мужские – более стандартны. Подобная ситуация объясняется подвижностью женского сознания, однако достаточно часто образ жизни и мыслей людей имеет большее влияние, чем их половая принадлежность.

Форма проведения эксперимента, рассматриваемая многими лингвистами в качестве разновидности коммуникативной ситуации, является важным аспектом при анализе ассоциирования [Бочкарева 1999; 2002; Доценко 1998 и др.]. Так, в ряде работ Т. И. Доценко отмечается ситуативное влияние на организационные параметры ассоциативного поля [Доценко 1998; 1999]. При устной форме проведения эксперимента формируется однородная по своему составу, происхождению и так далее структура ассоциативного поля. Доминантную лексическую позицию занимает его ядерная часть. В

условиях письменной формы проведения эксперимента данная ситуация кардинально меняется.

В ряде работ лингвистов уделяется большое внимание проблеме влияния национальной принадлежности испытуемых. Так, Т. А. Ершова отмечает, что немцы предпочитают письменную форму проведения эксперимента, так как в их культуре сложилась традиция тестирования и анкетирования; русские выбирают устную, так как подобная практика в нашей культуре является более распространенной [Ершова 1999].

Экспериментально-психологическое направление в изучении словесных ассоциаций получило дальнейшее развитие как в зарубежной, так и отечественной лингвистической науке.

Значительный вклад в исследование словесных ассоциаций был внесен представителями казанской лингвистической школы. Концепция, представленная Н. В. Крушевским, до сих пор сохраняет свое общелингвистическое значение и поражает своей внутренней цельностью, глубиной. Ученый дифференцирует словесные ассоциации на два типа: непосредственные и посредственные. К первому типу он относит ассоциации по сходству и по смежности. Ассоциация сходства дает начало слову, например, объединяет разные его формы, и устанавливает возможности творчества в языке [Крушевский, 1883: 69]. Ассоциации по смежности воспроизводят слова в готовом виде. Они способствуют стабильности в языке. Посредственные связи слов, выделяемые Н. В. Крушевским, реализуются в том случае, когда «представление о вещи и представление о слове, обозначающем эту вещь, связываются законом ассоциации в неразлучную пару» [Крушевский, 1883: 68].

М. М. Покровский указывает на важную роль ассоциаций в развитии языка. Он отмечает, что слова со сходным или противоположным значениями при ассоциировании друг с другом «...подвергаются в своей истории сходным или параллельным изменениям» [Покровский, 1959: 21].

Ученый обнаруживает взаимосвязь семантических и ассоциативных трансформаций слова в языке.

По мнению М. М. Покровского, экстралингвистические явления находят отражение в вербальных ассоциациях [Покровский, 1959: 28]. Если изначально предметы внешнего мира, культуры народа и т.п. ассоциированы в сознании человека, то слова, служащие для их обозначения, также ассоциированы между собою в языке. Вариации значений слов, соответствующие психологическим законам по смежности и сходству, несмотря на собственную субъективность, тем не менее, подчиняются определенным законам и «отражают соответствующие объективные изменения в жизни народов и их социальных групп» [Покровский, 1959: 36]. М. М. Покровский различал словесные ассоциации не только по смежности, сходству, но и по прямой противоположности (контрасту) значений слов, являющихся отражениями объективных явлений.

Г. А. Мартинович также дифференцирует вербальные ассоциации на два основных типа ассоциаций – ассоциации по смежности и ассоциации по сходству [Мартинович, 1990: 143]. По мнению ученого, ассоциации по смежности устанавливаются между словами, которые: а) не имеют общих существенных признаков в своем содержании (*бабушка – пироги*); ассоциации по сходству возникают между парами слов, в которых содержание одного члена входит в содержание второго члена в качестве одного из признаков этого содержания (*бабушка – старая, бабушка – вяжет*); б) имеют в своих содержаниях как минимум один общий существенный признак (*бабушка – дедушка, бабушка – старушка, белый – черный, белый – цвет, бежать – идти, голова – чурбан, хлеб – пицца и т.д.*) [Мартинович, 1990: 144]. Рассмотренная ученым дифференциация вербальных ассоциаций основывается на разграничении отношений, существующих между содержаниями или формами слов-ассоциантов. Г. А. Мартинович подвергает критике традиционную трехчленную

классификацию. По его мнению, она не отличается универсальностью: охватывает разнородные категории; не отражает категориальных параметров ассоциаций.

А. П. Клименко, следуя лингвистической традиции, считает, что при классификации вербализованных ассоциаций следует опираться на связи, возникающие при ассоциировании между стимулом и реакцией [Клименко, 1974; 1977]. Это позволяет ученому установить несколько видов языковых ассоциаций. Фонетические ассоциации устанавливаются на базе звукового соответствия между стимулом и реакцией. При этом семантическая обусловленность данных структур либо отсутствует, либо выражена неинтенсивно. Словообразовательные ассоциации устанавливаются на базе как содержательной, так и морфемной общности элементов, называющих понятия. Они реализуются в трех формах. Во-первых, их установление осуществляется через морфемно-словообразовательные реакции; они не имеют четких семантических отношений между стимулом и реакцией. Во-вторых – через реакции, в которых происходит перевод основного значения стимула в иную грамматическую плоскость. В-третьих – на основе реакций, составляющих со стимулом целое слово. Парадигматические реакции отличаются от стимула по одному значимому смысловому признаку. Синтагматические ассоциации, по мнению А. П. Клименко, представляют собой реакции, составляющие вместе со стимулом подчинительное сочетание. Тематические ассоциации реализуются в двух случаях: возникают в условиях тематически ограниченного контекста; устанавливаются при грамматической трансформации реакции. Появление цитатных ассоциаций связано с переносом цитат из литературных произведений, пословиц, песен и т.п. [Клименко, 1977: 22].

Как справедливо отмечает Е. И. Горошко, классификация, предложенная А. П. Клименко, является одной из самых развернутых

лингвистических типологий. В ней подвергаются оценке практически все связи, устанавливающиеся между стимулом и реакцией [Горошко 2001].

В основе типологии вербализованных ассоциативных связей Н. В. Уфинцевой лежит принцип формального отношения реакции к стимулу. Как и А. П. Клименко, ученый выделяет синтагматические, парадигматические, тематические, деривационные и фонетические реакции [Уфинцева 1983].

В когнитивной лингвистике «ассоциативный фактор» изучается с точки зрения познавательных процессов человека, моделирующих его картину мира, которая реализуется в языковом отношении благодаря речевой деятельности индивида. Создание «Русского ассоциативного словаря», по мнению Ю. Н. Караулова, позволило изменить представление об ассоциации. Ассоциативный тезаурус рассматривается как «субстрат языковой способности носителя языка» [Караулов, 1999: 46].

В русле когнитивной лингвистики учеными выделяются следующие типы вербализованных ассоциаций: когнитивные, отражающие знания о мире; культурологические и ассоциации, связанные с национальной спецификой картины мира (паремии, идиомы); референтные, отражающие знания о ситуации; тематические и ситуационные ассоциации; собственно языковые: формальные (фонетические, словообразовательные, грамматические) и семантические [Болотнова 1994; Куликова 1988 и др.].

Когнитивные ассоциации представляют собой ассоциации, передающие общепринятую или контекстуально обусловленную закрепленность стимулов в сознании коммуникантов за определенными фрагментами знаний. Они могут быть выражены рядом слов, соотносимых с противоположными, хотя и сопоставимыми понятиями (доброта – злость) или вызваны сопряженностью лексических единиц на основе смежности соответствующих понятий («Как листопад – предвестник снегопада» И. Лиснянская) [Болотнова, 1994: 28].

По мнению Н. С. Болотновой, когнитивные ассоциации устанавливаются на логической основе в рамках «гипо-гиперонимических парадигм, соотносительных парадигм, члены которых связаны ассоциативно-логически по какому-либо признаку» [Болотнова, 1994: 28–29]. В сознании человека они не провоцируют развитие конкретного наглядно-чувственного образа. Данные ассоциации имеют интеллектуальный характер.

Многие ученые выделяют тезаурусные ассоциации культурологического характера в качестве разновидности когнитивных ассоциаций [Болотнова 2003; Становкин 2010 и др.]. Они определяют образное, символическое и эмоциональное содержание. Чаще всего это ассоциации с именами авторов или с названиями их произведений, а также ассоциации, вызванные употреблением известных цитат, поговорок и т.д.

Под референтными ассоциациями «понимают ассоциации, отражающие узуально закрепленную в языковом сознании коммуникантов и актуализированную в тексте способность слов соотноситься с определенными реалиями художественного мира» [Болотнова, 1994: 25]. Их экстралингвистическая направленность определяется лингвистическими средствами. Референтные ассоциации характеризуют предметную сторону слов, определяющих какое-либо понятие.

Языковые ассоциации представляют собой узуально зафиксированную в сознании носителя языка и контекстуально обусловленную связь «между эксплицированным в тесте словом-стимулом и системой других эксплицированных в тесте слов, соотносительных с ними как на основе многочисленных интегральных и дифференциальных признаков, так и на основе совместной встречаемости в потоке речи в качестве возможных контекстуальных партнеров» [Болотнова, 1994: 32]. Н. С. Болотнова предлагает выделять в структуре языковые текстовые ассоциации.

Следует отметить, что на исключительную роль ассоциаций при порождении текста и его восприятии и интерпретации указывали В. фон

Гумбольдт, А. А. Потебня и др. Проблеме текстовых ассоциаций посвящено много лингвистических исследований. Например, в психолингвистике они рассматриваются с позиции изучения процесса речевой деятельности и отражения его закономерностей в тексте как продукте речевой деятельности [Корытная 1992; 1996; Рогожникова 1991; 2000 и др.]. Текстовые ассоциации изучаются в опоре на систему ключевых слов, которые представлены набором слов-стимулов. Данные понятия являются доминантными. В результате их взаимодействия развиваются ассоциативные связи и отношения, которые в сочетании с системой ассоциативных связей индивида помогают ему понять смысл текста.

Проблему текстовых ассоциаций изучают также в русле коммуникативной стилистики текста. Ученые обосновали и описали методики анализа текста на ассоциативной основе, реализованной вербально, в нескольких аспектах. Исследование ассоциативных связей слов осуществляется с позиции коммуникативной деятельности автора и читателя [Болотнова 1994; 1998; 1998а; 1999 и др.]; с точки зрения различных форм проявления идиостиля автора [Бабенко 2001; Карпенко 2000; 2001 и др.]; описание в тексте авторской картины мира [Болотнова 2001; Карпенко 2001; Орлова 2000; 2002 и др.]; в сопоставимости с процессами смыслоформирования [Пушкарева 1996; 1999 и др.].

Одним из первых к исследованию ассоциативных связей слов в тексте обращается Л. Ю. Максимов [Максимов 1975]. Он подвергает глубокому анализу природу отношений поэтического слова с ритмико-интонационной и лексико-грамматической структурой стихотворного текста. Однако, обращаясь в своих научных рассуждениях к проблеме ассоциативного фактора в языке, ученый рассматривает данные текстовые структуры в узком смысле. По его мнению, они представляют собой особый вид связи между словом и целым рядом других слов, возникающий на основе смежности или сходства выражаемых ими понятий.

Рассматривая современные концепции вербализованных текстовых ассоциаций, можно выделить несколько направлений в их изучении. *В рамках первого направления* исследуются функции данного вида ассоциаций в формировании образности как индивидуальной особенности творчества. Ученые приходят к выводу о том, что реализация слова в тексте во многом определяется его ассоциативным потенциалом. Именно на этой основе формируется образность, которая во многом и определяет творческую индивидуальность писателя и поэта.

Так, Е. А. Некрасова выделяет несколько видов ассоциативности в поэтическом тексте [Некрасова 1983]: образная ассоциативность, которая связана с исходной образной ассоциацией; «чисто словесная» ассоциативность, реализуемая в виде словесно-ассоциативных рядов. Продолжая исследование в данном направлении, Е. А. Некрасова указывает на наличие взаимосвязи между данными видами ассоциаций. При этом ученый неоднократно указывает на необходимость их дифференциации, так как природа данных понятий различна. Исходные ассоциации представляют собой первичные образы, которые формируются в сознании автора и обнаруживаются в тексте в виде системы словесных ассоциаций, в то время как словесные ассоциации – это зафиксированные в тексте ассоциаты [Некрасова, 1983: 460].

В своих трудах Е. А. Тырышкина неоднократно указывает на полифункциональность ассоциаций в художественном тексте. Во-первых, они участвуют в организации его образного каркаса. Ассоциации определяют образность как индивидуальную особенность мастера художественного слова. Они направлены на автора текста и результат его деятельности. Во-вторых, ассоциации связаны с развитием творческого мышления читателя [Тырышкина 2001]. По мнению учёного, текстовые ассоциации могут отражать как модальную, так и прагматическую организацию текста. *В русле второго направления* в изучении вербализованных ассоциаций исследуются

условия и особенности взаимодействия ассоциативных связей слова, формирующихся в тексте, с его семантикой [Кондрашова 1998; Кольцова 2000; Стальмахова 1999 и др.]. В тексте данная взаимосвязь проявляется в обусловленности смыслового развития слова его ассоциативным потенциалом. Данная концепция находит свое отражение в трудах многих современных лингвистов. Е. А. Стальмахова определяет функцию вербализованных ассоциаций в процессе организации смысловой структуры текста. По её мнению, данное понятие выступает в качестве одного из главных компонентов в интерпретации текста. Рассматривая вопрос о природе текстовых ассоциаций, ученый справедливо отмечает, что они имеют обусловленный характер. Данная зависимость, по мнению Е. А. Стальмаховой, проявляется в следующем: текстовые ассоциации устанавливаются непосредственно структурой самого текста [Стальмахова 1998]. На базе данных положений ученым проводится анализ особенностей ассоциативного проявления семантики времени в поэтическом тексте.

В диссертационном исследовании О. В. Кондрашова также обращается к проблеме ассоциативного потенциала слова. Она изучает роль данного понятия в процессе содержательной трансформации языковой единицы в тексте. О. В. Кондрашова приходит к выводу о том, что ассоциативный потенциал собственного лексического значения слова является источником его смыслового развития в художественном тексте [Кондрашова, 1998: 16–17]. Следовательно, устанавливается обусловленность данных категорий.

В ряде исследований В. А. Ефремов [Ефремов 1998; 1999], опираясь на лингвопоэтический подход к изучению роли ассоциаций в создании образности художественного текста, также приходит к выводу о продуктивности анализа ассоциативных возможностей текста. Ученый указывает на необходимость изучения тех средств и способов, которые способствуют активизации ассоциативной деятельности читателя, приобщающегося к авторскому лексикону. В. А. Ефремов рассматривает

ассоциативные связи слов в соотнесенности со структурой текста и особенностями идиостиля автора. При этом лингвист указывает на доминантный характер актуализации ассоциативных связей различных текстовых феноменов (заглавие, интертекстуальное включение и т.п.) в процессе создания художественного текста.

По мнению Ю. Н. Кольцовой, именно развитие в тексте различных ассоциаций приводит к расширению уже существующего значения слова [Кольцова 2000]. Именно они, по мнению ученого, выступают в качестве определяющего компонента при формировании образной картины произведения.

Проанализировав современные подходы в изучении вербализованных текстовых ассоциаций, можно установить следующее. Данное понятие подвергается многоаспектному анализу. С одной стороны, ассоциативный потенциал слов определяет индивидуальные особенности языка и формирует идиостиль мастеров художественного слова. С другой стороны, он становится источником интерпретационной оценки текста, а также источником семантической трансформации его единиц. Однако ученые, исследующие проблему вербализованных текстовых ассоциаций, единодушно приходят к выводу о том, что лексическое ассоциирование коррелируется с процессом порождения текста и предопределяет его смысловую структуру.

Однако наиболее всестороннее изучение вербализованных ассоциаций, порожденных текстом, осуществляется в рамках теории текстовых ассоциаций [Болотнова 1992; Карпенко 2000; Климова 1991; Ховаев 1987; Чернухина 1984 и др.]. Теоретическую базу данной концепции составляет положение о признании доминантной роли слов, в которых отражается смысловое пространство текста. При этом отмечается уникальность функции ассоциативных связей языковой единицы в процессе смыслообразования. В

рамках данной теории учеными дифференцируются и подвергаются детальному анализу различные типы текстовых ассоциаций.

В ряде работ Н. С. Болотновой, посвященных исследованию особенностей изменения текста на базе лексического уровня его формирования, поднимается проблема участия ассоциативного фактора в качестве источника развития данного процесса [Болотнова 1992; 1994 и др.]. По мнению ученого, ассоциация представляет собой «актуализируемую в сознании читателя связь между элементами лексической структуры текста и соотнесенными с ними явлениям и действительности или сознания, а также миром других слов» [Болотнова, 2002: 54]. В ходе своих рассуждений Н.С. Болотнова приходит к выводу о том, что именно ассоциативный потенциал слова является основным источником смыслового развертывания текста.

Детально охарактеризовав факторы, а также условия трансформации текста, Н. С. Болотнова предлагает выделять следующие типы текстовых языковых ассоциаций. Стандартные (типовые) ассоциации выступают в качестве первичных. Они характеризуются частотностью и регулярностью. По мнению ученого, стандартные ассоциации фиксируются в словаре и языковом сознании коммуникантов. Кроме того, они отличаются «определенной степенью вероятности их совместной встречаемости в тексте» [Болотнова, 1994: 32], которая может проявляться в виде непосредственного контакта между лексическими единицами или охватывать грамматически связанные слова, а также случаи реализации слов в одном и том же предложении или тексте, ограниченном по тематике. Нестандартные (уникальные) текстовые ассоциации передают оригинальность индивидуально-авторского миропонимания коммуниканта. Они не характеризуются закреплённостью в языковом словаре носителя языка и не отличаются регулярностью собственного возникновения. При этом

«совместная встречаемость их маркеров в тексте маловероятна» [Болотнова, 1994: 32].

Ученый анализирует условия актуализации данных видов ассоциаций в художественном тексте. Наибольшей продуктивностью отличаются уникальные ассоциации. Это, по мнению Н. С. Болотновой, определяется природой художественного текста, образностью, которая выступает в качестве показателя индивидуальной особенности писателя.

В работах Л. А. Климковой проблему текстовых ассоциаций предлагается исследовать с позиции характера связи между отдельными ассоциативными структурами (стимулом и реакцией). По ее мнению, текстовые ассоциации выступают в качестве средства создания художественной образности, однако в некоторых случаях они перестают отражать специфику образного мышления автора текста и, расширяя свой потенциал, начинают определять особенности образной системы самого произведения, его идейно-тематического содержания [Климкова 1991; Климкова 2008].

А. А. Климковой выделяются ассоциации-экспликации, которые полностью вербально материализуются в лексической структуре текста, и ассоциации-импликации, устанавливающиеся только в сознании читателя как реакция на отдельные слова-стимулы или целые микроструктуры текста. Все они, как справедливо отмечает ученый, стимулируются различными элементами текста. В частности, имплицитные ассоциации могут стимулироваться или семантическим компонентом (компонентами) слова (слов), или целым словом (и его разными значениями в случае полисемии), или текстовыми сочетаниями [Климкова 1991].

В рамках теории текстовых ассоциаций учеными решается вопрос о возможностях их реализации. Особое внимание этой проблеме уделяется в своих трудах Н. С. Болотновой [Болотнова 2001, 2003]. По ее мнению, вербализованные в тексте ассоциации создают ассоциативную структуру, в

которой реализуются возможные направления ее содержательно-смыслового развития. В условиях подобного ассоциативном развертывания находит отражение вторая коммуникативная деятельность читателя, которая проявляет себя через ассоциаты (то есть «реакция на стимул, смысловой коррелят к слову-стимулу» [Болотнова, 2009: 8]), порождаемые текстом, его организацией, семантикой и т.п. А следовательно, по мнению Н. С. Болотновой, возникает необходимость в разработке понятия «ассоциативное поле текста» [Болотнова 2003].

В результате установления ассоциативных связей между единицами текста формируется ассоциативное значение голографической единицы.

Ассоциативное значение слова интерпретируется в лингвистике по-разному. Его рассматривают как элементарный («образно-ассоциативный») комплекс коннотативного макрокомпонента; то есть через отражение экспрессивно-эмоционального отношения говорящего к обозначаемому фрагменту действительности [Телия, 1988: 199]; как коннотацию и информацию, транслируемую словом [Климкова 1991]; как «признак», уточняющий и изменяющий значение слова в высказывании, способный переходить в семы [Болотнова, 1994: 12–13] и пр.

Ассоциативное значение слова определяется особенностями познавательной организации многогранного опыта человека и обнаруживается через анализ ассоциативных связей слова.

Понятие «ассоциативное значение» слова ввел в научный обиход Дж. Диз [Deese 1965]. Именно в этой интерпретации данный термин функционирует в современной научной парадигме. А. А. Залевская, опираясь на указанную работу, отмечает, что понятие ассоциативного значения сформировалось в ходе поисков специфической внутренней структуры, глубинной модели связей и отношений, которая складывается у человека через речь и мышление, лежит в основе «когнитивной организации» его многостороннего опыта и может быть обнаружена через анализ

ассоциативных связей слова» [Залевская 2000]. Ученый определяет данное понятие как «потенциальное распределение ответов на некоторое слово-стимул» [Цит. по: Любимов, 1977: 29]; то есть набор слов-реакций на данный стимул. По Дж. Диза, ассоциативное значение слова включает в себя лишь часть собственного значения, которое имеет предположительный характер и отличается динамичностью.

Несомненной заслугой ученого является работа по экспериментальному выявлению, описанию и систематизации семантических и ассоциативных характеристик слова. Объектом его исследования стали слова, служащие друг для друга стимулами и реакциями и вызывающие появление новых слов уже в виде реакции. Инновационных характер работ Дж. Диза заключается в том, что он пересматривает традиционную для того времени трактовку ассоциации как отражения следования элементов в прошлом опыте индивида, а больше подчеркивает взаимосвязь и структурированность ассоциаций.

Первым отечественным лингвистом, обратившим свое внимание на проблему психологического аспекта значения, стал А. А. Потебня. В труде «Мысль и язык», изданном в 1892 году, ученый доказал, что слово представляет собой достаточно динамическое образование, в котором между «членораздельным звуком» и значением лежит «представление» («внутренняя форма») как признак, лежащий в основе обозначения [Потебня 1999]. Внутренняя форма проявляется в виде отношения мысли к сознанию. То есть она, по мнению ученого, реализует чувственный образ, вызывает его осознание и выступает как способ передачи знания.

Один из наиболее современных подходов к проблеме ассоциативного значения слова разработан в русле Тверской психолингвистической научной школы. В работах А. А. Залевской и её последователей природа данного понятия определяется следующим образом. Ассоциативное значение слова организовано в виде моделей разных ситуаций. Понимание лексемы связано

с его идентификацией через ситуацию. В этом случае морфологическая природа не имеет доминирующей функции. Именно ассоциативное значение определяет динамические изменения опорных схем восприятия текста [Залевская, 1999: 92].

Описание ассоциативного значения слова невозможно осуществить без «обращения к абстрактным признакам модели ситуации» [Залевская, 1999: 95]. Кроме того, указанный тип значения формируется на основе пересечения различных схем знаний. Поэтому в нем реализуются схемы, которые описывают предметные и абстрактные модели этих ситуаций в зависимости от позиции, занимаемой в данной модели идентифицируемым значением слова; а также отражаются схемы, соответствующие позиции мыслящего субъекта в ментальном пространстве различных ситуаций.

Как экспериментально установлено А. А. Залевской, структура ассоциативного значения слова такова, что она отражает не только актуальные пересечения смыслов, но и дает представление о перспективных, потенциальных возможностях взаимодействия смыслов [Залевская 1998].

По мнению Н. С. Болотновой, ассоциативное значение слова имеет комплексную, интегральную сущность и отражательный динамический характер [Болотнова, 1994: 16]. Опираясь в своей концепции на понимание слова как коммуникативной единицы, ученый сопоставляет характер функционирования ассоциативного и коммуникативного значений слова. По мнению Н. С. Болотновой, они как бы пересекаются, однако ассоциативное значение отличается большим уровнем субъективности. Это объясняется следующим. Коммуникативное значение слова инкорпорирует объективно зафиксированный за ним «квант» знания, отраженный в словарях. Оно соотносится с общепринятым ассоциативным значением, то есть проявляется в типовых ассоциациях, стимулированных словом.

Ассоциативное значение в большей степени зависимо от индивидуальных ассоциаций на слово, возникающих у носителя языка. Оно

реализуется в слове, но в то же время принадлежит и сознанию участников, задействованных в коммуникативном акте, например, отправителю или получателю; порождающему или интерпретирующему сообщения и т.п. Подобная многоаспектность ассоциативного значения объясняется его лингвистической природой и экстралингвистической обусловленностью. Оно формируется на основе «имеющейся в обществе традиции употребления» [Болотнова, 1994: 16].

Ассоциативное значение как одна из составных частей семантики голографической единицы представляет собой систему вербализованных ассоциаций, порожденных в сознании коммуниканта различными способами взаимодействия единиц конкретного текста. Оно развивается в условиях ассоциативного микрополя голографической единицы.

Современные исследования различных знаний о языке, возможностях его изучения позволяют выявить аспекты описания ассоциативного поля:

1. Ассоциативное поле – единица лексикона языковой личности, которая представлена в виде систематизированного по частотности набору реакций на стимул (психолингвистика).
2. Ассоциативное поле – когнитивная структура, вид полевой организации концепта (когнитивная лингвистика).
3. Ассоциативное поле – коммуникативная единица, которая рассматривается в отношении текста (коммуникативная стилистика).

Универсальность и многоаспектность природы данного понятия позволяет рассматривать его в отношении внутреннего устройства языковой единицы с продуктивной текстовой реализацией. На базе процесса вербализации ассоциаций, реализующего в ассоциативном микрополе единицы с актуализируемым значением, развиваются голографические модели её семантики.

§ 3. Вербализованные ассоциативные связи как основной элемент развития периферийной зоны информационного поля

В периферийной части информационного поля голографической единицы возникают *внутрисловные* и *межсловные* ассоциативные связи.

Внутрисловные ассоциации устанавливаются в структуре самой голографической единицы. Такие реакции могут затрагивать её фонетическую природу и проявляться через сходство звукобуквенного комплекса. Ю. Н. Караулов отмечает, что звуковые ассоциации представляют собой распространенное явление, потому что «в норме... лежат не только смысловые сближения, но звуковое подобие и сходство, образность, связанная с отражением определенных... ситуаций» [цит. по: Сазонова, 2000: 51]. Идентификация и дальнейшее развитие значения голографической единицы в этом случае связаны со следующими условиями: аналогии возникают между единицей с актуализируемым значением и близким по фонетическому составу словом языка, характеризующимся высокой степенью понимания, и выражаются в пересечении начальных, средних или конечных их элементов, а также в произвольном пересечении звуков. При этом один из указанных участников процесса, как правило, голографическая единица, имеет в своем составе «неожиданный» звуковой компонент, с учетом которого либо расширяется исходное значение, либо моделируется новое.

Внутрисловные реакции возникают в опоре на морфемные компоненты слов через опознание словообразовательной модели, формирующей голографическую единицу. В этом случае ассоциативная связь устанавливается между определенным общеизвестным словом и единицей с актуализируемым значением, повторяющей его словообразовательную модель. Если в качестве голографической единицы представлена индивидуально-авторская конструкция или неологизм, то формирование

полноценно развернутого содержания будет затруднено, а направление её семантического развития будет носить условный характер. Однако благодаря тому факту, что в результате ассоциативной реакции установлен конкретный словообразовательный тип, можно точно определить общий вид словообразовательного значения, который станет источником моделирования значения голографической единицы.

Внутрисловные ассоциации также возникают при опознании мотивирующей основы, определяющей голографическую единицу. Данный процесс, продуктивность которого определяется особенностями самой производящей основы, представляется наиболее актуальным при организации или трансформации содержания. Это объясняется следующими факторами. Голографическая единица по словообразовательной структуре является словом с производной основой, которое имеет свое производящее слово; то есть родственное, более простое по значению и структуре. Мотивирующая основа объединяет в собственной семантической структуре наиболее типичное для всех производных лексем содержание. В силу этих причин при ее распознавании система возникающих ассоциативных реакций наиболее четко определяет пределы того информационного пространства, в рамках которого будет происходить развитие голографической единицы. Подобная ограниченность способствует тому, что процесс организации нового значения существенно облегчается, а степень его продуктивности увеличивается.

Внутрисловные ассоциации, возникающие при опознании мотивирующей основы, устанавливаются между компонентами голографической единицы, которая представляет сложное слово. Данный процесс успешно реализуется в следующем тексте:

Неожиданно в душу Анны как-то уныло закралось печальное послеосеннее настроение (Т. Н. Толстая «Изюм»).

Текстовая единица *послеосенний* образовалась от нескольких основ: *после* и *осень*; то есть на базе сочетания *после осени*. По такому принципу мотивирующей основы созданы слова *послеобеденный* (после обеда); *послевоенный* (после войны) и т.п. При взаимодействии лексико-семантических ресурсов компонентов голографической единицы *послеосенний* развивается её значение: «приходящий после осени; зимний» (см. с. 419 *Приложения*).

Необходимо также отметить, что в менталитете русского человека *осень* (как время года) ассоциативно отождествляется с унынием, печалью, безысходностью. А то душевное состояние, которое охватывает человека после этого, в несколько раз сильнее по эмоциональному спаду. Оно напоминает депрессию. Данную семантику ассоциативно поддерживают стимуляторы: *унылый* и *печальный* – «грустный; близкий к отчаянию». Медициной доказано, что сокращение светового дня приводит к тому, что в организме человека увеличивается выработка мелатонина. Это приводит к депрессии. Объективная реальность находит своё отражение в лексической системе языка, следовательно, значение голографической единицы *послеосенний* в условиях текста значительно расширяется за счет ассоциативных представлений следующим образом: «психологически тяжелый, отчаянный, депрессивный; наступивший после чего-то радостного, светлого» (см. с. 420 *Приложения*).

Внутрисловные ассоциации могут возникать на основе развития лексико-семантических ресурсов текстовой единицы через прямую дефиницию ее содержания. Первоначально осуществляется процесс «расшифровки» или своеобразного информационного развертывания значения. Например:

И ответ мой, как ни странно, будет такой. Преступно, что сегодня 85% государственной собственности Российской Федерации имеет

получастный характер. Это пугает честного налогоплательщика, оскорбляет его достоинство и нарушает права! (Т. Н. Толстая «Изюм»).

Голографическая единица *получастный* репрезентирует следующую семантику: «наполовину мой, наполовину государственный» (см. с. 417 *Приложения*). Однако смысловым полем текста через его единицы *оскорблять, преступно, нарушать права* такое значение не поддерживается. Чтобы полностью реализоваться в данных условиях, выявленное содержание подвергается трансформации. Такое семантическое развитие может осуществиться непосредственно на основе ассоциативных ресурсов голографической единицы.

Ассоциации, спровоцированные прямой дефиницией содержания исследуемой текстовой единицы, расширяют объем ее информационного поля в такой последовательности: *получастный* – исходное значение «наполовину мой, наполовину государственный» – ассоциативное пространство представлено аналогиями «являющийся не совсем собственным», следовательно, «не совсем хозяйский», соответственно «частный, личный, но не совсем» (см. с. 417–418 *Приложения*). Внутри ассоциативного поля голографической единицы отмечается оппозиция «государственный – частный»: один предмет не может принадлежать одновременно и государственным структурам, и частному лицу. Кроме того, стимуляторы (*преступно, пугают, оскорбляют – честные налогоплательщики, достоинство, право*) семантически поддерживают такое противопоставление. В ассоциативном поле, развивающемся на основе дефиниции содержания голографической единицы *получастный*, формируется следующее значение: «не относящийся ни к государству, ни к собственнику», то есть «имеющий неопределенный юридический статус и нарушающий в силу этих обстоятельств законодательство; сомнительный, криминальный» (см. с. 419 *Приложения*).

Межсловные ассоциативные связи устанавливаются в поле между компонентами голографической единицы или между голографической единицей и стимуляторами в условиях взаимодействия их лексико-семантических ресурсов, а также возникающей в результате этих отношений системой аналогий. В процессе формирования ассоциативных представлений, моделирующих или расширяющих в дальнейшем текстовое содержание, оказываются задействованными два элемента: единицы с актуализируемым и актуализирующим содержанием. Следовательно, подобные связи возникают непосредственно между значениями данных единиц, которые составляют основу для развития ассоциативного микрополя голографической единицы.

*Я теперь вместо тебя держу в руках эту желтоклеименную зловонную книжку, теперь я понимаю – и что в этой непроченной брошюре, и я хочу спросить тебя не за себя, я – прощаю тебя, жгло тебя многое в неудачной, расстроенной, **обреченно-безбрачной** жизни (А. И. Солженицын «Угодило зернышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания» 1999, № 2).*

В тексте при участии системы ассоциативных связей значение единицы **обреченно-безбрачный** расширяется поэтапно. На первом этапе в результате взаимодействия ее лексико-семантических ресурсов развивается значение исследуемой индивидуально-авторской конструкции: **обреченный** – «такой, которому предопределена, суждена гибель, смерть» [Лопатин, 2001: 388]; **безбрачный** – «холостой, одинокий, бессемейный» [Даль, Т. 1, 2003: 58], то есть «вынужденно одинокий, несчастный» (см. с. 463 *Приложения*).

Сформировавшееся содержание «удваивается» за счет взаимодействия ресурсов стимуляторов *неудачный* и *расстроенный*: *неудачный* – «закончившийся неудачей» [Лопатин, 2001: 366]; «безуспешный, несчастный» [Даль, Т. 4, 2003: 540]; *расстроенный* – «огорченный, находящийся в состоянии расстройства; несчастный» [Лопатин, 2001: 615].

Обнаруживается тот признак, который частично находит свое отражение в значении *обреченно-безбрачный* (ср.: «несчастный»).

Система ассоциативных представлений помогает уточнить направление «удвоения» семантики, которое реализуется одновременно с двух позиций в силу определенной синонимичной общности признаков, репрезентируемых следующими текстовыми единицами: *неудачный* – *обреченный* и *расстроенный* – *безбрачный* в силу определенной синонимичной общности этих признаков. Графически данный процесс выглядит следующим образом (рис. 3):

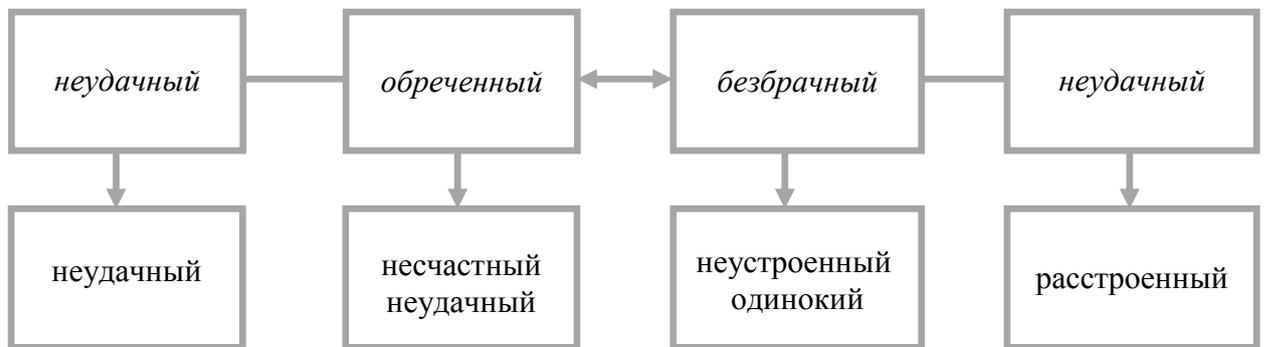

Рис. 3. Схема механизмов развития информационного «удвоения» семантики голографической единицы *обречённо-безбрачный* на базе ассоциативного потенциала стимуляторов:

↓ – направление семантики

На основе ассоциативных представлений устанавливается следующая информационная закономерность: обреченная – следовательно, несчастливая – следовательно, неудачная (жизнь); безбрачная – значит, одинокая – значит, неустроенная – значит, расстроенная (жизнь). Текстовая семантика единицы *обреченно-безбрачный* имеет следующий вид: «безуспешный в личном плане, бессмысленно пустой, изначально лишенный какого-либо семейного уклада» (см. с. 464 *Приложения*).

Или:

*Это – как **смрадно-клубливое** недогоревшее пожарище, через которое ты идешь и идешь, и одежда твоя, и кожа, и волосы все пропахиваются и пропахиваются, и долго ты просто отмахиваешься как от посмешистого пустяка»* (А. И. Солженицын «Угодило зернышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания» 1999, № 2).

Единица **смрадно-клубливый** формирует значение при участии собственных лексико-семантических ресурсов: **смрадный** – «несущий смрад, пропитанный смрадом» [Лопатин, 2001: 681] (*смрад* – «вонь, отвратительный запах» [Лопатин, 2001: 681]); «противный, отвратительный запах; горелые удушливые пары, чад [Даль, Т. 4, 2003: 232]; **клубливый** – «на клубок похожий, шаровидный» [Даль, Т. 2, 2003: 120]. Посредством анализа данных толковых словарей устанавливается следующая семантика: **смрадно-клубливый** – «зловонный, распространяющийся в виде клубка» (см. с. 423 *Приложения*). Данное значение информационно дополняется следующими стимуляторами: *пожарище* – «место, где недавно был сильный пожар»; *недогоревший* – «полностью не сгоревший»; *пропахивать* – «пропитаться каким-либо запахом» [Лопатин, 2001: 567]. Следовательно, **смрадно-клубливое** (*пожарище*) – «недавнее место пожара, от которого еще исходит неприятный, резкий запах и клубы дыма, мешающие видеть и слышать» (см. с. 423 *Приложения*).

На основе ассоциативных представлений коммуникантов, реализующихся в смысловом поле данного текста, базовое значение исследуемой голографической единицы трансформируется в следующем направлении. Актуализируется признак туманности, задымленности от чего-либо тлеющего – дымом пропитаны волосы и одежда, смрад похож на туман, от чего-то недогоревшего исходит дымок, напоминающий легкую туманность. Ср., слово **смрадный** вызывает в сознании человека следующие ассоциации: связанный с дымом, с сумраком, с запахом чего-то тлеющего, с

неприятным запахом и пр.; слово *клубливый* – туманный, в виде клубов дыма; исходящее от тлеющего предмета и пр.; *недогоревший* – полностью несгоревшее, тлеющее; оставляющее дымок и неприятный запах. Следовательно, *смордно-клубливый* – это «тлеющий, превращающийся в смердящий туман; удушающий (запах)» (см. с. 424 *Приложения*).

Достаточно часто ассоциативные представления возникают на начальном этапе непосредственно между всеми текстовыми единицами. При этом их лексико-семантические ресурсы не взаимодействуют. Расширенное таким образом значение организуется в виде информационного концентрированного предложения-текста. Например:

Насколько я просто и хорошо чувствовал себя со Второй волной – моим поколением, сестрами и братьями моих тюремных односидельцев, несчастными советскими измученниками, по случайности вырвавшимися на волю задолго до гибели советского режима всего лишь после четверти века рабства, и потом изнывавшими на скудных беглянских путях (В. Аксенов «Ожог»).

По своему происхождению языковая единица *односиделец* является индивидуально-авторской. Она организуется по распространенному типу слова *односелец* [Даль, Т. 2, 2003: 654], *однофамилец*. Первый компонент лексемы *одно*– указывает на общность и схожесть того, что обозначено во второй части сложного образования. Поэтому *односиделец* – это «сокамерник или тот, кто находился с кем-то в одной тюрьме, камере» (см. с. 487 *Приложения*).

Система ассоциативных связей, развивающаяся на основе исходной семантики, вовлекает в процесс ее дальнейшего развития все текстовые единицы. Они формируют концентрированное предложение-текст, в рамках которого моделируется новое значение:

Односиделец – ассоциации: *неволя, томление* (через стимулятор *тюремный*); ассоциации: *горе, физическая и духовная боль* (через стимулятор

несчастные измученники); ассоциация: *мученик* (через стимулятор *измученник*); ассоциация: *беглец* (через стимулятор *по случайности вырвавшийся на волю*); ассоциация: *отчаявшийся скиталец* (через стимулятор *потом изнывавшими на беглянских путях*), то есть «страдалец» см. с. 487–488 *Приложения*).

При участии ассоциативных связей текстовое значение единицы *односиделец* расширяется и имеет следующий вид: «страдалец, товарищ по несчастью; испытавший с кем-либо одинаковые лишения, испытания» (см. с. 488 *Приложения*).

Установлено, что *межсловные* ассоциативные связи, в дальнейшем определяющие текстовую семантику слова, устанавливаются в несколько этапов. На первом (подготовительном) этапе возникновения ассоциативных связей активизируются лексико-семантические ресурсы самих единиц, и на их основе создаются информационные цепочки. Данные структуры определяют те направления, в рамках которых организуются значения, развивающиеся при участии конкретного стимулятора (рис. 4).

Механизм данного процесса определяется следующим образом. При взаимодействии каждый компонент голографической единицы, формирующий текстовую семантику за счет собственных возможностей (вариант 2), или система стимуляторов (вариант 1, 3) расширяют ее поле в одном или нескольких направлениях в зависимости от характера реализованной информации. В силу чего новое значение может обладать определенной близостью, но не тождественностью в содержании или строиться на принципах противопоставления.

Следует отметить, что именно на этой многокомпонентной и разноплановой содержательной основе организуется *базовое значение* голографической единицы. Оно представляет собой участки сформировавшейся обновленной семантики, которые в дальнейшем определяют область развития текстового содержания. Следовательно,

базовое значение – это одна из промежуточных (по характеру и степени ее участия в процессе моделирования) ядерных структур, представляющая собой систему совокупно реализованных в условиях определенного текста лексико-семантических ресурсов голографической единицы или стимуляторов.

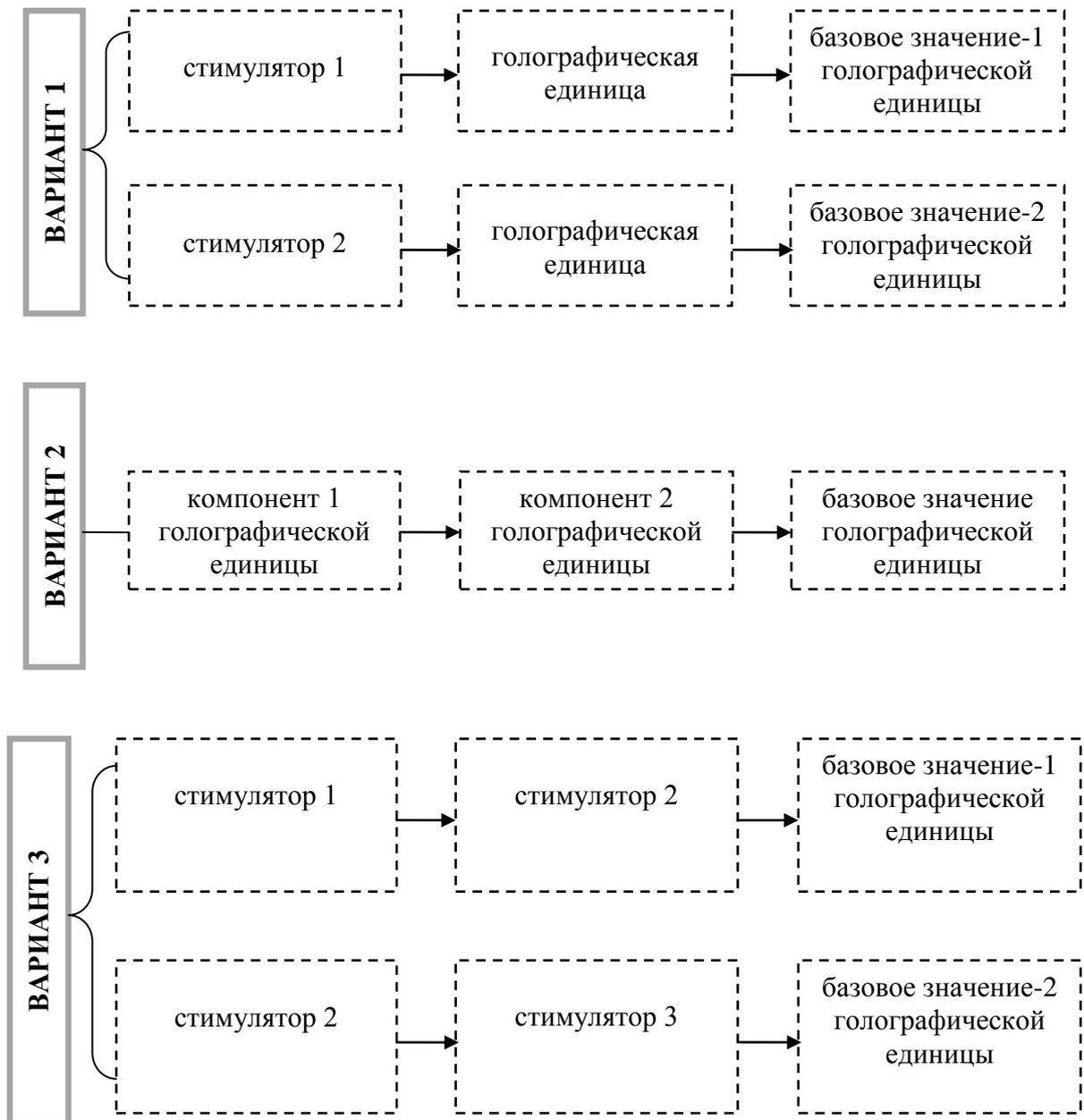

Рис. 4. Схема этапов формирования базового значения голографической единицы

Кроме того, нельзя не обратить внимания на тот факт, что компоненты голографической единицы или стимуляторы могут репрезентировать

разноплановую базовую семантику; то есть характеризовать один и тот же предмет, признак, действие с разных сторон; выражать противоположные оценки в отношении чего-либо и т.д. В одном понятии развиваются два кардинальных семантических аспекта, которые в различных текстовых ситуациях формируют неустойчивое, колеблющееся значение, постоянно ускользающее от точного, однозначного определения. Ср.: голографические единицы *активно-пассивный*, *уникально-типичный*, *дрябло-упитанный* и др. Или стимуляторы *не ветхий – старушка – старый*, организующие значение единицы *дрябло-упитанный* в следующем тексте:

Это были специальные старушки. Делопроизводительницы, корректорши и машинистки. Они не были ветхими. Они были крашеными, дрябло-упитанными и полукомандными, как старые унтера (М. Веллер «Мое дело») (подробный анализ межсловных ассоциативных связей будет представлен ниже).

Данное противоречие не позволяет стимуляторам или компонентам голографической единицы вступать в непосредственное взаимодействие с целью дальнейшего развития её текстового значения. В силу перечисленных обстоятельств (многочисленности участников процесса, особенностей их индивидуального содержания и т.п.) смоделировать новую семантику единицы на основе всех сформированных базовых значений представляется затруднительным. В этом случае необходимо вмешательство так называемого «посредника». Признание ассоциативной природы всех проявлений того, что принято считать значением слова [Залевская 2005; Сазонова 2000; Леонтьев 1969], позволяет утверждать, что в качестве «посредника» может выступить система ассоциативных связей, возникающих в сознании коммуникантов, которая способна семантически нивелировать сложившееся противоречие. Данный процесс реализуется в рамках второго этапа развития межсловных ассоциативных связей.

На основе сформировавшихся в тексте базовых значений (*значение 1 – значение 2* и т.д.) голографической единицы устанавливаются спровоцированные ими ассоциативные представления (рис. 4). Следует отметить, что в условиях определенной коммуникативной ситуации в отношении одной и той же голографической единицы возникает различная по объему и содержанию система аналогий. Она не характеризуется универсальностью или постоянством, а формируется заново в виде ассоциативного микрополя. Это объясняется тем фактом, что появление системы аналогий провоцируется разным набором единиц-стимуляторов, участвующих в этом процессе и реализующихся в смысловом поле определенного текста. И соответственно в каждом конкретном случае однажды смоделированная семантика голографической единицы может вновь трансформироваться. Вследствие этого расширяются границы лексической системы.

Графически процесс организации ассоциативного микрополя голографической единицы выглядит следующим образом (рис. 5).

На базе возникших ассоциативных связей устанавливается общий вектор развития значения конкретного слова, в границах которого реализация текстовой семантики единицы осуществляется в нескольких направлениях: на основе противопоставления или частичной близости реакций. В первом случае между значениями стимуляторов, репрезентирующими полярно противоположные представления о каком-либо факте, свойстве, действии и пр., возникают ассоциативные реакции, нивелирующие данное семантическое противоречие и развивающие текстовое содержание голографической единицы. Более детально процесс формирования указанного типа межсловных ассоциативных связей можно рассмотреть на следующем примере:

Это были специальные старушки. Делопроизводительницы, корректорши и машинистки. Они не были ветхими. Они были крашеными,

дрябло-упитанными и полукомандными, как старые унтера (М. Веллер «Мое дело»).

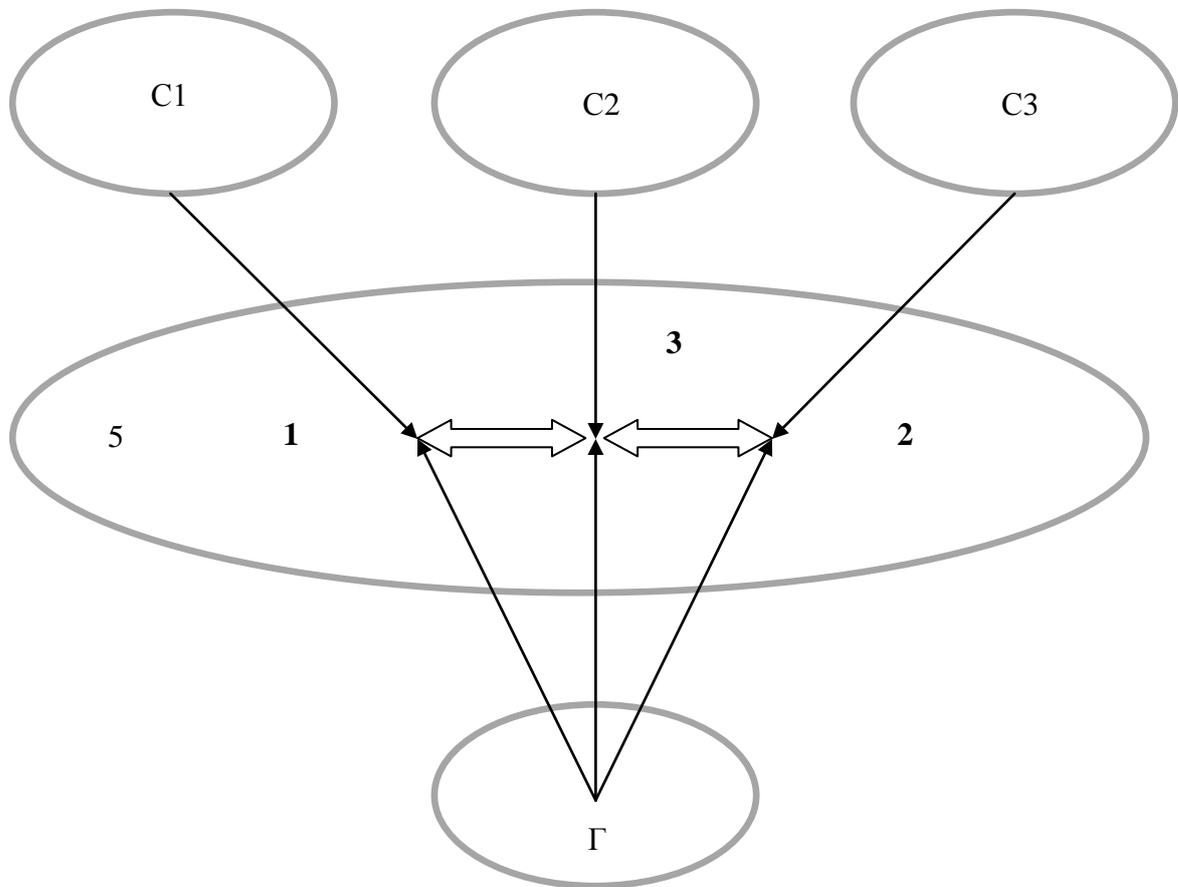

Рис. 5. Схема формирования ассоциативного микрополя голографической единицы: C1–C3 – стимуляторы; Г – голографическая единица; 1–3 – базовая семантика; 5 – ассоциативное микрополе; \longrightarrow – направление развития значений голографической единицы и стимуляторов, актуализирующих ее семантику; \longleftrightarrow – направление развития ассоциативных связей

В данном случае установить значение индивидуально-авторской конструкции *дрябло-упитанный* через прямую дефиницию её содержания не представляется возможным, так как в семантике составляющих компонентов выражаются противоположные понятия: *дряблый* – «лишенный упругости, крепкости, вялый» [Лопатин, 2001: 148]; «рыхлый, ноздристый, потерявший крепость» [Даль, Т. 1, 2003: 497]; *упитанный* – «полный, здоровый (от хорошего питания)» [Лопатин, 2001: 784]. Кроме того, некоторыми единицами в смысловом поле текста маркируется значение исследуемой

индивидуально-авторской конструкции. Следовательно, она трансформируется в голографическую единицу. Однако данный тип актуализации характеризуется информационной гетерогенностью (ср.: с одной стороны, стимуляторы *старушка*, *старый унтер*; с другой стороны, стимулятор *не ветхий*). Становится очевидным, что в условиях смыслового поля текста значение единицы **дрябло-упитанный** организуется при активном участии ассоциативных связей, устанавливаемых между всеми типами текстовых единиц на основе системы базовых значений. Данный процесс развивается в несколько этапов. На подготовительном этапе развития системы межсловных аналогий стимуляторы *не ветхий*, *старушка*, *старый унтер* вступают в информационное взаимодействие с компонентами единицы с актуализируемым значением в следующей последовательности (рис. 6):

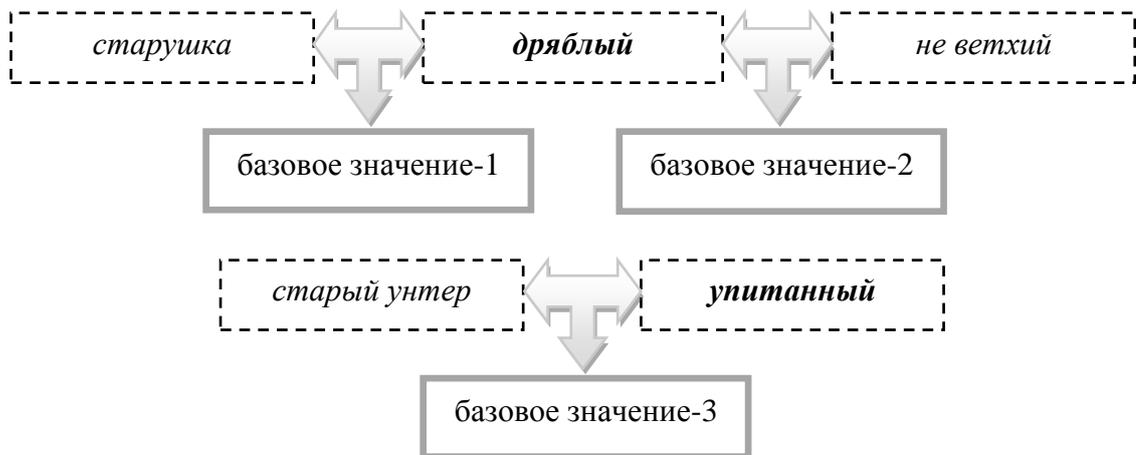

Рис. 6. Схема направлений развития базовых значений голографической единицы *дрябло-упитанный*

Формирование базовых значений (1–3) осуществляется с учетом лексико-семантических ресурсов указанных единиц и приводит их к развитию. Базовое значение 1 моделируется на основе синонимичных отношений. При этом усиливается содержание, репрезентируемое компонентом голографической единицы – **дряблый**; то есть «вялый, слабый,

старый». Ср.: в значении стимулятора *старушка* уже заложена указанная семантика: «уменьш.-ласкательное от *старуха* – женщина, достигшая старости» [Лопатин, 1990: 571]. Базовое значение 1, сформированное в условиях взаимодействия компонента голографической единицы – *дряблый* и стимулятора *старушка*, определяется следующим образом: «пожилой человек (женщина), немощный и обессиленный, утративший жизненные и физические силы» (см. с. 437 *Приложения*).

Базовое значение 2 организуется на основе противительных отношений: семантика компонента голографической единицы – *дряблый* опровергается значением, репрезентируемым стимулятором *не ветхий*. В рамках словарной дефиниции лексема *ветхий* имеет следующее толкование: «старый, отживающий, дряблый, пришедший в негодность от долгого употребления» [Даль, Т. 1, 2003: 188]; «разрушающийся от старости» [Лопатин, 2001: 50]. Соответственно значение стимулятора *не ветхий* определяется как: «не дряблый, сохранившийся в хорошем состоянии в условиях долгого употребления» (см. с. 436 *Приложения*). Развитие базового значения 2 затруднено: в семантике данных единиц актуализируется система оппозиционных отношений. Ср.: *дряблый* – «рыхлый, ноздристый, потерявший крепость» [Даль, Т. 1, 2003: 497], следовательно, «ветхий»; *не ветхий* – «недряблый». В целях устранения данного противоречия привлекается система ассоциативного потенциала языковых единиц.

Базовое значение 3 организуется в результате взаимодействия компонента голографической единицы – *упитанный* и стимулятора *старый унтер*. В силу разноплановости их содержательных возможностей установить участки общей текстовой семантики не представляется возможным. Ср.: *упитанный* – «полный, здоровый (от хорошего питания)» [Лопатин, 2001: 784]; *старый* – «период жизни после зрелости, в который происходит постепенное ослабление деятельности организма» [Лопатин, 2001: 709]; «преклонных лет, доживающий век свой, кому под 60 и больше»

[Даль, Т. 4, 2003: 316]; *унтер* – «первый военный чин, после звания рядового или ефрейтора» [Даль, Т. 4, 2003: 498]. С одной стороны, старость – это дряхлость, усталость или истощенность всего организма, с другой стороны, старость допускает упитанность, что свидетельствует о бодрости, хорошем материальном состоянии. Стимулятор *старый* указывает на возраст человека, а голографическая единица *упитанный* – на его благосостояние или здоровье. Обобщая материалы словарных дефиниций, можно установить текстовое значение стимулятора *старый унтер* – «пожилой человек, имеющий военный чин унтера» (см. с. 437 *Приложения*).

Однако в процессе дальнейшего развития базового значения 3 данная семантическая разноплановость нивелируется доминантной в смысловом поле текста синонимичной информацией, которая реализуется при участии ассоциаций, возникающих в сознании коммуникантов. В дореволюционной России образ унтера ассоциировался с ревностным служакой царской власти, вышедшим из народа и получившим военный чин и определенный материальный достаток. Как свидетельствует русская классическая литература, все эти обстоятельства сформировали его мировоззренческие принципы и определили внешний вид: сытый, довольный жизнью, наделенный властью, гордый. Он вырвался из своей социальной среды, которая теперь стала ему чужой, и поднялся по служебной лестнице. Это немолодой мужчина, который когда-то получил военный чин и сохранил до сего дня свои привычки, определившие его образ жизни: поклонение власти, материальный достаток; настороженность ко всему, что может изменить сложившийся уклад и др. Слово *упитанный* также ассоциируется в сознании коммуникантов с крепостью организма, хорошим питанием и соответственно с благополучием и достатком. Между голографической единицей и стимулятором прослеживается синонимическая близость, на основе которой развивается базовое значение 3.

Необходимо также отметить, что в тексте единица *старый унтер* выступает в качестве сравнения, посредством которого формируется собирательный образ представителя определенного слоя населения царской России. В семантике данного стимулятора доминирует не временной признак: человек стар не по возрасту – давно изжил себя выбранный им когда-то жизненный уклад, который и выступает в качестве атрибута мещанского благополучия.

На основе вышеизложенного можно заключить, что базовое значение 3, сформированное в результате взаимодействия компонента голографической единицы – *упитанный* и стимулятора *старый унтер*, определяется как: «благополучный, успешный человек, любящий порядок и дисциплину» (см. с. 437 *Приложения*).

На следующем этапе завершается формирование семантики исследуемой единицы на основе ассоциативных связей, возникающих в результате развития базовых значений 1–3. Привлечение данного «посредника» связано с несколькими причинами. Во-первых, в силу собственной многочисленности или поликомпонентности участки текстовой семантики 1–3 при взаимодействии самостоятельно не могут смоделировать текстовое значение голографической единицы *дрябло-упитанный*, учитывая одновременно все репрезентируемые информационные параметры. Во-вторых, базовые значения 1 и 3 выражают противоположную, не совместимую друг с другом семантику: «*пожилой человек (женщина), немощный и обессиленный, утративший жизненные и физические силы*» (при участии единиц *старушка, дряблый*) – «*благополучный, успешный человек*» при участии текстовых единиц *старый унтер, упитанный*).

Напомним, что в создании базового значения 2 участвуют взаимоисключающие понятия. Возникающие на такой основе ассоциативные связи, организующие впоследствии ассоциативное микрополе голографической единицы *дрябло-упитанный*, снимают подобное

информационное противоречие. Слабый, старый, неудачливый человек когда-то мог быть другим: молодым, полным энергии, богатым. *Потерявший* себя и эту жизнь, он мечтает ее вернуть (данные ассоциации формируются на основе базового значения 1). С другой стороны, ныне успешный человек строил свою судьбу с нуля через возможные унижения, обман, бедность и пр. Вырвавшись из этой жизни и пытаясь скрыть прошлое, он хочет *сохранить* то, что у него есть сегодня (данные ассоциации устанавливаются на основе базового значения 3).

В основе ассоциативного микрополя голографической единицы ***дрябло-упитанный*** лежат следующие понятия: *потерять прошлое* (через базовое значение 1) – *сохранить настоящее, скрывая прошлое* (через базовое значение 3) В рамках ассоциативного микрополя единицы ***дрябло-упитанная*** (старушка) репрезентируется следующая текстовая семантика: «эмоционально и физически еще крепкая женщина, но уже *потерявшая* былую привлекательность, молодость, но *пытающаяся скрыть* свое женское увядание») (см. с. 438 *Приложения*). По каким причинам это происходит? В смысловом поле текста находим указание на эти обстоятельства. Возможно, этого требует стиль работы (см. по тексту: они были *крашеными*) или их профессиональная жизнь (см. по тексту: *специальные старушки, работающие, знающие хорошо свое дело, а следовательно, дисциплинированные, хорошие организаторы, их собственная жизнь связана с определенным ритмом, как у старых унтеров*).

Другие единицы текста, которые непосредственно не участвуют в процессе формирования значения голографической единицы ***дрябло-упитанный***, в опоре на систему собственных ассоциативных реакций подтверждают данное содержание. Ср.: пожилые дамы, сохранившие во внешнем виде, в голосе проявления прихоти, каприза, принуждения (через стимулятор *полукомандные старушки*), утратившие былую молодость, закрашивают седину своих волос. Так они скрывают свой возраст (через

стимулятор *крашенные старушки*). Устанавливается та же информационная закономерность, в основе которой лежат оппозиционные понятия: *потерять* (ср: «утерять, затерять, утратить, лишиться чего, не сохранить» [Даль, Т. 3, 2003: 355]; «действ.терять – «лишаться по небрежности или роняя, оставляя неизвестно где» [Лопатин, 2001: 519]) – *сохранить* (ср: «сберегать, соблюдать, хранить, беречь, блюсти; схоронить, спрятать надежно» [Даль, Т. 4, 2003: 284]; «сберечь, не изменить, не утратить, не дать измениться, утратиться» [Лопатин, 2001: 742]). Графически развитие ассоциативного микрополя голографической единицы *дрябло-упитанный* в условиях формирования её текстового значения представлено следующим образом (рис. 7):

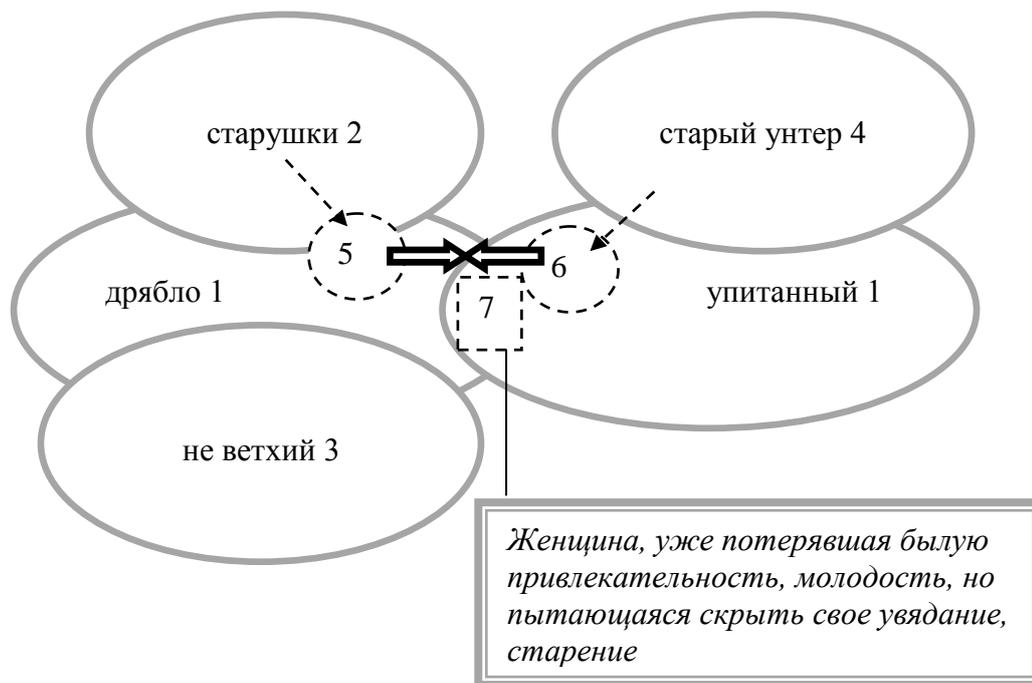

Рис. 7. Схема формирования ассоциативного микрополя голографической единицы *дрябло-упитанный*:

1 – голографическая единица; 2–4 – стимуляторы, формирующие текстовую семантику; 5 – место формирования базового значения голографической единицы (1) и стимуляторов (2 и 3); 6 – место формирования базового значения голографической единицы (1) и стимулятора (4);

⇒ – направление развития межсловных ассоциативных связей, спровоцированных базовыми значениями; - - ▶ – направление развития базовых значений; 7 – место развития текстовой семантики голографической единицы (1)

Межсловные ассоциативные связи, возникающие на основе противоположных представлений (о предмете, признаке, действии и т.д.) в структуре базовых значений, способны отразить результаты содержательного развития следующих многокомпонентных информационных цепочек: *стимулятор 1 – голографическая единица – значение 1; стимулятор 2 – голографическая единица – значение 2* и т.д. (рис. 4). Следует отметить, процесс организации ассоциативного микрополя единицы с актуализируемым значением, реализованный при участии таких элементов, имеет линейный характер. Его развитие осуществляется в горизонтальной плоскости.

В условиях текста межсловные ассоциативные связи возникают в результате взаимодействия базовых значений на основе оппозиционных отношений, семантически определяющих связь между вещами, признаками и пр. В этих случаях базовые значения формируются в вертикальной информационной плоскости. В месте взаимодействия ресурсов стимуляторов и голографической единицы актуализируется содержание последней и развивается система базовых значений. Их количество определяется ресурсами стимуляторов.

Базовые значения условно разделяют лексико-семантическое микрополе, или ядерную часть поля, единицы с актуализируемым значением на несколько информационных зон, в одной из которых репрезентируется положительное содержание, в других – отрицательное. Кроме того, в горизонтальной плоскости при помощи стимуляторов выявляются ярусы лексико-семантического микрополя голографической единицы, которые фиксируют крайние точки существования одного и того же предмета, признака и так далее или результаты их проявлений. Устанавливаются связи на основе оппозиционных отношений между вещами, свойствами и т.п. в рамках смыслового поля конкретного текста.

Разумеется, что развитие семантики голографической единицы только в опоре на базовые значения стимуляторов связано с определенными трудностями, которые устраняются в случае непосредственного участия ассоциативных связей в этом процессе. Они возникают между голографической единицей и информационными участками семантики, организованными при взаимодействии стимуляторов. При этом объем базовых значений, возникающий при участии последних, будет характеризоваться высоким уровнем концентрации их содержательно-содержательных ресурсов.

Следовательно, при установлении ассоциативных связей между такими разноплановыми компонентами появляется больше возможностей в виде общих точек пересечения в значениях для формирования на их основе текстовой семантики голографической единицы. Графически процесс возникновения ассоциативных связей можно представить следующим образом (рис. 8).

Детально формирование указанного типа межсловных ассоциативных связей, на основе которого впоследствии развивается текстовая семантика голографической единицы, можно рассмотреть на следующем примере:

Во всем облике бабушки было нечто религиозное, не ханжески-богомольное, не исступленное, а проникновенно-религиозное, спокойное, даже отрешенное (А. Рыбаков «Тяжелый песок»).

В данном тексте значение конструкции *нечто религиозное* значительно шире того, что представлено в рамках словарных дефиниций (ср.: *религиозный* – «верующий» [Лопатин, 2001: 626]; «обряд веры; верующий, твердый в вере» [Даль, Т. 4, 2003: 90–91]; *нечто* – «что-либо, что-то, что-нибудь, чтобы ни было; кое-что, несколько, одна часть» [Даль, Т. 2, 2003: 561]; «что-то (в перен. знач. нечто удивительное)» [Лопатин, 2001: 367]). Содержание данной единицы актуализируется за счет взаимодействия стимуляторов *не ханжески-богомольное, не исступленное, проникновенно-*

религиозное, спокойное, даже отрешенное. В смысловом поле текста положительный признак утверждается через отрицание с помощью частицы *не*.

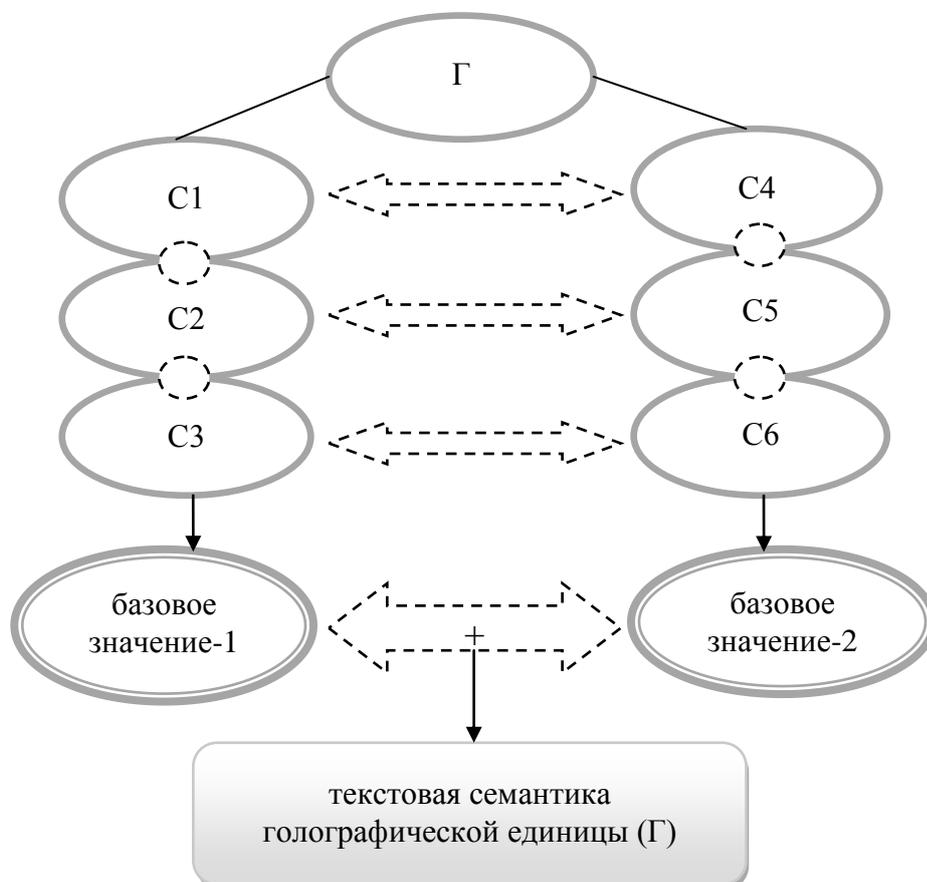

Рис. 8. Схема возникновения межсловных ассоциативных связей:

C1–C6 – стимуляторы; Г – голографическая единица; — — направление актуализации текстового значения голографической единицы; \cap – место (вертикального) информационного пересечения стимуляторов; \rightarrow – направление развития базового значения, а также текстовой семантики голографической единицы; \leftrightarrow – направление (горизонтальных) оппозиционных отношений стимуляторов, а также базовое значение-1, базовое значение-2; + – место установления ассоциативных связей, возникающих между базовыми значениями-1, базовое значение-2

Следует отметить, что стимуляторы делят лексико-семантическое микрополе голографической единицы на два вертикальных информационных участка, в которых репрезентируется противоположная семантика. Грамматически это выражено при помощи противительного союза *а* и отрицательной частицы *не* (рис. 9):

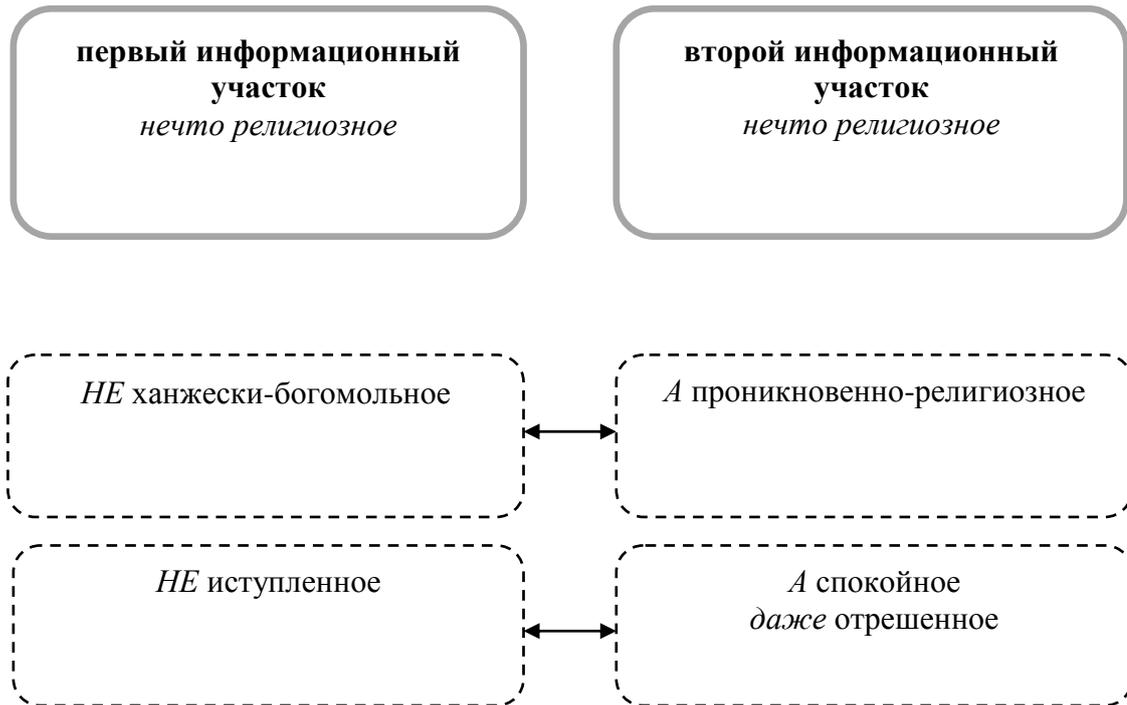

Рис. 9. Схема организации информационных участков лексико-семантического микрополя голографической единицы *нечто религиозное*:

↔ – направление оппозиционной ассоциативной связи

В первом информационном участке возникают ассоциативные реакции, которые основаны на оппозиционных отношениях, определяющих связь между признаками. В смысловом поле текста изначально констатируется, что понятие *нечто религиозное* устанавливается через стимуляторы *ханжеское* («свойственный ханже, лицемерный» [Ожегов, 1988: 702]), *богомольное* («любящий молиться» [Ожегов, 1988: 46]), *иступленное*. В данном случае они рассматриваются как текстуальные синонимы. Именно это содержание в качестве установленного факта противопоставляется в значении голографической единицы во втором информационном участке.

Следовательно, семантически стимуляторы определяют предельные точки проявления признаков одного из понятий, устанавливая оппозиционную связь между ними, а также организуя информационные участки лексико-семантического микрополя исследуемой голографической единицы (рис. 10):

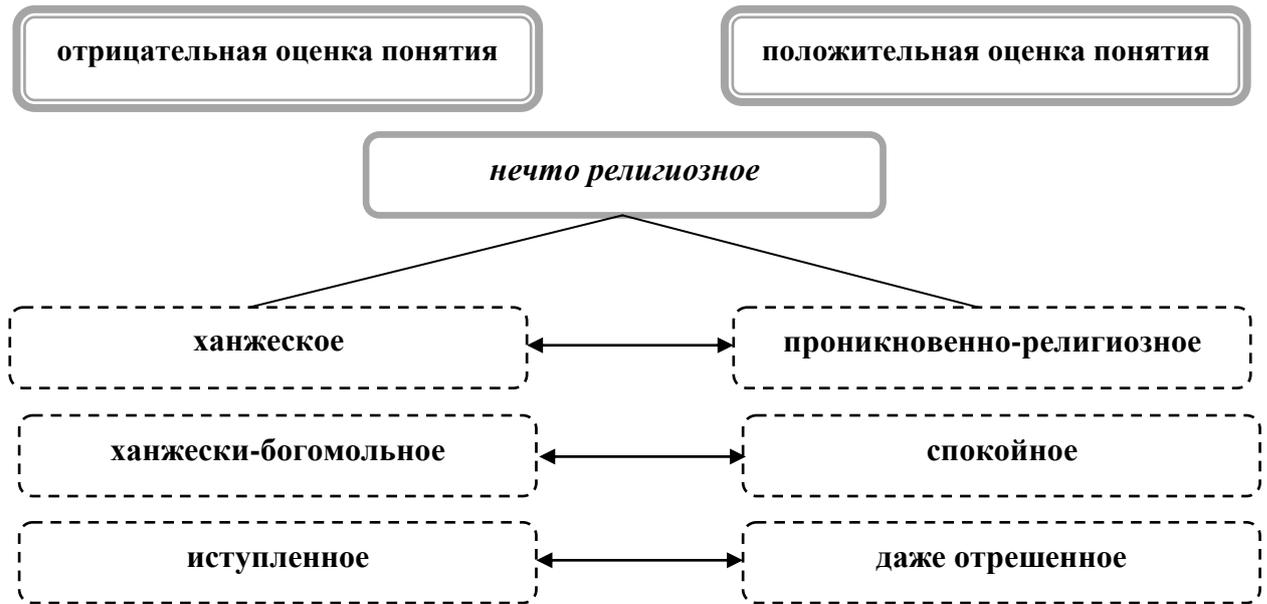

Рис. 10. Схема направлений взаимодействия стимуляторов в лексико-семантическом микрополе голографической единицы *ничто религиозное*:

↔ — направление лексико-семантических ресурсов стимуляторов в процессе формирования семантики голографической единицы *ничто религиозное*

В первом информационном участке взаимодействуют стимуляторы *ханжеский*, *богомольный*, *иступленный*, организуя на основе собственного содержания базовое значение 1: *ханжеский* – см. ханжа – «крайний лицемер» [Лопатин, 2001: 808]; «притворно набожный, лицемерный» [Даль, Т. 4, 2003: 542]); *богомольный* – «набожный» [ТСРЯ, Т.1, 2000: 162]; «прилежно и часто молящийся; исполняющий все внешние обряды церкви; искренне молящийся, богобоязненный» [Даль, Т. 1, 2003: 104]; следовательно, *ханжески-богомольный* – «притворно, неискренне молящийся; но фанатично исполняющий обряды церкви с какой-то целью (личной, как правило, корыстной)»; *иступленный* – «фанатичный, свирепый; страстный сверх меры, выходящий за пределы рассудительного» [Даль, Т. 2, 2003: 36]. В границах первого участка актуализируется семантика, связанная с отрицанием обмана, лжи, подлости, безрассудства. Через отрицание, выраженное с помощью частицы *не*, утверждается положительный оттенок в значении единиц. Смоделированное на данной основе базовое значение 1

имеет следующий вид: «чувство, не разрушающее в человеке истинную веру, не подрывающее ее нравственные основы» (см. с. 460–461 *Приложения*).

Во втором информационном участке значение голографической единицы *нечто религиозное* актуализируется за счет взаимодействия стимуляторов *проникновенно-религиозное, спокойное, даже отрешенное*. В опоре на их семантическое развитие формируется базовое значение 2: ср. *проникновенный* – «с большим внутренним убеждением, волнующе искренний» [Лопатин, 2001: 566]; следовательно, *проникновенно-религиозный* – «истинно верующий; имеющий веру в своей душе»; *спокойный* – «находящийся в состоянии покоя, лишенный тревог; ведущий себя тихо, не беспокоящий; не раздражающий, мягкий» [Лопатин, 2001: 702]; «тихий, кроткий, миролюбивый; не тревожный, не взволнованный, ничем не возмущенный» [Даль, Т. 4, 2003: 294]; *отрешенный* – «отчужденный, проникновенный» [Лопатин, 2001: 431]; «отделившийся; исключенный» [Даль, Т. 4, 2003: 753]. Следует отметить, что компонент *даже*, входящий в состав стимулятора, усиливает данное семантическое направление: не просто отчужден от кого-то или чего-то кем-то другим, а отчужденный до предела (по своему желанию), от всего, что мешает его духовной свободе. Из всего вышеизложенного следует, что при участии системы стимуляторов в базовом значении 2 реализуется следующая семантика: «внутреннее ощущение душевного покоя» (см. с. 460 *Приложения*).

Сформированные стимуляторами базовые значения 1 и 2 разделяют лексико-семантическое микрополе голографической единицы *нечто религиозное* на две противоположных зоны: «не сумевший понять и принять истину в своей душе озлобляется на всех; он мечется в своем безрассудстве» (через базовое значение 1) – «постигший истинную веру спокоен, лишен тревог; он духовно отчужден от пороков несовершенного материального мира; он находится в гармонии с собственным внутренним миром» (через базовое значение 2).

Кроме того, в организованных стимуляторах вертикальных ярусах лексико-семантического микрополя голографической единицы также устанавливаются оппозиционные отношения, которые поддерживают общее семантическое направление при формировании нового текстового значения: ср. *ханжеский* (лицемерный) – *проникновенный* (искренний); *ханжески-богомольный* (лжеверующий, неискренне набожный) – *отрешенный* (искренний, с большим внутренним убеждением); *исступленный* (фанатичный, свирепый; страстный сверх меры, выходящий за пределы рассудительного) – *спокойный* (находящийся в покое; ведущий себя тихо) (см. с. 460–461 *Приложения*). Очевидно, что указанные единицы с актуализирующим значением фиксируют информационные пределы реализации одного и того же понятия (признака), развивающегося в содержании голографической единицы *нечто религиозное*.

В процесс организации текстовой семантики исследуемой голографической единицы вовлечена система ассоциативных отношений, определяющих связи между признаками, зафиксированными в базовых значениях 1–2: *нечто религиозное* – «озаряющее светом, нравственной чистотой; истинно святое» (см. с. 462–463 *Приложения*).

Необходимо отметить, что в тексте есть слова, непосредственно не принимающие участие в процессе семантического развития данной голографической единицы, но подтверждающие ее расширенное значение: *бабушка* и *облик*. Образ *бабушки* в человеческом сознании ассоциируется с обожанием внуков: в ее глазах всегда светится вселенская любовь и доброта.

Слово *облик* («оклад и черты лица, общность вида и выражения лица» [Даль, Т. 2, 2003: 596]; «внешний вид» [Лопатин, 2001: 381]) в условиях смыслового поля данного текста ассоциируется с понятием *святой лик* (ср.: *святой* – «духовно и нравственно непорочный, чистый, совершенный; все, что относится к Божеству, к истинам веры, предмет высшего почитания, поклонения. Святые делятся церковью на *лики*, разряды» [Даль, Т. 4, 2003:

160]); *лик* – «лицо, облик, обличие; выражение лица; образ» [Даль, Т. 2, 2003: 252]; «лицо человека (устар. и высок.), а также изображение лица на иконах» [Ожегов, 1975: 297]. Кроме того, в семантическом плане между ними также прослеживается определенная близость: ср. «лицо или образ кого-то». В смысловом поле данного текста у единицы *облик* доминантным является следующее значение: «нравственно и духовно чистый образ; лицо человека, излучающего свет, любовь и вселяющего веру (так на иконах изображены лики святых)» (см. с. 462 *Приложения*).

Слова *бабушка* и *облик*, опираясь на собственные ассоциативные ресурсы, поддерживают сформированную стимуляторами текстовую семантику голографической единицы *нечто религиозное*: «нравственно и духовно чистое, поражающее святостью, но поистине человеческое, а не сверхъестественное; озаряющее все вокруг верой, истиной» (см. с. 462–463 *Приложения*).

Межсловные ассоциативные связи устанавливаются между единицами с актуализируемым и актуализирующим значениями на основе их частичной семантической близости, но не тождественности. Подобного рода отношения могут быть реализованы в том случае, когда в содержании голографической единицы и стимуляторов при наличии содержательной общности также выявляется некоторое различие в частностях. Возникающие на квазисинонимичной базе ассоциативные связи, впоследствии организующие ассоциативное микрополе, как бы «укрепляют» доминантное, основанное на некоторой близости значение, и развивают его. При этом семантическое различие в частностях либо нивелируется, уходя на второй план, либо трансформируется и становится приоритетным в процессе моделирования значения слова в тексте.

Определяемые межсловные квазиассоциативные связи возникают в результате семантического взаимодействия стимуляторов и единицы с актуализируемым значением. Развитие отмеченного вида связи реализуется в

два этапа: на первом – активизируются лексико-семантические ресурсы голографической единицы и стимуляторов в ядерной части поля; на втором – система аналогий и представлений данных текстовых единиц в периферийной части поля. Именно на этой синтезированной основе организуются *информационные цепочки*. Здесь важно обратить внимание на следующую особенность: система квазиассоциативных связей устанавливается непосредственно в процессе развития базовых значений (в отличие от рассмотренного ранее случая развития ассоциативных представлений, основанных на оппозиционных отношениях, когда подобные связи возникают между уже структурно организованными базовыми значениями). При этом значительно расширяется содержательный объём стимуляторов, так как в полной мере оказываются задействованными их ресурсы. Именно эти реализованные возможности определяют направление и устанавливают границы базовых значений.

В дальнейшем при организации текстовой семантики голографической единицы между базовыми значениями могут возникать ассоциативные связи, основанные на информационно близких или оппозиционных отношениях. Особенности установления межсловных квазиассоциативных связей, основанных на частичной близости выражаемых стимуляторами значений, можно рассмотреть на следующем примере:

*Вспомним, какую **незаметно-существенную** роль играли календари в жизни советского обывателя! Листки календаря являлись ежедневным, привычным – но и идеологически организующим, «управляющим» чтением, приобщавшим своего читателя к миру высокой и правильной событийности, – но также и средневековой книжный христианин ежедневно приобщался к высоким житиям и подвигам святых отцов через прологи... (Силантьев «Роман или роман: риторика дискуссионных смешений»).*

Следует отметить, что в значении компонентов слова **незаметно-существенный** отмечается взаимоисключающее содержание, так как в

основе лежат антонимические отношения: ср. *незаметный* – «почти не видный, трудно различимый; неосязаемый; *перен.* незначительный, ничем не выдающийся» [Лопатин, 2001: 358]; «почти не видный, трудно различимый; *перен.* незначительный, ничем не выдающийся» [Ожегов, 1988: 325]; *существенный* – «составляющий сущность чего-нибудь, важный, значительный» [Лопатин, 2001: 727]; «составляющий сущность чего-н., крайне важный, необходимый» [Ожегов, 1988: 638]; «составляющий сущность вещи; главный, важнейший, основной, коренной» [Даль, Т. 4, 2003: 368]. Прослеживается информационное противопоставление: незначительный, ничем не выдающийся – важнейший, значимый, значительный (см. с. 411 *Приложения*).

Та же тенденция выявляется и в структуре лексико-семантического микрополя голографической единицы: стимуляторы разбивают данное пространство на два противоположных по содержанию информационных участка: первый – *незаметно(ный), календарь, советский обыватель, ежедневный, привычный, средневековый книжный христианин*; второй – *существенный, идеологически организующий, «управляющий», приобщавший к миру высокой и правильной событийности, приобщать к высоким житиям и подвигам святых отцов через прологи*.

В смысловом поле данного текста семантика голографической единицы *незаметно-существенный* формируется при участии отмеченных выше стимуляторов в опоре на систему ассоциативных представлений. Процесс развития ассоциативных связей начинается с активизации лексико-семантических ресурсов следующих единиц информационного участка 1: *календарь* – «таблица или книжка с перечнем всех дней в году (с различными справочными сведениями)» [Лопатин, 2001: 233]; *ежедневный* – «бывающий каждый день; обычный повседневный» [Лопатин, 2001: 154]; «каждодневный, бывающий каждый день, повседневный» [Даль, Т. 1, 2003: 516]; «бывающий каждый день, обычный, повседневный» [Ожегов, 1988:

152]; *привычный* – «ставший привычкой; такой, к которому привык; привыкший, приучившийся к чему-нибудь» [Лопатин, 2001: 537]; «привыкший и ставший привычкой» [Даль, Т. 3, 2003: 405]; «известный, хорошо знакомый, такой, к которому привык» [Ожегов, 1988: 477]; то есть «обычный, а следовательно, обыкновенный, незначительный» (см. с. 412 *Приложения*); *обыватель* – «тот, кто лишен общественного кругозора, интеллектуальных потребностей, живет только мелкими личными интересами» [Лопатин, 2001: 393]; «житель на месте; всегдашний» [Даль, Т. 2, 2003: 637]; «1. В царской России: постоянный житель какой-н. местности, относящийся к податным сословиям; 2. Человек, лишенный общественного кругозора, живущий только мелкими личными интересами» [Ожегов, 1988: 355]. *Советский обыватель* – это стереотип общественной и жизненной позиции «человека, незначительного во всех своих проявлениях и желаниях; обыкновенного, типичного для конкретного исторического (советского) периода» (см. с. 412 *Приложения*); *христианин* – «последователь христианства» [Лопатин, 2001: 817]; «верующий во Христа, исповедник; человек крещеный» [Даль, Т. 4, 2003: 565]; в средние века все люди должны были исповедовать какое-либо религиозное учение (в частности, в тексте речь идет о христианстве); это было нормой общественной, духовной жизни, обычным явлением. *Средневековый (книжный) христианин* – это «типичный представитель определенного образа жизни (духовной, общественной и др.), характерного для средневековья; такой же, как все обыватель» (см. с. 413 *Приложения*).

В семантике указанных стимуляторов отмечается определенная близость, отметим, что речь не идет о тождественности: «обыкновенный, незначительный, не выделяющийся, а значит, типичный». Возникающая система ассоциативных представлений подтверждает установленную общность значения: ежедневно совершающееся, привычное для человека событие, действие – это незаметные в плане значительности, важности

реалии. Однако выявляются и различия в частностях: ср. что-то происходящее каждый день (через стимулятор *ежедневный*) и вследствие этого ставшее привычным (через стимулятор *привычный*) можно воспринимать как ничем не выделяющийся факт реальности (базовое значение 1 компонента голографической единицы – *незаметный*; переносный тип), но его невозможно не ощущать или не различать (базовое значение 2 компонента голографической единицы – *незаметный*; прямой тип). Содержание стимуляторов как бы полностью «вкладывается» в содержание начального компонента – *незаметный* (данное соответствие отмечается на основе переносного значения), в информационном поле которого имеются и другие смысловые элементы, в частности, значение 2.

Каждый из стимуляторов *советский обыватель* и *средневековый книжный христианин* при их очевидной семантической и ассоциативной близости (ср. «типичный представитель своей эпохи со сформировавшейся определенной, соответствующей времени и его задачам системой мировоззрения») также отличается какой-либо содержательной особенностью: являясь приверженцами некой общечеловеческой морали, христиане определяют свое отношение к миру с позиции высоконравственных духовных ценностей, а обыватели – с позиции личных материальных благ и достоинств. В данном случае следует говорить о пересечении этих значений. В результате развития квазиассоциативных связей между компонентами голографической единицей – *незаметный* и стимуляторами информационного участка 1 при активном участии их лексико-семантических ресурсов организуется базовое значение 1: «непрекращающийся, привычный в процессе формирования жизненного опыта, нравственной позиции человека» (см. с. 411 *Приложения*).

В информационном участке 2 развитие ассоциативных связей также является результатом взаимодействия голографической единицы *незаметно-существенный*, точнее, второго ее компонента – *существенный*, со

следующими стимуляторами: *идеологический* – «основанный на системе взглядов, идей, характеризующих какую-нибудь социальную группу, общественно-политическую группировку и т.п.» [Лопатин, 2001: 208]; *организующий* – «основывающий, создающий (какое-н. учреждение, общественное объединение и т.п.); определяющий» [Лопатин, 2001: 409]; «от глаг. *организовать* – 1. основать, учредить; 2. подготовить, наладить; 3. объединить для какой-н. цели; 4. упорядочить что-нибудь» [Ожегов, 1975: 418]; следовательно, *организующий* – «определяющий; объединяющий с конкретной целью». Посредством анализа материалов словарных дефиниций развивается значение стимулятора *идеологически организующий* – «идейно формирующий определенным образом (в чьих-либо интересах) мировоззренческую позицию, например, общества; значительный» (см. с. 413 *Приложения*); *управляющий* – «тот, кто управляет, руководит чем-нибудь, ведет что-нибудь» [Лопатин, 2001: 785]; «от глаг. *управлять* – править, давая ход, направление, распоряжаться; порядничать» [Даль, Т. 4, 2003: 504]; следовательно, «определяющий; руководящий; организующий что-либо» (см. с. 413 – 414 *Приложения*).

Стимулятор *приобщавший к миру высокой и правильной событийности* организует свое содержание поэтапно. На начальном этапе его компоненты формируют общую семантическую базу, в рамках которой намечаются потенциальные границы возможного семантического развития компонентов данной единицы с актуализирующим значением *приобщавший* – «знакомящий с чем-нибудь, включающий в какую-нибудь сферу, процесс»; *событийность* – «насыщенность событиями, фактами» [ТСРЯ, Т. 4: 336]; «см. от событие – то, что произошло, то или иное значительное явление, факт общественной, личной жизни» [Ожегов, 1988: 604]; *высокий* – «полный благородства, значительный, необыденный по содержанию» [Лопатин, 2001: 92]; «превосходный, лучшего достоинства, более ценный, в высшей степени значительный» [Даль, Т. 1, 2003: 314]; «очень значительный, возвышенный

по содержанию» [Ожегов, 1988: 98]; *правильный* – «не отступающий от правил, норм [Лопатин, 2001: 523]; «согласный с правилами, им отвечающий или по правилам сделанный» [Даль, Т. 3, 2003: 379]; «не отступающий от правил, норм, пропорций» [Ожегов, 1988: 476]; «не отступающий от правил (в 1-м знач.), норм, установленного порядка» [ССРЛЯ, Т. 11, 1961: 17].

На втором этапе определяется текстовое значение стимулятора *приобщавший к миру высокой и правильной событийности* как «знакомящий с жизнью, наполненной событиями в высшей степени значимыми, нравственными и соответствующими нормам общественной морали» (см. с. 414 *Приложения*). Ассоциативно доминантным в этом случае становится следующее значение: «значительный, первостепенный». В процессе привлечения к миру высоких нравственных идей человек должен постичь для себя что-то важное, определяющее его дальнейшую судьбу, меняющее его мировоззрение и пр. В этом заключается цель приобщения.

Однако в процессе взаимодействия данного стимулятора с другими единицами (ср. *идеологически организующий, «управляющий»*) меняется информационное направление его семантики: ср. в идеологии советского государства, намеренно стирающего грани между гражданином и обывателем, *мир высокой и правильной событийности* полностью соответствует именно таким задачам социального превращения. Кардинально трансформируется оценочная характеристика. Это не идеальный мир благородных поступков, событий, нравственных ценностей, а «мир, угодный тоталитарной системе и контролируемый ею в полной мере». В силу этих обстоятельств он и соответствует понятиям «высокий» по поставленным идеологическим задачам и «правильный» в отношении верно выбранного политического курса. При этом по-прежнему сохраняется значение «важности, значимости», но доминантным становится семантика «угодный, удовлетворяющий интересы официальной власти».

Зачение стимулятора *приобщать к высоким житиям и подвигам святых отцов через прологи* также формируется поэтапно. Сначала создается общая семантическая база на основе толкования следующих компонентов данного стимулятора: *житие* – «повествование о чьей-н. жизни (устар.). *Жития святых*» [Ожегов, 1988: 159]. В истории мировой литературы *житие* представляет собой жанр церковной литературы, в котором описывается жизнь и деяния святых. Оно создавалось после смерти великомученика, но не всегда после формальной канонизации. Для жития характерны строгие содержательные и структурные ограничения (канон, литературный этикет), которые сильно отличают его от светских биографий. *Высокие жития* – это «очень значительные по идейно-нравственной направленности, возвышенные по содержанию повествования религиозного характера о жизни и деяниях святых»; *подвиг* – «героический, самоотверженный поступок» [Лопатин, 2001: 482]; «доблестный поступок, дело, или важное, славное деяние» [Даль, Т. 3, 2003: 164]; *пролог* – «вступительная часть литературного или музыкального произведения» [Ожегов, 1988: 500; Лопатин, 2001: 565, ССРЛЯ, Т. 11, 1961: 1189]. В христианской культуре прологом называется книга, содержащая в себе жития святых вместе с указаниями относительно празднований в честь их; *святой* – «в религиозных представлениях: обладающий высшим совершенством и силой, божественный» [Лопатин, 2001: 652]; соответственно, *святые отцы* – «пастыри и учителя, преемники апостолов и епископы» [Даль, Т. 4, 2003: 161].

На втором этапе на основе сформированной общей семантической базы репрезентируется следующее значение стимулятора *приобщать к высоким житиям и подвигам святых отцов через прологи*: «знакомить с общепризнанными в определенном обществе идеалами добродетели, самоотверженности, их судьбами и деяниями через изучение особых книг религиозного характера, содержащих не только описание жизни святых, но и сведения относительно празднования в их честь» (см. с. 415 *Приложения*).

Следует отметить, что прологи имеют несколько познавательный или популяризированный характер, так как зафиксированное в них содержание, отличающееся высокой идейной направленностью, воспринимается легче, чем сами жития (более объёмные, трудные для восприятия, строгие по содержанию и по структуре). В силу данных обстоятельств, процесс выработки определенных нравственных позиций, «нужных» власти в данный исторический момент, протекает быстрее. Тем более, сомневаться в истинности представлений, сформированных таким образом, человек не вправе, так как речь идет о священных для него книгах. Пользуясь данным положением, власть в лице государства может подвести под такие каноны любую, выгодную для нее систему мировоззренческих принципов.

С учетом данных замечаний текстовое значение стимулятора *приобщать к высоким житиям и подвигам святых отцов через прологи* может иметь следующим вид: «зомбировать кого-то; навязывать что-либо сверх воли; производить установку на зомбирование».

В информационном участке 2 система ассоциативных представлений, возникающая между стимуляторами на основе общей информационной части (а именно: «важный, значительный»), подтверждает установленную близость их значений: *существенный* факт или признак всегда характеризуется важностью, *идеологически организующий* мотив отличается первостепенностью; *управляющий* чем-либо показывает свою значимость в решении задач или проблем; *приобщение миру не только высокой и правильной событийности, но и к высоким житиям и подвигам святых отцов через прологи* связано с формированием или изменением важнейших жизненных приоритетов.

При организации базового значения 2 отмечается пересечение ассоциативных представлений, зафиксированных в структуре указанных стимуляторов. Однако указанные единицы, имеющие общую информационную часть («важный, значительный»), различаются какой-либо

дополнительной понятийной особенностью. *Существенный* факт не всегда определяется через систему мировоззренческих позиций. Данное содержание репрезентируется стимулятором *идеологически организующий; знакомство с миром, угодным тоталитарной системе и контролируемым* ею в полной мере при определенных условиях общественного устройства, не может считаться жизненно важным явлением (ср.: указанная семантика репрезентируется стимуляторами *идеологически организующий; существенный*). Базовое значение 2 развивается на базе квазиассоциативных связей и имеет следующий вид: «имеющий государственный характер; значимый в интересах государства или власти; неизменный при всех обстоятельствах» (см. с. 411–412 *Приложения*).

Необходимо отметить, что в процессе формирования текстовой семантики голографической единицы ассоциативные связи, в том числе и квазиассоциативные, могут устанавливаться между стимуляторами разных информационных участков. Это, как правило, приводит к более глубокой детализации и, следовательно, развитию тех ресурсов единиц, которые не получили возможности реализовать в полной мере свой семантический потенциал. Результатом данного процесса является не только моделирование нового значения слова в тексте, но и расширение смыслового поля самого текста. Так, например, в предложенном для анализа тексте при организации значения голографической единицы *незаметно-существенный* квазиассоциативные связи устанавливаются между стимуляторами разных информационных участков *календарь* и *пролог*.

На уровне ассоциативного восприятия *христианский пролог* по форме и содержательной выраженности можно определить как календарь. Правомерность данного утверждения только усиливается, если календарь имеет православный характер и отражает события религиозной жизни. Кроме того, квазиассоциативные связи, возникающие между указанными стимуляторами, устанавливаются на основе их общей содержательной части.

Во-первых, и в календаре, и в христианском прологе отражена система определенных сведений, в том числе исторического, религиозного и др. характера. Во-вторых, в них установлен строгий перечень дней года.

Установлено, что значение каждого стимулятора отличается какой-то особенностью. Например, разная информационная направленность их содержания: в прологе она имеет религиозно-нравственный аспект; в календаре – познавательный характер, расширяющий кругозор. Или: различные принципы группирования дней (или дат); в календаре фиксируются все дни в году; в прологе – только даты чествования святых, то есть праздники.

Еще одна особенность в значении данных стимуляторов связана с различием выполняемых ими функций в обществе. Календарь отражает хронологическую последовательность промежутка, равного периоду обращения Земли вокруг Солнца, и определяет жизненный цикл человека; создается основа его физиологического и физического существования. Христианский пролог, содержащий описание жизни святых, на примерах их деяний и подвигов приобщает людей к миру нравственно-духовных ценностей. При его участии формируется духовный путь человека.

В основе квазиассоциативных связей, устанавливающихся на основе взаимодействия стимуляторов *календарь* и *пролог*, лежит пересечение их смыслов. В данном случае отношения включения отсутствуют. Именно в опоре на эти принципы в дальнейшем моделируется значение голографической единицы ***незаметно-существенный***.

Следует отметить, что одни и те же стимуляторы, благодаря квазиассоциативной основе их взаимоотношений, актуализируют семантику компонентов текстовой единицы в разных информационных направлениях. Ср. через тексты христианских прологов в древние времена человек приобщался «к высоким житиям и подвигам святых отцов». Книги религиозного характера были в тот исторический период практически

единственным источником, способным оказать воздействие на мировоззрение людей. Властью на них возлагалась особая функция: определенным образом формировать общественное сознание. В советское время через справочные популяризированные тексты календарей, порой представляющих собой «пропагандистский информационный сгусток», навязывалась нравственно-идеологическая система ценностей. Целыми семьями с интересом изучались статьи на их страницах о важных государственных праздниках, знаменательных событиях и т.д.

Календарь и пролог – серьезные инструменты идеологического влияния на отдельную личность (индивида) или общественность в целом. Именно на основе данной семантики актуализируется текстовое значение конечного компонента голографической единицы – **существенный**: «составляющий идеологическую базу чего-либо». С другой стороны, чтение календаря и пролога представляет собой привычное (ср. «ставший привычкой; такой, к которому привык» [Лопатин, 2001: 537]; «привыкший, ставший привычкой» [Даль, Т. 3, 2003: 405]), ежедневное (ср. «бывающий каждый день; обычный, повседневный» [Лопатин, 2001: 154; Ожегов, 1988: 152]) занятие, времяпрепровождение для человека. Это во многом определяется характером привлеченного материала. По своей сути тексты и календаря, и христианского пролога повествуют о событиях, представляющих культурную ценность и имеющих историческую значимость. Такая информация, как правило, и составляют основу повседневной обыденной жизни людей любых общественных формаций. В средневековье именно в религиозной литературе указывались ориентиры и определялись приоритеты, по которым должно было строиться земное существование христианина.

У граждан СССР через популяризированные тексты статей календаря о достижениях в народном хозяйстве, промышленности, медицине и так далее (то есть что составляло основу их повседневной жизни и благополучия) формировалась определенная гражданская позиция. Через вполне реальные

ситуации бытового характера ненавязчиво для человека происходит становление его мировоззренческой системы. Создаются условия, в которых о главном в жизни говорится простым языком с позиции привычных, стандартных вещей. Информация такого характера воспринимается как нечто естественное, знакомое (ср.: это может происходить с каждым) и, следовательно, не вызывает отторжения в сознании человека (ср.: это мое решение, а не чужое). Именно на основе данных позиций в результате взаимодействия стимуляторов *календарь* и *пролог* актуализируется значение начального компонента голографической единицы – **незаметный**: «обыденный; не вызывающий сомнений в праве на существование и в силу этих причин легко воспринимаемый на веру».

Проанализированный материал показывает, что в результате взаимодействия одних и тех же стимуляторов на основе квазиассоциативных связей актуализируется разное содержание компонентов одной голографической единицы. Начальный компонент – **незаметный** указывает на способ или характер воздействия на человека или общества; конечный компонент – **существенный** устанавливает степень значимости данного влияния на личность или общество в целом.

При формировании текстовой семантики голографической единицы **незаметно-существенный** еще на уровне организации базовых значений привлекаются квазиассоциативные связи. Именно они занимают определяющую, доминантную позицию в ходе данного процесса.

На основе всех проанализированных нами фактов лексико-ассоциативного развития стимуляторов формируется следующая семантика голографической единицы **незаметно-существенный**: «догматичный» (см. с. 417 *Приложения*). Нравственные воззрения, заложенные в основу жизненного опыта человека, в обществе воспринимаются на веру. Они не нуждаются в каких-либо доказательствах важности (базовое значение 1); интересы государственного уровня остаются неизменными при всех

обстоятельствах (базовое значение 2) (ср.: *догма* – «положения, принимаемые на веру, за непреложную истину, неизменную при всех обстоятельствах» [Ожегов, 1988: 138]).

Формирование ассоциативного микрополя осуществляется в результате установления ассоциативных связей, спровоцированных развитием семантики голографической единицы и стимуляторов. Ассоциативные связи могут устанавливаться между компонентами голографической единицы, такие называем *внутрисловными*, или между несколькими единицами, задействованными в данном процессе, такие называем *межсловными*.

Все приведенные факты позволяют заключить, что единица с актуализируемым значением в процессе своего функционирования и развития опирается на систему ассоциативных представлений и связей; на этой основе формирует собственное ассоциативное микрополе, базирующееся на представлении об ассоциативной памяти оптической голограммы. Данное соответствие подтверждает гипотезу об определении голографической природы единицы с актуализированным значением.

В процессе формирования текстовой семантики слова устанавливаются *внутрисловные* и *межсловные* ассоциативные связи. Внутрисловные ассоциации реализуются в структуре голографической единицы. Они развиваются на базе фонетической близости между данной единицей и словом со схожим звуковым комплексом. Причем последнее представляет собой единицу, наиболее частотную в употреблении в данный период развития языка. Внутрисловные ассоциации также могут реализоваться через опознание словообразовательной модели или мотивирующей основы, на базе которой организована голографическая единица.

Межсловный вид ассоциативных связей возникает в результате взаимодействия единицы с актуализируемым значением и стимулятора на основе синонимичных или оппозиционных отношений, семантически определяющих отношения между вещами, признаками и т.д.

Голографическая единица в процессе функционирования в тексте опирается на подобную систему ассоциативных связей и формирует собственную семантику.

§ 4. Поверхностно-развёртываемая разновидность информационного поля текстовой голографической единицы

В основе типологической классификации информационного поля голографической единицы лежит критерий – степень его внутреннего структурного развития. Наличие или отсутствие возможности развития процессов вторичного взаимодействия ядерной и периферийной зон, приводящих в дальнейшем к организации текстовой семантики слова, позволяют выделить две разновидности информационного поля: *поверхностно-развёртываемая (простая форма)* и *глубинно-развёртываемая (сложная форма)*.

Поверхностно-развёртываемая разновидность информационного поля голографической единицы (ПР-разновидность) представляет собой замкнутую модель развития внутреннего пространства. Ядерная и периферийная зоны ограничены в развитии характером потенциально-репрезентируемых возможностей текстовых единиц. В данном случае речь идет о степени их продуктивности. Подобная внешняя полевая замкнутость объясняется следующими факторами.

Во-первых, ПР-разновидность информационного поля организуется в результате развития процессов первичного моделирования семантики голографической единицы, когда внутри ядерной и периферийной зон её внутреннего пространства вступают во прямое взаимодействие лексико-семантические и ассоциативные ресурсы только единицы с актуализируемым

значением. Итогом подобного рода отношений и является возникновение текстового значения конкретного слова.

Поверхностно-развёртываемая разновидность внутрислового организации голографической единицы характеризуется неравномерностью развития. По степени и характеру участия текстовой семантики ядро с расположенным в нем лексико-семантическим микрополем занимает доминирующее положение. Периферия выступает как несколько пассивная структура. Подобная ректифицированность обусловлена следующими причинами.

Периферия ПР-разновидности информационного поля моделируется на основе ассоциативных связей, возникающих только между компонентами голографической единицы. По характеру своего развития они являются внутрисловными. Из-за доминирующей позиции ядерной части и, как следствие этого, потенциально высокой продуктивности развития ресурсов голографической единицы стимуляторы не могут сформировать полноценную систему собственных ассоциативных значений. Поддерживая общее направление в развитии текстовой семантики, они своим участием лишь подтверждают адекватность ее интерпретации.

В связи с тем, что один из значимых внутрислового компонентов, представленный в форме ассоциативных значений стимуляторов, частично утрачивает собственную функциональную самостоятельность, периферия информационного поля развивается не в полном объеме. Ядро ПР-типа поля представляет собой наиболее значимую структуру.

Во-вторых, тип информационного поля голографической единицы будет определяться характером процессов, развивающихся в нем. Поверхностно-развёртываемый тип организуется в результате активизации процессов *первичного моделирования текстовой семантики*, которые представляют собой прямую семантико-ассоциативную реакцию, возникающую на основе взаимодействия системы внутренних ресурсов

голографической единицы и стимуляторов. Механизмы их развития определяются следующим образом.

Процессы первичного моделирования текстовой семантики реализуются в информационном поле голографической единицы поэтапно. На начальном этапе в лексико-семантическом микрополе в результате взаимодействия стимуляторов организуется система базовых значений. Развивается ядерная часть информационного поля. Число базовых значений зависит от возможностей стимуляторов и особенностей структурирования пространства лексико-семантического микрополя, то есть от количества организуемых зон. В горизонтальном направлении в ПР-разновидности информационного поля развитие семантики голографической единицы не осуществляется.

В структуре периферии организуется такой тип ассоциативного значения, который самостоятельно не может определять новое информационное направление в содержании голографической единицы. Его функциональное назначение – поддерживать, детализировать ту семантику, которая репрезентируется системой сложившихся базовых значений.

Второй этап связан с моделированием нового содержания текстовой единицы. Оно формируется при непосредственном взаимодействии базового и ассоциативного значений голографической единицы. На этом этапе окончательно моделируется её поле. Стимулятор выполняет в этом процессе пассивную функцию. Он выступает в качестве инертного элемента внутрислового системы в отношении самой голографической единицы. Лексико-семантические возможности стимуляторов остаются невостребованными, а их ассоциативные ресурсы реализуются частично.

ПР-разновидность информационного поля представляет собой его *диверсификационно-связанный* вид. В этом случае семантика голографической единицы изменяется в границах существующего значения слова, которое выступает в данном случае в качестве единицы с

продуктивной текстовой реализацией. При этом сохраняется не только общее информационное направление, но и связь между новым текстовым значением и значением, уже зафиксированным в словарях.

Графически ПР-разновидность информационного поля голографической единицы можно представить следующим образом (рис. 11):

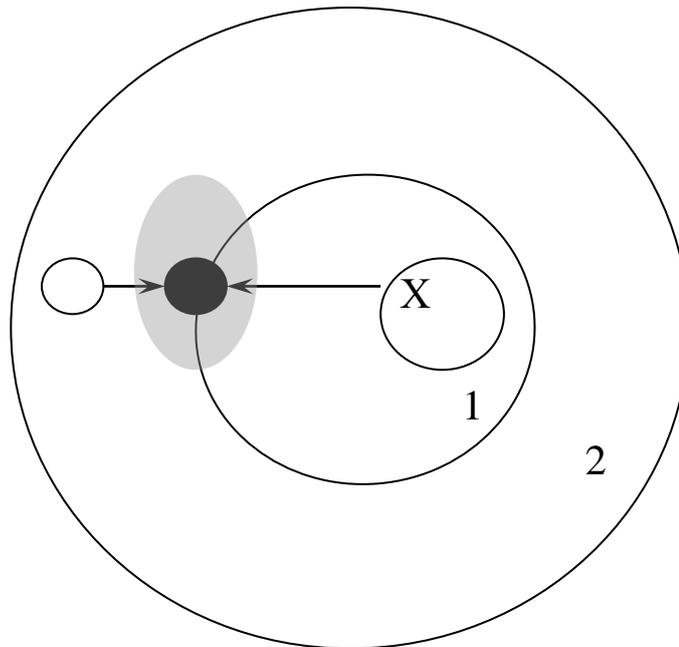

Рис. 11. Схема поверхностно-развёртываемого типа информационного поля голографической единицы:

- 1 – лексико-семантическое микрополе голографической единицы (ядро); 2 – ассоциативное микрополе голографической единицы (периферия); – базовое значение голографической единицы;
- – ассоциативное значение голографической единицы (понятийный участок периферии);
- – место образования текстовой семантики голографической единицы; – направление развития семантики; вектор взаимодействия лексико-семантического и ассоциативного микрополей;
- – область развития текстовой семантики

Процесс организации поверхностно-развёртываемой разновидности информационного поля голографической единицы можно рассмотреть на следующих примерах:

Всё-таки это была первая Катина развиртуализация в полуденном сквере, и вкус пыльного позора («На кого я потратила трое суток Интернета – и два часа реальной жизни!!!) требовал немедленно запитать его двойной «маргаритой» (Е. Пунш «Net.Любви»).

В последнее время слово **развиртуализация**, как и *виртуализация*, стало одним из самых популярных в публикациях компьютерных СМИ, в научных исследованиях сегмента *технологий виртуализации*. Однако данное слово не зафиксировано в современных словарях русского языка. Поэтому установить однозначное толкование этого понятия не представляется возможным.

Следует отметить, что слова *виртуализация* и *развиртуализация* выступают в качестве антонимов. Они выражают такие значения, которые не просто различны, а соотносительны и при этом противоположны друг другу (ср.: *процесс – обратный ему процесс*). Содержание слова **развиртуализация** может репрезентироваться через слово *виртуализация*.

Со времени своего появления единица *виртуализация* (от *виртуальный* – фр. «*virtuel*», англ. «*virtual*» – «возможный, потенциальный, предполагаемый, искусственно воссозданный в форме макета») приобрела множество различных значений и употреблялась в разных контекстах. Данное понятие представляет собой сокрытие настоящей реализации какого-либо процесса или объекта от истинного его представления для того, кто им пользуется. Продуктом виртуализации является нечто удобное для использования, но на самом деле имеющее более сложную или совсем иную структуру, отличную от той, которая воспринимается при работе с объектом. Происходит отделение представления от реализации чего-либо.

В настоящее время значение слова *виртуализация* в отношении человека, его жизненного пространства трансформировалось следующим образом: «субъективное придание данным реалиям “жизненного мира” свойств пространственной инверсии, временной обратимости и

произвольности» (см. с. 421 *Приложения*). Базовое значение голографической единицы *развиртуализация*, представленное в ядерной части поля, развивается в опоре на данное содержание. При этом не менее активно репрезентируется система ее собственных ресурсов.

Информационное поле голографической единицы *развиртуализация* представляет собой его поверхностно-развёртываемую разновидность, которая организуется в результате актуализации процессов первичного моделирования текстовой семантики.

По характеру словообразовательной природы слово *развиртуализация* представляет собой простую структуру. За счет актуализации системы собственных ресурсов её компонентов в ядерной части ПР-разновидности информационного поля развивается базовое значение исследуемой голографической единицы. Данный процесс осуществляется следующим образом.

В русском языке при помощи префикса *раз-* (*рас-*) образуются некоторые группы слов со значением обратного действия. Например, *разблокировать*, *разгерметизация* и т.п. В результате развития процессов первичного моделирования текстовой семантики в структуре исследуемой голографической единицы начальный компонент, представленный префиксом *раз-*, успешно реализует данное значение, на основе чего формируется следующее базовое значение: *развиртуализация* (в отношении человека, его жизненного пространства и др.) – «процесс объективного восприятия явлений «жизненного мира», их идентификация, распознавание в реальном пространстве» (см. с. 421 *Приложения*). Ср.: *виртуализация* (в отношении человека, его жизненного пространства и пр.) – «субъективное придание данным реалиям «жизненного мира» свойств пространственной инверсии, временной обратимости и произвольности».

В периферийной части ПР-разновидности информационного поля голографической единицы *развиртуализация* внутрисловные ассоциации

возникают в опоре на морфемные компоненты слов через опознание словообразовательной модели, организующей единицу с актуализируемым значением (ср.: *разгерметизация* – *развиртуализация*). Следует отметить, что данный морфологический тип словообразования предполагает создание новых единиц по определенным словообразовательным моделям путем изменения формы уже существующих при помощи префикса. В качестве производящего слова выступает существительное, обозначающее процесс осуществления действия. Ср.: *герметизация* – «процесс действия по несом. глаг. *герметизировать* («делать непроницаемыми для жидкостей и газов стенки, соединения в аппаратах, машинах, сооружениях или ёмкостях») [Ефремова. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/153814> (дата обращения: 03.07.2011)].

Префикс *раз-* изменяет направление действия процесса, зафиксированного в семантике производящего слова. Развивается некий вторичный процесс, противоположный первичному по характеру, результату и т.д. Ср.: *разгерметизация* – «техн. к *разгерметизировать* («лишить герметичности») [Кузнецов, 2000: 1065]. При этом возникают следующие ассоциации: нарушение целостности чего-либо; обратимость какого-либо процесса, явления и пр. (см. с. 421 *Приложения*). Значит, ассоциативное значение голографической единицы ***развиртуализация***, актуализирующееся через опознание типа ее словообразовательной модели, также формируется на данной понятийной основе. Ср.: *развиртуализация* – «качественное изменение процесса виртуализации, связанное с его обратимостью» (см. с. 421– 422 *Приложения*).

В настоящее время в русском языке активно появляются слова, созданные по данному типу словообразовательной модели (ср.: *размонетизация*, *расформатизация*, *размагнитизация*, *расприватизация* и др.). Они активно реализуются в различных сферах экономики,

информационных технологий и так далее. Однако в данном тексте слово **развиртуализация** характеризует систему межличностных отношений.

Стимуляторы в периферийной части ПР-разновидности информационного поля голографической единицы **развиртуализация** ассоциативно подтверждают данное направление в развитии текстовой семантики. Во-первых, какому-то человеку было уделено много внимания (через стимулятор *на кого я потратила трое суток Интернета – и два часа реальной жизни!!!*) (см. с. 421; 422 *Приложения*). Во-вторых, есть прямое указание на одного из участников межличностных отношений (через стимулятор *это была первая Катина развиртуализация*).

Кроме того, стимуляторами ассоциативно поддерживается семантика противопоставления, которая изначально актуализируется в структуре базового и ассоциативного значений исследуемой голографической единицы. Ср.: действительность, данность, с одной стороны (через стимулятор *два часа реальной жизни*), и виртуальность, физическая невоплощённость, имитация реальной обстановки с помощью компьютерных устройств или умозаключений, с другой стороны (через стимулятор *трое суток Интернета*); причем на вымысел потрачено больше времени, но именно реальность расставляет все по своим местам. Развиртуализация есть одна из форм выражения реальности в современном обществе.

ПР-разновидность информационного поля исследуемой голографической единицы организуется в результате активизации процессов первичного моделирования семантики. Очевидно, что система содержательно-смысловых ресурсов данной единицы характеризуется высокой продуктивностью.

При взаимодействии ядерной и периферийной частей информационного поля на основе базового и ассоциативного значений развивается текстовая семантика голографической единицы: **развиртуализация** – «первый личный контакт и непосредственное

восприятие людей, общающихся друг с другом, в самом акте коммуникации; процесс перехода к реальности или первая встреча в реальном времени и пространстве» (см. с. 422 *Приложения*). Стимулятор в полуденном сквере подтверждает данную хронологическую и территориальную обусловленность (см. с. 422 *Приложения*).

Или:

– У мальчика подвешен язык, – язвил он. – У мальчика стоят мозги – и то ладно. Импотент от творчества не способен оплодотворить материал – он в лучшем случае **описатель** (М. Веллер «Ножик Сергея Довлатова»).

В данном тексте в качестве голографической единицы выступает слово **описатель**. В современных толковых словарях его значение определяется как: «лицо, сделавшее описание чего-либо» [ССРЛЯ, Т. 8, 1959: 1903; Кузнецов 2000: 716; Даль, Т. 2, 2003: 679]; «тот, кто сделал описание (то есть результат такого действия; словесное – устное или письменное – изображение кого-либо или чего-либо) чего-либо» [Ефремова. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/203107> (дата обращения: 6.04.2011)]. Однако в тексте данная семантика трансформируется на основе актуализации собственных ресурсов исследованной единицы. Данный процесс имеет внутрисловообразовательный характер. Он непосредственно реализуется в информационном поле голографической единицы. При этом развивается его поверхностно-развёртываемая разновидность. В результате активизации процессов первичного моделирования семантики расширяется значение голографической единицы **описатель**. В ядерной части ПР-разновидности информационного поля взаимодействуют её лексико-семантические ресурсы. Впоследствии на их основе развивается базовое значение. Данный процесс осуществляется следующим образом.

Семантика голографической единицы **описатель** складывается на основе синтеза двух единиц: *писатель* (определяется производителем действия или лицом, принадлежащее к какой-либо профессии) и *описать*

(устанавливается характер самого действия). Анализ значений указанных слов по данным толковых словарей, определяющих развитие семантики исследуемой единицы, показал следующее: *писатель* – «тот, кто пишет литературные произведения» [Лопатин, 2001: 467]; «лицо, профессионально занимающееся литературной деятельностью; автор художественных произведений» [ССРЛЯ, Т. 9, 1959: 1225; Кузнецов, 2000: 834; Ефремова. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/213828> (дата обращения: 6.04.2011)]; то есть «человек, занимающийся определенным родом деятельности (литературной деятельностью)» (см. с. 399 *Приложения*); *описать* – «излагать сведения о составе, особенностях чего-либо» [ССРЛЯ, Т. 8, 1959: 904; Ожегов, 1988: 365]; то есть «констатировать что-либо без эмоциональных затрат и творческого осмысления» (см. с. 399 *Приложения*).

В смысловом поле данного текста определяется характер литературной деятельности – творческий, а также устанавливаются крайние точки ее проявления: *писатель* – *описатель*. Подобная ситуация возникает в информационном поле исследуемой голографической единицы. При моделировании ее базового значения в ядерной части устанавливается следующая оппозиция: в творческом процессе принимают участие два вида деятелей – *писатель-творец* и *литератор-статист* (то есть описатель). Это своеобразная шкала профессионализма, на ее основе развивается текстовая семантика исследуемой единицы: через оппозиционную систему отношений уточняется значение голографической единицы *описатель*. Ср.: (*писатель* – высшая степень проявления творческого начала) мастер своего дела; человек, обладающий высшей творческой способностью и реализующий талант художника в искусстве; его произведения затрагивают актуальные проблемы развития межличностных, общественных отношений и характеризуются особой глубиной их авторского осмысления (*описатель* – крайняя степень проявления творческого начала) бесталанный, ничем не выдающийся человек, либо осознанно живущий ниже своего истинного потенциала, либо

от природы не наделенный способностью к творческому развитию. В текстах его произведений лишь констатируются факты определенного характера (достоверные или неистинные) без художественного их осмысления и развития; без попытки обобщения и авторской оценки, посредственность.

Очевидно, что в основе оппозиционных отношений *писатель* – *описатель* лежит различный характер профессиональной деятельности. Следовательно, текстовая семантика голографической единицы *описатель* шире зафиксированного в словарях значения, то есть репрезентируется признаком, определяющим профессиональные свойства деятеля.

Во-первых, как и у писателя, у него сформировался лексический запас, который реализуется в текстах произведений. Однако система авторских единиц, составляющих его основу, не отличается стилистическим и коммуникативным богатством, выразительностью (это характерная особенность деятельности описателя). Данный факт объясняется тем, что описатель не является творцом, и, следовательно, не обладает высшими творческими способностями. Во-вторых, описатель выстраивает такой смысловой каркас своего произведения, в котором прослеживается плоская сюжетная линия, одноплановость персонажей и их характеров. Он мыслит слишком прямолинейно: использует выстроенный статичный сюжет (то, что когда-то видел, слышал и т.д.), но не может «растворить» в нем «нотки авторского дыхания» (характерная особенность деятельности описателя). Это сможет сделать только мастер-творец. В силу собственной творческой несостоятельности описатель не может создать высокохудожественное произведение.

В результате взаимодействия системы собственных ресурсов голографической единицы *описатель* в ядерной части информационного поля развивается ее базовая семантика: определяется характер действия (описания), результативность; отношение деятеля к описываемому факту, действию и пр. Ср.: *описатель* – «литератор, лишенный творческого начала;

неодаренный человек, пытающийся реализовать свои способности на писательском поприще» (см. с. 400 *Приложения*).

В периферии поля исследуемой голографической единицы устанавливаются внутрисловные ассоциативные связи на основе опознания словообразовательного типа (глагольная основа и суффикс *-тель*). Так формируются слова, которые называют лицо, занимающееся той или иной деятельностью, названной мотивирующим словом. В периферии поля голографической единицы устанавливаются связи со следующей группой слов: *описатель – наблюдатель – созерцатель* и т.п. Они имеют общее ассоциативное значение: «лицо, выполняющее пассивное действие» (ср: «безучастно наблюдать, рассматривать и под.»); то есть *описатель* – это бездеятельный человек. Его профессиональная работа – лишь пересказать в устной или письменной форме о чем-нибудь, например, информацию о случившемся факте, или о ком-либо, в частности, о реальном человеке. При этом не совершается никаких активных действий: не затрачиваются творческие силы на оценку и идентификацию описываемого.

В периферийной части информационного поля развивается следующее ассоциативное значение голографической единицы *описатель*: «обыватель в искусстве, дилетант, лишенный творческого дарования и активной позиции в профессии» (см. с. 401 *Приложения*).

Стимуляторами поддерживается семантика, актуализируемая в структуре базового и ассоциативного значений исследуемой единицы. Во-первых, *описатель* – это «литератор, лишенный творческого начала»: он владеет русским языком («речистый, бойкий на язык») и способен осознавать происходящее вокруг него, однако данные умения не определяют уровень дарования художника-творца (данная семантика также репрезентируется через стимуляторы: *у мальчика подвешен язык, – явил он; у мальчика стоят мозги – и то ладно*) (см. с. 401 *Приложения*). *Описателем* еще не достигнут, не отточен такой уровень языка, который позволит думать на этом уровне,

развивая творческий потенциал. При участии данных стимуляторов в тексте развивается ассоциативная аналогия: *описатель* – литературный деятель советской и постсоветской эпохи (ср.: литературный деятель советской и постсоветской эпохи, который почти ничего не писал, не создавал ярких произведений, но, тем не менее, незаслуженно (по должности) занимал ключевые позиции в литературном пространстве) (см. с. 400 *Приложения*). Эти люди не посвящают свою жизнь истинному творчеству; то есть деятельности, направленной на создание духовных и материальных ценностей общества.

Во-вторых, *описатель* – это «обыватель в искусстве» (см. с. 401 *Приложения*): он подменяет процесс трудоемкой внутренней личностной работы, превращающей человека в истинного художника, бессмысленной погоней за внешними впечатлениями, которые можно описать без особых творческих затрат. Данная семантика также репрезентируется через стимуляторы *импотент от творчества не способен оплодотворить материал* (см. с. 400 *Приложения*).

При взаимодействии ядерной и периферийной частей информационного поля на основе базового и ассоциативного значений, организованных в результате развития содержательно-смысловых ресурсов голографической единицы *описатель*, развивается её текстовая семантика: «литературный деятель, лишенный творческого потенциала, не создающий незаурядных по своему художественному и интеллектуальному достоинству прозаических, поэтических, литературно-критических произведений; хроникер-статист в литературном пространстве, осуществляющий запись событий в определенной временной или иной последовательности» (см. с. 401 *Приложения*).

Подобным образом развивается ПР-разновидность информационного поля голографической единицы *личное-безличное* в следующем тексте:

Сотри имя «Ксюша» – поставь нужное: «Катя» или любое другое. Какая разница, кому из них это письмо было отправлено первым! Это не имеет никакого значения. Личное-безличное (Е. Пунш «Net.Любви»).

Слово *личное-безличное* представляет собой составную словообразовательную модель авторского происхождения. Следует отметить, что в современном русском языке соположение как способ словообразования является наиболее продуктивным. Слова, созданные на основе данного принципа с целью номинации одного сложного понятия, характеризуются одним основным ударением, определенным смысловым единством.

При словосложении на основе существующих моделей отмечается соединение в одну языковую единицу двух (иногда трех) самостоятельных слов [Григорьев 1955; Кочеткова, 2005: 20; Ряшенцев 1969]. Их значение фиксируется в толковых словарях; оно известно носителям языка. Употребление новых языковых единиц, созданных на основе словосложения, не связано с трудностями их постоянной идентификации. Они понятны и поэтому активно реализуются в коммуникационном процессе. Текстовая единица *личное-безличное* (письмо) относится к числу подобных лексем. Значит, ее семантика определяется именно особенностями словообразовательной природы.

Компоненты исследуемой голографической единицы, представляющие собой два самостоятельных слова, имеют следующие значения: *личное* – «о чем-л., касающемся только интересов, отношений и т.п. отдельного лица» [Кузнецов, 2000: 501]; *личный* – «принадлежащий, свойственный лицу, лицам; относящийся к ним» [ССРЛЯ, Т.6, 1957: 1121; Лопатин, 2001: 281]; *безличный* – «не относящийся к определённому лицу, личности; отвлеченный» [ССРЛЯТ, 1, 1950: 347; Ефремова. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/140823> (дата обращения: 20.04.2011)]; «обезличенный» [Кузнецов, 2000: 67].

Внутри ядерной части информационного поля при взаимодействии компонентов голографической единицы между ними устанавливаются оппозиционные отношения: *личное – безличное*. В рамках одного понятия развиваются два кардинально противоположных аспекта, имеющих неустойчивое, векторно-колеблющееся значение, все время ускользающее от однозначного толкования (ср. по типу: *живое – неживое; активное – пассивное; перфективное – имперфективное* и т.п.).

Действительно, личное письмо (см. *письмо*) – это частного характера «написанный текст, посылаемый для сообщения», адресованный конкретному лицу» [Лопатин, 2001: 468]. Безличное письмо представляет собой информацию, изначально не предназначенную конкретному лицу: его содержание может представлять интерес для многих людей. Данное семантическое противоречие нивелируется за счет словообразовательных возможностей голографической единицы. По способу словообразования она относится к таким сложным составным словам, в которых компоненты имеют определенный порядок следования: определяемое (*личное*) – определяющее (*безличное*). По форме письмо является личным; то есть оно предназначено для определенного человека, а по содержанию – безличным: информация, представленная в нем, может быть отнесена к любому человеку. Автор не выражает в таком сообщении истинных чувств и эмоций, может быть, потому, что плохо знает адресата.

Происходит семантический сдвиг внутри данного словообразовательного типа. В эмоционально-оценочном плане доминантное положение занимает конечный компонент голографической единицы. Он формирует общее направление в развитии семантики слова в данном тексте.

Очевидно, что ядерной части информационного поля голографической единицы *личное-безличное* базовое значение развивается на основе отрицательной оценки: «что-либо предназначенное, характерное для большого количества людей, отвлеченное от конкретного человека, при

формально сохранившемся свойстве личной направленности» (см. с. 408 *Приложения*).

В периферийной части поля система внутрисловных ассоциативных связей устанавливается через оппозиционные отношения и формирует значение в следующем направлении: личное письмо ассоциируется с интимностью (или персональностью [РАС, Т. 2: 391]) информации, содержащейся в нём (см. с. 408 *Приложения*); связано с определенной заинтересованностью адресанта в общении с адресатом. Ассоциативно безличное письмо воспринимается как эмоционально нейтральное, безучастное по своему характеру и способу изложения сообщение, которое лишено какого-либо личностно-ценностного значения. Текст подобного рода создаётся автором специально: осознанно обесценивается важная для конкретного человека информация. Это связано с упрощением современных систем коммуникации. Письмо превращается в универсальный по своему характеру вид деловой бумаги, используемый в частной жизни, – справку-трафарет, которая заполняется однотипной информацией в зависимости от назначения. Можно изменить имя, фамилию, год рождения человека, то есть какие-то личные сведения, а основное содержание кардинально не изменится.

На базе системы данных внутрисловных ассоциаций в периферийной части поля голографической единицы *личное-безличное (письмо)* формируется следующая семантика: «письменное сообщение, осознанно лишённое адресантом личностно-ценностного значения с целью упрощения коммуникации» (см. с. 409 *Приложения*).

В процессе актуализации содержательно-смысловых возможностей голографической единицы *личное-безличное (письмо)* развивается С-вид её внутрислоевой альтернативной зоны. На этом этапе завершается организация структуры информационного поля исследуемой единицы. Стимуляторы *имя* «Ксюша» или «Катя»; *сотри имя – поставь нужное (любое другое); какая*

разница, кому из них это письмо было отправлено первым! это не имеет никакого значения не участвуют в непосредственном моделировании текстовой семантики. Они подтверждают правильность направления ее изменения, выступая в функции констатирующего элемента. В результате взаимодействия базового и ассоциативного значений голографической единицы *личное-безличное (письмо)* завершается процесс развития ее текстовой семантики: «осознанно унифицированное по принципу административно-правовой документации сообщение личного характера» (см. с. 409 *Приложения*).

При этом данные стимуляторы поддерживают сформированное направление, актуализируя оппозиционное направление *личное – безличное*. Ср.: *личное*, «адресованное конкретному лицу» – через стимуляторы *имя «Ксюша»* или *имя «Катя»* (см. с. 408 *Приложения*). Следовательно, есть указание на возможного адресата; ср.: *безличное* («не относящееся к определённому лицу»); «справка-трафарет, используемый в частной жизни» (см. с. 408 *Приложения*)) через следующие стимуляторы *смотри имя – поставь нужное (любое другое)* (см. с. 408 *Приложения*); то есть с изменением личных данных общее содержание такого письма кардинально не меняется. В так называемую шапку справки-трафарета при соблюдении ее общего направления информационной структуры основной части также вносятся сведения о любом человеке.

Как известно, трафарет – способ фиксации сообщения в виде текста с пробелами, предназначенными для заполнения их переменной информацией, зависящей от конкретной ситуации. Процесс создания трафаретных документов – это выделение постоянных частей текста или реквизитов для группы однородных документов и определение количества пробелов для вписывания меняющихся сведений. Применение подобных бланков значительно сокращает время, затрачиваемое на составление документов. Последний фактор также определяет семантику компонента – *безличное*

исследуемой голографической единицы. Сообщение подобного характера является результатом унификации личных сфер жизни конкретного человека: *какая разница, кому из них это письмо было отправлено первым! это не имеет никакого значения;* то есть у автора письма не возникает непосредственно личностной заинтересованности в адресате.

Процесс первичного моделирования семантики голографической единицы *личное-безличное* развивается на основе оппозиционных отношений. Глубинные возможности текстовых единиц оказываются незадействованными. Процессы вторичного моделирования не активизируются. Организуется ПР-разновидность информационного поля.

Поверхностно-развёртываемая разновидность *диверсификационного вида* информационного поля – это замкнутая в развитии внутрислоевая модель. Её ограниченность обусловлена следующими факторами. Во-первых, при организации данной разновидности информационного поля не активизируются глубинные ресурсы текстовых единиц. Следовательно, не реализуются возможности их повторного взаимодействия и дальнейшей репрезентации, в результате чего потенциальные содержательно-смысловые ресурсы оказываются не востребованными в максимальном объёме. Данная разновидность информационного поля ограничивает продуктивность процесса развития семантики голографической единицы. Во-вторых, ПР-разновидность поля организуется при активном участии только голографической единицы. Подобная монофункциональность объясняется высоким уровнем продуктивности её потенциала, успешно реализующегося в результате активизации внутрислоевых процессов, например, лексико-семантическое взаимодействие ее компонентов, их ассоциативное развитие и т.п. При этом текстовая голографическая единица представляет собой простую или сложную структуру и характеризуется перспективностью собственной словообразовательной модели или мотивирующей основы в современном русском языке. Очевидно, что при формировании

ПР-разновидности поля именно такая значимая единица занимает доминирующее положение. В подобных условиях стимуляторы не могут функционировать в полной мере.

Развитие пространства ПР-разновидности информационного поля носит ограниченный характер. Весь внутрислоевой поликомпонентный потенциал в виде единой, функционирующей системы стимуляторов и голографической единицы остается не реализованным в полном объеме.

В поверхностно-развёртываемой разновидности информационного поля текстовая семантика голографической единицы развивается в процессе первичного моделирования в результате активизации её ресурсов. При организации ПР-разновидности поля степень реализации возможностей единиц с актуализируемым и актуализирующим значениями различна. Система внутренних ресурсов голографической единицы используется максимально полно. Лексико-семантические возможности стимуляторов не реализуются; их ассоциативный потенциал не выступает в качестве детерминирующего элемента в развитии нового содержания.

Внутренняя организация информационного поля с позиции тематических отношений представляет собой традиционную систему. Лексико-семантическое микрополе тематично по своему характеру. Оно представляет собой систему актуализированных внутренних ресурсов голографической единицы (в теории актуального членения: то, что сообщается [Колшанский 1965; Матезиус 1967; Шевякова 1976; Шешукова 1972; Firbas 1959]). Именно на этой основе осуществляется развитие базового значения исследуемой единицы.

Ассоциативное микрополе представляет собой исходную информационную точку, так называемую тему в теории актуального членения. При организации ПР-разновидности диверсификационного вида информационного поля значение, возникающее в его границах, не выступает в качестве определяющего, моделирующего элемента. Его участие

подтверждает правильность направления развития новой текстовой семантики. Ассоциативное микрополе приобретает статус исходной информации.

Таким образом, развитие текстовой семантики голографической единицы в условиях ПР-разновидности диверсификационного вида информационного поля – это процесс её содержательно-смысловой самореализации.

§ 5. Глубинно-развёртываемая разновидность информационного поля текстовой голографической единицы

Глубинно-развёртываемая разновидность (ГР-разновидность) поля представляет собой открытую модель организации внутреннего пространства текстовой единицы и характеризуется как потенциально продуктивный тип поля. Это связано с тем фактом, что его информационно-структурные возможности определяются смысловым потенциалом компонентов ядерной и периферийной зон и корректируются содержательной доминантой смыслового поля текста. Вследствие чего ядро и периферия поля голографической единицы, вступая во взаимодействие, развиваются с большей степенью продуктивности. Их информационный объём увеличивается.

Степень эффективности процессов вторичного моделирования текстовой семантики зависит от особенностей численного состава системы стимуляторов, реализующихся внутри ГР-разновидности диверсификационного вида поля голографической единицы. Если данная структура обладает достаточным потенциалом для саморазвития, а также значительными количественными ресурсами, то при взаимодействии единиц

с актуализирующим значением лексико-семантических, понятийных и др. ограничений практически не возникает. Стимуляторы, в состав которых может входить словосочетание, предложение (целое или его часть), фраза и так далее, способны организовать большее количество базовых и, следовательно, обобщённых значений. Создается многокомпонентная система близких, но несколько разноплановых, а иногда и противоположных по значению компонентов (участков).

Для того чтобы на этой базе сформировалась текстовая семантика и завершился процесс её моделирования, возникают условия для повторного семантико-ассоциативного взаимодействия компонентов обобщённых значений, организующихся в результате развития ядра и периферии поля голографической единицы. На месте их непосредственного контакта возникает имплицитная по своему характеру промежуточная структура – «альтернативная зона» поля. Она возникает в процессе установления вторичных семантико-ассоциативных или ассоциативных связей, развивающихся внутри *ГР-разновидности диверсификационного* вида поля на базе первичных отношений; то есть ранее выявленных или установленных.

Достаточная отдаленность ядра от периферии и, как следствие, значительное ослабление доминирующего влияния каждого из них способствуют созданию нового общего компонента структурных полевых зон, в котором вербально материализуются глубинные возможности текстовых единиц. Под *глубинными возможностями* единиц с продуктивной текстовой реализацией понимается внутренне обусловленная, скрытая, организующуюся только в условиях повторного взаимодействия система их лексико-семантических и ассоциативных ресурсов. Формирование возможностей данного типа в *ГР-разновидности диверсификационного* вида поля способствует активизации процессов вторичного взаимодействия внутри системы стимуляторов. Возникновение и продуктивное развитие

данных процессов является одним из доминирующих факторов, определяющих направление в организации текстовой семантики конкретного слова.

Глубинные возможности текстовых единиц представляют собой систему языковых, а также экстралингвистических ресурсов, характеризующихся полифункциональностью при их реализации. Они могут выступать в качестве детерминируемого элемента по отношению к процессам первичного моделирования семантики (или его результатам). Активизация глубинных возможностей стимуляторов возникает на основе уже сформировавшихся базового и ассоциативного значений голографической единицы. Их уровень востребованности и интенсивность реализации находятся в прямой зависимости от степени развития первичных процессов взаимодействия ядерных и периферийных зон. Чем продуктивнее формируется база первичных значений, тем реальнее становятся перспективы моделирования на ее основе разветвленной системы глубинных возможностей стимуляторов.

Следовательно, осуществляется процесс корреляции данных видов ресурсов единиц с актуализирующим значением и первичных процессов моделирования текстового содержания. Данная обусловленность выражается следующим соотношением: с одной стороны, первичные процессы моделирования семантики определяют глубинные возможности стимуляторов; то есть изменение первого элемента приводит к трансформации другого; с другой стороны, в отношении процессов вторичного взаимодействия ядерной и периферийной зон поля глубинные возможности единиц с продуктивной текстовой реализацией могут выступать как определяющий элемент; то есть выполняют детерминирующую функцию. В этом случае они являются источником развития других процессов, например, внутрислового процесса вторичного моделирования текстовой семантики, на базе которого организуется

альтернативная зона поля голографической единицы. Максимально реализованная система глубинных возможностей стимуляторов, в свою очередь, способствует активизации вторичных процессов. Это одновременно приводит к увеличению пространства самой альтернативной зоны информационного поля голографической единицы.

Необходимо отметить, что природа глубинных возможностей стимуляторов характеризуется потенциально-ограниченной обусловленностью. Формирование и их дальнейшая реализация связана с активизацией процессов лексического развития современного русского языка. В силу этого участие глубинных возможностей стимуляторов в других по характеру языковых процессах. Они остаются невостребованными. Подобная обусловленность определяется следующими факторами:

1. Место реализации глубинных возможностей текстовых единиц, которое фиксируется рамками процесса лексико-семантического развития языка.

2. Особенность реализации глубинных возможностей текстовых единиц. Данные ресурсы формируются в тексте и им же ограничиваются в дальнейшем развитии.

3. Принцип организационного устройства голографической единицы, который обусловлен характером её внутренней полевой структурированности. Глубинные возможности стимуляторов аккумулируются в информационном поле единицы с актуализируемым значением. Если процесс развития текстовой семантики характеризуется внутренней потенциальной продуктивностью и динамичностью, то ресурсы голографические единицы реализуются в полном объёме. Если значение её не трансформируется, то глубинные возможности стимуляторов остаются невостребованными.

Таким образом, по своему характеру глубинные возможности представляют собой систему потенциальных ресурсов. Они могут быть

реализованы в тексте только при определенных условиях. Глубинные возможности стимуляторов обладают ярко выраженным потенциально-ограниченным характером. Кроме того, от степени продуктивности развития глубинных возможностей стимуляторов зависит разновидность внутрислоевой организации голографической единицы.

5.1. Виды альтернативных зон глубинно-развёртываемой разновидности информационного поля голографической единицы

Альтернативная зона ГР-разновидности диверсификационного типа внутреннего пространства голографической единицы структурно соответствует области развития текстовой семантики. Она может возникнуть на основе *вторичного семантико-ассоциативного (С-вид, или смешанный вид)* или *ассоциативного (А-вид)* взаимодействия ядерной и периферийной структур поля. Вид альтернативной зоны определяется характером развития глубинных возможностей стимуляторов. Если одновременно актуализируются семантический и ассоциативный ресурсы стимуляторов, то организуется С-вид альтернативной зоны ГР-разновидности диверсификационного типа информационного поля голографической единицы. Если доминирующее положение занимают ассоциативные ресурсы единиц с актуализирующим значением, то развивается А-вид альтернативной зоны.

Для настоящего исследования теоретический и практический интерес представляет анализ приемов и способов организации *С- и А-видов* данной имплицитной промежуточной структуры поля. Это обусловлено необходимостью всестороннего изучения всех внутрислоевых процессов, развитие которых в максимальной степени способствует актуализации,

частичной трансформации или моделированию текстовой семантики голографической единицы.

5.1.1. Семантико-ассоциативный вид альтернативной зоны глубинно-развёртываемой разновидности информационного поля голографической единицы

С-вид альтернативной зоны представляет собой промежуточную имплицитную структуру поля голографической единицы, которая развивается в результате взаимодействия его ядерной и периферийной частей. Структурно *С-вид* альтернативной зоны определяется системой обобщенных значений. Её организуют синтезированные базовые и ассоциативные значения двух типов текстовых единиц.

При организации данного альтернативного пространства ядро, занимающее доминантное положение, развивается более продуктивно. Составляющее его лексико-семантическое микрополе характеризуется внутренней многокомпонентностью. Оно развивается в вертикальном семантическом направлении в виде *информационных зон* и в горизонтальном направлении в виде *информационных ярусов*. Ядерное пространство в полном объеме вовлекается в процесс моделирования семантики голографической единицы. Следовательно, лексико-семантическое микрополе занимает доминирующее положение.

Многокомпонентность ядерной части развивается на базе оппозиционности или частичной разноплановости семантических отношений, возникающих при взаимодействии стимуляторов в процессе первичного моделирования значения голографической единицы.

Способ организации С-вида альтернативной зоны ГР-разновидности диверсификационного типа информационного поля представляет особый интерес. В процессе вторичного моделирования семантики голографической единицы базовые и ассоциативные значения взаимодействуют между собой избирательно, в соответствии с их общей содержательной направленностью. Данная селективность определяется следующим фактором. Внутри систем базовых и ассоциативных значений могут развиваться два вида семантических отношений: оппозиционные и синонимичные (или квазисинонимичные). При организации обобщённых значений данные элементы ядерной и периферийной частей информационного поля голографической единицы взаимодействуют в соответствии с характером выражаемой ими семантики. Становится очевидным, что развитие С-вида альтернативной зоны, основанного на принципе избирательности, определяется непосредственно особенностями глубинных возможностей стимуляторов.

Совокупность обобщённых значений формирует область информационного развития текстовой семантики на завершающем этапе активизации процессов вторичного моделирования. На этой базе организуется новое, расширенное значение голографической единицы.

По характеру формируемой семантики ГР-разновидность поля представляет собой его *диверсификационно-несвязанный* вид, поскольку во внутривидовом пространстве голографической единицы развитие нового значения осуществляется через моделирование. Организуется иная по характеру и виду семантика. В этом случае наблюдается отсутствие связи между значением, зафиксированным в словарях и сформированным в конкретном тексте.

Графически ГР-разновидность диверсификационного типа информационного поля голографической единицы с С-видом альтернативной зоны семантики можно представить следующим образом (рис. 12):

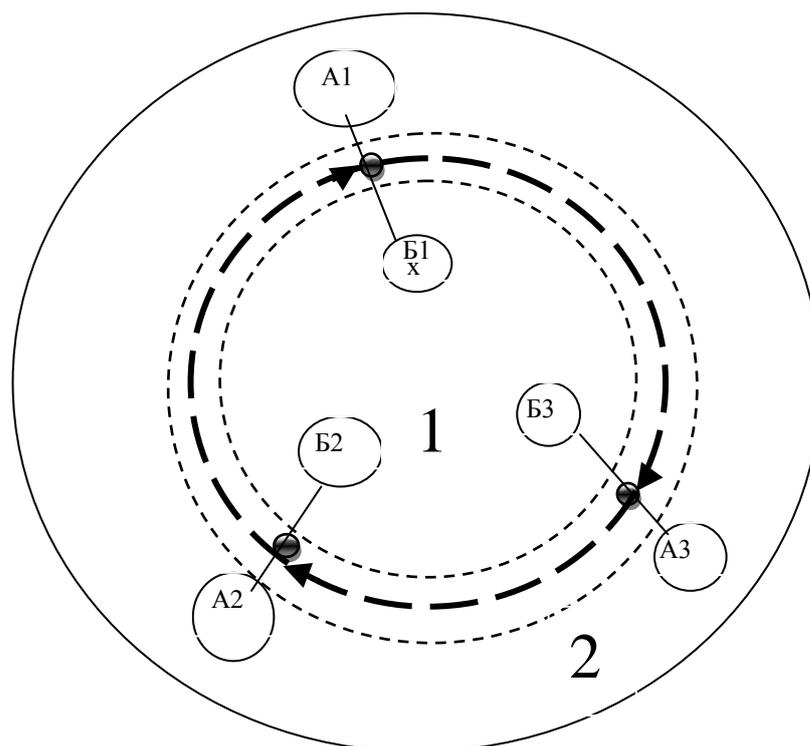

Рис. 12. Схема глубинно-развёртываемого типа информационного поля голографической единицы с С-видом альтернативной зоны:

1 – лексико-семантическое микрополе голографической единицы (ядро информационного поля голографической единицы); 2 – ассоциативное микрополе голографической единицы (периферия информационного поля голографической единицы); Б1–Б3... – базовые значения голографической единицы; А1–А3... – ассоциативные значения голографической единицы; ● – место формирования обобщенного значения голографической единицы; → – направление развития текстовой семантики голографической единицы; - - - – С-вид альтернативной зоны информационного поля голографической единицы; - - - - – область информационного развития текстовой семантики

Особенности организации С-вида альтернативной зоны ГР-разновидности диверсификационного типа информационного поля голографической единицы устанавливаются в следующем примере:

Гламур – высшее, разреженное, лучистое, эфирное, запредельное состояние бытия. В гламуре гражданин, а тем более гражданка уж не сеет, не жнет, не собирает в житницы. Все в нем гармония, все диво. В гламуре нет ни прыщей, ни вросших ногтей, ни кишечных колик, ни заусенец, ни храпа: все это преодолено на более ранней стадии

развития, на полпути превращения из свиньи в серафима, в малом глянце, в журналах «для секретарш». В гламуре нет заплаканных глаз, хлюпающего носа, уныния, отчаяния, наплевательства, ответственности, тревоги за родственников, наконец, нет смерти, в лучшем случае – «неумирающая легенда».

Гламурное существо – молодое, худое, извилистое, как правило, женского пола. Рожденное без родителей, оно мерцает на фоне безликих, но многочисленных «друзей», изредка имеет изящное гламурное дитя возрастом не более трех лет, которое неизвестно кто воспитывает. Оно не нуждается в деньгах, не берет и не дает в долг; источник его богатства неясен, но, очевидно, неистощим. Оно, очевидно, получило кой-какое образование, ибо часто является в виде «деловой женщины», но какие это дела и в какое время дня делаются, неясно. В последние годы оно умеет обращаться с компьютером: с лукавой улыбкой взглядывает на экран. Оно практически не читает, но знает: «разумеется, адекватно перевести стихи невозможно». (Ну разумеется. Не стоит даже стараться.) Вечерами оно ходит в театры, где либо хохочет, либо загадочно улыбается. Что именно ее в театре интересует, нам не сообщают. Но мы догадываемся.

Гламур нарциссичен. Основное состояние гламурной женщины – эротический транс, вызванный предметами роскоши. Вы можете застать ее в мерцающей полутьме, в креслах. Она в атласном платье, приспущенном на груди, голова откинута, глаза сомкнуты, рот приоткрыт. Что это с ней? А это она мечтает о наручных часах. Причем они уже у нее на руке. Неважно, она МЕЧТАЕТ. Это – процесс самодостаточный.

Или – подымай выше – она мечтает о платиновом колье с бриллиантами. Чтобы мечтать о такой штуковине, она надевает «брючный костюм из кожи ягненка», вызывает визажиста и, опять-таки закрыв глаза, вцепляется в колье, прижимает его к носу и

передается мечтам... Открой глаза-то!.. Не слышит: она уже в трансе (Т. Н. Толстая «День:Личное»).

Глубинно-развёртываемая разновидность поля голографической единицы *гламур* организуется в результате развития и взаимодействия лексико-семантического и ассоциативного микрополей ее внутреннего пространства. Следует отметить, что данные структуры реализуются внутри ядерной и периферийной частей поля и непосредственно моделируют его. Этот сложный многоуровневый процесс затрагивает глубинные возможности стимуляторов.

При организации ГР-разновидности диверсификационного типа информационного поля голографической единицы *гламур* особую значимость приобретает видовой аспект внутрислового процесса вторичного моделирования семантики (*семантический вид*, или *С-вид*), на базе которого реализуется новое значение.

В смысловом поле данного текста выделяются следующие внутренние каркасные элементы (данный термин находим в трудах Н.С. Болотновой [Болотнова 1992]), в соответствии с которыми осуществляется развитие лексико-семантического микрополя голографической единицы: гламур – состояние бытия; гламур – гламурное существо; гламур – состояние души. В содержательном плане всестороннему анализу подвергается система личностных ценностей человека. Текст, реализуя в собственном пространстве базу определенных содержательно-смысловых и ассоциативных ресурсов, уже изначально определяет тенденции и перспективы в развитии лексико-семантического микрополя исследуемой голографической единицы.

Ядерная часть поля единицы с актуализируемым значением *гламур* представляет собой многоуровневую и многокомпонентную структуру, развивающуюся в двух информационных направлениях (5 зон и 11 ярусов). Графически особенности её устройства можно представить следующим образом (рис. 13):

Лексико-семантическое микрополе (ядерная часть информационного поля) голографической единицы <i>гламур</i>		
<i>Гламур</i> (состояние бытия)		
Ярус (№)	Зона № 1	Зона № 2
1	– стимулятор <i>высшее, разреженное, лучистое, эфирное, запредельное (состояние бытия)</i>	– стимулятор <i>гражданин, а тем более гражданка уж не сеет, не жнет, не собирает в житницы</i>
2	– стимулятор <i>все в нем гармония, все диво</i>	– стимулятор <i>нет ни прыщей, ни вросших ногтей, ни кишечных колик, ни заусенец, ни храпа</i>
3	– стимулятор <i>«неумирающая легенда»</i>	– стимулятор <i>нет заплаканных глаз, хлюпающего носа, уныния, отчаяния, наплевательства, ответственности, тревоги за родственников, наконец, нет смерти</i>
Гламурное существо		
Ярус (№)	Зона № 3	Зона № 4
4	– стимулятор <i>молодое, худое, извилистое (существо), как правило, женского пола</i>	
5	– стимулятор <i>мерцает на фоне безликих, но многочисленных «друзей»</i>	– стимулятор <i>рожденное без родителей</i>
6	– стимулятор <i>изредка имеет изящное гламурное дитя возрастом не более трех лет</i>	– стимулятор <i>дитя неизвестно кто воспитывает</i>
7	– стимулятор <i>источник его богатства, очевидно, неистощим; оно не нуждается в деньгах, не берет и не дает в долг</i>	– стимулятор <i>источник его богатства неясен</i>
8	– стимулятор <i>очевидно, получило кой-какое образование, часто является в виде «деловой женщины»;</i> – стимулятор <i>в последние годы оно умеет обращаться с компьютером</i>	– стимулятор <i>но какие это дела и в какое время дня делаются, неясно;</i> – стимулятор <i>с лукавой улыбкой взглядывает на экран [компьютера]</i>

9	– стимулятор <i>знает: «разумеется, адекватно перевести стихи невозможно». (Нуразумеется. Не стоит даже стараться.)</i>	– стимулятор <i>практически не читает</i>
10	– стимулятор <i>вечерами оно ходит в театры</i>	– стимулятор <i>где либо хохочет, либо загадочно улыбается. Что именно ее в театре интересует, нам не сообщают</i>
Гламур (состояние души)		
Ярус (№)	Зона № 5	
11	– стимулятор <i>нарциссичен;</i> – стимулятор <i>вызывает визажиста; в атласном платье, приспущенном на груди; надевает «брючный костюм из кожи ягненка»</i>	
	– стимулятор <i>эротический транс, вызванный предметами роскоши;</i> – стимулятор <i>в мерцающей полутьме,</i> – стимулятор <i>в креслах; голова откинута, глаза сомкнуты, рот приоткрыт;</i> – стимулятор <i>мечтает о наручных часах. Причем они уже на ее руке. Неважно, она МЕЧТАЕТ. Это – процесс самодостаточный;</i> – стимулятор <i>мечтает о платиновом колье с бриллиантами;</i> – стимулятор <i>опять-таки закрыв глаза, цепляется в колье, прижимает его к носу и предается мечтам... Открой глаза-то!.. Не слышит: она уже в трансе</i>	

Рис. 13. Схема зонально-ярусной структуры лексико-семантического микрополя голографической единицы *гламур*

Лексико-семантическое микрополе голографической единицы *гламур* организуется через систему межзональных или внутриярусных отношений противопоставления, реализующихся в ядерной части ГР-разновидности ее информационного поля. Развивающиеся на данной основе процессы первичного моделирования семантики приводят к организации отрицательных по своему характеру базовых значений. Данное утверждение требует более подробного рассмотрения.

Структурирование лексико-семантического микрополя голографической единицы *гламур* в вертикальной плоскости приводит к актуализации её семантики и способствует развитию внутренней системы следующих отношений: при условии организационной поликомпонентности в зонах № 1–2 формируется положительная в эмоционально-оценочном плане семантика; внутри зон № 3–4 – отрицательная семантика на основе синтеза положительной (в зоне № 3) и отрицательной (в зоне № 4); в зоне № 5 – при условии организационной монокомпонентности отрицательная семантика. На данной основе и активизируются процессы первичного моделирования семантики. Формирование базовых значений 1–3 характеризуется градационностью. Отрицательная семантика развивается только в зоне № 3, информационно и эмоционально нарастает в зоне № 4 и достигает своего пика в зоне № 5. Такая поэтапность обусловлена следующими факторами.

В вертикальном направлении зон № 1–2 моделируется положительное содержание. Причем в зоне № 1 оно формируется через систему стимуляторов, представляющих собой метафоричные единицы (ср.: *лучистый, эфирный, неумирающая легенда* и пр.) или слова высокой книжной лексики (ср.: *гармония, диво* и др.); в зоне № 2 за счет повторяющегося отрицательного слова *нет* и отрицательной частицы *не*, поддерживающих положительное значение, утверждается позитивность сложившейся ситуации (ср.: *не сеет, не жнет, не собирает в житницы, нет ни прыщей, ни вросших ногтей, нет заплаканных глаз, хлюпающего носа....* и т.д.); в зонах № 3–4 в семантике постепенно проявляется непосредственно отрицательный эффект (ср. с диапазоном ОТ: *мерцает на фоне безликих, изредка имеет изящное гламурное дитя... – ДО: дитя неизвестно кто воспитывает, источник его богатства неясен, какие это дела и в какое время дня делаются, неясно* и т.д.), который эмоционально усиливается в зоне № 5 (ср.: *нарциссичен, эротический*

транс, вызванный предметами роскоши, цепляется в кольцо, прижимает его к носу и предаётся мечтам ... и т.п.). Следует отметить, что зона № 5 представляет собой монокомпонентную структуру; зона № 6 в тексте выражена условно. Она не является материально выраженной структурой. Однако её существование определяется смысловым полем текста следующим образом: чрезмерно трепетное, маниакальное отношение к предметам роскоши, при виде которых человек впадает в состояние отрешенности, экстаза; неадекватное состояние мечтательности, заполнившее все жизненное пространство и заменившее собой реальность, – это симптомы тяжелой душевной болезни. Безусловно, транс (в том числе и эротический) представляет собой вид помрачения сознания и связан с утратой разумности; фантазии об уже находящихся в твоём владении вещах напоминают помешательство и т.д.

Зона № 6 организуется при участии лишь одного стимулятора *безумие*. За счет данной текстовой единицы информационно усиливается отрицательный характер семантики, активно реализующейся в зоне № 5. Данное взаимовлияние приводит к развитию следующей ситуации: в зоне № 5 в связи с отсутствием материально выраженного парного элемента (зона № 6 выделяется условно) в значительном объёме концентрируется семантика, развивающаяся одновременно в этих двух структурах ядерной части ГР-разновидности диверсификационного типа информационного поля голографической единицы *гламур*. Здесь формируется содержание, усиливающее отрицательный характер одного из базовых значений.

В вертикальном направлении ядерная часть ГР-разновидности информационного поля голографической единицы *гламур* моделируется на основе межзональных градационных отношений противопоставления: с диапазоном от потенциально положительного до резко отрицательного. Подобная ситуация сохраняется и во внутриярусной структуре ее лексико-семантического микрополя. Например, ярус № 8 – через стимуляторы *часто*

является в виде «деловой женщины» – но какие это дела и в какое время дня делаются, неясно; ярус № 9 – через стимуляторы получило кой-какое образование – практически не читает... и др.

Между ярусами № 1–3; № 5–10 устанавливаются оппозиционные семантические отношения. Например, *все гармония – нет ни прыщей,.... ни кишечных колик... (ярус № 2) – (оно) не нуждается в деньгах, не берет и не дает в долг – источник его богатства неясен (ярус № 7) – нарциссичен; закрыв глаза, мечтает о наручных часах, о платиновом колье с бриллиантами, (они уже у нее) – ярус № 11. Совершенство реального мира, лишенного какого-то ни было физического недостатка или уродства, а также «напрасных» душевных переживаний, расценивается с позиции пустого акта самопоклонения, самообожания.*

Система межъярусных отношений в ядерной части информационного поля голографической единицы *гламур* строится на семантическом контрасте: противопоставляется реальность (то есть мир людей с их заботами, нуждами, желаниями) и вымысел, индивидуальная видимость реальности (то есть мир одного прекрасного человека). Этот, казалось бы, совершенный, гармоничный мир, не предназначенный для всех, не является идеальным. В нем нарушены все законы жизни, логики и пр. Значит, его нельзя считать гармоничным. Данные информационные направления, организующиеся в результате развития глубинных возможностей стимуляторов, определяют процессы внутрислоевой актуализации и моделирования текстовой семантики голографической единицы *гламур*.

Далее необходимо перейти к рассмотрению особенностей образования ГР-разновидности информационного поля голографической единицы *гламур* и на их основе выявить механизмы моделирования ее текстовой семантики.

В ГР-разновидности данного поля между зонами № 1–2 и ярусами № 1–3 не возникает никаких лексических противопоставлений.

Стимуляторы выражают положительно окрашенную семантику. При этом определяются свойства и черты, характеризующие лучшие качества и признаки гламура: ср.: *лучистое, эфирное, запредельное... – все гармония... – «неумирающая легенда»; ...гражданка уж не сеет, не жнет – нет ни прыщей, ... ни храпа – нет заплаканных глаз, хлюпающего носа,нет смерти (в зонах лексико-семантического поля); или высшее, разреженное... – гражданка...не собирает в житницы; все диво – нетни вросших ногтей, ни кишечных колик, ни заусенец...; «неумирающая легенда» – ...нет смерти (в ярусах лексико-семантического поля). Следует отметить, что в зоне № 2 положительная оценка достигается посредством отрицания неблагоприятных понятий реальной жизни, действий и так далее при помощи частицы *не* и отрицательного слова *нет*. *Уродующие человека прыщи, некрасивые ногти, заплаканные глаза, хлопоты, уныние, смерть, тяжелые условия жизни – все это преодолено на более ранней стадии развития, на полпути превращения из свиньи в серафима...**

В ядерной части ГР-разновидности информационного поля голографической единицы *гламур* одновременно выделяются две зоны (№ 1–2), содержащие только аспекты положительного характера развития семантики. Традиционно лишь стимуляторы, выражающие оппозиционные отношения, способны разделить лексико-семантическое микрополе голографической единицы на несколько участков. В данном случае нестандартная структурная ректификация обусловлена тем фактом, что в выделенном межзональном пространстве, несмотря на явно выраженную общую доминирующую тенденцию положительного развития семантики, начинает формироваться система противительных отношений. Этот процесс осуществляется за счет активизации глубинных возможностей определенных стимуляторов, в частности, *лучистый, эфирный, гармония, диво* и др., с

одной стороны, и *нет заплаканных глаз, ни хлюпающего носа, ни кишечных колик* и так далее – с другой.

В межзональном пространстве № 1–2 репрезентируется близкая по содержанию, но различная по виду или характеру семантика. На базе данного незначительного содержательного несоответствия в вертикальных структурах № 3–5 ядерной части ГР-разновидности информационного поля голографической единицы *гламур* развивается однозначная система противительных отношений. В частности, в зонах № 1–2 реализуется семантика разного вида и характера, определяющая, с одной стороны, внутреннюю доминанту понятия гламур (ср.: *высшее, лучистое, разреженное и пр.*), с другой стороны – факторы внешнего проявления того же понятия (ср.: *нет... ни кишечных колик, ни заусенец, ни храпа...; нет заплаканных глаз, хлюпающего носа... и т.д.*).

Гламурный мир чувств и желаний, волшебный и фееричный, оторван от реальности. Он нежизнеспособен. Во внешней стороне гламура тоже нет ничего уродующего, например, вросших ногтей, безобразного, в том числе, тяжелой работы, пугающего, в частности, смерти, – все это уже пережитки прошлого, рудиментарное состояние бытия (ср.: *«преодолено на более ранней стадии развития, на полпути превращения из свиньи в серафима, в малом глянце, в журналах “для секретарш”»*). Но трудно избавиться от него полностью. Эти атавизмы напоминают о себе в виде существующего малого глянца, мелких клерков, служащих и пр. За счет этого внешний мир всеобщего гламура пока несколько проще, доступнее, еще отдаленно «пахнет» реальностью.

Возникающий контраст поддерживается системой языковых средств. В зоне № 1 отмечается явление метафоризации, например, *лучистый, эфирный*. Этим подчеркивается возвышенность и

утонченность внутреннего мира гламура, однако в зоне № 2 метафоричность отсутствует.

В рамках выявленных направлений актуализации текстовой семантики голографической единицы *гламур* развиваются процессы первичного моделирования, приводящего к развитию базовых значений. Степень их активизации находится в прямой зависимости от уровня эффективности взаимодействия системы стимуляторов, организующих ядерную часть ГР-типа информационного поля указанной текстовой единицы.

Слово *гламур* пополнило недавно состав современного русского языка. Это обычный англицизм. В толковых словарях русского языка не зафиксировано его четкого, конкретного и не оставляющего сомнений значения. Это связано с тем фактом, что в русском национальном сознании данное понятие окончательно не сформировалось.

Первоначально слово *гламур* было зафиксировано в английском языке со значением «магия, волшебство» как вариант шотландского *glamarye* – «волшебство, чары», которое, в свою очередь, произошло от английского *glammar* – «окультурные знания» (по данным этимологического словаря Дугласа Харпера [OEDDD. URL: <http://www.tymonline.com/index.php?search=glamour&searchmode=none> (дата обращения: 1.02.11)]. В современном европейском понимании *glamour* – неотразимое очарование, волнующая романтичность, недоступность и соблазнительность; некое волшебное влияние, которое заставляет человека видеть в другом свете, чем есть на самом деле. В 1997 году слово *гламур* пришло в русский язык со значением стиль одежды и стиль жизни, подразумевающий роскошь, показной шик и так далее. Так, в западной моде в конце 90-х годов прошлого века появилось направление под названием *гламур* как возвращение к образам знаменитостей 30-х годов.

На современном этапе развития национального самосознания понятие *гламур* охватывает практически все стороны жизни человека. Например,

общественно-социальный аспект (ср.: *гламур* – «современный символ общества потребления; целая индустрия, направленная на целевую аудиторию»; «общественная прослойка, состоящая из популярных, ярких и небедных людей» [Словарь варваризмов. URL: <http://varvarizm.narod.ru/glamour.html> (дата обращения: 01.02.11)]; укоренившаяся в обществе неофициальная идеология «легких денег», «глянцевой» жизни и тотального, всепоглощающего гедонизма; внешняя роскошь при внутренней пустоте, бездуховности и бездушии» или духовно-нравственная составляющая (ср.: *гламур* – «роскошный стиль жизни»; то, что относится к такому стилю и обычно изображается на дорогих модных журналах» [Словарь синонимов. URL: <http://www.academic.ru/dic.nsf/dicsinonims/21681%20%D0%B3%20%D0%BB%20%D0%BC%20%D1%83%20%D1%80> (дата обращения: 1.02.11)]; «показная роскошь, демонстративное великолепие; нарочитый шик» [Кузнецов, 2000: 136]; вид молодежной субкультуры, признаками которой являются дорогие вещи, фитнес, шопинг. Поэтому понятие *гламура* имеет общественно признанный характер в отношении жизненных приоритетов определенного круга лиц. В его значении репрезентируется как позитивный, так и негативный смысловой оттенок.

Установленная семантика изменяется в тексте, развиваясь в ином информационном направлении. Данный процесс находит своё отражение и в особенностях структурной организации ГР-разновидности диверсификационного типа поля голографической единицы *гламур* (*C-вид*). Стимуляторы, реализуясь в уровне вертикального зонирования (зоны № 1–5) и вступая во взаимодействие, расширяют семантику текстовой единицы *гламур* и формируют в процессе первичного моделирования систему её базовых значений.

Как отмечалось выше, в зоне № 1–2 актуализируется только положительная семантика. На основании этой смысловой

монофункциональности в указанном структурном участке ядерной части ГР-разновидности информационного поля голографической единицы *гламур* организуется базовое значение № 1. Данный процесс характеризуется следующими особенностями.

В зоне № 1 развитие текстовой семантики осуществляется при участии следующих стимуляторов: *высшее, разреженное, лучистое, эфирное, запредельное (состояние бытия); все гармония, все диво* и «*неумирающая легенда*». Каждая из единиц с актуализирующим значением характеризует особенности внутренней доминанты понятия *гламур*. Ср.: *высший* – «достигший предельного развития, совершенства» [ССРЛЯ, Т. 2, 1951: 1234]; «имеющий предельную степень выражения чего-л.» [Ефремова. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/152404> (дата обращения: 02.06.2011)]; «высшая ступень, степень чего-либо» [Кузнецов, 2000: 185]. При помощи данного стимулятора подчеркивается определенная, максимально высокая значимость явления, близость к идеалу, совершенству.

Разреженный – по действ.гл. разредить «сделать менее плотным, менее густым» [Ожегов, 1988: 532]; «менее нормы насыщенный, неплотный» [Лопатин, 2001: 603]; по действ. гл. разредить «разжижать, разжидить, развести гущу» [Даль, Т. 4, 2003: 45]; «делать менее плотным, менее густым» [ССРЛЯ, Т. 12, 1961: 486]; «менее плотный, насыщенный» [Кузнецов, 2000: 1080]. Стимулятор *разреженный* расширяет семантику голографической единицы *гламур*, актуализируя метафоричную направленность в ее значении (ср.: «воздушный, легкий, прозрачный»).

Лучистый – перен. «преисполненный внутреннего сияния» [Ефремова. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/182714> (дата обращения: 03.01.2010)]; перен. «исполненный внутреннего сияния» [ССРЛЯ, Т. 6, 1957: 404]; «наполненный внутренним сиянием» [Кузнецов, 2000: 1527]; перен. «светящийся лучами» [Лопатин, 2001: 291; Ожегов, 1988: 268]. Стимулятором *лучистый* поддерживается общая тенденция

метафоритизации семантики голографической единицы *гламур*: «напоминающий поток света или энергии; яркий, светящийся изнутри».

Эфирный – «очень легкий, невесомый, воздушный» [Ефремова. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/270862> (дата обращения 01.04.2011)]; «очень легкий, невесомый, воздушный» [ССРЛЯ, Т. 17, 1965: 1957–1958]; перен. «бесплотный, воздушный, неземной» [Ожегов, 1988: 745]; «легкий и пронзительный, что еле доступно чувствам» [Даль, Т. 4, 2003:666]; «воздушный, необычно легкий, бесплотный» [Кузнецов, 2000: 1527]. При участии стимулятора *эфирный* в значении голографической единицы *гламур* развивается дополнительный семантический признак, определяющий качественное состояние внутренней составляющей данного понятия: «легкий, безмятежный, обволакивающий и дурманящий».

Запредельный – «находящийся за пределами чего-нибудь (преимущ. возможного, допустимого) [Лопатин, 2001: 187]; «находящийся за пределами реальной действительности» [Ефремова. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/166121> (дата обращения 02.04.2011)]; «выходящий за пределы чего-либо [Кузнецов, 2000: 508]. При помощи данного стимулятора подчеркивается оттенок нереальности, иллюзорности в значении голографической единицы *гламур* (ср.: духовные ценности гламура могут быть воплощены только за гранью реальности, за пределами возможностей человека; то есть они достижимы только в его воображении).

Гармония – «соответствие, созвучие, соразмерность, равновесие, взаимность, соотношение, согласность, стройность» [Даль, Т. 1, 2003: 344]; «согласованность, стройность в сочетании чего-нибудь» [Лопатин, 2001: 98; Ожегов, 1988: 104]; «согласованность, слаженность, взаимное соответствие разных качеств предметов, явлений, частей целого [ССРЛЯ,

Т. 3, 1954: 39]; «стройное сочетание, взаимное соответствие (предметов, явлений, частей целого, свойств и т.п.) [Кузнецов, 2000: 195].

Диво – «вещь или дело редкое, удивительное» [Даль, Т. 1, 2003: 435]; «то, что вызывает удивление» [Ожегов, 1988: 134]; «чудо, диковина» [ССРЛЯ, Т. 3, 1954: 779]; «то, что вызывает удивление; нечто необыкновенное, поразительное» [Кузнецов, 2000: 258].

Легенда – «предание о чудесном событии» [Даль, Т. 2, 2003: 242]; перен. «вымысел, нечто невероятное» [Ожегов, 1988: 258]; «сказочное или историческое предание о каком-либо событии, лице» [ССРЛЯ, Т. 6, 1957: 101]; «то, что кажется невероятным; вымысел, выдумка» [Кузнецов, 2000: 489; Лопатин, 2001: 279]. В зоне № 1 ядерной части ГР-типа информационного поля голографической единицы *гламур* стимулятором *неумирающая легенда* репрезентируется следующее значение: «бессмертная история, передающаяся от человека к человеку, из поколения в поколение; вечная истина, воспринимаемая на веру». Очевидно, что при участии единиц *гармония*, *диво* и «*неумирающая легенда*» в семантике голографической единицы выделяется еще один аспект гламурного состояния бытия, указывающий на высшую степень его духовно-нравственной и эстетической значимости.

При непосредственном взаимодействии системы стимуляторов *высшее*, *разреженное*, *лучистое*, *эфирное*, *запредельное*; *гармония*, *диво* и «*неумирающая легенда*» внутренняя сторона гламура определяется как «нереальный, идеалистичный мир, оторванный от действительности, воплощенный в воображении одного человека или группы лиц».

В зоне № 2 ядерной части ГР-разновидности информационного поля голографической единицы на основе семантического взаимодействия единиц с актуализирующим значением устанавливаются принципы, определяющие сущность внешнего проявления понятия гламур. В нём нет никаких изъянов, внешне уродующих человека (через стимуляторы *прыщей*,

вросших ногтей, заплаканных глаз, хлюпающих носов, храпа, кишечных колик и др.). Любой вид деятельности, приносящий физические страдания (через стимуляторы *сеять, собирать в житницы и др.*), разрушающий совершенное тело и привлекательность, отвергается гламуром.

Психологически нестабильное состояние (через стимуляторы *уныние, отчаяние* и т.п.), доставляющее «дискомфорт и напрасные душевные» переживания (через стимуляторы *тревога за родственников, ощущение смерти и под.*), безусловно, отражается во внешнем облике человека. В гламуре эти « пороки» должны искореняться, так как они мешают человеку, создают трудности на пути к совершенству. Внешняя сторона гламура – «облагораживающий лоск, блеск глянца».

Между стимуляторами, организующими ярусы № 1–3 и участвующими в процессе формирования базовых значений, устанавливается причинная связь. В горизонтальном направлении развитие текстовой семантики голографической единицы *гламур* осуществляется следующим образом: значение начального элемента яруса поясняется конечным (ср.: это *высшее, ...лучистое, эфирное, запредельное* – состояние бытия), потому что *гражданин, а тем более гражданка уж не сеет, не жнет...*; или *все гармония*, потому что *нет ни прыщей, ...ни кишечных колик, ... ни храпа*). Такие отношения носят причинно-следственный характер. Ср.: ярус № 1 – *гражданин, а тем более гражданка уж не сеет, не жнет, не собирает в житницы, потому что гламур – состояние высшее, разреженное, лучистое, эфирное, запредельное*; ярус № 2 – **так как все в нем гармония, все диво, потому что нет ни прыщей, ни вросших ногтей, ни кишечных колик, ни заусенец, ни храпа**; ярус № 3 – [в гламуре] *нет заплаканных глаз, хлюпающего носа, уныния, отчаяния, наплевательства, ответственности, тревоги за родственников, наконец, нет смерти, оттого что гламур – «неумирающая легенда»*; то есть конечный элемент яруса называет причину,

послужившую «толчком» для совершения действия; начальный – уточняет результат развития события или действия, которые формируют систему внутренних основ гламура.

Семантика, реализуемая одним из элементов яруса, раскрывается за счет другого. В содержательно-понятийном отношении она дополняется новыми оттенками и на этой основе активно развивается. Данное заключение позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, развитие значения голографической единицы *гламур* в горизонтальной плоскости непосредственно осуществляется в рамках процесса первичного моделирования семантики. Во-вторых, в ярусах № 1–3 ядерной части информационного поля новое значение данной текстовой единицы, первоначально трансформированное в вертикальном направлении, поддерживается: ср.: «идеальная, лишенная физиологического уродства и несовершенства, эстетически возвышенная форма жизни для созерцателя».

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что духовно-нравственная и социальная доминанта, определяющая понятие гламур, имеет мифологическую основу. Активизированные глубинные возможности стимуляторов зон № 1–2, на основе которых осуществляется начальный этап процесса моделирования семантики, формируют в ядерной части ГР-типа поля голографической единицы *гламур* следующее базовое значение 1: «идеальная форма жизни для созерцателя, в которой достижимыми оказываются и красота, и совершенство, и бессмертие, хотя бы в качестве вечной истории; выдуманная реальность».

В зонах № 3–4 при участии стимуляторов текстовая семантика голографической единицы определяется в соответствии с одним из понятийных комплексов «гламур – гламурное существо», формирующих каркас смыслового поля данного текста. В его границах приобретают содержательную оформленность понятия, выражающие следующие

аспекты системы духовных и материальных ценностей человека: типаж внешности; личная жизнь; материальное положение; карьера; досуг и культурное развитие.

В зоне № 3 типаж внешности гламурного существа (возраст, особенности телосложения и пр.) определяют стимуляторы *молодое, худое, извилистое*. Рассмотрим возможные способы трансформации семантики исследуемой голографической единицы на основе взаимодействия данных стимуляторов: *молодой* – «нестарый, юный» [Даль, Т. 2, 2003: 332]; «юный, небольшой по возрасту; не достигший зрелого возраста» [Ожегов, 1988: 290]; «живущий еще недолго; не достигший среднего возраста» [Лопатин, 2001: 317]; «находящийся в возрасте от отрочества до зрелости» [ССРЛЯ, Т. 6, 195: 1184; Кузнецов, 2000: 552]; то есть тот, кто находится в возрасте от отрочества до зрелых лет; *худой* – «тощий, не упитанный» [Ожегов, 1988: 711]; «неупитанный, с малым количеством жира» [Лопатин, 2001: 818]; «имеющий тощее, худое, сухощавое тело» [ССРЛЯ, Т. 17, 1956: 516]; то есть имеющий тело с сухими, лишёнными жира мышцами; тощий, сухощавый.

В тексте у стимулятора *извилистый* развивается переносное значение «имеющий четко выраженные изгибы фигуры; чрезмерно пластичный, гибкий, сексуальный» (ср.: «имеющий извилины, изгибы» [ССРЛЯ, Т. 5, 1956: 118; Лопатин, 2001: 211] и др.). Данная единица расширяет семантику голографической единицы *гламур* на основе трансформированной семантики. В результате взаимодействия стимуляторов *молодое, худое, извилистое (существо)* внешний типаж представительниц гламура определяется как юная, стройная, сексуальная особа.

В результате активизации глубинных возможностей единиц с актуализируемым значением в зоне № 3 ядерной части ГР-разновидности информационного поля в семантике голографической единицы *гламур*

развивается дополнительный оттенок в значении, характеризующий приоритеты личной жизни. Например, *мерцает на фоне безликих, но многочисленных «друзей»* – «любит; или осознанно провоцирует, повышенное внимание к собственной персоне». Она живет в окружении серой, лишенной индивидуальности (см. *безликий* [Лопатин, 2001: 18; Ожегов, 1988: 36; ССРЛЯ, Т. 6, 1957: 1184; Кузнецов, 2000: 66 и др.]) массы людей (см. *многочисленных «друзей»*), выигрышно выделяясь на их фоне (см. *мерцает* [Кузнецов, 2000: 876 и др.]). Или: *изредка имеет изящное гламурное дитя возрастом не более трех лет*, следовательно, репродуктивную функцию она выполнила. В гламурном обществе принято женщине иногда иметь маленьких детишек, внешний вид которых должен соответствовать образу жизни и пристрастиям их матери, то есть отличаться изысканностью, утонченной красотой и т.п. (см. *изящный* [Кузнецов, 2000: 387]). Кроме того, как отмечают психологи, ребенок, еще не достигший трехлетнего возраста, внешне напоминает очаровательную куклу и вызывает самые приятные эмоции у человека. Все это поддерживает гламурность образа юной особы. Яркая, полноценная во всех отношениях личная жизнь и имидж пересекаются.

В зоне № 3 формируется представление о материальном положении гламурной особы, а также определяется ее отношение к денежным средствам. Ср.: *источник его богатства, очевидно, неистоцим*, то есть «стабильность данного финансового благополучия высока». В состав исследуемого стимулятора входит вводное слово *очевидно*, выражающее оценку степени реальности сообщаемого, а именно: предположение. Представление об абсолютной неиссякаемости денежных средств поставлено под сомнение.

Однако в результате развития процессов первичного моделирования семантики при взаимодействии единиц с актуализирующим значением *очевидно* и *неистоцим* данное противоречие нивелируется. Семантика

стимулятора *неистоцим*, выражающая высшую степень проявления признака, занимает информационно доминирующее положение (ср.: *неистоцимый* – «неистощаемый, неиссякаемый, бесконечно обильный, богатый» [Даль, Т. 2, 2003: 520]; «неиссякаемый» [Ожегов, 1988: 326; ССРЛЯ, Т. 7, 1958: 924; Лопатин, 2001: 358]; «такой, который не может истощиться, исчерпаться; неиссякаемый» [Кузнецов, 2000: 624]). Общее значение стимулятора *источник его богатства, очевидно, неистоцим*, определяющего в зоне № 3 ядерной части информационного поля голографической единицы особенности материального положения представительниц гламура, носит положительный характер.

Или: *оно* [гламурное существо] *не нуждается в деньгах, не берет и не дает в долг*; то есть не отягощает себя никакими кредитно-денежными операциями.

На основе проанализированного материала можно установить, что материальная сторона гламура изначально предполагает стабильность, свободное и необременительное отношение к финансовой стороне жизни.

У юной особы сложились определенные, поддерживаемые близким кругом единомышленников представления о карьере и ее перспективах. Специфичные атрибуты гламурной профессиональной востребованности прослеживаются в вертикальном информационном направлении зоны № 3. Они репрезентируются следующим образом. Профессиональная жизнь в гламуре сопряжена, во-первых, с внешним соответствием образа человека выполняемой работе (через стимулятор *часто является в виде «деловой женщины»*). Значит, юная особа справляется со своими обязанностями. Во-вторых, как известно, невозможно подняться вверх по карьерной лестнице без хорошего образования, без овладения некоторыми системами современных технологий. Для гламура эти атрибуты профессиональной значимости

несколько видоизменяются. В сознании юной особы их приоритетность сохраняется (ср.: *очевидно, получило кой-какое образование; в последние годы оно умеет обращаться с компьютером*), но предпочтение отдается лишь менее существенным факторам их развития. Поэтому ценность данных профессиональных стимулов (образование, современные технологии) снижена.

В составе стимулятора *очевидно, получило кой-какое образование* функционируют единицы, также выражающие оценку степени реальности сообщаемого, а именно: предположение (*очевидно – «вероятно, по-видимому»*) [Ожегов, 1988: 392; ССРЛЯ, Т. 8, 1959: 1792; Лопатин, 2001: 438 и др.]; *кой-какой – «какой-то, какой-нибудь, некоторый»* [ССРЛЯ, Т. 5, 1956: 1106; Кузнецов, 2000: 437 и др.]). Данная неопределенность рассматривается в отношении глубины и характера какого-то полученного образования. В значении исследуемого стимулятора доминирующим является факт его наличия. В то время как характер образования не имеет никакого значения в профессиональной гламурной жизни. Данное положение подтверждается наличием единицы *кой-какой*, представляющей собой разговорный вариант неопределенного местоимения *кое-какой* и входящей в состав стимулятора. Именно при участии этой формы подчеркивается признак несущественности, незначительности характера образования.

В карьере гламурного существа отмечаются признаки профессионального роста, самосовершенствования (через стимулятор *в последние годы оно умеет обращаться с компьютером*). Недавно эта особа стала использовать в своей работе прогрессивные современные компьютерные технологии.

В зоне № 3 через стимулятор *вечерами оно ходит в театры* формируется представление о культурном развитии представительницы гламура. Театр, в отличие от зрелищных игрищ, не только развлекает, но и

ставит перед зрителем вечные вопросы. Переживая палитру чувств вместе с артистами, он приходит к решению важных для себя внутренних вопросов, изменяясь сам и меняя мир вокруг. Гламурная особа стремится в театр, поддерживая имидж интеллектуального человека.

Кроме того, её познания в мире искусства не ограничиваются «царством Мельпомены». Гламурная особа знакома с поэзией (через стимулятор *знает: «разумеется, адекватно перевести стихи невозможно»*). Рассуждая о теоретических вопросах теории литературоведения, она разделяет мнение многих ученых: переводить поэзию сложно. А можно ли вообще осуществить тождественный перевод (ср.: *адекватно* – то есть, точно соответствуя чему-либо, *перевести стихи*)? Можно максимально приблизиться к подлиннику, сохранить его интонацию и дух. К сожалению, если человек всю жизнь переводил рифмованные стихи, а к верлибру в советское время относились подозрительно, то ему трудно расстаться с привычкой «перелагать стихи на свой лад». Однако поэзия – дело тонкое, и таких «переложений» она обычно не прощает (через стимулятор *Ну разумеется. Не стоит даже стараться*). В зоне № 3 ядерной части ГР-разновидности информационного поля в семантике голографической единицы *гламур* развивается следующее положительное информационное направление: «привлекательность, внешняя успешность и личная, а также профессиональная востребованность».

В зоне № 4 при участии системы стимуляторов данная ситуация кардинально меняется. В этом вертикальном информационном участке рассматриваются те же аспекты системы духовных и материальных ценностей человека, например, личная жизнь, карьера и т.д. Однако меняется непосредственно направление семантики: активно развивается и доминирует отрицательная характеристика в оценке сообщаемого факта, признака и пр. Личную жизнь гламурного существа трудно назвать счастливой и полноценной. Родители не принимали участия в её жизни:

оставаясь безучастными к судьбе дочери, они не смогли её научить любить (ср.: через стимулятор *рожденное без родителей*). Поэтому юной особе приходилось познавать мир самостоятельно.

Такую же модель семейных отношений гламурное существо переносит в жизнь собственного ребенка (ср.: через стимулятор *дитя неизвестно кто воспитывает*). Его также окружают чужие люди. Ребенок не ощущает материнской любви и нежности, но остро нуждается в них. Одиночество гламурной особы впоследствии становится также осознанным выбором и для близких ей людей.

В зоне № 4 ГР-разновидности поля голографической единицы через стимулятор *источник его богатства неясен* формируется представление о материальном состоянии гламурного существа. В результате развития процесса глубинных возможностей данного стимулятора доминирующую позицию занимает компонент – *неясный* (ср.: «не вполне понятный; смутный, неопределенный») [ССРЛЯ, Т. 7, 1958: 1278]; «такой, который невозможно, трудно понять; непонятный» [Кузнецов, 2000: 48] и др. С учетом данной семантики формируется значение единицы с актуализирующим значением *источник его богатства неясен* [гламурного существа]. Оказывается, что для всех окружающих характер источника, впрочем, так же, как и сам источник, благополучия гламурной особы неизвестен. Такая закрытость, «непрозрачность» финансовых вливаний, как правило, может свидетельствовать о возможных материальных проблемах. Подрывается само понятие стабильности подобной жизни. Семантика стимулятора *источник его богатства неясен* имеет следующий вид: «финансовая неопределенность при показной внешней стабильности». В зоне № 4 через данную единицу с актуализирующим значением подчеркивается неустойчивость материального положения представительниц гламура.

В зоне № 4 ГР-разновидности информационного поля голографической единицы *гламур* развивается представление о карьерных достижениях: на неопределенности строится и профессиональная деятельность юной особы. Она не знает своих обязанностей, нюансов ведения собственного бизнеса (через стимулятор *какие это дела и в какое время дня делаются, неясно*). Гламурное существо не понимает многих аспектов своей деятельности и неосознанно подменяет профессиональные умения «отработанной», доведенной до автоматизма системой навыков и приемов обольщения (через *стимулятор с лукавой улыбкой* *взглядывает на экран* [компьютера]). Карьера для неё – это лишь часть имиджа, некая забава и развлечение.

О невысоком интеллектуальном уровне гламурного существа говорит тот факт, что девушка практически не читает. Книга – это источник мудрости и совести, гуманизма и доброты. Она передает опыт, который не может быть итогом жизни только одного, даже самого гениального человека. Представительница гламура неосознанно лишает себя этого богатства, обедняя свой духовный мир (ср.: стимулятор *практически не читает*).

В любом обществе театр – это своеобразная призма, через которую преломляются все культурные потребности и возможности человека. Гламурное существо воспринимает его как развлечение, увеселительное зрелище. Стоит заметить, что подобное отношение к искусству вообще характерно для гламура. Поэтому юная особа и ведет себя подобным образом (ср.: стимулятор *где либо хохочет, либо загадочно улыбается*). Столь неподобающее и неадекватное эмоциональное поведение в храме искусства свидетельствует о невысоком уровне ее культурного развития. В силу своей интеллектуальной бедности гламурная особа остается чужой и одинокой даже здесь, в мире искусства, где воспеваются все прекрасное.

Следует также отметить следующую закономерность: в зоне № 4 слово *неясный* встречается многократно: несколько раз в составе стимуляторов (ср.:

стимуляторы *источник его богатства неясен; и но какие это дела и в какое время дня делаются, неясно*) и один раз в качестве своеобразного «информационного лейтмотива» через стимулятор *что именно ее в театре интересует, нам не сообщают*. Репрезентируемая им семантика занимает зональное доминирующее положение и развивает дополнительный оттенок в содержании понятийного комплекса «гламур – гламурное существо»: «некая неопределенность в чем-либо; энтигматичность, непонятность, вызывающая тревожные сомнения и выражающаяся в несоответствиях разного рода».

В зоне № 4 ГР-разновидности информационного поля в семантике голографической единицы *гламур* доминирует отрицательная оценка. Ср. гламурное существо – это женщина, при рождении лишенная родительской любви и материнского инстинкта, то есть она не связана ни с кем никакими родственными узами. Её психологическая, социально-профессиональная и духовно-нравственная неадаптированность приводит к внутренней нереализованности и одиночеству в реальном мире.

Как в организационном, так и в содержательном отношении ярус № 4 ГР-разновидности информационного поля голографической единицы *гламур* является монокомпонентной структурой (ср.: *молодое, худое, извилистое (существо), как правило, женского пола*). Отсутствует парный ему элемент с противоположным значением. Особенности такого внутриполевого устройства могут объясняться следующим фактором. В вертикальном направлении компонентами данного стимулятора развивается семантика, которая определяет черты идеальной наружности (через стимуляторы *молодое, худое, извилистое существо, как правило, женского пола*). Гламур изначально прекрасен. Внешняя красота – это один из его атрибутов и символов, поэтому всегда оценивается высоко. Если же появляются черты, меняющие этот идеальный типаж в худшую сторону, то возникают противоречия, подрывающие основы гламура. Появление

второго компонента в ярусе № 4, актуализирующего такого рода семантику невозможно.

Внутри ярусов № 5–10 между стимуляторами развивается система оппозиционных отношений. Она строится на основе семантического противопоставления значений единиц с актуализирующим значением. В горизонтальной информационной плоскости начальный и конечный элементы ярусов выражают следующие социально-нравственные аспекты понятия гламур:

1. *Личная жизнь: мерцает на фоне безликих, но многочисленных «друзей» – но – рожденное без родителей* (ярус № 5). Вокруг псевдодрузья (ср. через стимулятор «друзья» – то есть приспособленцы, которые всегда рядом, им постоянно что-то нужно, они готовы только получать, ничего не отдавая взамен), но самых близких нет рядом. Их никогда не было (через стимулятор *рожденное без родителей*). Или: *изредка имеет изящное гламурное дитя возрастом не более трех лет, – но – дитя неизвестно кто воспитывает* (ярус № 6). Частная жизнь гламурного существа – это лишь ее имитация. В начальном элементе яруса актуализируется семантика единицы *изящное гламурное дитя возрастом не более трех лет*. Ребенок, похожий на ангела или чудесную куклу, является реальным воплощением красивой, выдуманной истории из детства юной особы. На самом деле это имитация реальной личной жизни.

В гламуре существует культ красоты. Значит, маленькие дети – это уже часть имиджа. Позже они «исчезают», попадая в руки чужих людей (через стимулятор *дитя неизвестно кто воспитывает*). Повзрослевшие малыши уже не вызывают столько восторга в среде напыщенного блеска и чрезмерной изысканности. Одиночество – это обыденное состояние как для гламурного существа, так и для родных по крови или близких ему по духу людей.

2. *Материальное положение*: определяется через стимуляторы *источник его богатства, очевидно, неистощим; оно не нуждается в деньгах, не берет и не дает в долг* (начальный элемент), – но – *источник его богатства неясен* (конечный элемент). Значение конечного элемента определяет основное направление актуализации общей семантики яруса № 7 ГР-разновидности информационного поля голографической единицы *гламур*: «источник финансового благополучия стабилен, однако он представляется сомнительным, например, в правовом отношении».

3. *Карьера*: в ярусе № 8 доминантное положение при актуализации текстовой семантики голографической единицы *гламур* занимают его конечные элементы. Ср: в мире блеска и изысканности полученное образование, имидж «деловой женщины» (через стимулятор *очевидно, получило кой-какое образование, часто является в виде «деловой женщины»*), а также наличие элементарных навыков в овладении современными технологиями (через стимулятор *в последние годы оно умеет обращаться с компьютером*) вовсе не являются гарантиями профессионализма в работе (через стимуляторы *какие это дела и в какое время дня делаются, неясно; с лукавой улыбкой взглядывает на экран [компьютера]*).

В горизонтальном направлении яруса № 8 развивается отрицательная семантическая оценка. Создается впечатление видимости какой-либо деятельности, профессиональной востребованности. Ср.: гламурное существо появляется в образе, соответствующем ее представлениям о деловой женщине. Однако сфера интересов этой особы остается загадкой как для окружающих, так и для нее самой. Она получила образование, которое почему-то не позволяет ей непосредственно участвовать в бизнесе, приносящем ей прибыль и являющемся источником ее богатства. Для гламурного существа профессионализм, например, в работе с

компьютером, определяется не уровнем специальных знаний и навыков. Он зависит от индивидуальных качеств личного обаяния юной особы.

4. *Досуг и культурное развитие: знает: «разумеется, адекватно перевести стихи невозможно».* (*Ну разумеется. Не стоит даже стараться.*) – *практически не читает* (ярус № 9); *вечерами оно ходит в театры – где либо хохочет, либо загадочно улыбается. Что именно ее в театре интересует, нам не сообщают* (ярус № 10). Литература любого рода не интересуется гламурную особу (через стимулятор *практически не читает*), не пробуждает в ее душе никаких чувств. Однако услышанная где-то и заученная ею фраза («разумеется, адекватно перевести стихи невозможно» (начальный элемент яруса № 9) произносится при любом случае с особой уверенностью и авторитетностью.

Актуализация семантики единиц *разумеется* (вне всякого сомнения, конечно, понятно) и *невозможно* (в оценке чего-либо, как правило, характеризуется строгой категоричностью), входящих в состав стимулятора, с одной стороны, должна способствовать усилению этого эффекта. Однако при взаимодействии начального элемента с конечным (стимулятором *практически не читает*) возникает следующее информационное противоречие: человек, не имеющий специальных знаний и вообще не утруждающий себя чтением, способен рассуждать о проблемах теории литературоведения.

Подобное чрезмерное усиление приводит к обратному семантическому эффекту: в тексте данный признак утрачивает свою актуальность. Стимулятор, содержащий положительную характеристику в семантике, имеет отрицательный содержательный оттенок. Гламурное существо превращает научный постулат в пустую фразу, необоснованно и неосознанно обесценивая его значимость.

В ярусе № 9 ГР-типа информационного поля исследуемой голографической единицы развивается ироническое отношение к понятию

гламур, его духовно-нравственным ценностям. В частности, преднамеренно утверждается противоположное тому, что подразумевается. Ироничность также подчеркивается при помощи единицы *Ну разумеется. Не стоит даже стараться*, входящей в состав стимулятора.

Начальный элемент яруса (стимулятор знает: *«разумеется, адекватно перевести стихи невозможно»*). (*Ну разумеется. Не стоит даже стараться*), репрезентируя негативное явление в положительном виде, противопоставляет то, что должно быть, – тому, что есть. Гламурную особу не интересует, что стоит за этим научным положением. Для нее это просто эффектно звучащая фраза.

Искусство по-настоящему не волнует гламурное существо (ср.: через стимулятор *вечерами оно ходит в театры – где либо хохочет, либо загадочно улыбается. Что именно ее в театре интересует, нам не сообщают*) – ярус № 10. Театр прямо и непосредственно отражает жизнь того общества, в котором существует. Мир гламура не живет по законам этого общества, ему непонятны его проблемы, чаяния и радости простых людей. Попадая в театр, где многое чуждо, юная особа просто не знает, как себя вести и как реагировать на происходящее (ср.: через стимулятор *где либо хохочет, либо загадочно улыбается. Что именно ее в театре интересует, нам не сообщают*). Настоящие переживания и эмоции для нее недоступны, это пустое времяпрепровождение, и поэтому так неадекватно гламурная особа выражает свои чувства.

Между начальными и конечными элементами ярусов № 5–10 возникают отношения, устанавливающие причину психологической, социально-профессиональной и духовно-нравственной неадаптированности гламурного существа. Данное направление в развитии семантики голографической единицы определяется в зоне № 4 ГР-разновидности диверсификационного типа информационного поля. Причина подобной неприспособленности кроется в развитии внутриличностного конфликта.

Оказывается, гламурному существу доступны все возможности для духовно-нравственного, профессионального роста, но ему не хватает способностей и желания для подобного рода совершенствования.

В ГР-разновидности информационного поля голографической единицы *гламур* между зонами № 3–4 и ярусами № 5–10 устанавливается система лексических противопоставлений. Доминирующее положение в текстовой семантике занимает отрицательный оттенок значения. На данной основе формируется базовое значение 2 голографической единицы *гламур*: «одинокий человек, имитирующий различные внешние стороны успешной, полноценной жизни; подменяющий ими реальность и существующий по законам нравственности и морали выдуманного иллюзорного мира».

В зоне № 5 при участии системы стимуляторов текстовая семантика голографической единицы определяется в соответствии с одним из понятийных комплексов смыслового поля текста «гламур – состояние души». В его информационных границах приобретают семантическую выраженность понятия, определяющие индивидуально-психологические особенности личности представительницы гламура. В соответствии с этим, в зоне № 5 ГР-разновидности информационного поля исследуемой голографической единицы доминантное положение занимают следующие стимуляторы: *нарциссичен*, который определяет особенности характера юной особы; и *эротический транс, вызванный предметами роскоши; она МЕЧТАЕТ*– парадокс: она грезит о том, чем уже обладает. *Это – процесс самодостаточный*, устанавливающий особенности ее сознания. Вокруг них группируются остальные единицы с актуализирующим значением, уточняя, дополняя или усиливая основное семантическое направление.

Следует отметить, что зона № 5 является монокомпонентной структурой, так как зона № 6 материально не выражена. Внутри неё может формироваться однотипная по характеру семантика. В данном

случае при взаимодействии стимуляторов в зоне № 5 развивается отрицательный оттенок значения, усиливающийся также системой негативной субъективной (то есть авторской) оценки через стимулятор *Открой глаза-то!.. Не слышит: она уже в трансе*. Автор текста обращается к гламурной особе, призывая адекватно определить свое душевное состояние и найти для нее самой объяснение такому поведению. Однако, не получив ответа, он с сожалением говорит об отсутствии какой-либо реакции на его слова.

В процессе первичного моделирования текстовой семантики голографической единицы *гламур* система стимуляторов развивает информационное пространство зоны № 5 в следующем направлении: индивидуально-психологические особенности гламурной личности (*гламур* – черта характера).

Нарциссизм – черта характера, заключающаяся в исключительной самовлюбленности. Термин происходит из греческого мифа о Нарциссе, прекрасном молодом человеке, который отверг любовь нимфы Эхо. В наказание за это он был обречён влюбиться в собственное отражение в воде озера. Нарцисс умер от этой любви. Слова «нарциссизм», «нарциссический» и «нарцисс» обычно используются как негативно окрашенные; указывают на тщеславие, самомнение, эгоизм или просто самовлюблённость. Применительно к социальной группе людей они могут иногда означать элитарность или безразличие к проблемам других людей. Через стимулятор *нарциссичен* определяются индивидуально-психологические особенности гламурной личности: «холодной, пустой, не способной любить и оставить после себя что-то ценное в духовном плане». Она любит вычурную красоту и шик, например, блеск атласа, прохладность натуральной кожи, людей, способных приблизить ее к этому (ср.: стимуляторы *вызывает визажиста; в атласном платье, приспущенном на груди; надевает «брючный костюм из кожи ягненка»*). Такая

личность ничего не сможет дать людям. Вспомним развязку мифа о Нарциссе: прекрасного юношу не смогли похоронить. Ничего не осталось, только белый душистый цветок, цветок смерти – нарцисс, вырос на том месте, куда склонилась его голова.

В психологии транс (от франц. *transir* – оцепенеть) – гипнотическое состояние при глубоком гипнозе, сомнамбулизме, самогипнозе. Практикуется в восточных религиях (например, йога, медитация), а также в некоторых техниках психотерапии. Транс часто понимается как некоторое трансперсональное переживание, которое возникает через определенный психологический контекст.

В данном тексте понятие «транс» выступает в качестве метафорического элемента, близкого по значению к слову гипноз (ср.: «процесс и временное сноподобное состояние психики, характеризующееся резким сужением и снятием объема сознания и самосознания и резкой фокусировкой на содержании внушения, что связано с изменением функции индивидуального контроля и самосознания» [Психологический словарь [сайт]. URL: http://www.psychologist.ru/dictionary_of_terms/index.htm?id=405 (дата обращения: 03.02.2011)], экстаз (ср.: «состояние измененного сознания, сопровождающееся потерей человеком ощущения времени, восторгом, предельным позитивным эмоциональным упоением, нередко зрительными и слуховыми галлюцинациями» [НФС. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1402/%D0%AD%D0%9A%D0%A1%D0%A2%D0%90%D0%97 (дата обращения: 03.02.2011)] или медитация (ср.: состояние сознания человека, при котором отсутствует мышление, исчезает ощущение я (эго) и времени, но присутствует состояние полной осознанности, слияние или «растворение» себя с окружающим пространством. Следовательно, стимулятор *транс* реализуется в зоне № 5 ГР-разновидности информационного поля голографической единицы *гламур* в переносном значении.

В тексте метафоричность понятия транс по отношению к выявленным понятиям проявляются в следующем:

1. *Транс – гипноз*; гипноз «возникает в результате специальных воздействий гипнотизера (гипнотизация) или целенаправленного самовнушения (автогипноз)» [Психологический словарь. URL: http://www.psychologist.ru/dictionary_of_terms/index.htm?id=405 (дата обращения: 05.03.2011)] – гламурное существо внушает себе мысль о том, что вещи, которыми она в действительности владеет, по-прежнему остаются для нее недоступными (через стимуляторы *мечтает о наручных часах. Причем они уже на ее руке. Неважно, она МЕЧТАЕТ. Это – процесс самодостаточный; мечтает о платиновом колье с бриллиантами; вцепляется в колье, прижимает его к носу и предается мечтам...*) Ее сознание загипнотизировано предметами роскоши.

2. *Транс – экстаз*; экстаз – «высшая степень воодушевления, восторга, иногда переходящая в исступление» [Кузнецов, 2000: 1517] – исступленно-восторженное состояние гламурной личности позволяет ей эмоционально ярко и неординарно выразить свои истинные чувства (через стимулятор *опять-таки закрыв глаза, вцепляется в колье, прижимает его к носу...*)

3. *Транс – медитация*; медитация сопровождается телесной расслабленностью, доходящей до полной прострации, – гламурная особа занимает удобную, непринужденную позу, выбирает для себя комфортную обстановку (через стимуляторы *в мерцающей полутьме, в креслах; голова откинута, глаза сомкнуты, рот приоткрыт*).

В транс гламурная особа входит в изысканной и чувственной обстановке (ср.: через стимуляторы *в мерцающей полутьме, в креслах; голова откинута, глаза сомкнуты, рот приоткрыт*). Данное состояние может быть вызвано нарочитым шиком, окружающим ее повсюду (ср.: через стимуляторы *вызванный предметами роскоши; мечтает о*

наручных часах; мечтает о платиновом колье с бриллиантами). Транс является следствием нарциссизма.

Эротический – «чрезмерно чувственный» [Кузнецов, 2000: 1525]. Стимулятор *эротический транс, вызванный предметами роскоши*, имеет следующее значение: «чувственное, волнующе гипнотическое состояние, развитие которого в сознании человека спровоцировано особенностями его индивидуально-психологической природы (чрезмерное самолюбование), а также системой личностных духовно-нравственных приоритетов (восторженное преклонение перед предметами роскоши и вещами, представляющими эстетическую ценность)».

Однако понятие «транс» обозначает и своеобразное болезненное изменение сознания, вид его сумеречного помрачения. Значит, транс (эротический) – это болезнь (ср.: «вид аффективного психологического расстройства» [Кузнецов, 2000: 1517]; то есть расстройство сознания, проявляющееся автоматическим выполнением сложных актов поведения на протяжении нескольких минут или более длительного времени, без осознания окружающей ситуации и целей своих поступков. Данная семантика поддерживается следующими стимуляторами: *мечтает о наручных часах. Причем они уже на ее руке. Неважно, она МЕЧТАЕТ. Это – процесс самодостаточный; мечтает о платиновом колье с бриллиантами; опять-таки закрыв глаза, вцепляется в колье, мечтам... Открой глаза-то!.. Не слышит: она уже в транс*. Гламурное существо грезит о вещах, которыми уже владеет. В своих мечтах она далека от действительности, которая ее вовсе не интересуется.

Следует отметить, что в зоне № 5 складывается семантическая ситуация цикличности или круга. Такое необычное психологическое состояние является обычным для гламурной особы. Она не выходит из эротического транс. В определенном направлении он подпитывает эмоциональное и психологическое состояние личности. При его участии

формируется система нравственных приоритетов представительницы гламура. Реальность ее не интересует: что она может дать?!

Эротический транс определяет не только индивидуально-психическое состояние гламурного существа, но и формирует ее жизнь. Данные факты свидетельствуют о наличии психического расстройства личности.

В зоне № 5 ГР-разновидности диверсификационного типа информационного поля голографической единицы *гламур* в результате взаимодействия системы стимуляторов развивается её базовое значение 3: «личность, страдающая психическим расстройством сознания, связанным с нарушениями в эмоциональной сфере». Для полноценной жизни юной и привлекательной особе уже не хватает впечатлений и ощущений. Поэтому она восполняет их столь необычным и единственно доступным ей способом, впадая в эротический транс.

По способу организации периферия ГР-разновидности информационного поля голографической единицы *гламур* относится к ассоциативно-каркасному типу.

В вертикальном и горизонтальном направлении ГР-разновидности информационного поля голографической единицы *гламур* между стимуляторами развивается система разноплановых семантических отношений. Например, в ярусе № 1–3 зон № 1–2 – устанавливаются квазисинонимические отношения; в ярусах № 5–10 зон № 3–4 – оппозиционные. Данное обстоятельство, безусловно, оказывает влияние на процесс установления ассоциативных связей и организации периферийной части информационного поля голографической единицы *гламур*. Подобная обусловленность выражается в следующем: возникновение ассоциативных связей во внутриполевым пространстве является непосредственным результатом семантического взаимодействия стимуляторов на основе успешно реализованной системы оппозиционных или квазисинонимических отношений.

Структурно периферия информационного поля голографической единицы *гламур* состоит из нескольких участков, внутри которых на базе ассоциативных связей развиваются определенные по характеру (близкие, или частично близкие, противоположные и пр.) понятия. Рассмотрим данный процесс более подробно.

Система межсловных ассоциаций, возникающих при активизации текстовых стимуляторов, организует несколько понятийных участков. В первом участке не формируется ассоциативных оппозиционных отношений. Мир гламура очаровывает своим совершенством (ассоциация через стимулятор *высшее, разреженное, лучистое, эфирное, запредельное состояние бытия*). Там человек может себя почувствовать абсолютно счастливым: не надо трудиться, чтобы безбедно жить (ассоциации через стимулятор *гражданин, а тем более гражданка уж не сеет, не жнет, не собирает в житницы*); всё идеально: люди, их облик и нравы (ассоциация через стимуляторы: *все в нем гармония, все диво*); ничто не может разрушить идиллию, так как все изъяны и пороки остаются за пределами этого мира (ассоциации через стимуляторы: *нет ни прыщей, ни вросших ногтей, ни кишечных колик, ни заусенец, ни храпа, уныния, отчаяния, наплевательства...*). Ассоциативное значение (1) голографической единицы *гламур*, организовавшееся в первом понятийном участке периферийной части её информационного поля, имеет следующий вид: «миниатюрная земная копия рая» – точнее, земной рай.

Во втором участке ассоциативного микрополя голографической единицы *гламур* определяются следующие понятия: привлекательная представительница гламура (ассоциации через стимулятор *молодое, худое, извилистое существо, как правило, женского пола*) окружена людьми случайными (ассоциация через стимулятор *мерцает на фоне безликих, но многочисленных «друзей»*) – НО рядом нет родных: ни матери, ни отца

(ассоциация через стимулятор *рожденное без родителей*), ни ребенка (ассоциация через стимулятор *гламурное дитя*). Впрочем, ее чадо иногда появляется рядом с юной особой, но подрастает без участия матери (ассоциация через стимуляторы: *изредка имеет изящное гламурное дитя возрастом не более трех лет; дитя неизвестно кто воспитывает*).

Система нравственных ценностей ребенка формируется под влиянием тех же гламурных представлений о реальности, что когда-то определили судьбу его матери. Малыш сознательно копирует ее жизнь и так же не будет нуждаться в любви близких.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что межсловные ассоциативные связи, спровоцированные семантическим развитием данных стимуляторов, устанавливаются на базе противоположных представлений. Ср.: гламурная особа постоянно вращается в обществе, – НО все же она одинока; есть близкие, которые могут спасти от одиночества, – однако их нет рядом. Возникает ощущение внутреннего душевного сиротства.

Гламурная особа одинока в детстве (ассоциация через стимулятор *рожденное без родителей*), в юности, а также в зрелом возрасте (ассоциация через стимулятор *мерцает на фоне безликих, но многочисленных «друзей»*) и, следовательно, в старости будет лишена любой поддержки. Она не смогла, а может быть, и не захотела, сама воспитывать ребенка, который в будущем стал бы опорой.

Второй понятийный участок ассоциативного поля голографической единицы **гламур** формируется на базе оппозиционных ассоциативных связей по представлению о предмете (явлении). В нем развивается следующее значение (2): «замкнутый круг одиночества, из которого нет выхода, причем, его никто не пытается искать!»

Ассоциативные связи, возникающие в *третьем понятийном участке* между стимуляторами и их значениями, также опираются на систему оппозиционных представлений о понятии:

1. *Видимое, отчасти показное, финансовое благополучие* (через стимулятор оно не нуждается в деньгах, не берет и не дает в долг), НО нет собственной финансовой самостоятельности (через стимулятор источник его богатства неясен) и, следовательно, нет материальной стабильности.

2. *Гламурная особа – состоявшийся в жизни человек, который обладает потенциалом для профессиональной востребованности и развития*: есть образование (через стимулятор очевидно, получило кой-какое образование) и работа (через стимуляторы часто является в виде «деловой женщины»; в последние годы оно умеет обращаться с компьютером) – НО характер профессиональной деятельности говорит о том, что никакой собственной реализацией она не занимается; сфера ее интересов, а также график работы невозможно определить, и только имидж «деловой женщины» сближает гламурную особу с представительницами высшего слоя предпринимательства (ассоциации через стимуляторы но какие это дела и в какое время дня делаются, неясно; часто является в виде «деловой женщины»). И как следствие, ассоциативно возникает понятие какой-то странной, окутанной тайной детской игры, которую ведет взрослый человек.

Данное содержание поддерживается также компонентами стимуляторов: *очевидно, (получило кой-какое образование); неясно (какие это дела и в какое время дня делаются), и с лукавой улыбкой (взглядывает на экран [компьютера])*. Ср.: очевидно – ассоциации: может быть, да – может быть, нет, то есть своеобразная игра или, возможно, ее элемент. *Неясный* – ассоциации: таинственный, странный, непонятный [РАС, Т. 1, 2002: 377]. *Лукавый* – ассоциации: притворство,

неискреннее поведение; все это тоже свойственно обману или игре. В основе возникших ассоциаций лежат отношения частичной близости. Гламурное существо подменяет этой забавой реальную жизнь. Таким образом, в *третьем понятийном участке* периферии поля голографической единицы *гламур* формируется следующее ассоциативное значение (3) – «игра, обман».

В *четвертом понятийном участке* возникающие между стимуляторами ассоциации расширяют семантику голографической единицы в следующем информационном направлении. Гламурное существо пользуется различными современными достижениями цивилизации (ассоциация через стимуляторы: *вечерами оно ходит в театры; в последние годы оно умеет обращаться с компьютером*). При случае она повторяет услышанное где-то, так как не обременяет себя чтением (ассоциация через стимулятор *практически не читает*). Значит, из книг узнать не могла непонятные, но красивые, по ее мнению, фразы (ассоциация через стимулятор *разумеется, адекватно перевести стихи невозможно*).

Однако гламурное существо даже не понимает, насколько могут пригодиться эти достижения, знания и накопленный духовный опыт в дальнейшей жизни (ассоциация через стимулятор *Ну разумеется. Не стоит даже стараться*). Поэтому девушка с лукавой улыбкой взглядывает на монитор, в театре либо хохочет, либо загадочно улыбается. Гламурное существо просто не знает, как адекватно реагировать на все происходящее вокруг нее (ассоциация через стимулятор *Что именно ее в театре интересует, нам не сообщают*). Девушка остановилась в своем интеллектуальном развитии на самой низшей ступени. На этой основе и в четвертом понятийном участке формируется следующее ассоциативное значение (4): гламур – это «особый, эмбриональный тип развития человека или, в целом,

состояние общества». Гламурное существо – эмбрион. Это начальная стадия развития человека. Юная особа остановилась на этом этапе. Ее все устраивает. Здесь есть все необходимое для счастливой «потребительской жизни» (материальный достаток, звездный статус и т.п.). Перешагнуть в следующий этап, где формируются более сложные интеллектуальные процессы, гламурное существо не может.

В содержательном отношении *пятый участок* периферийной части информационного поля голографической единицы *гламур* строится на ассоциативном противопоставлении двух понятий: «жар» (через стимуляторы: *эротический транс, вызванный предметами роскоши; голова откинута, глаза сомкнуты, рот приоткрыт; вцепляется в кольцо, прижимает его к носу и предается мечтам*) – «холод» (через стимуляторы: *нарциссизм; в мерцающей полутьме, в атласном платье; платиновое кольцо с бриллиантами*). Между данными стимуляторами возникают оппозиционные ассоциативные отношения по связи между вещами.

Единицы с актуализирующим значением, моделирующие понятие «жар», занимают доминантное смысловое положение в этой системе. Взаимодействуя в периферийной части информационного поля голографической единицы *гламур*, они развивают следующее ассоциативное значение: «внутренний душевный экстаз, эйфория». Ср.: погружение в любое психологически комфортное для человека состояние бессознательно связано с его большим желанием. Все гламурные особы исступленно мечтают стать обладательницами дорогих и эксклюзивных вещей (ассоциация через стимулятор *эротический транс, вызванный предметами роскоши*).

Отклоненная назад голова, закрытые глаза, расслабленный рот – типичная поза здорового человека, охваченного восторженным чувством, жарким желанием и находящегося в состоянии экстаза

(ассоциация через стимулятор *голова откинута, глаза сомкнуты, рот приоткрыт*). Он совершает поступки, которые приближают его к заветной мечте, с особым стремлением, горячностью, с жарким и непреодолимым желанием, на максимуме своих физических возможностей (ассоциация через стимулятор *вцепляется в кольцо, прижимает его к носу и предается мечтам*).

При ассоциативном взаимодействии стимуляторов, определяющих понятие «холод», в пятом участке периферии информационного поля голографической единицы *гламур* развивается следующее значение: «внутренняя душевная холодность, отчужденность». Ср.: *нарциссизм*, заключающийся в исключительном самолюбовании, «извергает» холод, превращая это психологическое ощущение в физиологическое. Я – идеал, объект восхищения и поклонения; другие люди – в стороне и не вызывают никакого интереса. Поэтому Я ограждаю себя от них, от всего того, что не способно в моей душе вызвать сильных чувств и бурных эмоций.

Мерцающий (стимулятор *в мерцающей полутьме*) как признак чего-либо (наряду с блеском) является «опознавательным знаком» гламура: яркий, слабо колеблющийся и прерывистый, он не способен согреть – от него веет холодом. Атласная поверхность ткани (стимулятор *в атласном платье*) блестит и в то же время охлаждает не только тело, но и душу человека.

Прекрасное существо можно застать *в полутьме в креслах в атласном платье*. Столь изысканная атмосфера и расслабленная поза человека являются неотъемлемой составляющей гламурного образа. В недрах этой утонченности зарождается чувство внутреннего отдаления и безразличия ко всему окружающему. Женщина любит себя в одиночестве. Степень ее совершенства не зависит от числа присутствующих «на сеансе». Она всегда и во всем безупречна. В этом

акте самолюбования гламурной женщине не нужны другие участники: она самодостаточная натура. Кроме того, платиновое кольцо с бриллиантами и наручные часы из драгоценного металла, как и любое ювелирное украшение, излучают холодный блеск.

Пятый понятийный участок строится на базе оппозиционных ассоциативных отношений по связям между вещами. В смысловой структуре периферийной части информационного поля голографической единицы *гламур* развивается два противоположных направления: внутренний душевный жар личности и внешняя холодность её. При ассоциативном взаимодействии стимуляторов данное противоречие нивелируется следующим образом. Душевный жар и внешняя холодность, свойственные гламурному существу, поглощают друг друга, стирая эмоциональный накал чувственного мира и одновременно подогревая те ощущения, которые со временем ослабли.

Мечты и желания гламурной особы пусты. Они обесценены ею сознательно. Иначе такой женщине скучно жить. Обманывая себя, она пытается наполнить свой мир теми вещами и предметами, которыми уже обладает. Такая абсурдность ситуации объясняется низким уровнем её интеллекта (подтверждение находим при анализе *четвертого понятийного участка* периферии информационного поля голографической единицы *гламур*).

В *пятом понятийном участке* формируется следующее ассоциативное значение (5): «осознанный обман; иллюзия, возведенная в истину».

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы. Периферию информационного поля голографической единицы *гламур* составляют *пять понятийных участков*, на базе которых развивается система её ассоциативных значений: «миниатюрная копия рая»; «замкнутый круг одиночества, из которого нет выхода»; «игра,

обман»; «особый, эмбриональный тип развития человека или, в целом, состояния общества»; «осознанный обман; иллюзия, возведенная в истину».

Второй этап в развитии первичных процессов моделирования семантики связан с формированием системы обобщённых значений на базе взаимодействия ядерной и периферийной частей ГР-разновидности поля голографической единицы *гламур*. При этом в максимальном объёме задействованной окажется система реализованных ресурсов стимуляторов.

Базовые и ассоциативные значения, репрезентированные лексико-семантическим и ассоциативным микрополями голографической единицы *гламур*, вступают во взаимодействие, развивая систему обобщённых значений. Данный процесс носит избирательный (вариативный) характер. Его участники группируются и в дальнейшем развиваются в соответствии с их общим информационным направлением, то есть по одноимённому семантическому вектору. Обобщённое значение 1 голографической единицы *гламур* моделируется при участии базового значения 1: «идеальная форма жизни для созерцателя, в которой достижимыми оказываются и красота, и совершенство, и бессмертие (хотя бы в качестве вечной истории); выдуманная реальность» и ассоциативного значения (1): «миниатюрная земная копия рая». Оно имеет следующий вид: «миф; вымышленный, выдуманный образ (модель) счастливой и безмятежной жизни».

На основе базового значения 2: «одинокий человек, имитирующий различные внешние стороны успешной, полноценной жизни; подменяющий ими реальность и существующий по законам нравственности и морали выдуманного иллюзорного мира» и ассоциативного значения (2): «замкнутый круг одиночества, из которого нет выхода» формируется

обобщённое значение 2: «душевное одиночество и социальная изолированность от реальности».

Обобщённое значение 3 развивается на основе базового значения 3 («личность, страдающая психическим расстройством сознания, связанным с нарушениями в эмоциональной сфере») и ассоциативных значений 3 и 5 («игра, обман»; «осознанный обман; иллюзия, возведенная в истину»). Оно имеет следующий вид: «воспаленное, болезненное состояние психики, психическая неустойчивость личности с преобладанием эмоциональной (аффективной) возбудимости».

На базе ассоциативного значения (4): «особый, эмбриональный тип развития человека ...» не формируется самостоятельного обобщённого значения. С его помощью устанавливается причина возникновения у гламурного существа состояния душевного одиночества и социальной изолированности от реальности (обобщённое значение 2).

В процессе вторичного моделирования семантики система обобщённых значений 1–3 синтезируется и трансформируется в соответствии с общей отрицательной семантической направленностью в оценке понятия *гламур*. На этой основе организуется текстовая семантика голографической единицы *гламур*: «новый вирус или вид социальной болезни, имеющей корни в духовной области». Она распространяется на уровне сознания, нанося вред психическому здоровью человека, лишая возможности его адекватной личностной адаптации.

Гламур – социальная болезнь, от которой страдает не только человек, так как утрачиваются родственные связи, душевные контакты идейно близких людей, возникают психические нарушения и др., но и общество, потому что разрушаются его духовно-нравственные ценности и культурно-исторические стереотипы.

Глубинно-развёртываемая разновидность диверсификационно-несвязанного вида информационного поля организуется в том случае, если голографическая единица обладает высокой степенью продуктивности собственных ресурсов. На этой основе в процессе вторичного моделирования семантики осуществляется развитие единицы с актуализируемым значением.

5.1.2. Ассоциативный вид альтернативной зоны глубинно-развёртываемой разновидности информационного поля голографической единицы

Процессы первичного моделирования текстовой семантики при формировании *A-* и *C-вида* промежуточной имплицитной структуры поля голографической единицы абсолютно идентичны. Системы развития базовых и ассоциативных значений совпадают по способу и типу их организации. Однако процессы вторичного моделирования текстовой семантики в структуре *A-вида* альтернативной зоны организуются иначе. В качестве дифференциального элемента выступает система обобщённых значений.

В структурном плане система обобщённых значений, сформированная в ГР-разновидности поля голографической единицы с *A-видом* альтернативной зоны, претерпевает ряд изменений. Данный вид промежуточной имплицитной структуры возникает в результате взаимодействия только системы ассоциативных значений. В данном случае ассоциативное микрополе занимает доминирующую позицию по отношению к лексико-семантическому микрополю. Значит, базовые значения остаются не востребованными в полном объеме.

Подобный тема-рематический «сдвиг» во внутривидовом устройстве голографической единицы объясняется несколькими факторами. С одной

стороны, количественным составом стимуляторов. При организации ГР-типа информационного поля с С-видом альтернативной зоны задействованными оказываются лишь отдельные текстовые единицы, способные актуализировать семантику конкретного слова.

В процессе развития А-вида альтернативной зоны участвуют все стимуляторы. Безусловно, одновременное функционирование и организация в ядерной части информационного поля голографической единицы столь разветвлённой системы текстовых единиц связано с определенными трудностями. На начальном этапе активизации процессов первичного моделирования достаточно сложно установить общее для всех стимуляторов направление актуализации текстового значения. Поэтому основная нагрузка возлагается на более универсальную систему ассоциативных связей. В сознании коммуникантов стимуляторы рождают постоянно трансформирующиеся образы и вызванные ими аналогии. В соответствии с ними появляется возможность определить в периферийной части информационного поля ассоциативные значения текстовых единиц. При их активном участии в дальнейшем организуется область развития текстовой семантики голографической единицы в виде обобщённых значений.

С другой стороны, тема-рематический внутрислоевой сдвиг связан с особенностями организации базового значения. Во-первых, между стимуляторами не возникает системы оппозиционных отношений. Это происходит в силу того, что ядерная часть представляет собой однокомпонентную зональную структуру, в которой процесс формирования базового значения развивается на основе синонимической или близкой семантики. При этом стимуляторы организуют лексико-семантическое микрополе голографической единицы только в вертикальном направлении – ярусы не развиваются. Следовательно, пространство ядерной части остается полностью не задействованным. Организованное в таких условиях базовое значение не способно занять доминантную позицию в структуре информационного поля голографической единицы. Во-вторых, при

формировании А-вида альтернативной зоны базовое значение совпадает по своему объёму с одним из ассоциативных значений, утрачивая собственную семантическую уникальность. Следовательно, более продуктивное по объёму содержания и характеру ассоциативное микрополе занимает позицию в ядерном пространстве поля голографической единицы, а лексико-семантическое микрополе функционирует в периферии.

По форме А-вид альтернативной зоны представляет особым образом структурированный текст, который возникает в результате взаимодействия системы ассоциаций и сформировавшихся на их базе значений голографической единицы. Данный вид имплицитной промежуточной зоны организуется следующим образом: в результате повторного развития ассоциаций в процессе вторичного моделирования семантики голографической единицы организуется ключевые понятия, определяющие смысловой каркас текста и А-вид альтернативной зоны. На его базе определяется область развития текстовой семантики голографической единицы.

А-вид имплицитной промежуточной зоны носит условно-потенциальный характер. Продуктивность его развития определяется индивидуальными особенностями сознания коммуниканта. Значит, А-вид альтернативной зоны не обладает свойством универсальности.

По способу организации А-вид альтернативной зоны представляет собой уникальную структуру. В ней в предельно сжатой форме отражается значительный, концентрированный по своему объёму, ассоциативный потенциал текстовых единиц, требующий дальнейшего развития в пределах поля голографической единицы. Это особый вид ассоциативного текста в тексте. В качестве его элементов выступают организованные в сознании коммуниканта и активно развивающиеся в процессе дальнейшего взаимодействия вербализованные ассоциации и выявленные на их основе ассоциативные значения текстовых единиц. На базе именно А-вида альтернативной зоны, организованной внутри ГР-разновидности

информационного поля, окончательно моделируется новая семантика определенной голографической единицы.

Графически данную разновидность информационного поля можно представить следующим образом (рис. 14):

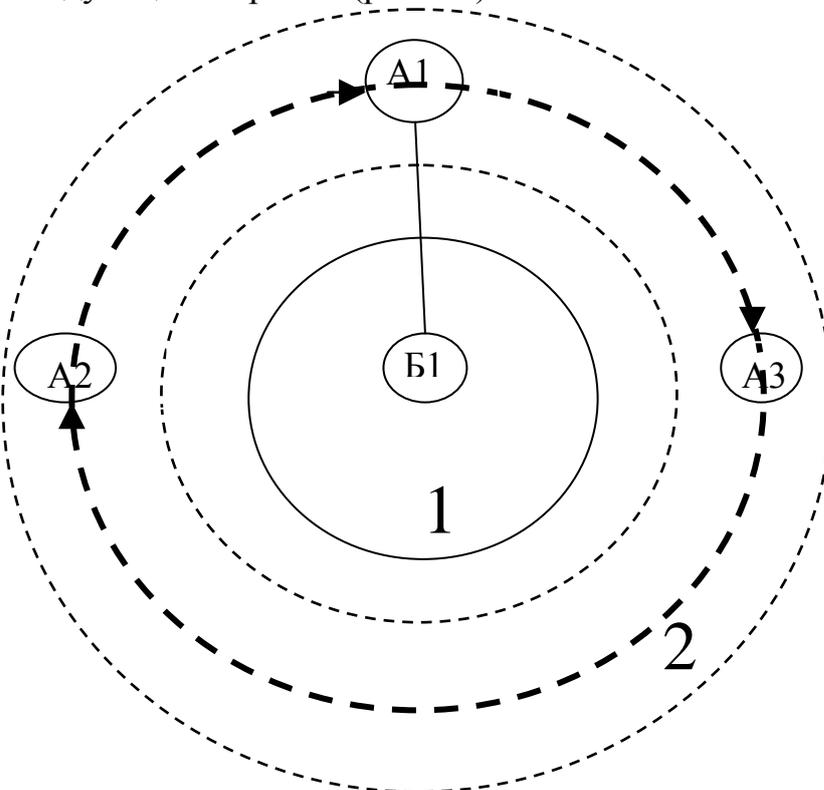

Рис. 14. Схема глубинно-развёртываемого типа информационного поля голографической единицы с А-видом альтернативной зоны:

1 – ассоциативное микрополе голографической единицы (ядро информационного поля голографической единицы); 2 – лексико-семантическое микрополе голографической единицы (периферия информационного поля голографической единицы); Б1 – базовое значение голографической единицы; А1 – ассоциативное значение голографической единицы; А2–А3... – ассоциативные значения стимуляторов; \longrightarrow – вектор (направление) формирования смыслового каркаса А-вида альтернативной зоны в процессе повторного ассоциативного развития стимуляторов

Особенности организации А-вида альтернативной зоны ГР-разновидности информационного поля голографической единицы *мир* можно определить в ходе следующего анализа.

Весь мир загажен, задушен досмотром, дозором, надзором; весь мир – цензура, весь мир – тюрьма, и не риторическая «тюрьма народов», а тюрьма вот этого, одного, единственного для самого себя, беспомощного человека (Т.Н. Толстая «День: Личное»).

При организации ГР-разновидности информационного поля голографической единицы *мир* особую значимость приобретает видовой аспект внутрислового процесса вторичного моделирования семантики (*A-вид имплицитной промежуточной зоны*), на базе которого организуется новое значение. Особой нагрузкой наделяются ассоциативные связи, устанавливающиеся между стимуляторами. При их непосредственном участии организуется альтернативная зона ГР-разновидности информационного поля голографической единицы *мир*, где завершается развитие её текстовой семантики.

По данным толковых словарей слово *мир* имеет следующее значение: «совокупность, система всех форм материи; вселенная» [Лопатин, 2001: 312; ССРЛЯ, Т. 6, 1957: 1032]. В тексте семантика данной единицы расширяется: она уточняется, выявляются аспекты, её формирующие.

В структуре смыслового поля данного текста выделяются следующие каркасные элементы: *мир – внешняя сторона* (через стимуляторы *загажен, задушен досмотром, дозором, надзором*); *мир – внутренняя сущность* (через стимуляторы *цензура, тюрьма, и не риторическая «тюрьма народов», а тюрьма вот этого, одного, единственного для самого себя, беспомощного человека*). Именно в этом информационном направлении развивается семантика исследуемой голографической единицы.

Ядерная часть ГР-разновидности информационного поля единицы с актуализируемым значением представляет собой многокомпонентную структуру. Стимуляторы организуют её пространство в виде зонального участка следующим образом (рис. 15):

Голографическая единица <i>мир</i>	
№	зоны информационного поля голографической единицы
1	стимулятор <i>загажен</i>
2	стимулятор <i>задушен досмотром, дозором, надзором</i>
3	стимулятор <i>цензура</i>
4	стимулятор <i>тюрьма</i>
5	стимулятор <i>и не риторическая «тюрьма народов»</i>
6	стимулятор <i>а тюрьма вот этого, одного, единственного для самого себя, беспомощного человека</i>

Рис. 15. Схема зональной структуры информационного поля голографической единицы
мир

Внешняя сторона устройства мира определяется через следующие стимуляторы: *загажен*; *задушен досмотром, дозором, надзором*; характеризуют же сущность мира такие стимуляторы: *цензура*; *тюрьма*, *и не риторическая «тюрьма народов»*; *тюрьма вот этого, одного, единственного для самого себя, беспомощного человека*. В ядерной части, представленной лексико-семантическим микрополем голографической единицы *мир*, между данными текстовыми единицами не возникает оппозиционных отношений. Они выражают

однотипную по характеру оценки отрицательную семантику. Мир предстает как негативная среда, враждебная для человека.

В ядерной части информационного поля исследуемой голографической единицы стимуляторы актуализируют, а впоследствии расширяют её значение за счет собственных семантических ресурсов. Этот процесс осуществляется следующим образом: *загажен* (см. *загадить*) «перен. «осквернять, опошлять» [Кузнецов, 2000: 316]; «запачкать, загрязнить» [Ожегов, 1975: 164]; то есть «морально осквернен, загрязнен»; *задушен* – (ср. *задушить* – «подавить, уничтожить, не дать развиваться в полной мере чему-либо» [Кузнецов, 2000: 32]); то есть «подавлен чем-либо»; *досмотр* – «результат такого действия (по гл. досматривать); таможенная проверка, контрольный осмотр личных вещей, товаров и т.п.» [Ефремова. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/160247> (дата обращения: 01.10.2010)]; «проверочный, контрольный осмотр» [Кузнецов, 2000: 278]; *дозор* – «наблюдение с целью охраны, разведки» [Кузнецов, 2000: 268]; *надзор* – «наблюдение, присмотр за кем-либо или за чем-либо с целью контроля, охраны и т.п.» [Лопатин, 2001: 333; Кузнецов, 2000: 577].

Кроме того, в тексте автор использует приём градации: стимуляторы *досмотр* – *дозор* – *надзор* выстраиваются по принципу усиления действия. Очевидно, что увеличивается степень активности процесса по отношению к кому-то (в тексте – к человеку вообще). Ср.: простое обследование (стимулятор *досмотр*) – частое наблюдение с целью сбережения или охраны (стимулятор *дозор*) – постоянный контроль, осуществляемый кем-либо (стимулятор *надзор*). Изменяется и эмоционально-нравственный аспект семантики. Если в первом случае человек, как правило, не подвергается какому-либо нравственному страданию – досматривают не тайно, а с разрешения или веденя человека. В последнем случае – унижается его достоинство, попираются права на свободу и неприкосновенность личной

жизни, так как надзирают без уведомления). Различаются и цели, на которые направлены данные действия. Ср.: проверить (через стимулятор *досмотр*) – наблюдение в целях осуществления охранных мероприятий или получения какой-либо информации (через стимулятор *дозор*) – контролировать (стимулятор *надзор*).

Таким образом, на базе данных аспектов у стимулятора *задушен досмотром, дозором, надзором* формируется следующая текстовая семантика: «подавлен, угнетен контролирующими действиями и ограничениями со стороны других лиц» (см. с. 474–475 *Приложения*).

Стимулятор *цензура* репрезентирует в информационном поле голографической единицы *мир* следующее значение: «учреждения, ведающие таким надзором (в области печати, СМИ, иногда даже корреспонденции)» [Лопатин, 2001: 821; Кузнецов, 2000: 1460; Ефремова. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/264829> (дата обращения: 11.02.2011)]. При его участии подтверждается семантика «ограничения и контроля», организованная в результате взаимодействия текстовых единиц *загажен; задушен досмотром, дозором, надзором* (см. с. 475 *Приложения*).

В ядерной части информационного поля исследуемой голографической единицы стимулятор *тюрьма* развивает своё значение, зафиксированное в словарях русского языка: ср. «здание для содержания лиц, лишенных свободы» [Лопатин, 2001: 764]; «место заключения, здание, где содержатся лица, приговоренные судом к лишению свободы; лица, находящиеся под следствием» [Кузнецов, 2000: 1357]. Очевидно, что текстовые единицы *цензура* и *тюрьма* в лексико-семантическом микрополе голографической единицы определяют в большей степени не внешнюю сторону мира, а его внутреннюю сущность. Мир схож с такими учреждениями по выдвигаемым ими задачам и выполняемым функциям в несвободном обществе: контролировать все, что дает человеку духовную

пищу для размышления, его интеллектуального развития, и направлять этот потенциал в нужное кому-то русло, а также ограничивать свободу неблагонадежных людей, мыслящих по-иному, вразрез общей доктрине. В этой реальности каждый находится под всеобъемлющим контролем. Это не только духовная, но и физическая несвобода.

Стоит отметить, что стимуляторы *и не риторическая «тюрьма народов»*, а *тюрьма вот этого, одного, единственного для самого себя, беспомощного человека* представляют особый интерес. При их взаимодействии не возникает оппозиционных отношений, несмотря на наличие отрицания с частицей НЕ, а также противительного союза. Семантика стимулятора *и не риторическая «тюрьма народов»* информационно уточняет семантику другого – *а тюрьма вот этого, одного, единственного для самого себя, беспомощного человека*. Для того, чтобы подтвердить данное положение, обратимся к анализу их значений.

В состав стимулятора *и не риторическая «тюрьма народов»* входит известный фразеологизм *тюрьма народов*, создателем которого является французский писатель и путешественник маркиз Астольф де Кюстин. В книге «Россия в 1839 году» он сравнивает государство с тюрьмой, ключ от которой хранится у императора Николая I, тюремщика одной трети земного шара. Автор говорит о незавидном положении всех народов, находящихся под властью российского самодержца, об отсутствии гражданского общества (и просто независимого общественного мнения), способного противостоять жестокой воле монарха. В тексте фразеологизм *тюрьма народов* употребляется именно в этом значении (только в отношении большого количества людей без учета их национальной принадлежности).

Компонент *риторический* в составе данного стимулятора имеет следующее толкование: «изобилующий красивыми, но

малосодержащими фразами и словами, эффектный» [Ефремова. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/238725> (дата обращения: 11.02.2011)]; «малосодержательный; пустой, напыщенный» [Кузнецов, 2000: 1123], то есть «состоящий из красивых, внешне эффектных приемов». В данном случае доминирует негативный оттенок в значении.

Стимулятор *и не риторическая «тюрьма народов»*, развивая своё значение в ядерной части ГР-разновидности информационного поля голографической единицы *мир*, актуализирует её семантику в следующем направлении: «пустое, абстрактно-обобщенное понятие; лишенный социальной или политической значимости штамп о гипотетически существующих угнетенных и несвободных народах» (см. с. 475 *Приложения*).

В смысловом поле текста формулируется вопрос: а для кого же этот мир является тюрьмой? В качестве ответа на него выступает непосредственно стимуляторы *тюрьма вот этого, одного, единственного для самого себя, беспомощного человека*. Данная единица представляет интерес в структурно-смысловом отношении: ее компоненты, с одной стороны, уточняют семантику друг друга. Ср.: *тюрьма этого (кого?) – одного, единственного (для кого одного, единственного?) – для самого себя (для кого самого себя?) – для беспомощного человека*. Это конкретное, а не гипотетически народно-национальное, лицо, для кого мир является тюрьмой – слабый человек, нуждающийся в поддержке (ср.: «неспособный без посторонней помощи справиться с чем-либо. Выражающий бессилие, свидетельствующий о нём. Преисполненный бессилия, проникнутый им» [Ефремова. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/141606> (дата обращения: 08.03.2011)]).

С другой стороны, данные компоненты исследуемого стимулятора определенным образом поясняют семантику друг друга, выражая синонимичные понятия. Ср.: *один* («число, количество 1»

[Лопатин, 2001: 396]) – *единственный* («только один, всего один» [Лопатин, 2001: 153]). Например, любой предмет, представленный где-нибудь в единственном экземпляре, в числовом выражении будет соответствовать одному (1). Или: *сам* («обозначает, что кто-нибудь лично производит действие, испытывает состояние или подвергается действию» [Лопатин, 2001: 640]) – *себя* («указывает на субъект, заменяя по смыслу личные местоимения» [Лопатин, 2001: 654]). В каждом компоненте содержится семантика, определяющая конкретное лицо. Подобная синонимичность в значении свидетельствует о высокой степени проявления признака, качества, об уникальности самого лица и т.п.

На основании вышесказанного можно сделать следующий вывод. В процессе взаимодействия системы названных стимуляторов в ядерной зоне ГР-разновидности информационного поля голографической единицы *мир* формируется её базовое значение: «реальность, угнетающая личность» (см. с. 474 *Приложения*).

В процессе первичного моделирования текстовой семантики организуется периферийная внутрислоевая зона. В основе сформировавшегося ассоциативного микрополя лежат следующие понятийные участки: *мир материальный* как место физического существования тела – *мир духовный* как отдельная область жизни; в данном случае это интеллектуальная составляющая. Они возникают в результате установления ассоциативных связей (вид связи – пересечение) между следующими стимуляторами: *загажен; задушен досмотром, дозором, надзором; тюрьма; и не риторическая «тюрьма народов», а тюрьма вот этого, одного, единственного для самого себя; беспомощный человек (первый участок); цензура; задушен досмотром, дозором, надзором (второй участок)*.

Выявленные понятийные участки расширяют текстовую семантику голографической единицы *мир* в следующих информационных направлениях:

1. *Первый понятийный участок*: мир не предназначен для гармоничного существования человека. Во-первых, он представляет собой мусорную свалку (данная ассоциация [1] возникает через стимулятор *загажен*). Во-вторых, здесь личность подвергается угнетению со стороны людей, наделенных властью или представляющих какую-либо власть; в отношении личности возможно применение крайних форм и средств подавления демократических прав и свобод (ассоциация [2] устанавливается через стимулятор *задушен досмотром, дозором, надзором*). В-третьих, физически ограничивается свобода людей (ассоциация [3] провоцируется стимуляторами *тюрьма; и не риторическая «тюрьма народов»; а тюрьма вот этого, одного, единственного для самого себя*). В-четвертых, незащищенность личности перед чем-либо (данная ассоциация [4] возникает через стимулятор *беспомощный человек*). В таких условиях личности существовать и развиваться невыносимо трудно. Ассоциативное значение (1) голографической единицы *мир*, сформированное в первом *понятийном участке* периферийной части её информационного поля, имеет следующий вид: «место, непригодное для гармоничной жизни человека» (см. с. 477 *Приложения*).

2. Во *втором понятийном участке* *мир* *духовный* развитие ассоциативного значения (2) связано с возникновением ассоциативных связей между стимуляторами *цензура; задушен досмотром, дозором, надзором*. Цензура в сознании является атрибутом политической благонадежности выходящей в свет печатной продукции (ср.: ассоциация: *цензура – печать – средства массовой информации*). Она связана с ограничением либо недопущением распространения идей и сведений, признаваемых властью вредными или нежелательными.

Следствием деятельности цензуры является контроль в виде различного рода мероприятий, столь унижительных для свободной личности. Она перерождается, утрачивает свои ценности, опустошается нравственно (данная ассоциация [5] устанавливается через стимулятор *задушен досмотром, дозором, надзором*). Человек, неспособный мыслить самостоятельно и адекватно оценивать реальность, деградирует. Ассоциативное значение (2) расширяет текстовую семантику голографической единицы *мир* в следующем направлении: «блокада интеллектуальных возможностей человека, приводящая само общество к регрессу и, в конечном счете, к физической смерти» (см. с. 477 *Приложения*).

Очевидно, что потенциал ассоциативных ресурсов данных текстовых единиц обладает большей продуктивностью, так как организованная система вербализованных ассоциативных значений обширна по своему содержательному объему. В этом случае в информационном поле голографической единицы осуществляется сдвиг его компонентов. Ассоциативное микрополе занимает позицию ядра, что приводит к активизации процессов вторичного моделирования семантики. В результате этого осуществляется развитие ГР-разновидности информационного поля голографической единицы с А-видом альтернативной зоны. Её смысловой каркас имеет следующий вид: *мир* – это «грязь» (через ассоциативное значение (1) «место, не пригодное для гармоничной жизни человека» и ассоциацию [1] первого понятийного участка *свалка* [РАС, Т. II, 2002: 751]); *мир* – это «тоталитарность» (через ассоциативное значение (1) и ассоциацию [2] первого понятийного участка *подавление демократических прав и свобод* [РАС, Т. II, 2002: 881]); *мир* – это «физическое и, как следствие этого, духовное рабство конкретного человека» (через ассоциативное значение (1) и ассоциацию [3] первого понятийного участка *физическое ограничение*

свободы [РАС, Т. II, 2002: 489]); *мир* – это «нравственная убогость» (через ассоциативное значение (1) и ассоциацию [4] первого понятийного участка *незащищенность личности перед чем-либо*), «приводящая к деградации общества» (через ассоциативное значение (2) «блокада интеллектуальных возможностей человека, приводящая само общество к регрессу и, в конечном счете, к физической смерти» и ассоциацию [5] *утрачивает свои ценности, опустошается нравственно*).

На основе данного смыслового каркаса альтернативной зоны глубинно-развёртываемой разновидности информационного поля голографической единицы *мир* развивается её текстовая семантика: «совокупность, система всех форм материи, представляющая реальную угрозу для жизни или для любой формы существования человека» (см. с. 477 *Приложения*).

Таким образом, глубинно-развёртываемая разновидность диверсификационно-связанного вида информационного поля развивается при одновременном участии системы внутренних ресурсов голографической единицы и стимуляторов. Причем степень их активности является одинаково значимой.

Выводы к главе II

Формирование уровневой и зональной структур лексико-семантического микрополя голографической единицы осуществляется за счёт системы внешних факторов. Они характеризуются поликомпонентностью элементов информационного поля в виде стимуляторов и эксплицитностью их семантического объёма, а также характером информационно-смысловых возможностей текста.

Внутренние факторы, формирующие уровневую и зональную структуры лексико-семантического микрополя голографической единицы, обусловлены природой стимуляторов, которые представляют слова не только близкие, но и разноплановые в грамматическом, смысловом, коммуникативном и других отношениях, вследствие чего процесс их взаимодействия несколько осложняется. В условиях текстовой ограниченности и собственной природной «неоднородности» стимуляторы получают возможность вступать друг с другом в отношения избирательно, определяя общие семантические сегменты для взаимодействия. Уровневая и зональная ректифицированность лексико-семантического микрополя обусловлена лингвистическими и экстралингвистическими факторами.

Понятие «ассоциация» является доминантным при изучении и описании процессов формирования текстовой семантики слова. Чем выше их ассоциативный потенциал, тем продуктивнее условия для функционирования и дальнейшего развития данной единицы непосредственно в тексте.

Ассоциативный план позволяет рассмотреть все виды текстовых единиц как совокупности структурных единиц, объединяемых в сознании коммуникантов.

Трехчленная концепция вербализованных ассоциаций по сходству, по смежности и противоположности представляется наиболее эффективной в отношении исследования ассоциативной природы единиц с продуктивной текстовой реализацией.

Изучение текстовой семантики слова изначально предполагает обращение к вербализованным ассоциациям, но при их обязательной соотнесенности с лингвистическими характеристиками. Их установление в тексте провоцирует развитие конкретных словесных описаний, которые оказываются способными организовать содержательную структуру формирующейся голографической единицы. Вербализованные текстовые ассоциации возникают на основе звуковой, словообразовательной,

морфологической, а также семасиологической соотнесённости природы текстовых единиц.

Вербализованные ассоциации выполняют идентифицирующую функцию в процессе восприятия, осмысления и интерпретации семантики текста и его единиц. Они возникают в сознании коммуникантов в результате развития ассоциативных связей через опознание схожей фонетической структуры или словообразовательной модели между голографической единицей и известным в языке словом. Такие вербализованные ассоциативные текстовые связи определяются как внутрисловные. По структуре они представляют двухкомпонентную модель. Её организуют несколько участников – единица с актуализируемым значением и общеизвестное слово, характеризующееся высокой степенью понимания и употребления в обществе.

Вербализованные текстовые связи, возникающие между голографической единицей (или её компонентами) и стимуляторами на базе индивидуальной системы знаний, представлений коммуникантов и реализующихся на этой основе аналогий, определяются как межсловные. По структуре они являются многокомпонентной моделью. Её формируют два и более участника – единица с актуализируемым значением и система стимуляторов. Межсловные текстовые ассоциативные связи устанавливаются на базе синонимичных или оппозиционных (квазиассоциативных) отношений, характеризующих отношения между предметами, свойствами, действиями реального мира. Внутрисловные и межсловные ассоциативные связи, на базе которых формируются текстовые ассоциации, лишены обязательности.

Вербализованные текстовые ассоциации являются частотными, если возникают одновременно у многих носителей языка. Они мотивируются в сознании носителей языка различными социальными, политическими, коммуникативными факторами их жизни. В то же время вербализованные

текстовые ассоциации могут возникать произвольно и иметь временный характер, так как их актуальность зависит только от личного языкового опыта человека. Они выступают в качестве маловероятных, то есть единичных.

Вербализованные ассоциации, спровоцированные взаимодействием различных видов текстовых единиц, следует рассматривать не как пассивное отражение текстового содержания в сознании коммуниканта, а как факт непосредственной реализации его индивидуального опыта. На данной основе в дальнейшем развивается ассоциативное значение голографической единицы.

Пространство информационного поля голографической единицы составляют два компонента. Ядерная часть организуется при участии лексико-семантических ресурсов голографической единицы и стимуляторов. Периферия представлена ассоциативным микрополем. Оно развивается на базе содержательно-понятийных ресурсов голографической единицы и стимуляторов.

Ассоциативное микрополе структурировано определенным образом. Оно организуется в процессе взаимодействия понятийных участков, каждый из которых формируется на основе различного вида ассоциативных связей, возникающих между единицами с продуктивной текстовой реализацией. В ассоциативном микрополе реализуются глубинные реакции, выражающие отношения между понятиями (они представлены стимуляторами) и их элементами (то есть значениями).

Внутриполевой тип устройства голографической единицы определяется несколькими факторами: общим уровнем развития ресурсов текстовых единиц, который показывает, насколько эффективной оказывается данная система в качестве источника их дальнейшей трансформации; индивидуальными особенностями организации и степенью участия различных типов текстовых единиц в процессе моделирования их семантики.

На базе диверсификационно-связанного типа поля голографической единицы организуется его поверхностно-развёртываемая разновидность. Она характеризуется частичной трансформацией некоторых аспектов в значении языковой единицы, выступающей в качестве текстовой. При этом сохраняется общее направление семантики, зафиксированной в словарях современного русского языка.

Поверхностно-развёртываемая разновидность поля организуется в том случае, когда голографическая единица обладает значительной, в высшей степени продуктивной системой собственных ресурсов. Она провоцирует развитие процессов первичного моделирования семантики. Внутри ядерной и периферийной зон взаимодействуют ресурсы только голографической единицы. В процессе первичного моделирования семантики на данной основе осуществляется её текстовое развитие. Лексико-семантическое микрополе занимает центральное положение в организации поверхностно-развёртываемого вида поля.

Ресурсы стимуляторов, организующих ассоциативное микрополе голографической единицы, не выполняют доминантной функции в процессе развития ПР-разновидности поля. С их помощью лишь подтверждается достоверность и обосновывается правильность выбранного информационного направления, в рамках которого осуществляется моделирование семантики конкретного слова в тексте. Организация поверхностно-развёртываемой разновидности поля осуществляется на основе системы внутреннего и внешнего саморазвития голографической единицы.

В случае, когда состав активных участников данного процесса является столь ограниченным, то есть представлен только одним типом текстовой единицы, и, как следствие этого, потенциальные ресурсы стимуляторов не получают возможности полной собственной реализации, то условий для развития процессов вторичного моделирования семантики не возникает. Организуется более простая, изолированная модель поля голографической

единицы, которая не характеризуется высоким уровнем продуктивности своих элементов, – поверхностно-развёртываемая разновидность.

Диверсификационно-несвязанный тип поля формирует его глубинно-развертываемую разновидность, которая характеризуется отсутствием связи между семантикой языковой единицы, зафиксированной в словарях русского языка, и её семантикой, развивающейся в конкретном тексте. В процессе моделирования возникает новое по характеру и виду значение слова.

Глубинно-развёртываемая разновидность информационного поля голографической единицы представляет продуктивную модель внутренней организации её пространства. Активность всех типов текстовых единиц достаточно высока. Развивается динамичность ядра и периферии. При этом уровень активности вербализованных текстовых ассоциаций, формирующих ассоциативное значение голографической единицы, становится значительным вследствие многочисленности состава стимуляторов. Доминантное положение в ядерном пространстве занимает ассоциативное микрополе.

Выделяется два вида глубинно-развёртываемой разновидности диверсификационно-несвязанного вида информационного поля. Глубинно-развёртываемая разновидность со смешанным видом (С-видом) информационного поля развивается при одновременном участии системы внутренних ресурсов голографической единицы и стимуляторов. Причем степень их активности является одинаково значимой.

Глубинно-развёртываемая разновидность с ассоциативным видом (А-видом) информационного поля возникает, если ресурсы стимуляторов обладают большим потенциалом для развития текстовой семантики, чем сама голографическая единица.

Несмотря на то, что оба типа указанных единиц одновременно участвуют в процессе первичного моделирования текстовой семантики, численный состав стимуляторов оказывается более значительным.

Вследствие этого реализуется возможность формирования большего количества базовых и ассоциативных значений, разноплановых по своей природе и характеризующих голографическую единицу с диаметральных сторон. Это провоцирует развитие процессов вторичного моделирования текстовой семантики. При организации А-вида информационного поля голографической единицы стимуляторы выполняют доминантную функцию.

Поликомпонентность участников процесса полевого устройства текстовой единицы способствует максимально эффективной реализации условий для их повторного взаимодействия. В результате развиваются процессы вторичного моделирования семантики, на базе которых завершается организация информационного поля. В его пространстве возникает новая, обусловленная текстом, семантика голографической единицы.

На основе поверхностно-развёртываемой и глубинно-развёртываемой разновидностей информационного поля организуются модели семантики голографической единицы, которые отражают современные направления развития процесса смыслопорождения на уровне слова и текста. Их изучению посвящено содержание главы III данного диссертационного исследования.

ГЛАВА III. МОДЕЛИ СЕМАНТИКИ СЛОВА В ТЕКСТЕ

§ 1. Типы и виды голографических моделей текстового развития семантики слова

В ходе диссертационного исследования выявлены следующие типы голографических моделей текстового развития семантики: *эскалационный и организационный типы*.

Тип I – *эскалационный* «Линейное структурирование внутреннего пространства голографической единицы» – характеризуется развитием *содержательно-смысловой потенции*, то есть системы внешних и внутренних ресурсов, единицы с актуализируемым значением в рамках смыслового поля текста. Данный коммуникативный процесс связан с трансформацией семантики слов, функционирующих в современном русском языке. При этом поле голографической единицы структурируется только в линейной плоскости, называемой ярусом. Под *ярусом* понимается вид внутреннего пространства единицы с актуализируемым значением, в котором система её ресурсов развивается только в горизонтальной плоскости. Поле голографической единицы развивается частично.

Процесс усложнения семантики слов, уже существующих в языке, реализуется в следующих направлениях:

1) пересечение семантики компонентов голографической единицы на основе синонимичности их значений (вид-1 голографической модели *эскалационного типа «Информационная петля»*);

2) наложение семантики компонентов голографической единицы, осуществляемой на основе одноплановости, разноплановости или оппозиционности выражаемой ими семантики (вид-2 голографической

модели эскалационного типа «Двойная сферическая плоскость»; вид-3 голографической модели эскалационного типа «Сфера-1», «Сфера-2»);

3) линейное развёртывание синонимичных или оппозиционных лексических цепочек, в состав которых одновременно входят и стимуляторы, и голографическая единица. Данный вид модели развивается на основе либо ассоциативной близости значений единиц с продуктивной текстовой реализацией, либо на основе оппозиционности их значений (вид-4 голографической модели эскалационного типа «Информационная цепочка» и «Двойная информационная цепочка»).

В результате организации эскалационного типа голографических моделей формируется текстовая единица с поверхностно-развёртываемым типом поля.

Тип II – *организационный тип* голографических моделей развития семантики «Каркасная трансформация текстового пространства» – связан с механизмом текстового толкование значения слова в форме концентрированного предложения-текста. Он реализуется на материале общеизвестных слов и индивидуально-авторских конструкций. Под *каркасной трансформацией текста* понимается развитие всех уровней и зон его пространства (смыслового, структурного, ассоциативного и пр.). В рамках данного типа модели организуется голографическая единица с глубинно-развёртываемым типом поля. Активное участие в этом процессе принимают ресурсы всех типов единиц, реализованных в конкретном тексте. Особую нагрузку получает содержательно-смысловой потенциал слов.

Развитие семантической структуры единиц, объединенных условиями одного предложения-текста, в сознании коммуникантов провоцирует возникновение системы ассоциативных аналогий и реакций, что позволяет стимуляторам, имеющим разное по характеру значение, вступать во взаимодействие друг с другом и моделировать на этой многокомпонентной основе новую семантику. В этом случае предложение сворачивается в объём

слова, которое будет обладать информацией текста. Об особом статусе слова, которое по объёму семантики приравнивается к тексту, писала С. В. Пискунова, рассматривая, например, диалектное слово как свёрнутый, скомпрессированный текст [Пискунова 2002]. К этому же решению пришел и М. В. Горбаневский [Горбаневский 1991, 2008].

В основу предложенной классификации типов моделей семантики голографической единицы положен критерий «степень активизации и способы реализации внутреннего пространства текста и его единиц». Если задействованной оказывается система ресурсов голографической единицы и только часть объёма её поля, то значение формируется на базе модели типа I. В случае активизации не только внутреннего пространства голографической единицы и стимуляторов, но и возможностей самого текста, новое значение развивается на основе модели типа II.

§ 2. Эскалационный тип голографической модели «Линейное структурирование внутреннего пространства текстовой голографической единицы»

В состав эскалационного типа модели *«Линейное структурирование внутреннего пространства текстовой голографической единицы»* входят следующие виды моделей семантики: *«Информационная петля»*, *«Двойная сферическая плоскость»*, *«Сфера-1»*, *«Сфера-2»*, *«Простая информационная цепочка»*, *«Двойная информационная цепочка»*. Каждая из классификационных видов моделей имеет свои функциональные особенности.

2.1. Модель «Информационная петля» (вид-1 голографической модели эскалационного типа текстового развития семантики слова)

Модель «*Информационная петля*» реализуется через пересечение значений компонентов голографической единицы в ядерной части её поля. В качестве единицы с актуализируемым исходным или семантически дополнительным смыслом, образующимся в данном виде модели, выступает индивидуально-авторская конструкция. Её значение складывается из семантики образующих компонентов. В этом случае процесс текстового развития слова в тексте осуществляется в рамках модели I следующим образом.

По словообразовательной природе голографическая единица представляет сложное устройство. Взаимодействие значений её компонентов, характеризующихся изолированностью собственного пространства, осуществляется только в определенной точке поля, называемой *общим семантическим участком*. Он представляет *информационный центр*, в котором фиксируется пересечение компонентов голографической единицы, обладающих общим значением. Это место формирования новой, текстовой семантики.

Пересечение значений компонентов голографической единицы становится возможным в силу того, что они обладают определенной синонимичностью. Кроме того, вербализованные текстовые ассоциации, спровоцированные их взаимодействием, расширяют сформировавшееся базовое значение.

В данной голографической модели стимуляторы их ресурсы не принимают прямого участия. Они подтверждают адекватность (правильность) данной трансформации исходного содержания. В месте пересечения базовой и ассоциативной семантики организуется новое,

текстовое значение. Как правило, в рамках данной модели развивается голографическая единица с поверхностно-развёртываемым типом поля.

Графически процесс организации текстовой семантики по виду-1 голографической модели «*Информационная петля*» может быть представлен следующим образом (рис. 16):

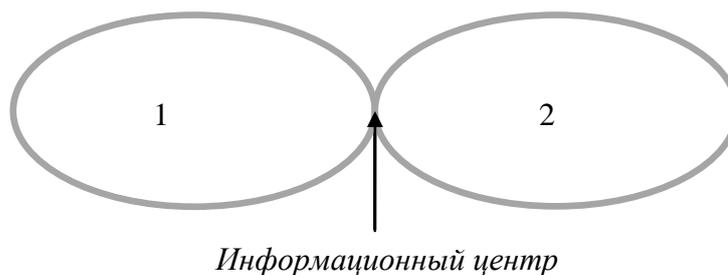

Рис. 16. Вид-1 голографической модели «*Информационная петля*»:

1, 2 – компоненты голографической единицы; их семантическое пространство; 3 – место пересечения компонентов голографической единицы; общий семантический участок

Особенности развития текстовой семантики голографической единицы по виду-1 модели «*Информационная петля*» типа I подтверждается анализом следующих примеров.

*Еще у нее улыбка какая-то **рассеянно-дерзкая, задумчиво-вызывающая**. Но ведь это и тянет...* (А. И. Солженицын. «Раковый корпус»).

Определяется следующее значение каждого компонента в индивидуально-авторских единицах **рассеянно-дерзкая, задумчиво-вызывающая**:

рассеянный – «невнимательный, плохо реагирующий на окружающее из-за неумения сосредоточиться на чем-н. одном или, наоборот, отвлекаться от одной какой-н. мысли» [Лопатин, 2001: 613], то есть «невнимательный, не сосредоточенный на чем-то»; «не умеющий сосредоточиться на чем-либо; невнимательный» [ССРЛЯ, Т. 12, 1961: 796];

дерзкий – «смелый, весьма отважный, неустрашимый, безрассудно, неуместно решительный; наглый, непокорный, грубый» [Даль, Т. 1, 2003: 432]; «непочтительный, оскорбительно грубый» [Лопатин, 2001: 131]; «грубый, непочтительный, неучтивый» [ССРЛЯ, Т. 3, 1954: 730];

задумчивый – «кто задумался или вообще склонен к этому; молчаливый, угрюмый» [Даль, Т. 1, 2003: 575]; «погруженный в думы, размышления; мечтательный» [Лопатин, 2001: 173]; «погруженный в раздумья, в размышленья» [ССРЛЯ, Т. 4, 1955: 431];

вызывающий – «содержащий вызов, обращающий на себя внимание дерзостью, наглостью» [Лопатин, 2001: 84], «содержащий в себе вызов, обращающий на себя внимание дерзостью, наглостью» [Ожегов, 1988: 93]; то есть «безрассудно провоцирующий; наглый». Компоненты данных единиц характеризуют разнородные, но взаимосвязанные между собой признаки.

Сложные по словообразовательной структуре лексемы **рассеяннo-дерзкая** и **задумчиво-вызывающая**, получая одно общее информационное направление в организации значений в смысловом поле данного текста, преобретают статус голографических единиц. В силу общности семантического развития их необходимо рассматривать параллельно друг другу.

Вторые компоненты данных единиц обозначают условно синонимичные признаки: **дерзкий** человек всегда бросает вызов чему-либо; то есть бывает *вызывающим*; то есть *вызывающий* человек ведет себя *дерзко* по отношению к чему-то или кому-то. Первые компоненты двух сложных конструкций выражают несовместимые признаки – **рассеянный** и **задумчивый**. Однако человек может казаться окружающим *рассеянным*, когда *задумывается* о чем-либо и происходящее вокруг воспринимает отчужденно. Но возможна и другая ситуация. *Рассеянный* человек выглядит отстраненно; может показаться, что он просто размышляет о чем-то важном. Он далёк от реальности.

Несмотря на кажущуюся несовместимость составных компонентов образования, в целом каждая конструкция выражает условно синонимичные, параллельные признаки. На основе пересечения значений голографических единиц *рассеянно-дерзкий* и *задумчиво-вызывающий* определяется их базовая семантика: «неспокойный в эмоционально-психологическом плане; провоцирующий на что-либо» (см. с. 404 *Приложения*). Вербализованные ассоциации, возникающие при взаимодействии данных текстовых единиц, расширяют значение в следующем образом: человек, одновременно впадающий в два противоположных по эмоциональному плану состояния, пытается скрыть что-то неприятное; то, что доставляет ему боль или тяжелые воспоминания. Стимулятор *какая-то* (то есть «непонятная») подтверждает данное направление в развитии текстовой семантики голографических единиц: подобное состояние легко уловить, но трудно объяснить. В процессе общения с таким человеком часто возникают непростые ситуации. Столь нестабильное психологическое состояние отражается не только в его поведении, но на его лице, в его улыбке.

При взаимодействии выявленных базового и ассоциативного значений моделируется следующая текстовая семантика голографических единиц *рассеянно-дерзкая* и *задумчиво-вызывающая* (улыбка): «улыбка человека, который пытается скрыть следы неуверенности, незрелости за маской взрослого, сформировавшегося человека; волнующая, привлекающая улыбка» (см. с. 405 *Приложения*). Стимулятор *Но ведь это и тянет...*, не участвующий напрямую в процессе формирования текстовой семантики, подтверждает данное расширенное значение: «поэтому столь необычная улыбка завораживает и как бы приковывает взгляд другого человека» (см. с. 405 *Приложения*). Графически процесс развития текстовой семантики голографических единиц *рассеянно-дерзкий*, *задумчиво-вызывающий* по виду-1 голографической модели «*Информационная петля*» может быть представлен следующим образом (рис. 17).

У черта на куличиках, у подножия гор, в чужом городе, в игрушечно-зверино-тесной комнате, у голодного Слезкина родился сын (М. А. Булгаков «Собачье сердце. Повести и рассказы»).

Рис. 17. Модель развития текстовой семантики голографической единицы *рассеянно-дерзкая и задумчиво-вызывающая*. Вид-1 голографической модели «Информационная петля» типа I текстового развития семантики

В результате проведенного анализа установлены значения компонентов индивидуально-авторской по происхождению голографической единицы ***игрушечно-зверино-тесный***:

игрушечный (комната) – (к 1 знач. *игрушка*) «вещь, служащая для игры, развлечения; не настоящая» [Лопатин, 2001: 84], «необычно маленький, непохожий на настоящий» [ССРЛЯ, Т. 5, 1956: 36]; то есть «из ненастоящего мира, маленькая, уменьшенная копия реального мира»;

тесная (комната) – «где мало места, некуда деваться, не поместиться» [Даль, Т. 4, 2003: 450]; «недостаточный по пространству, непросторный» [Лопатин, 2001: 743];

звериный – «чрезвычайный, свойственный дикому зверю» [Лопатин, 2001: 199]; «свойственный, присущий зверю» [ССРЛЯ, Т. 4, 1955: 1145];

следовательно, *звериная комната* – «либо относящийся к животному миру, либо злой, жестокий; проявление крайней жестокости, нечеловечности; небольшая (нора), тесное жилище» (см. с. 397 *Приложения*).

В ядерной части поля голографической единицы *игрушечно-зверино-тесный* значения её компонентов попарно пересекаются в следующем порядке: *игрушечно-тесная* (комната) и *зверино-тесная* (комната). В соответствии с этим формируются две оценки одного признака: «маленький, уменьшенный» (ср. *игрушечно-тесный*), «непригодный для жизни» (ср. *зверино-тесный*); то есть комната характеризуется с различных сторон: по размеру и по условиям проживания в ней.

В периферийной части информационного поля голографической единицы *игрушечно-зверино-тесный* возникают внутрисловные ассоциации на основе развития лексико-семантических ресурсов её компонентов через прямую дефиницию их содержания. Ср.: *игрушечный* – «не настоящий» [Лопатин, 2001: 84], то есть «нереальный». Через данное значение возникает понятие *кукла* [РАС, Т. 2, 2002: 502]. Компонент голографической единицы –*игрушечный* порождает ассоциацию «детский» [РАС, Т. 2, 2002: 287], которая связана с копированием чего-либо из взрослой жизни, это уменьшенная подделка реальности. На базе значения компонента –*звериный* («относящийся к животному») возникает ассоциация: не предназначенный для человека (см. с. 398 *Приложения*). Семантика конечного элемента голографической единицы *тесный* («узкий, непросторный») провоцирует ассоциация сжатый, стеснительный [РАС, Т. 2, 2002: 887].

Ассоциативное значение единицы *игрушечно-зверино-тесный* развивается в процессе установления ассоциативных связей, возникающих в результате взаимодействия её компонентов. Оно репрезентируется следующим образом: «напоминающий нору» (см. с. 398 *Приложения*). Действительно, «нора предназначена для представителей животного мира, а не для человека, строится ими» (ассоциация через компонент *звериный*). Она

напоминает узкий лаз, поэтому в ней достаточно тесно (ассоциация через компонент *тесный*). Нора – своеобразная копия жилища человека в животном мире, «копия» реальности (ассоциация через компонент *игрушечный*) (см. с. 398 *Приложения*). Безусловно, доминирующее положение занимает средний компонент – *звериный*.

В процессе моделирования семантики голографической единицы *игрушечно-зверино-тесная* (комната) развивается её новое, расширенное значение: «комната крошечных размеров, не обустроенная и в силу этой причины не пригодная для жизни человека» (см. с. 398 *Приложения*).

Следует отметить, что стимулятор *у черта на куличиках* ассоциативно поддерживает данное содержание, подтверждая общее направление негативной оценки сложившихся условий жизни. Ср.: в сознании русского человека *у черта на куличиках* – это где-то там [РАС, Т. 2, 2002: 905]; неизвестное, далекое место, которое всегда страшит своей неизведанностью (см. с. 398 *Приложения*). В таком случае оно вряд ли будет приспособлено для благополучной жизни.

Схематично процесс развития семантики голографической единицы *игрушечно-зверино-тесный* в рамках модели «Информационная петля» выглядит следующим образом (рис. 18).

Высшая комиссия той организации, билет которой с честью носил в кармане провинциально-старомодный человек оценила его и назначила ему должность спокойную и почетную (М. А. Булгаков «Собачье сердце. Повести и рассказы»).

Конструкция авторского происхождения *провинциально-старомодный* трансформируется в единицу с актуализируемым содержанием. Текстовое значение организуется за счёт семантического взаимодействия её компонентов:

провинциальный – «к провинции относящийся, живущий не в столице, житель захолустья» [Даль, Т. 4, 2003: 472]; «отсталый, наивный и простоватый» [Лопатин, 2001: 556]; «свойственный провинции и провинциалам» [ССРЛЯ, Т. 11, 1961: 964];

старомодный – «свойственный старому времени, не соответствующий новым взглядам, правилам и т.п.» [ССРЛЯ, Т. 14, 1964: 757]; «сделанный по старой моде или следующий старой моде» [Лопатин, 2001: 708], то есть «не модный, близкий к прежнему укладу, к старому; вышедший из моды» (см. с. 402 *Приложения*).

Рис. 18. Модель развития текстовой семантики голографической единицы *игрушечно-звериный-тесный*. Вид-1 голографической модели «Информационная петля» типа I текстового развития семантики

В значениях данных компонентов прослеживается определенная семантическая общность, которая в точке их пересечения позволяет сформировать расширенное значение: **провинциальный** – «по образу жизни и мысли далекий от всего прогрессивного»; как правило, все передовое, новейшее всегда концентрируется ближе к столице; **старомодный** –

«далекий от всего прогрессивного, от того нового, в частности, что дает цивилизация» (см. с. 402 *Приложения*). Базовое значение данной голографической единицы имеет следующий вид: «отсталый (человек), которым можно манипулировать; сформировавшийся под влиянием устаревших в современных условиях жизненных принципов и в силу этих обстоятельств лишенный дальнейшего развития» (см. с. 402 *Приложения*).

Вербализованные ассоциации, возникающие на основе развития лексико-семантических ресурсов компонентов голографической единицы через прямую дефиницию их содержания, приводят к организации следующего ассоциативного значения. В сознании современного «человека всё, что каким-либо образом связано с провинцией, её укладом жизни, привычками, считается старомодным и смешным. И наоборот: всё старомодное, далеко от цивилизации, сосредоточено в провинции. Человек, живущий в таких условиях, предстает «серенькой» мышкой. На него можно влиять. Ему чужд прогресс – он его пугает» (см. с. 402 *Приложения*).

При пересечении базового и ассоциативных значений развивается текстовая семантика голографической единицы **провинциально-старомодный** (человек) – «марионетка, в развитии и сознании которой нет никаких прогрессивных жизненных перспектив» (см. с. 403 *Приложения*). Такие люди угодны тоталитарной системе государства: они не призывают к бунту, их все устраивает. Подтверждают расширенную семантику и следующие стимуляторы: *оценила его и назначила ему должность спокойную и почетную* (в силу таких особенностей натуры человека власть вознаграждает тихой, но приносящей славу и уважение службой) (см. с. 400 *Приложения*). Графически процесс текстового развития значения голографической единицы **провинциально-старомодный** в рамках модели «Информационная петля» выглядит следующим образом (рис. 19):

Рис. 19. Модель развития текстовой семантики голографической единицы *провинциально-старомодный*. Вид-1 голографической модели «Информационная петля» типа I текстового развития семантики

Таким образом, вид-1 голографической модели «*Информационная петля*» типа I характеризуется продуктивностью. Он реализуется только на базе системы содержательно-смысловых ресурсов единицы с актуализируемым значением. У языковой единицы, выступающей в качестве голографической и развивающейся в рамках модели I «*Информационная петля*», семантический объём увеличивается.

2.2. Модель «Двойная сферическая плоскость» (вид-2 голографической модели эскалационного типа текстового развития семантики слова)

Вид-2 голографической модели *эскалационного типа* семантики «*Двойная сферическая плоскость*» организуется путём сферического

наложения значений её компонентов. В результате развития данного вида модели формируется семантика единиц с поверхностно-развёртываемым типом поля.

Голографическая единица, участвующая в этом процессе, представляет собой сложную структуру, основанную на одноплановой или разноплановой сочетаемости структур (например, *признак – действие; интенсивность действия – само действие* и прочее). Находясь в условиях текстовой ограниченности, компоненты единицы с актуализируемой семантикой взаимодействуют, оказывая друг на друга определенное давление: через собственное значение формируют общую текстовую семантику определённого слова. Сфера как вид поля, пространство которого реализуется частично (на ярусном уровне), превращается в плоскость. Развитие осуществляется только в линейном направлении.

Возможные способы реализации данного вида голографической модели представлены в следующих примерах:

*Никогда она не сказала, но зинуло вдруг ему, что вся неуступчивость ее, такая **досадно-промедлительная**, так обижавшая его, совсем не кокетство, а страх: переступить черту от не вечного – к вечному* (А. И. Солженицын «Раковый корпус»).

Сложная по структуре единица с актуализируемым значением **досадно-промедлительный** создана на основе компонентов, в значении которых сочетаются разнородные признаки:

досадный – «досаждающий, причиняющий кому-то досаду» [Даль, Т. 1, 2003: 475]; «вызывающий досаду, неприятный» [Лопатин, 2001: 144]; «раздражающий, вызывающий досаду» [ССРЛЯ, Т. 3, 1954: 1015];

промедлительный – «задерживающий дело, замешканный» [Даль, Т. 3, 2003: 495].

Нетрудно заметить, что автор текста выстраивает словообразовательную структуру голографической единицы таким образом,

что ее первая часть выражает своеобразную эмоциональную оценку того признака, который заключен во второй части сложения: неуступчивость была *промедлительной*, то есть «задерживающий по каким-то причинам и непонятный для кого-то», и *досадной*, то есть «обидной для кого-то». Базовое значение исследуемой единицы имеет следующий вид: «глупая, ненужная и поэтому непонятная» (см. с. 406 *Приложения*).

При взаимодействии компонентов голографической единицы *досадно-промедлительный* возникает система вербализованных ассоциаций: подобное странное поведение человека, связанное с необъяснимым, непонятным, а порой и обижающим кого-то ограничением, вызывает у людей гнев: я не могу этого понять, и меня это раздражает! (см. с. 406–407 *Приложения*).

В поле исследуемой единицы путём наложения двух типов значений, сформированных на основе разноплановых признаков, развивается её текстовая семантика: «раздражающий своей робостью, сомнением» (см. с. 407 *Приложения*). Выявляется доминирующий компонент «гнев, злость», на базе которого моделируется новое содержание.

В почётном карауле те самые мёртво-обрюзгие, кто с улюлюканьем травили его (А. И. Солженицын «Бодался теленок с дубом»).

Голографическая единица *мёртво-обрюзгие* является интересной с нескольких позиций: представляет собой не только необычный языковой факт писательского словотворчества, но и несёт на себе всю смысловую нагрузку целого текста. Второй компонент единицы с актуализируемым значением *–обрюзгий* отображает своеобразное следствие действия того признака, который отмечен первой частью. Очевидно, что автор употребляет ее в тексте в переносном смысле, отражая таким образом, внутренний мир человека; то есть *мёртвый* («безжизненный, лишенный оживления» [Лопатин, 2001: 306]) – это внутренний мир чувств, а *обрюзгий* («отечный; с вялой, болезненно обвисшей кожей») (см. с. 409–410 *Приложения*) – это

своеобразное следствие, внешнее проявление этой моральной, нравственной смерти. При взаимодействии лексико-семантических ресурсов компонентов данной голографической единицы формируется ее базовое значение: «физически и морально лишенный интереса к полноценной жизни» (см. с. 410 *Приложения*).

Внутрисловные ассоциативные связи устанавливаются между компонентами данной голографической единицы. Ср.: по природе бытия тело умершего претерпевает определенные изменения: ткани теряют упругость, меняется цвет кожи и пр. Смерть несёт свой отпечаток. Так и следы нравственной смерти оставляют свой след, особенно на лице: оно теряет былую живость. В периферии поля голографической единицы ***мёртво-обрюзгий*** формируется следующее ассоциативное значение: «опустившийся, нравственно опустошенный, изживший себя» (см. с. 410 *Приложения*). Семантика, репрезентируемая компонентами данной текстовой единицы, характеризуются одноплановостью. Их информационное пространства накладываются друг на друга, как бы усиливая тот признак, который уже сформировался. Вследствие чего текстовая семантика голографической единицы определяется следующим образом: ***мёртво-обрюзгий*** – «раздавленный обстоятельствами жизни физически и духовно» (см. с. 410 *Приложения*).

Таким образом, вид-2 голографической модели «*Двойная сферическая плоскость*» формируется на базе особого типа взаимодействия ресурсов голографической единицы – наложения. Компоненты данной единицы, представляющей сложную словообразовательную структуру, репрезентируют значения, которые обозначают разноплановые признаки, и фиксируются в разных участках информационного поля. Не имея общих семантических сегментов, данные структуры накладываются друг на друга. В точке их выборочного взаимодействия развивается текстовая семантика голографической единицы.

2.3. Модель «Сфера» (вид-3 голографической модели эскалационного типа текстового развития семантики слова)

Модель «Сфера» характеризуется пересечением лексической информации в виде обобщённой концентрированной семантики голографической единицы и системы стимуляторов, которые пересекаются в точке общего центра. При этом информационное поле представляет собой сферу – вид поля, пространство которого остается полностью не реализованным. В структурном плане задействованными оказываются только его ярусы. Развитие осуществляется только в линейной плоскости поля.

Данный вид модели отличается от «Сферической плоскости» количественным составом участников: одновременно во взаимодействие вступают два типа единиц с продуктивной текстовой реализацией, а также усложняется сам процесс развития семантики; то есть формируется большее количество базовых и ассоциативных значений.

Модель «Сфера» реализуется в двух формах: «Сфера-1» и «Сфера-2». Модель «Сфера-1» определяется отсутствием лексических оппозиций в поле голографической единицы и текста. Новое значение организуется на основе общности семантики их элементов. Данные семантические пространства имеют сегменты включения; то есть в поле возникают общие зоны в виде информационных центров, в которых происходит концентрация общего значения, например, в виде признака, свойства, действия и пр.

Следует отметить, что внутри модели «Сфера-1» развитие текстовой голографической единицы осуществляется на основе близкой, как правило, синонимичной семантики (рис. 20).

Особенности развития текстовой семантики голографической единицы в рамках модели «Сфера-1» можно проследить на следующих примерах.

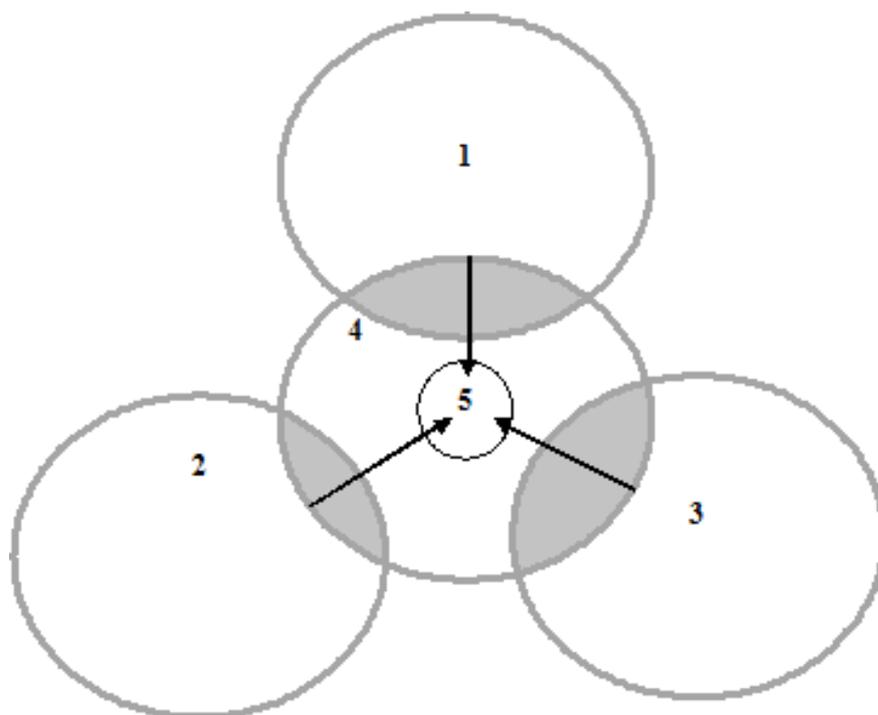

Рис. 20. Вид-3 голографической модели «Сфера-1» типа I текстового развития семантики:

1, 2, 3 – семантические пространства стимуляторов; 4 – поле голографической единицы;

5 – информационный центр; \longrightarrow – направление движения семантики;

■ – область пересечения семантических пространств единиц в виде информационных центров;
 место образования текстовой семантики

С этой их похоронной группы на *лунно-ледяном* озере начались все события ночи: беззвучное нападение большой массы на наш левый блок-пост – Ермолаеву, Янченке усекли черепа лопатами (А. И. Солженицын «Угодило зернышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания»).

В основе голографической единицы авторского происхождения *лунно-ледяной* лежит сочетание относительного и качественного прилагательных. Второй компонент, метафоричный по природе, выражает качество чего-либо: –*ледяной* – «очень холодный» [Лопатин, 2001: 280]; – *лунный* – «светящийся отраженным солнечным светом; холодный» [Лопатин, 2001: 291]. Безусловно, вид базового значения исследуемой голографической единицы определяется как метафорический: «прозрачный, освещаемый лунным

светом» (см. с. 428 *Приложения*). Стимуляторы уточняют его. Они не вступают в оппозиционные отношения. На месте включения общих участков в информационном поле стимуляторы организуют текстовую семантику на основе установившихся близких ассоциативных представлений:

1) *беззвучный* – тишина, молчание (ср.: «неслышный, едва слышный» [Лопатин, 2001: 18]; «не издающий звуков; безмолвный» [ССРЛЯ, Т. 1, 1950: 334]);

2) *похоронная группа* – тишина, молчание, траур (ср.: *похороны* – «обряд закапывания в землю или обряд кремации» [Лопатин, 2001: 521]; «обряд погребения умершего» [ССРЛЯ, Т. 10, 1960: 1694]);

3) *череп* – траур, молчание, страх (ср.: «скелет головы человека» [Лопатин, 2001: 828]; «скелет головы позвоночного животного и человека» [ССРЛЯ, Т. 17, 1965: 872]).

При взаимодействии системы лексико-семантических ресурсов стимуляторов и голографической единицы формируется ассоциативное значение. Оно развивается на основе ассоциативных аналогий. Первый компонент единицы с актуализируемым значением – *лунный* ассоциируется в сознании коммуникантов с одиночеством, отчужденностью, холодностью (см. с. 429 *Приложения*); второй компонент голографической единицы – *ледяной* – с холодной безжизненной коркой снега. В ней нет жизни. Она никого не согреет и не может дать жизнь. А холод связан с могилой (см. с. 429 *Приложения*). Возникает мотив зловещей тишины, который поддерживается семантикой стимуляторов *череп* (ср.: «смерть, вечная тишина могилы»); *беззвучный* (ср.: «молчание, тишина, отсутствие всяких звуков») и *похоронная группа* (ср.: «немые свидетели смерти»). На данной основе возникает ассоциативное значение голографической единицы *лунно-ледяной*: «зловещий, пугающий» (см. с. 429 *Приложения*). При пересечении данных сформировавшихся значений развивается текстовая семантика голографической единицы *лунно-ледяной*: «зловещий, пугающий,

холодящий, дышащий холодом и тревогой» (см. с. 430 *Приложения*). Голографическая модель семантики данной единицы выглядит следующим образом (рис. 21):

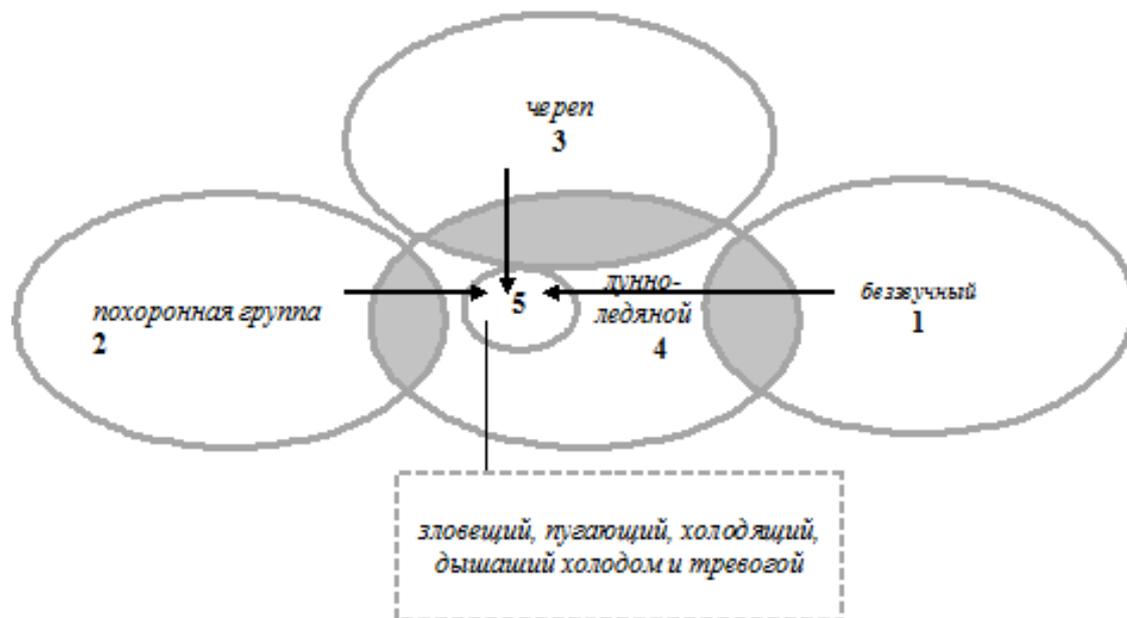

Рис. 21. Модель текстового развития голографической единицы *лунно-ледяной*. Вид-3 голографической модели «Сфера-1» типа I текстового развития семантики

*Между ними накалилась тогда **раззарчивая** страсть, не признающая никаких доводов, не желающая слышать об отсрочке свадьбы на год* (А. И. Солженицын «В круге первом»).

Значение единицы ***раззарчивый*** в современных словарях определяется следующим образом: «неукротимый в желаниях» [РСЯР, 2000: 209]; «пылкий, горячий, неукротимый в желаниях своих, в стяжении желаемого» [Даль, Т. 4, 2003: 31]. В тексте оно актуализируется следующими стимуляторами:

страсть – «безотчетное влечение, необузданное, неразумное хотение» [Даль, Т. 4, 2003: 326]; «сильно выраженное чувство; крайнее увлечение» [Лопатин, 2001: 718]; «сильная, безудержная любовь с преобладанием чувственного влечения» [ССРЛЯ, Т. 14, 1964: 1001];

не желающий слышать об отсрочке свадьбы – см. желание – «стремление, влечение к осуществлению чего-либо, к обладанию чем-нибудь» [ССРЛЯ, Т. 4, 1955: 52]; см. желать – «хотеть» [ССРЛЯ, Т. 4, 1955: 54]; то есть *не желающий слышать об отсрочке свадьбы* – «тот, кто ни при каких условиях не хочет откладывать момент бракосочетания» (см. с. 430–431 *Приложения*);

накалилась – см. накаливаться – «приходить в возбужденное состояние» [ССРЛЯ, Т. 7, 1958: 240]; «дойти до крайнего напряжения» [Ожегов, 1975: 306];

не признающий никаких доводов – «не желающий соглашаться с любыми доказательствами, аргументами, то есть с рациональным; с не чувственным» (см. с. 431 *Приложения*). На основе данной семантики формируется базовое значение голографической единицы ***раззарчивый***: «с ярко выраженным чувственным началом; излишне чувственный; в высшей степени чувственный; достигший пика в области чувств» (см. с. 430 *Приложения*).

Стимуляторы и голографическая единица уточняют данное значение за счёт вербализованных ассоциаций, расширяя общие участки в информационном поле следующим образом:

- 1) ***раззарчивый*** – азартный; бесшабашный (см. с. 431 *Приложения*);
- 2) *страсть* – чувственный; любовь; необузданное желание обладать.

Страсть – чувство, которое только напоминает любовь. По эмоциональному накалу оно имеет достаточно самый высокий индекс. Страсть поглощает человека, его чувства и мысли (см. с. 431 *Приложения*);

- 3) *не желающий слышать об отсрочке свадьбы* – любовь; сильное чувство, влечение. В советском обществе именно день бракосочетания совпадал с началом супружеских отношений (см. с. 431 *Приложения*);

4) *не признающий никаких доводов* – решимость; упрямый; упрямство. Разум подчиняется миру чувств и эмоций, когда есть страсть, поглощающая человека (см. с. 431–432 *Приложения*).

На основе данных ассоциаций организуется следующее ассоциативное значение голографической единицы *раззарчивый*: «всепоглощающий» (см. с. 432 *Приложения*).

При пересечении сформировавшихся базового и ассоциативного значений в рамках вида-3 модели «Сфера-1» развивается следующая текстовая семантика единицы *раззарчивый*: «плотский; не объяснимый разумом; не подчиняющийся рациональному восприятию; опустошающий физически и духовно» (см. с. 432 *Приложения*).

Организация текстовой семантики в рамках голографической модели «Сфера-2» осуществляется на стыке двух противоположных по значению пространств – информационных центров. Здесь возникают лексические оппозиции. На их основе осуществляется развитие единицы с актуализируемым значением.

Очевидным становится тот факт, что текстовая семантика голографической единицы формируется на основе двух противоположных значений. В этом случае смысловое поле текста выбирает доминантную позицию. Графически схема данного вида модели соответствует схеме «Сфера-1».

Формирование текстового значения единицы в рамках голографической модели «Сфера-2» можно рассмотреть на следующем примере:

Вот тут наружу стена пузом выдалась – это спрямить ряда за два (А. И. Солженицын «Рассказы»).

В рамках словарной дефиниции слово *спрямить*, которое функционирует в языке как общеизвестное, имеет следующее значение: «делать прямым; выпрямлять» [ССРЛЯ, Т. 14, 1964: 598]; «выпрямить,

прямить, править, переделать кривое на прямое» [Даль, Т. 4, 2003: 300]. В значении зафиксировано значение противоположности: *кривая – прямая*. В тексте эта оппозиция усиливается несколькими стимуляторами:

наружу – «на внешнюю сторону» [Даль, Т. 2, 2003: 463], «на внешнюю сторону, по направлению за пределы для чего-н.» [Лопатин, 2001: 344]; *пузо* – «живот» [Лопатин, 2001: 581], то есть «выдающийся вперед определенный участок тела (живот), напоминающий шар или круг», то есть *наружу выдаться пузом* – «выдвинутое вперед, округлое; вздутое место на чем-л., горб, короб»; ср.: что-то напоминает форму круга (см. с. 439 *Приложения*); *ряд* – «вереница, строй, предметы по одной черте, чередом» [Даль, Т. 4, 2003: 124]; «линия ровно расположенных однородных предметов» [Лопатин, 2001: 638], то есть «напоминающий прямую линию» (см. с. 439 *Приложения*). На основе данной семантики развивается базовое значение голографической единицы *спрямить*: «выпрямить; исправить изгиб, неровность» (см. с. 439 *Приложения*). Очевидно, что текстовая семантика единицы *спрямить* формируется через антонимические отношения, возникающие между ней и стимулятором (*стена*) *выдалась наружу пузом*. Создаются противоположные ассоциации: *круг (искривленная прямая)* и *прямая линия*. При помощи физической силы можно править это несоответствие, так как трудно выровнять поверхность какого-либо предмета, сделанного из камня, кирпича. Значит, *спрямить* – «ударить, чтоб исправить изъян в виде изгиба, неровности на прямую линию, приложив усилия» (см. с. 440 *Приложения*).

Этот старый серый изгнивающий дом вдруг сквозь блекло-зеленую шкуру обоев, под которыми бегали мыши, проступил мне молодым, еще не потемневшим тогда, струганными бревнами и веселым смолистым запахом (А. И. Солженицын «Рассказы»).

Слово *блекло-зеленый*, значение которого развивается в рамках голографической модели «Сфера-2», по происхождению представляет собой единицу, сформировавшуюся по продуктивному словообразовательному

типу. Один из его компонентов обозначает цвет; другой – оттенок. Посредством анализа семантического наполнения компонентов, составляющих данную голографическую единицу, можно определить её исходное значение следующим образом:

блеклый – «хилый, поблекший, вялый, сухой; линялый, потерявший яркость, живость цвета» [Даль, Т. 1, 2003: 96]; «потерявший свежесть и яркость» [Лопатин, 2001: 27]; «лишенный свежести и яркости красок; выцветший, поблекший» [ССРЛЯ, Т. 2, 1951: 504]);

зелёный – «цвета травы, листьев, разных оттенков; незрелый, молодой» [Даль, Т. 1, 2003: 677]; «имеющий окраску, которая получается смешением желтого и синего цветов; цвета свежей травы, листьев; бледный, землистого оттенка (разг.)» [Лопатин, 2001: 200]. В области пересечения семантики данных компонентов организуется следующее значение голографической единицы **блекло-зеленый**: «выгоревший цвет травы, листьев; со временем потерявший яркость цвет» (см. с. 433 *Приложения*).

Однако стимуляторы, функционирующие в текстовом пространстве, не трансформируют новую семантику, а определяют явления и условия, при которых параллельно происходит развитие исследуемой единицы:

– обои стали блеклыми, так как сам дом находится в плохом состоянии (через стимулятор *старый серый изгнивающий дом* – «дом, находящийся в плохом состоянии от времени, от давности лет»); ср. *старый* – «бывший в употреблении; уже испортившийся от времени; ветхий» [Ожегов, 1988: 624]; «долго бывший в употреблении, пользовании; поношенный, подержанный» [ССРЛЯ, Т. 14, 1964: 777]; «ветхий, обветшалый, негодный, изношенный» [Даль, Т. 4, 2003: 316]; ср. *серый* – «цвета пепла» [Ожегов, 1988: 582]; «цвета, получающегося из смешения черного с белым; цвета золы» [ССРЛЯ, Т. 13, 1962: 714]; ср. *изгнивающий* – см. *гнить* – «разрушаться, подвергаясь органическому разложению» [Ожегов, 1975: 110; ССРЛЯ, Т. 5, 1956: 139];

– обои стали блеклыми, потому что в их структуре появилась многослойность (через стимулятор *шкура обоев, под которыми бегали мыши* – «блеклые, выцветшие обои, отошедшие от стен») (см. с. 433 *Приложения*);

– обои были зеленые, ведь дом когда-то был новый (через стимулятор *проступил мне молодым* – «показался новым, недавно построенным») (см. с. 433 *Приложения*);

– обои были зелёные в силу того, что раньше сам дом был светлым и чистым (через стимулятор *не потемневшим тогда* – «выгоревший от времени»); ср. *потемневший* – см. *темнеть* – «становиться темным» [Ожегов, 1975: 647]; см. *потемнеть* – «перен. Померкнуть, потускнеть, поблекнуть; утратить ясность, яркость, сил» [ССРЛЯ, Т. 10, 1960: 1596].

В семантическом пространстве голографической единицы **блекло-зелёный** возникают антонимичные отношения, которые поддерживаются следующими вербализованными ассоциациями:

1) ассоциация «старый» возникает через следующие стимуляторы: *изгнивающий* («потерявший прочность»), *шкура обоев* («наклеенные в несколько слоев и отвалившиеся местами обои») (см. с. 434 *Приложения*);

2) ассоциация «молодой» возникает через следующие стимуляторы: *не потемневший тогда* («недавно построенная изба»), *струганными бревнами и весёлым смолистым запахом* («не утративший аромат, бревна нового дома какое-то время сохраняют свой смолистый запах») (см. с. 435 *Приложения*). Малоинтенсивность цвета является не природной, а приобретенной: с течением долгого времени дряхлым стал дом, а обои превратились в выцветшую шкуру.

На базе данных сформировавшихся типов значений развивается следующая семантика голографической единицы **блекло-зелёный**: «многослойный, чередующийся слоями, представляющими участки прошлого и настоящего. Ведь именно так и устроена жизнь» (см. с. 435

Приложения). Модель развития текстовой семантики голограммы *блекло-зелёный* можно графически представить с помощью данной схемы (рис. 22):

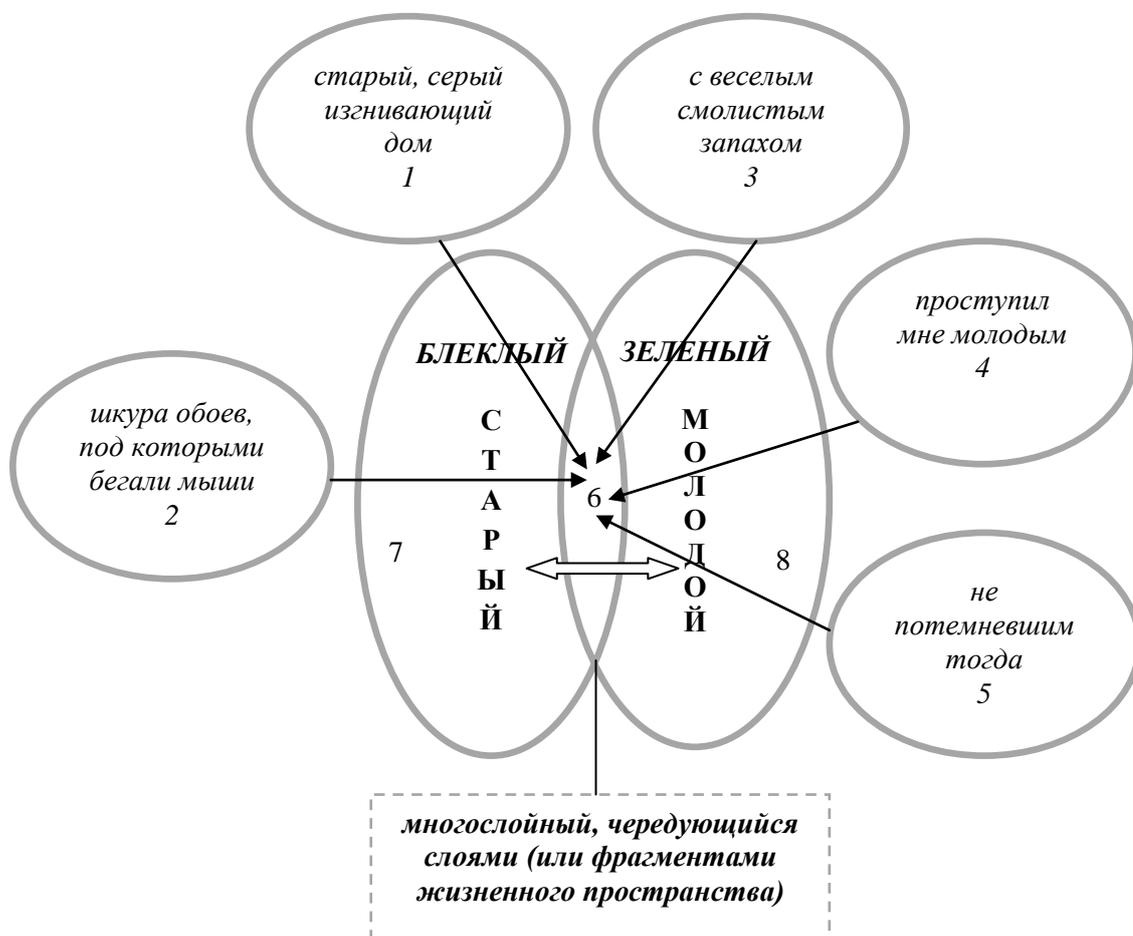

Рис. 22. Модель развития текстовой семантики голографической единицы *блекло-зелёный*.

Вид-3 голографической модели «Сфера-2» типа I текстового развития семантики:

- 1–5 – стимуляторы; \longrightarrow – направление движения семантики; 6 – область пересечения ресурсов голографической единицы и стимуляторов; место образования текстовой семантики; 7, 8 – информационное поле голографической единицы

Таким образом, вид-3 модели типа I текстового развития семантики голографической единицы «Сфера» характеризуется универсальностью. Он реализуется на базе как синонимичных (близких), так и противоположных (оппозиционных) значений, сформировавшихся в поле голографической единицы. При этом увеличивается продуктивность данного вида модели семантики за счёт привлечения большого числа потенциальных ресурсов, различных по своей природе.

2.4. Модель «Информационная цепочка» (вид-4 голографической модели эскалационного типа текстового развития семантики слова)

Вид-4 голографической модели *эскалационного типа* семантики «*Информационная цепочка*» формируется через организацию *смыслового ряда*, под которым понимается линейный семантический участок, представленный в виде последовательно объединенных единиц с продуктивной текстовой реализацией. Данная структура графически отражает линейное направление развития значения слова.

Единицы с продуктивной текстовой реализацией, формирующие модель «*Информационная цепочка*», в отличие от модели «*Сфера*», не обладают общей семантикой. Они на ассоциативном уровне способны находить точки взаимодополнения значения.

В языке нет слов, изолированных в семантическом отношении: каждое из них сотнями нитей связано со значениями других. Поэтому возникающие смысловые ряды в виде информационных цепочек свидетельствуют о непрерывности семантического пространства современного языка.

Вид голографической модели «*Информационная цепочка*» реализуется в двух формах: «*Простая информационная цепочка*» и «*Двойная информационная цепочка*».

Вид-4 модели *эскалационного типа* «*Простая информационная цепочка*» представляет собой развитие семантики в горизонтальной плоскости, то есть линейно. Каждый из элементов определенного *смыслового ряда* (цепочки), который определенным образом характеризует голографическую единицу, являющуюся информационным центром, развивает её значение.

В рамках данной модели могут участвовать единицы с противоположной семантикой. Это приводит к тому, что слово, используемое в рамках словарной дефиниции, имеет положительный

оттенок в значении, а текст, реализуя свои собственные ресурсы, наделяет его отрицательным признаком. Данное положение об особенностях семантического взаимодействия голографической единицы и стимуляторов подтверждается анализом следующих примеров.

*Быстрая на понимание, Зоя чуть откинула голову, чуть расширила глаза и жёлто-карими, выскаченными, **честно-удивлёнными**, – и открыто в упор смотрит на врача:*

– А какое может быть сомнение?.. Все процедуры, какие полагаются... всегда! – Еще бы немножко, и она была бы просто оскорблена. – Во всяком случае в мои дежурства...

А вот это «во всяком случае» она произнесла одним свистом, и именно слившиеся торопливые звуки убедили почему-то Гангарт, что Зоя лжет (А.И. Солженицын «Раковый корпус»).

Языковая единица **честно-удивлённый** обладает следующим значением: «искренне изумленный, пораженный» (см. с. 441 *Приложения*) (ср. **честный** – «правдивый, искренний, прямой. Неспособный обманывать или не основанный на обмане; выражающий эти чувства» [Лопатин, 2001: 638]; «безупречный, порядочный, ничем не запятанный» [ССРЛЯ, Т. 17, 1965: 980]; **удивлённый** – «испытывающий удивление; выражающий удивление» [Лопатин, 2001: 774]; «исполненный удивления, проникнутый удивлением; содержащий, заключающий в себе удивление» [ССРЛЯ, Т. 16, 1964: 324]).

В смысловом поле текста развитие семантики исследуемого слова происходит в форме цепочки: *выскаченный* (стимулятор) – **честно-удивлённый** (голографическая единица) – *открыто в упор смотрит* (стимулятор) – *лжет* (стимулятор).

Каждый из данных участников *смыслового ряда* имеет в собственной семантике, кроме авторской конструкции, отрицательный оттенок (в виде отрицательной коннотационной оценки). Ср.: *лжет* – см. лгать – «говорить

неправду; обманывать» [ССРЛЯ, Т. 6, 1957: 386]; «говорить ложь» [Ожегов, 1988: 257]; *выскаченный* – см. «выскочливый человек» [РСЯР, 2000: 46]; см. выскакивать – «выпрыгнуть, высигивать; вырывать откуда прыжком; выметываться скачком» [Даль, Т. 1, 2003: 313]; см. выскакивание, выскоченье – «действ. по гл. выскакивать» [Даль, Т. 1, 2003: 313]; по своей семантической природе стимулятор *выскаченный* ассоциативно близок с единицей выпученный – см. по гл. выпучиваться («в просторечии. Делаться выпуклым, выпячиваться вперед, наружу» [ССРЛЯ, Т. 2, 1951: 1176]; то есть «вылупленный; выпяченный от удивления, в максимальной степени»); в силу того, что в семантике стимуляторов *выскаченный* и *лжет*, составляющих один смысловой ряд, заключена отрицательная оценка, в значении стимулятора *открыто в упор смотрит* она также развивается: «пытается обмануть, обманывая» (см. с. 442 *Приложения*).

Другие стимуляторы, не вошедшие в данную цепочку, усиливают его. Например, *быстрая на понимание* – «сообразительная; реагирующая адекватно и оперативно в любых условиях» (см. с. 442 *Приложения*) (вербализованная ассоциация – хитрая); *откинула голову, чуть расширила глаза* – «принимает позу нападения» (вербализованная ассоциация – человек, который готов дать отпор в любой ситуации) (см. с. 442–443 *Приложения*). Значит, обладатель таких **честно-удивлённых** глаз знает о собственной виновности, но лучшая защита – нападение. Поэтому голографическая единица **честно-удивлённый** имеет следующую текстовую семантику: «правдиво-наигранный, показной» (см. с. 443 *Приложения*).

У него была внешность настоящего врача, хорошего настоящего врача, он и был настоящим врачом, что называется От Бога (В. Аксенов «Ожог»).

В данном случае развивается значение единицы **настоящий врач** в виде последовательной информационной цепочки: признак, выражаемый с помощью ее компонента **-настоящий** – «подлинный, истинный,

неподдельный, неподложный» [Даль, Т. 2, 2003: 475]; «такой, какой должен быть, представляющий собой лучший образец чего-н., кого-н., не показной» [Лопатин, 2001: 348] дополняется семантикой стимулятора *хороший* – «нравый на вид, по наружности, ценимый по внутренним качествам, полезным свойствам, достоинству» [Даль, Т. 4, 2003: 562]; «положительный по своим качествам, вполне удовлетворяющий, заслуживающий одобрения, такой, как следует» [Лопатин, 2001: 816]. Складывается впечатление, что речь идет только о внешнем облике врача (о системе атрибутов – одежде, манерах и пр.) – ср. «внешне соответствующий облику врача»; ассоциации: о внешнем облике кого-либо. В значении стимулятора *хороший* реализуется синонимичное значение («на вид, по наружности») (см. с. 444 *Приложения*).

С другой стороны, в тексте неоднократно подчеркивается признак качественной характеристики специалиста с помощью стимулятора *быть* (то есть «существовать в качестве деятеля (врача)» – ср.: *он и был настоящим врачом*) и фразеологизма *От Бога* (ассоциации: талант, гений; талантливейший врач) (см. с. 444; 445 *Приложения*).

Очевидно, что в рамках одной информационной цепочки последовательно актуализируется семантика единицы *настоящий врач* и на этой основе развивается два вида значения: внешность *настоящего врача* – хорошего *настоящего врача* – *он и был настоящим врачом* – что называется *От Бога*. Следовательно, голографическая единица *настоящий врач* имеет следующую семантику: «гармония внешнего и внутреннего содержания специалиста в области медицины»; «гармонично развитая личность, профессионал» (см. с. 445 *Приложения*).

Вид-4 голографической модели *эскалационного типа* текстового развития семантики «*Двойная информационная цепочка*» характеризуется построением смысловых рядов в виде цепочек, представляющих собой лексические оппозиции. В одну цепочку входит голографическая единица и стимуляторы, другую – составляют только стимуляторы, которые усиливают

текстовую семантику, выражая, наоборот, противоположные (антонимические) отношения. Следующие примеры иллюстрируют механизмы модели «Двойная информационная цепочка».

*И в сам Таврический, лишая дезинфекции, поперли одиночные рабоче-солдатские, или черт их разберет, депутаты и читали ноту с той самой кафедры, с которой Милюков полгода назад так самоуверенно произносил свою “историческую” первоноябрьскую речь под рукоплескания **сюртучно-галстучных** чистеньких думцев, – а теперь мурлы из кресел орал: “Долой Милюкова! в отставку!”* (А. И. Солженицын «Апрель семнадцатого»).

Оба компонента сложной авторской конструкции **сюртучно-галстучный** (*сюртук* – «род длинного двубортного пиджака, обычно в талию» [Лопатин, 2001: 732]; *галстук* – «полоска материи, которую завязывают узлом вокруг воротника рубашки» – [Лопатин, 2001: 98] – ср.: **сюртучно-галстучный** – «относящийся к сюртуку и галстуку или составляющий сюртук и галстук как вид одежды» (см. с. 448 *Приложения*) – представляют собой метафоричные образования, выраженные относительными прилагательными. Такая одежда является атрибутом образованного и культурного человека (см. с. 448 *Приложения*).

Однако в значении голографической единицы формируется отрицательная коннотация, которая поддерживается в тексте следующими стимуляторами:

– стимулятор *думцы* – «непорядочные члены представительного выборного законодательного или административного учреждения царской России» (см. с. 449 *Приложения*);

– стимулятор *чистенький* – «перен. ирон. Ничем не запачканный» [ССРЛЯ, Т. 17, 1965: 1055]; то есть *чистенькие думцы* – «не желающие принимать на себя ответственность за государство и его членов» (см. с. 449 *Приложения*);

– стимулятор *самоуверенно произносил под рукоплескания* – «декламировать с большой убежденностью в своей правоте под восторженные аплодисменты» (см. с. 449 *Приложения*);

– стимулятор *поперли* (см. *переть*) – «идти, двигаться куда-н., не считаясь с препятствиями, с запрещением» [Ожегов, 1988: 413; ССРЛЯ, Т. 9, 1959: 955]; «с наглостью пробираться через препятствия и запреты» (см. с. 449 *Приложения*);

– стимулятор *одиночные рабоче-солдатские, или черт их разберет, депутаты* – «члены выборного государственного учреждения с неопределенным статусом» (см. с. 449 *Приложения*);

– стимулятор *мурлы из кресел* – «хамоватое, неприятное, гадкое лицо, удобно разместившееся» (см. с. 449 *Приложения*).

В соответствии с этим базовое значение голографической единицы *сюртучно-галстучные* (думцы) имеет следующий вид: «интеллигентные и культурные заседатели, представители высшего законодательного органа власти, которые проводят политику не в интересах государства и его граждан» (см. с. 448 *Приложения*).

Существительные *сюртук* и *галстук*, основы которых являются мотивирующими для прилагательных, ассоциативно воспринимаются как символы интеллигентности и образованности. Ср. ассоциации: *сюртучно-галстучный* – интеллигентный; относящийся к интеллигенции; благородный по происхождению; стимулятор *самоуверенно произносил под рукоплескания* – оратор; выступление на митинге, в людном месте (см. с. 450 *Приложения*). Данное направление в семантике находит своё подтверждение в смысловом поле текста – строится цепочка: *самоуверенно произносил* – *под рукоплескания* – *сюртучно-галстучные* – *чистенькие* (думцы).

В то же время устанавливается еще одно противоположное ассоциативное направление: *чистенький* – *одиночные рабоче-солдатские*,

или черт их разберёт, депутаты – мурлы из кресел – орали. Оно находит свое подтверждение в семантике стимуляторов. Ср.:

- стимулятор *чистенький* – «лживый; обманчивый на первый взгляд; с запятнанной репутацией»;
- стимулятор *одиночные рабоче-солдатские, или черт их разберет, депутаты* – «путаница; неясность; непонятная ситуация; хаос»;
- стимулятор *мурлы из кресел* – «тюрьма; уголовник; бандит; предводитель банды»;
- стимулятор *орали* – «крик, шум, ор». В таких условиях услышать правду невозможно (см. с. 449–450 *Приложения*).

На данной основе организуется еще одна информационная цепочка: *поперли – одиночные рабоче-солдатские, или черт их разберет, депутаты – мурлы из кресел – орали*, в которой отрицательный оттенок в значении превалирует. Ее элементы образуют лексические оппозиции: *самоуверенно произносил – орали; чистенькие (думцы) – одиночные рабоче-солдатские, или черт их разберет, депутаты; сюртучно-галстучные (думцы) – мурлы из кресел*, в которых усиливается положительная семантика, репрезентируемая стимуляторами первой цепочки.

У голографической единицы *сюртучно-галстучный* на основе взаимодействия всех типов значений (базового и ассоциативного) формируется следующая семантика: «рафинированный, педантичный во всем, далекий от всего, что составляет несовершенство мира» (см. с. 451 *Приложения*).

В ту ночь я понял. Скопированное становится неправдой. А созданное становится правдой. Если ты постиг дух происходящего. И сумел дать его адекватно материалу, адекватно всей интонации (М. Веллер «Моё дело»).

В данном тексте одновременно актуализируется семантика голографической единицы *правда – неправда* в рамках модели «Двойная информационная цепочка». Общеизвестное слово *правда* имеет следующее

толкование: «истина на деле, истина в образе, во благе; справедливость» [Даль, Т. 4, 2003: 379]; «то, что существует в действительности, истина» [Лопатин, 2001: 523]. Значение слова *неправда* характеризуется противоположностью семантической выраженности. Однако, реализуясь в информационном пространстве в качестве голографической единицы, указанные лексемы расширяют собственное значение в рамках другого процесса: их развитие осуществляется в горизонтальной плоскости в виде двух последовательно развивающихся цепочек на базе внутренних ресурсов стимуляторов.

В рамках данной модели возникают две цепочки, в состав которых входят голографическая единица и стимуляторы, имеющие разный информационный и коммуникативный характер. Первая цепочка построена на основе лексико-семантических ресурсов данных текстовых единиц; вторая – при участии их ассоциативных ресурсов. Одна из них как бы информационно «уравновешивает», дополняет или уточняет семантику голографической единицы, если в ее пространстве между стимуляторами развиваются противительные отношения:

1) первая цепочка: *правда рождается – если ты постиг дух происходящего. – И сумел дать его адекватно материалу, адекватно всей интонации* (исходный текст);

2) вторая цепочка: *неправда* возникает – если ты НЕ постиг дух происходящего – *И НЕ сумел дать его адекватно материалу, адекватно всей интонации* (через вербализованные ассоциации: а когда возникает неправда? (см. с. 444 *Приложения*). На этой базе возникает двойная информационная цепочка, в которой актуализированное значение голографической единицы *правда – неправда* моделируется в двух информационных плоскостях (положительной и отрицательной):

положительная плоскость – если затрачиваются собственные душевные силы и проводится работа, то рождается истина;

отрицательная плоскость – если не прикладываются усилия, требующие полной нравственной, духовной отдачи, то появляется ложь, обман.

Данный процесс развития голографической единицы ***правда*** – ***неправда*** можно представить следующим образом:

- 1) если ты постиг дух происходящего – *правда* – сумел дать его адекватно материалу, адекватно всей интонации;
- 2) если ты не постиг дух происходящего – *неправда* – не сумел дать его адекватно материалу, адекватно всей интонации.

Стимуляторы *скопированное* и *созданное*, не вошедшие в цепочку, должны усиливать эти оппозиционные отношения: *скопированное* («подделка чужого труда – это фальшивка, обман») – *созданное* («созидание, собственный труд – это правда, истина»). Однако сами единицы иначе расширяют актуализируемую семантику, снимая признак противопоставления: для появления и подделки, и действительно ценного объекта необходимо совершить простое механическое действие. В основе обмана и истины лежит нечто общее: чтобы что-то скопировать, например, картину, или нарисовать собственное полотно, необходимо выполнить одно и то же действие – определенные движения кисточкой. Однако только от выбора самого человека (приложить ли душевные силы или нет?) зависит итог этого действия.

В рамках голографической модели «*Двойная информационная цепочка*» при активном участии стимуляторов, разноплановых в семантическом направлении, репрезентируется значение, имеющее нейтральную окрашенность: ***правда*** – ***неправда*** – «личностный выбор (человека)» (см. с. 448 *Приложения*).

Таким образом, вид-4 модели *эскалационного типа* семантики «*Информационная цепочка*» организуется на базе *смыслового ряда*, представленного в виде цепочки единиц с продуктивной текстовой

реализацией. При активизации их ресурсов моделируется семантика голографической единицы.

Члены смыслового ряда могут организовать одну цепочку, когда в их значении реализуется синонимичная информация. Несколько цепочек формируются, если между стимуляторами и голографической единицей развиваются оппозиционные отношения.

§ 3. Организационный тип голографической модели «Каркасная трансформация текстового пространства»

В состав *организационного типа модели «Каркасная трансформация текстового пространства»* входят следующие виды голографических моделей: *«Зонирование структуры текста»*, *«Ассоциативный текст»*. Они характеризуются индивидуальными функциональными особенностями и коммуникативной обусловленностью.

3.1. Модель «Зонирование структуры текста» (вид-1 голографической модели организационного типа текстового развития семантики слова)

Голографическая модель *«Зонирование структуры текста»* строится при участии сложных образований, представляющих собой либо общеизвестные слова, либо факты авторского словотворчества. Пространство текста непосредственно участвует в процессе развития или трансформации актуализируемой семантики.

Структура голографической модели *организационного типа* «Зонирование структуры текста» определяется следующим образом: в целях уточнения содержания единицы смысловое поле текста структурируется в горизонтальном и вертикальном направлении. Каждая зона, или смысловой участок, определяет значение одного из стимулятора. При этом организованные подобным способом единицы обозначают противоположные в оценке признаки. Однако в рамках смыслового поля текста новая семантика, как правило, получает положительную оценку.

Голографическая модель «Зонирование структуры текста» реализуется в нескольких формах: простая форма (*модель «Вертикальное зонирование»*) и сложная форма (*модель «Смешанное зонирование»*).

При простой форме зонирования пространство текста разбивается на несколько информационных *смысловых участков* (или зон). Они представляют собой совокупность каркасных структур текста (термин каркасный элемент введен Н. С. Болотновой [Болотнова 1992]) в виде его ключевых слов, формирующих смысловое поле текста. В качестве ключевых слов выступают голографическая единица и стимуляторы. Количество *смысловых участков* (зон) определяется их содержательно-смысловыми ресурсами. В каждой зоне последовательно актуализируется значение голографической единицы через семантико-ассоциативные отношения различного вида (противительные, причинно-следственные и др.). В границах определенного участка, так называемый *уровень обобщённого значения*, репрезентируется новая семантика, которая представляет собой синтезированную по характеру информацию.

Уровень обобщённого значения – смысловая полевая зона текста, в которой реализуются системы потенциальных ресурсов его единиц в виде базовых значений (их может быть несколько). Попадая в данную зону, сформировавшиеся значения объединяются на основе ассоциативных связей, лексических соответствий (*модель «Вертикальное зонирование»*). Как

правило, семантика, смоделированная на такой основе, носит либо обобщённый, абстрактный характер, либо характеризуется конкретностью.

В рамках одного или нескольких предложений сами единицы в вертикальной плоскости моделируют смысловое поле текста. При этом структуры ярусного развития семантики остаются незадействованными: между текстовыми единицами этого уровня никаких отношений (ассоциативных, эмоционально-экспрессивных, оценочных и т.п.) не возникает.

Уровень информационного центра представляет собой более сложную смысловую структуру, так как в ней осуществляется синтез нескольких типов значений голографической единицы. На этой основе осуществляется развитие семантики слова в тексте.

Графически модель «*Вертикальное зонирование*» (вид-1 голографической модели типа II текстового развития семантики) выглядит следующим образом (рис. 23).

Следующие примеры иллюстрируют особенности голографической модели «*Вертикальное зонирование*».

Я не мог подумать, что театр – это так...тоскливо и опасно: неинтересно и страшно, честно говоря, и не хочется нисколько, до конца бы досидеть... Я издал вопль (М. Веллер «Мое дело»).

Единицы, реализуясь в голографической модели «*Вертикальное зонирование*» (простая форма вида-1 модели типа II текстового развития семантики) и вступая во взаимодействие друг с другом, актуализируют значение слова *театр*, выступающего в качестве голографической единицы. Смысловое поле текста зонировается на два смысловых участка:

1) голографическая единица *театр* – стимулятор *тоскливо* – *неинтересно* – стимулятор *не хочется нисколько* – стимулятор *до конца бы досидеть*;

2) голографическая единица *театр* – стимулятор *опасно* – стимулятор *страшно* – стимулятор *до конца бы досидеть* – стимулятор *вопл* (издал).

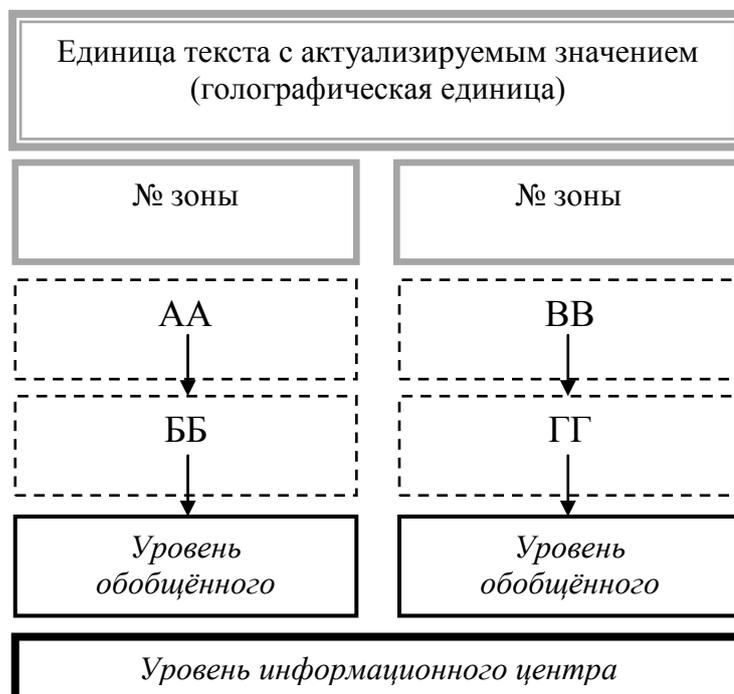

Рис. 23. Голографическая модель «Вертикальное зонирование»

(вид-1 голографической модели «Вертикальное зонирование» типа II текстового развития семантики):

АА, ББ, ВВ, ГГ – стимуляторы; ↓ – направление зональной (вертикальной) семантической информации единиц с продуктивной текстовой реализацией

В вертикальной плоскости расширяется семантика исследуемой единицы в следующих направлениях:

- 1) чувство *тоски* появляется в тот момент, когда потерян *интерес* к происходящему, пропадает *желание*, возникает ощущение *скуки* – зона 1;
- 2) *опасность* всегда связана со *страхом*, который может выразиться *воплем*, тогда трудно оставаться *на одном месте* – зона 2.

Следует отметить, что стимулятор *до конца бы досидеть*, участвуя одновременно в организации расширенного семантического пространства двух информационных участков, репрезентирует разное значение: «скучно»

(см. с. 466 *Приложения*) (зона 1) и «тревожное состояние от испуга» (см. с. 466 *Приложения*) (зона 2); при этом частица *БЫ* усиливает признак «ощущение опасности, тревоги».

В каждой зоне в вертикальном направлении в семантике стимуляторов усиливается эмоциональная оценка понятия «театр»: от печали (*тоскливо*) до полного безразличия (*до конца бы досидеть* – зона 1); от угрозы (*опасно*) до ужаса (*издать вопль* – зона 2).

В уровне информационного центра осуществляется моделирование поля голографической единицы на основе базовых значений: «душевная тоска» (зона 1) и «тревожные чувства» (зона 2) (см. с. 467 *Приложения*). Результатом этого процесса является развитие семантики единицы *театр*: «томительная тревога» (см. с. 469 *Приложения*) (рис. 24):

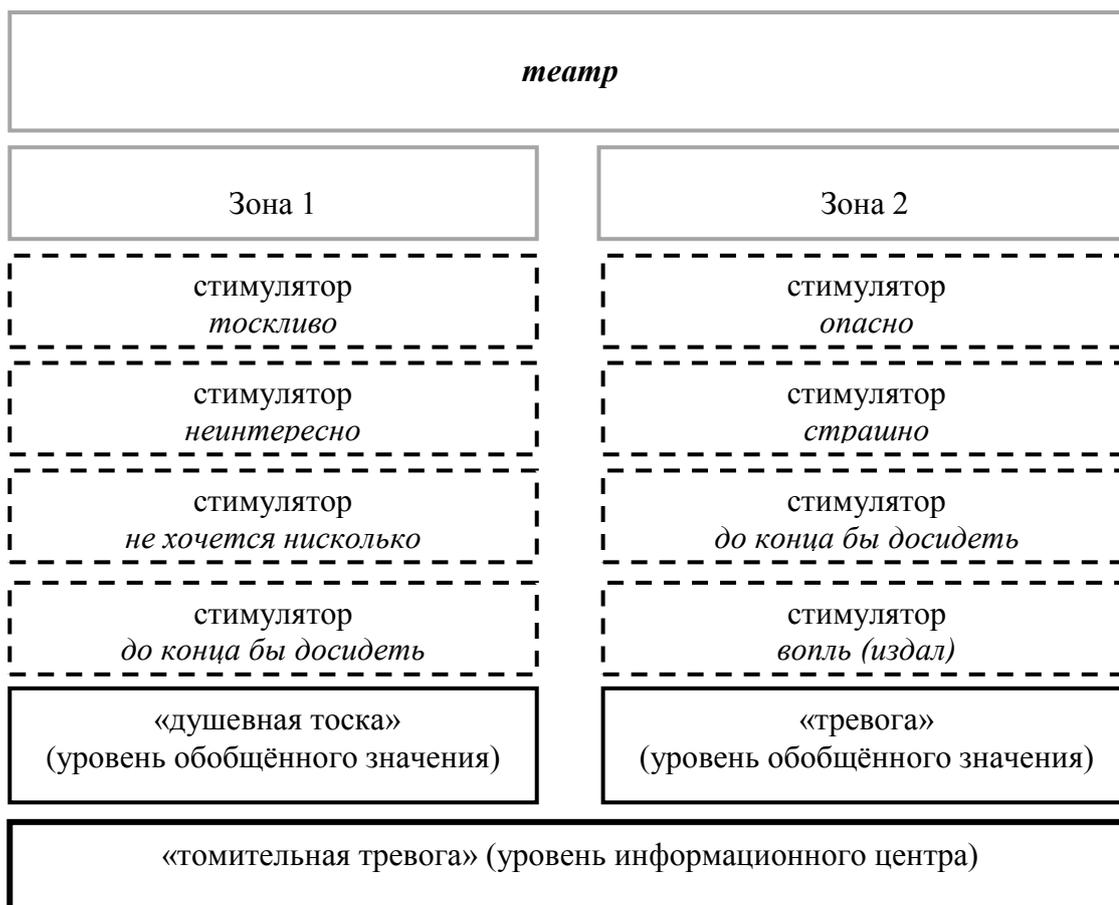

Рис. 24. Модель развития текстовой семантики голографической единицы *театр*. Вид-1 голографической модели «Вертикальное зонирование» типа II текстового развития семантики

*Они шли, словно **патруль**, рука в руку, посреди фестивальной толпы; деловито, квадрат за квадратом, сегмент за сегментом, прочесывали взглядами холл* (В. Аксенов «Скажи изюм»).

В данном тексте семантика общеизвестного слова *патруль* (ср.: «ночной обход или дозор» [Даль, Т. 3, 2003: 25]; «небольшая группа от воинского подразделения, от милиции, от общественной охраны для наблюдения за порядком, за безопасностью в определенном районе» [Лопатин, 2001: 447]) актуализируется стимуляторами *рука в руку, квадрат за квадратом, сегмент за сегментом, посреди фестивальной толпы, прочесывали взглядом холл*, что приводит к формированию его текстового значения. Данный процесс реализуется следующим образом.

Смысловое поле данного текста вертикально зонировано на следующие смысловые участки:

- 1) голографическая единица **патруль** – стимулятор *рука в руку* – стимулятор *квадрат за квадратом* – стимулятор *сегмент за сегментом*;
- 2) голографическая единица **патруль** – стимулятор *посреди фестивальной толпы* – стимулятор *прочесывали взглядом холл*.

В них прослеживается указание на два вида действий, совершающихся одновременно, но направленных на выполнение разных функций. Ср.:

- 1) через стимуляторы *идут рука в руку, квадрат за квадратом, сегмент за сегментом* – репрезентируется признак «сплоченности; некоего единства» стимулятор (см. с. 465 *Приложения*) (зона 1);
- 2) через стимуляторы *идут посреди фестивальной толпы и прочесывали взглядом холл* – репрезентируется признак «разъединения; разрушения» (см. с. 465 *Приложения*) (зона 2).

В зоне 1 формируется значение: «внутренняя и внешняя объединяющая и довлеющая сила людей, несущих дозор»; «каменная глыба, твердыня»; в зоне 2 актуализируется семантика: «крушение, моральное подавление». При этом наблюдается следующая закономерность в развитии содержания

голографической единицы: чем интенсивнее протекает процесс объединения людей (зона 1), тем активнее совершается действие, связанное с разрушением общества (зона 2). На данной основе формируется система базовых значений голографической единицы *патруль* в уровне обобщенного значения:

зона 1 – «двигаются, тесно сомкнув ряды, создавая ощущение монолитности, непробиваемости» (базовое значение 1); «каменная стена» (базовое значение 2) (см. с. 465 *Приложения*);

зона 2 – «двигаются, разбивая, разрушая все на своем пути» (базовое значение 3) (см. с. 465 *Приложения*).

В уровне информационного центра организуется текстовое значение голографической единицы *патруль*: «тоталитарная, разрушающая сила» (рис. 25) (см. с. 467 *Приложения*):

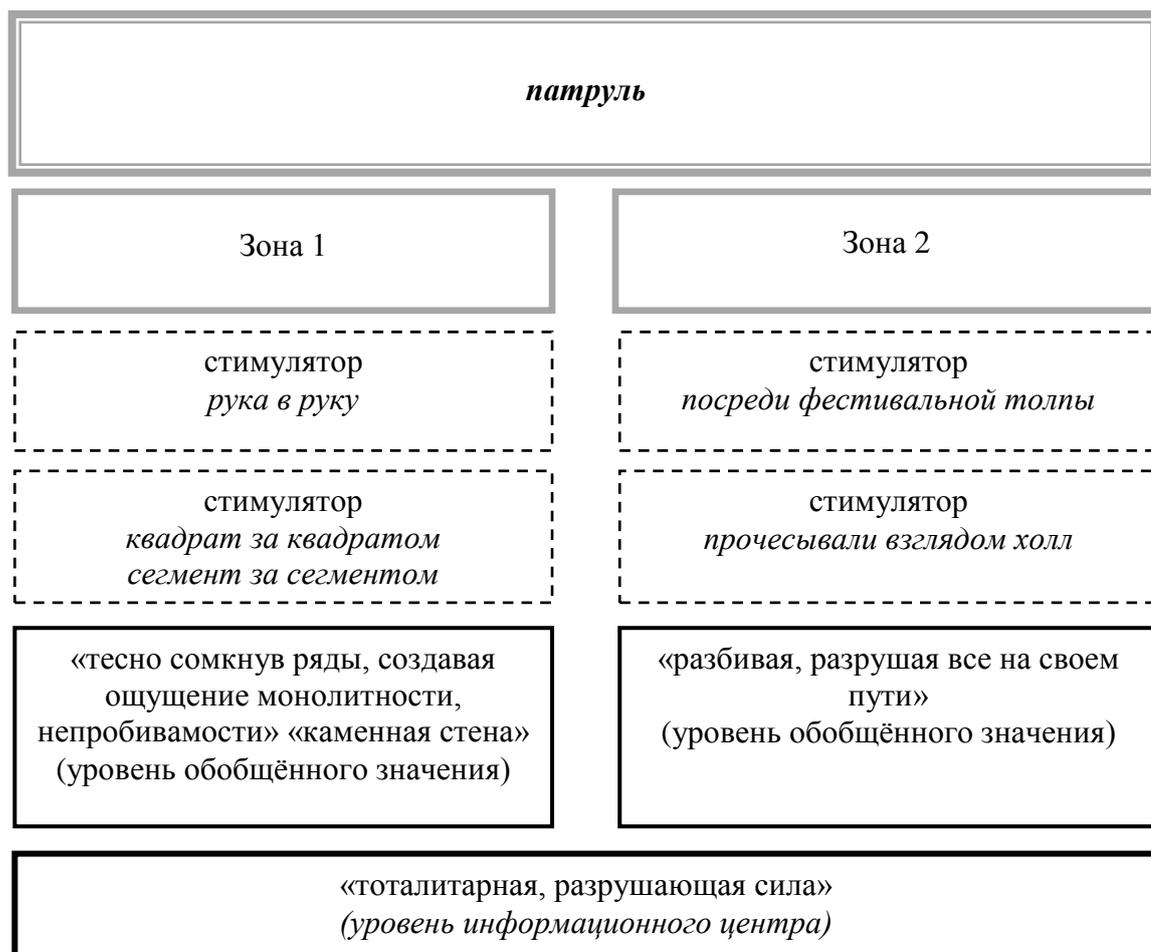

Рис. 25. Модель развития текстовой семантики голографической единицы *патруль*.

Вид-1 голографической модели «Вертикальное зонирование» типа II

Я был как исключение перетянут ремнем и в истерике требовал телогрейку и кирзовые сапоги, как все. И добился сапог и дешевого типового полупальто из магазина, и жизнь стало бы легче.

Стало бы, но дразнили и били за мешковатость и неуклюжесть на физкультуре. И я притащил с помойки кусок водопроводной трубы, и вбил в косяк два самых больших гвоздя, и сделал турник, и подтягивался и кувыркался. И заводил свой будильник на раньше всех, и бегал вокруг территории. И из командировки в округ отец привез мне гантели. И в спортгородке научил прыгать через коня, что со стороны казалось сказочным полетом. И жизнь наладилась бы.

Наладилась бы, если я двум-трем в классе набил морду. А у меня не получалось. Я не мог понять... И я рискнул пожаловаться отцу на трудности, и услышал спокойное: «Ну дал бы ему». Я бы дал, да не давалось (М. Веллер «Моё дело»).

В приведённом примере процесс развития единиц с актуализируемым значением реализуется в рамках модели «Вертикальное зонирование». Одновременно организуется семантика нескольких голографических единиц, выражающих различные оттенки эмоционально-экспрессивной оценки. При этом развиваются следующие линейные структуры (ряды):

- 1) *и жизнь стало бы легче – стало бы – но;*
- 2) *и жизнь наладилась бы – наладилась бы – но;*
- 3) *ну дал бы ему – я бы дал – но.*

Первые элементы ряда (*и жизнь стало бы легче, и жизнь наладилась бы, ну дал бы ему*) репрезентируют шкалу положительной оценки какого-либо действия, его результата и так далее; вторые (*стало бы – наладилась бы – я бы дал*) – систему нейтрального значения; третьи (*но – но – но*) – выражают отрицательную оценку. Становится очевидным, что данные голографические единицы, обладающие различной эмоционально-экспрессивной характеристикой, при взаимодействии друг с другом, а также

со стимуляторами определяют следующее информационное направление в развитии текстового значения.

Признак условности, репрезентирующийся начальными элементами ряда, перерождается в реальный факт, так как все предпосылки, при которых могло бы совершиться какое-либо действие, уже реализованы (ср. стимуляторы *добился сапог и дешевого типового полупальто из магазина, подтягивался и кувыркался, бегал вокруг территории* и т.п.). При этом отрицательная оценка сохраняется и даже усиливается (ср. стимуляторы *но дразнили и били, но не получалось, я не мог понять* и т.п.). В связи с этим можно заключить, что во внутрисистемных отношениях данных элементов ряда, актуализирующих семантику единиц линейной структуры, вектор расширения их информационного пространства направлен в сторону голографических единиц с нейтральной эмоциональной оценкой (*стало бы – наладилась бы – я бы дал*).

Смысловое поле текста зонировано вертикально в трёх направлениях:

зона 1 – причинно-констатирующая (союз **И** подчеркивает установленный факт – *и жить стало бы легче, и жизнь наладилась бы, ну (в значении **И**) дал бы ему*);

зона 2 – условно-возможная;

зона 3 – отрицающая.

Данные информационные участки многокомпонентны, поэтому при первоначальном анализе их целесообразно рассматривать отдельно. Схематически данный процесс можно представить следующим образом (рис. 26).

В зоне 1 устанавливаются причинные отношения. Ср.: *и жить стало бы легче* (голографическая единица), потому что *добился сапог и дешевого типового полупальто из магазина* (стимулятор); *и жизнь наладилась бы* (голографическая единица), потому что *подтягивался и кувыркался, бегал вокруг территории* и т.п. (стимулятор).

Голографическая единица <i>и жить стало бы легче</i>	Голографическая единица <i>стало бы</i>	Голографическая единица <i>но</i>
Зона 1	Зона 2	Зона 3
стимулятор <i>добился сапог и дешевого типового полупальто из магазина</i>	стимулятор <i>стало</i>	стимулятор <i>но</i>
Голографическая единица <i>и жизнь наладилась бы</i>	Голографическая единица <i>наладилась бы</i>	Голографическая единица <i>но</i>
Зона 1	Зона 2	Зона 3
стимулятор <i>и подтягивался и кувыркался</i>	стимулятор <i>наладилось</i>	стимулятор <i>если набил морду</i>
стимулятор и заводил <i>свой будильник на раньше всех, стимулятор и бегал вокруг территории</i>	стимулятор <i>наладилось</i>	стимулятор <i>у меня не получалось</i>
стимулятор и отец <i>привез мне гантели стимулятор и научил прыгать через коня, что со стороны казалось сказочным полетом</i>	стимулятор <i>наладилось</i>	стимулятор <i>я не мог понять</i>
Голографическая единица <i>ну дал бы ему</i>	Голографическая единица <i>я бы дал</i>	Голографическая единица <i>но</i>
Зона 1	Зона 2	Зона 3
стимулятор я <i>бы дал</i>	стимулятор <i>я дал</i>	стимулятор <i>да не давалось</i>

Рис. 26. Модель зонирования смыслового поля текста М. Веллера

В зоне 3 возникают противительные отношения. Ср.: *но дразнили и били за мешковатость и неуклюжесть на физкультуре* (стимулятор), *но у меня не получалось* и т.д. (стимулятор). Так моделируется новый комплекс иных ситуаций, который препятствует реализации значения, формирующегося в зоне 2:

– ребенок выделялся из коллектива детской одеждой (стимулятор *я был как исключение*), исправил ситуацию (стимулятор *добился сапог и дешевого типового полупальто из магазина*), положение не изменилось (стимулятор *жить легче все равно не стало*): нашлась другая причина (стимулятор *дразнили и били за мешковатость и неуклюжесть на физкультуре*);

– ребенок физически был слаб (стимулятор *дразнили и били за мешковатость и неуклюжесть на физкультуре*), ситуация исправлена (стимуляторы *и подтягивался, и кувыркался; и заводил свой будильник на раньше всех, и бегал вокруг территории; и отец привез мне гантели и научил прыгать через коня, что со стороны казалось сказочным полетом*), однако улучшений в жизни не наступило (стимулятор *жизнь не наладилась*): окрепнув физически, мальчик психологически не готов применить силу (стимулятор *у меня не получалось; я не мог понять*). Возникает ситуация «замкнутого круга»: одна причина устраняется, другая – появляется.

В зоне 2 актуализируется нейтральное по характеру значение исследуемой голографической единицы.

Сопоставление выявленных информационных участков и их лексических соответствий в уровне обобщённого значения позволяет заключить, что семантика текстовых единиц, организующих причинно-констатирующую и отрицающую зоны, направляется в условно-возможную, то есть определяются, во-первых, условия, которые в действительности должны способствовать реализации какого-либо действия, и, во-вторых, действия, которые происходят, отрицают известный факт (ср.

голографическая единица *и жить стало бы легче*, потому что добился определенных вещей; но обижали по-прежнему; *и жизнь наладилась бы*, потому что совершаются различные поступки, но именно они не решают проблему).

Актуализированная семантика текстовых единиц трёх зон, пересекаясь в *уровне информационного центра*, трансформирует значение голографической единицы следующим образом: «несправедливость».

Развитие семантики голографической единицы в сложной форме модели «*Смешанное зонирование*» реализуется в двух направлениях: горизонтальном (горизонтальное зонирование) и вертикальном (вертикальное зонирование). Моделирование поля исследуемой единицы одновременно связано с несколькими процессами, развивающимися в разных каркасных структурах смыслового поля текста. При этом границы семантической области значительно расширяются, дополняются новыми компонентами.

Становится очевидным, что непосредственно смысловое пространство текста, частично или полностью совпадающее по объему с полем голографической единицы, моделирует свой смысловой каркас и является потенциальным инициатором актуализации значения своих единиц. Так, развитие семантики в рамках модели «*Смешанное зонирование*» объединяет в данном процессе две разноплановые структуры: информационное поле голографической единицы и смысловые каркасные элементы текста. Данная ситуация объясняется следующими факторами. Ключевые слова, организующие смысловое пространство текста, в процессе развития голографической единицы выполняют функцию стимуляторов. На основе их ресурсов организуется также информационное поле. Таким образом, устройство голографической единицы оказывается вовлеченным в процесс развития текста. Оно отражает («повторяет» структурно) смысловое поле

текста; разделяется внутри ядерной и периферийных частей на ярусы и уровни (или зоны, как в смысловом поле текста).

Горизонтальное направление структурирования в рамках модели «Смешанное зонирование» осуществляется в ярусах ядерной части поля. В качестве голографической единицы может выступать как единичная лексема, так и многокомпонентная конструкция.

При структурировании в горизонтальном направлении ярусы разбивают зоны на более мелкие элементы, при этом развивающиеся значения текстовых единиц детализируются – появляется возможность их более активного взаимодействия в информационном поле. Вследствие этого процесс актуализации семантики в рамках данной модели проходит более динамично.

Внутри яруса между текстовыми единицами разных смысловых участков, так называемых зон, возникают оппозиционные, сопоставительные, причинно-следственные отношения, формируются системы эмоционально-экспрессивных характеристик.

В каждой зоне на определенном ярусе осуществляется пересечение горизонтальной и вертикальной информации, которая впоследствии синтезируется в *уровне обобщённого значения* каждого участка текста, где отмечается развитие семантики в виде системы базовых значений голографической единицы. Очевидно, это связано с тем фактом, что текстовое пространство, реализуемое в двух направлениях (горизонтальной и вертикальной), оказывается полностью вовлеченным в этот процесс.

В *уровне информационного центра* завершается моделирование многокомпонентной информации, результатом которого является организация значения определенной текстовой единицы. Голографическая модель «Смешанное зонирование» типа II текстового развития семантики выглядит следующим образом (рис. 27):

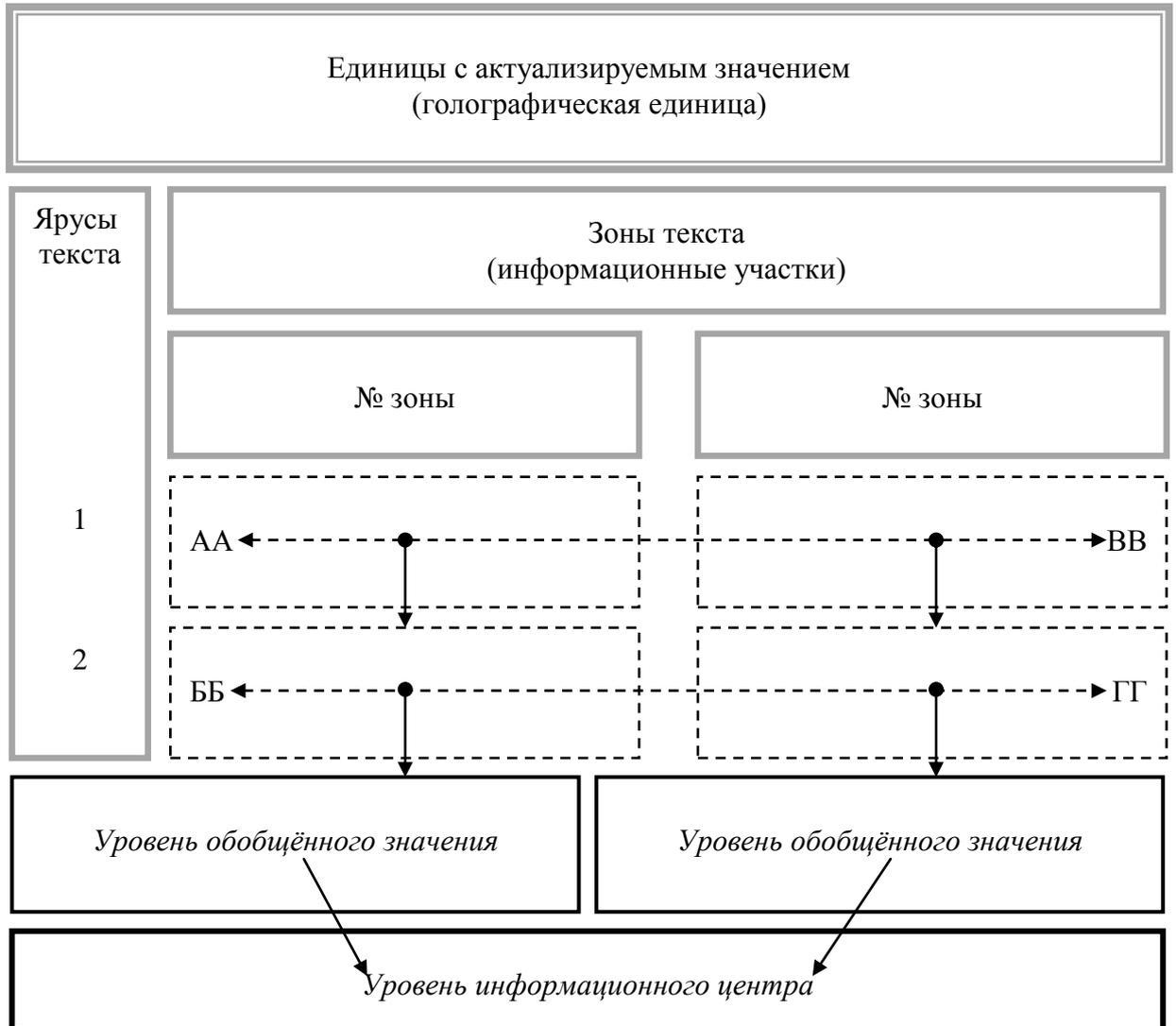

Рис. 27. Вид-1 «Смешанное зонирование» голографической модели «Зонирование структуры текста» типа II текстового развития семантики:

AA, BB, BB, GG – стимуляторы; ↓ – зональное (вертикальное) направление семантической информации текстовых единиц; ← - - → – ярусное (горизонтальное) направление семантической информации текстовых единиц; ● – место пересечения зональной и ярусной информации одной текстовой единицы

↘ – направление обобщённой зональной и ярусной семантики

Данная модель может быть проиллюстрирована следующим описанием:

До тридцати лет шляться по миру, пробовать все работы и менять все, что можно менять в жизни, хлеба приключений; *а в тридцать* осесть

в тихом городе и писать. Это в советских условиях было весьма трудно. Интуитивно я знал, что так и проживу (М. Веллер «Моё дело»).

Развитие значения голографических единиц *до тридцати лет* и *в тридцать (лет)* осуществляется через зонирование смыслового поля текста в вертикальном и горизонтальном направлениях. Горизонтальное зонирование имеет сложную линейную структуру, каждый ярус которой построен на противопоставлении:

ярус-1 – стимулятор *шляться* – стимулятор *осесть* – стимулятор *по миру* – стимулятор *в тихом городе*;

ярус-2 – стимулятор *пробовать все работы* – стимулятор (только) *писать*;

ярус-3 – стимулятор *менять все, что можно менять в жизни, хлебая приключений* – стимулятор *весьма трудно*.

В ярусе-1 возникает система лексических оппозиций:

1) *шляться* (см. *шляться* – «ходить, бродить где-либо взад и вперед, с места на место; слоняться, шататься» [ССРЛЯ, Т. 17, 1965: 1486]) – *осесть* (см. *осесть* – «поселиться на постоянное жительство» [Ожегов, 1988: 371]; «поселяться на постоянном месте, оставаться где-либо на постоянное жительство» [ССРЛЯ, Т. 8, 1959: 1082]); то есть «праздно шататься без дела» (стимулятор *шляться*) – «жить где-то длительное время, привыкнув к месту» (стимулятор *осесть*) (см. с. 456 *Приложения*);

2) *по миру* (см. *мир* – «Земной шар, Земля» [Ожегов, 1988: 286; ССРЛЯ, Т. 6, 1957: 1033]) – *в тихом городе* (см. *тихий* – «спокойный, неживленный» [Ожегов, 1988: 652]; «безмятежный, спокойный, без тревог, потрясений» [ССРЛЯ, Т. 15, 1963: 486]), то есть «безграничное пространство»; «буйство красок» (стимулятор *по миру*) – «крошечная территория»; «уютная монотонность» (стимулятор *в тихом городе*) (см. с. 456 *Приложения*).

В семантике голографической единицы *до тридцати лет* через стимулятор *шляться по миру* актуализируется семантика «праздно шататься без дела по земному пространству» (см. с. 456 *Приложения*); в значении голографической единицы *в тридцать (лет)* через стимулятор *осесть в тихом городе* – «жить где-то длительное время, привыкнув к месту» (см. с. 456 *Приложения*).

В *ярус-2* противительные отношения репрезентируются следующим образом:

1) пробовать *все работы* (см. *пробовать* – «пытаться, стараться что-либо сделать» [Ожегов 1988: 491]; «пытаться что-либо делать» [ССРЛЯ, Т. 11, 1961: 932]) – (только) *писать* (см. *писать* – «создавать, сочинять литературное, научное и т.п. произведение» [ССРЛЯ, Т. 9, 1959: 1229]).

В семантике голографической единицы *до тридцати лет* через стимулятор *пробовать все работы* актуализируется следующее содержание: «многократные попытки заняться чем-либо, какой-нибудь деятельностью» (см. с. 456 *Приложения*); «полифункциональность деятельности»; в семантике голографической единицы *в тридцать (лет)* через стимулятор (только) *писать* – «выбрать один вид или род деятельности»; «монофункциональность деятельности» (см. с. 457 *Приложения*).

Ярус-3 организует собственное пространство, опираясь на следующие стимуляторы: *приключения* («неожиданный случай, происшествие» [ССРЛЯ, Т. 11, 1961: 529]; «происшествие; неожиданный случай» [Ожегов, 1988: 481]) – *весьма трудно* (трудности) (см. *весьма* – «очень, чрезвычайно, крайне» [ССРЛЯ, Т. 2, 1959: 239]; «то же, что и очень» [Ожегов, 1988: 64]; «очень, крайне, сильно, больно, крепко, более чем очень» [Даль, Т. 1, 2003: 187–188]; см. *трудно* – «с затруднениями, препятствиями; затруднительно» [ССРЛЯ, Т. 15, 1963: 1044]; см. *трудный* – «закрывающий в себе затруднения, нелегкий» [Ожегов, 1988: 664]).

В содержании голографической единицы *до тридцати лет* через стимулятор *приключения* актуализируется семантика: «легкость, увлекательность, романтика»; в семантике голографической единицы *в тридцать (лет)* через стимулятор *весьма трудно* (трудности) – «удрученность, отягощенность, суровая реальность» (см. с. 457 *Приложения*).

В горизонтальной плоскости информационного поля исследуемых голографических единиц развивается следующая семантика: «поиск жизненного пути». Речь уже идет не о возрастном соответствии или периодизации.

В вертикальном направлении зонирования смысловое пространство текста разбивает на два информационных участка:

зона 1 – стимуляторы *шляться по миру, пробовать все работы, менять все, что можно менять в жизни, хлебая приключений*;

зона 2 – стимуляторы *осесть в тихом городе, писать, в советских условиях было весьма трудно*. Актуализируется значение: «беспечное отношение к жизни в условиях советской обыденности, действительности».

В уровне обобщённого значения моделируется лексическая система оппозиционных отношений в виде базовых значений голографических единиц: *до тридцати лет* – «жизнь, свободная от всех условностей» (зона 1 базовое значение 1) при участии стимуляторов *шляться* и *хлепать*; *в тридцать (лет)* – «жизнь обывателя» (зона 2 базовое значение 2) (см. с. 455–456 *Приложения*).

В уровне информационного центра пересекаются два вида информации в горизонтальном и вертикальном направлении: в жизни человека переплетается мечта и реальность – свободными хотят быть все люди; этавозможность реализуется в юности, а действительность далека от фантазий и требует другого жизненного уклада, который формируется в пору зрелости. Это судьба, которую не выбирают, но чувствуют, что именно

этот путь определит всю дальнейшую жизнь (через стимулятор *интуитивно я знал, что так и проживу*).

Таким образом, семантика голографических единиц *до тридцати лет* и *в тридцать (лет)* развивается рамках модели «Смешанное зонирование»: «образ жизни творческого человека; жизненное кредо художника» (см. с. 459 *Приложения*) (рис. 28). При этом их информационный объём расширяется до границ целого текста.

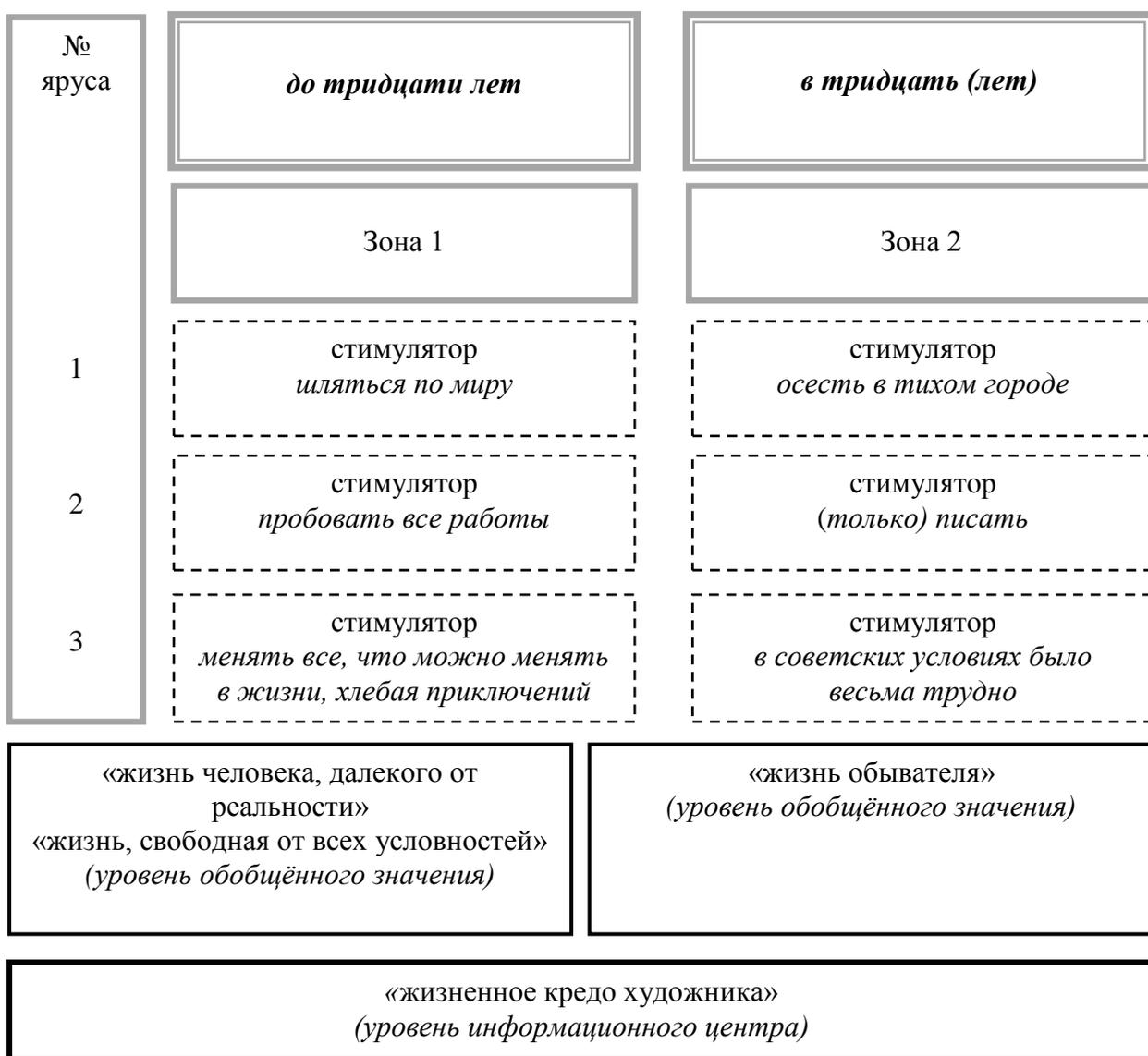

Рис. 28. Модель развития семантики голографических единиц *до тридцати лет* и *в тридцать (лет)*. Вид-1 «Смешанное зонирование» голографической модели

«Зонирование структуры текста» типа II

Как говорит благодарно-виновно старый лагерник Д. С. Л-в: если я сегодня жив – значит, вместо меня кого-то расстреляли в ту ночь по списку; если я сегодня жив – значит, кто-то вместо меня задохнулся в нижнем трюме; если я сегодня жив – значит, мне достались те лишние двести граммов хлеба, которых не хватило умершему (А. И. Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ»).

Части сложной авторской конструкции **благодарно-виновно** семантически выражают равноправные между собой признаки в отношении эмоциональной стороны жизни. Человек одновременно испытывает и благодарность, и вину за что-либо. Ср.: **благодарно** – см. благодарный: «чувствующий признательность за оказанное ему добро, помощь, внимание и т.п., готовый ответить услугой или чувством за добро» [ССРЛЯ, Т. 1, 1950: 476]; «чувствующий или выражающий благодарность» [Ожегов, 1988: 43]; «признательный, чувствующий и изъявляющий благодарность; признающий оказанные ему услуги, добро» [Даль, Т. 1, 2003: 92]; **виновно** – см. **виновный**: «совершивший преступление или проступок» [ССРЛЯ, Т. 2, 1950: 376]; «такой, на котором лежит вина» [Ожегов, 1988: 69]; «провинный, провинившийся, сделавший какой-либо проступок; погрешивший в чем-то» [Даль, Т. 1, 2003: 205]; то есть **благодарно-виновно** «одновременно ощущающий чувства вины и благодарности за что-либо» (см. с. 452 *Приложения*). В тексте при актуализации исследуемой голографической единицы **благодарно-виновно** данное значение расширяется в рамках модели «Смешанное зонирование». Этот процесс реализуется следующим образом.

При актуализации семантики голографической единицы **благодарно-виновно** смысловое поле текста разбивается в вертикальной плоскости на две зоны, каждая из которых информационно точно определяет границы благодарности (зона 1) и вины человека (зона 2):

зона 1 – стимулятор *если я сегодня жив* – стимулятор *если я сегодня жив* – стимулятор *если я сегодня жив* (то есть «в данный момент я

существом на земле») – рефреном повторяющаяся конструкция, напоминающая слова когда-то заученной благодарственной молитвы. Кроме того, данное информационное направление поддерживается ассоциативным значением, организованным стимулятором, а именно: «молитва; слова молитвы; заклинание».

В уровне обобщённого значения зоны 1 на основе значения стимулятора *если я жив сегодня* формируется признак «наивысшая эмоциональная напряженность». Репрезентируется базовое значение 1 голографической единицы **благодарно-виновно**: «бесконечно признателен за сохраненную жизнь» (см. с. 452 *Приложения*);

зона 2 – стимулятор *вместо меня кого-то расстреляли в ту ночь по стиску* («по решению высшей инстанции другие люди погибли в эту ночь») – стимулятор *значит, кто-то вместо меня задохнулся в нижнем трюме* («заключенный умер во внутреннем помещении корабля от невозможности дышать») – стимулятор *значит, мне достались те лишние двести граммов хлеба, которых не хватило умершему* («съел лишнюю порцию хлеба, которая осталась от умершего товарища») (см. с. 452–453 *Приложения*).

Повторяющийся элемент *вместо меня кто-то* в информационно-эмоциональном плане активизирует семантику виновности (ср. я занял не свое место; место незнакомого мне человека, принявшего чужую смерть – мою); в качестве второго повторяющегося компонента выступает вводное слово *значит*, которое участвует в констатации установленного автором факта в тексте.

В уровне обобщённого значения зоны 2 происходит ступенчатое наращение семантики голографической единицы **благодарно-виновно** (ср.: во всех трагических событиях виноват я): «бесконечно виновен в смерти других людей, сохранивших мою жизнь».

При горизонтальном направлении зонирования между стимуляторами, актуализирующими значение единицы *благодарно-виновно*, возникают условно-временные отношения:

ярус-1 – *если я сегодня жив – значит, вместо меня кого-то расстреляли в ту ночь по списку*; то есть если я сегодня жив, то вчера кого-то расстреляли;

ярус-2 – *если я сегодня жив – значит, кто-то вместо меня задохнулся в нижнем трюме*; то есть если я сегодня жив, то вчера кто-то задохнулся;

ярус-3 – *если я сегодня жив – значит, мне достались те лишние двести граммов хлеба, которых не хватило умершему*; то есть если я сегодня жив, то вчера не хватило умершему хлеба.

Параллельно с данным процессом внутри ярусов развивается и система лексических оппозиций: сегодня (через стимулятор *сегодня*) – вчера (через стимулятор *в ту ночь*) (ярус 1–3); жизнь (через стимулятор *жив*) – смерть (через стимуляторы *расстреляли; задохнулся в нижнем трюме; не хватило умершему*) (ярус 1–3); я (через стимулятор *я*) – не я (через стимулятор *вместо меня*) (ярус 1–2); известный (стимулятор *я*) – неизвестный (через стимулятор *кто-то*) (ярус 3), которая, трансформируясь, развертывается в линейную двухкомпонентную семантическую структуру: *сегодня моя жизнь – вчера чужая смерть*.

В горизонтальном участке зонирования отмечается актуализация семантики, связанной с проблемой нравственного выбора: на весах собственная жизнь и смерть (через стимулятор *я жив из-за смерти другого*). Сделать этот выбор самостоятельно человек не в силах; всю оставшуюся жизнь он будет страдать – за него решил бог.

Стимуляторы вертикальной и горизонтальной зоны смыслового поля текста в *уровне информационного центра* организуют лексическую оппозицию: *бесконечная благодарность за жизнь* («чувство признательности; желание воздать за услугу, благодеяние») – *бесконечная вина за смерть* («проступок; преступление; грех»). Данное направление в семантике голографической единицы *благодарно-виновно* поддерживается

её ассоциативным значением: «признателен тому, перед кем в неоплатном долгу» (см. с. 455 *Приложения*). В результате текстовое значение единицы **благодарно-виновно** имеет следующий вид: «постоянное ощущение болезненного смятения» (см. с. 455 *Приложения*). Подобное чувство появляется в тот момент, когда человек испытывает или выражает в горькое чувство за подаренную или спасенную жизнь, которая была оплачена самой дорогой ценой – жизнью других людей (рис. 29):

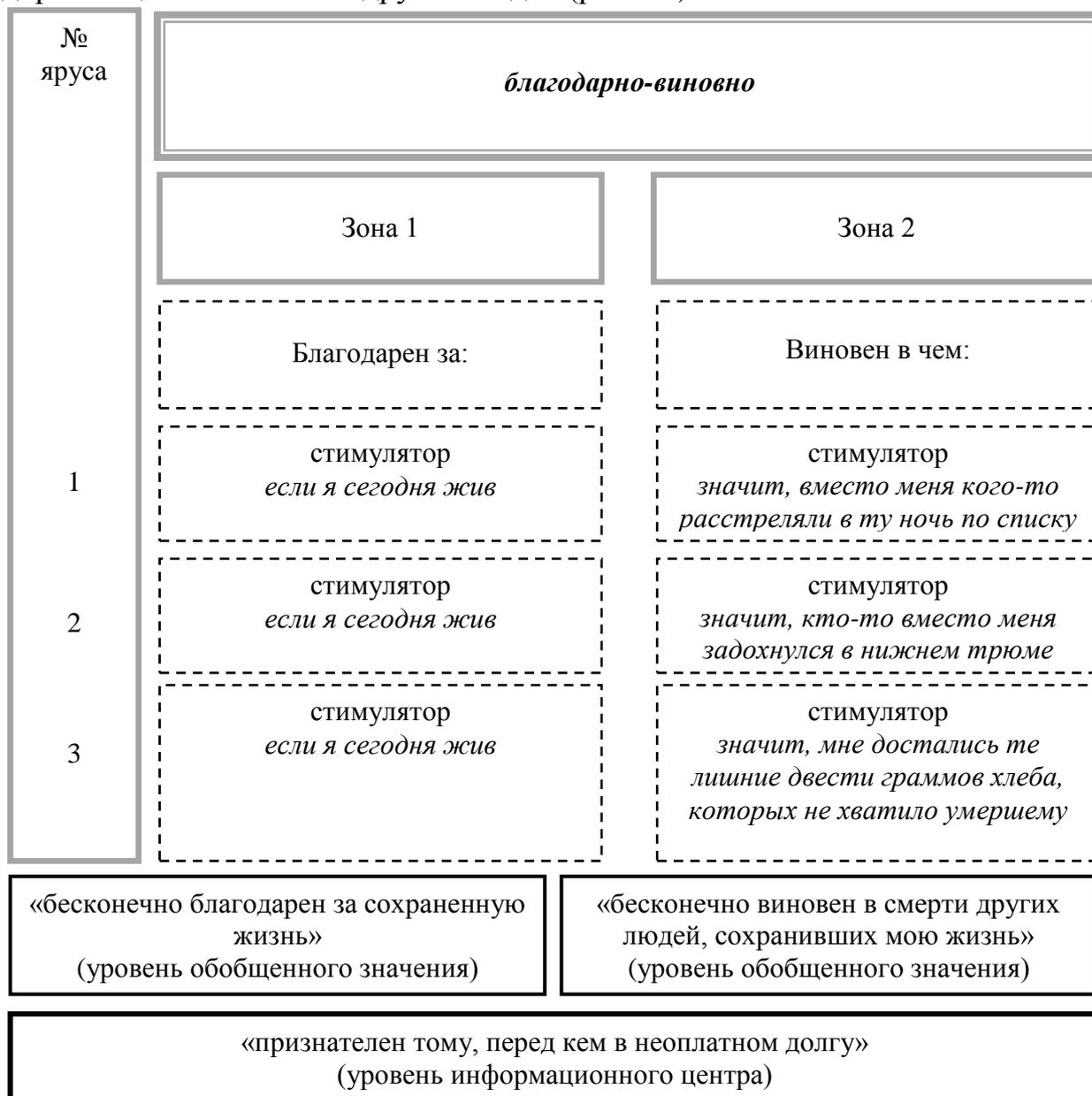

Рис. 29. Модель развития текстовой семантики голографической единицы *благодарно-виновно*. Вид-1 «Смешанное зонирование» голографической модели «Зонирование структуры текста» типа II

Таким образом, голографическая модель «*Зонирование структуры текста*» (вид-1 модели типа II текстового развития семантики) представляет собой продуктивную структуру. В её организации участвуют: смысловое пространство текста, а также информационное поле голографической единицы.

Развитие ресурсов единицы с актуализируемым содержанием осуществляется одновременно в нескольких направлениях. При этом полностью реализуется смысловое пространство текста в виде его уровней и зон, а также внутренняя структура поля голографической единицы в виде ядра и периферии. В этом случае развитие единицы с актуализируемой семантикой будет максимально продуктивным.

3.2. Модель «Ассоциативный текст»

(вид-2 голографической модели организационного типа)

Голографическая модель-2 *организационного типа* семантики «*Ассоциативный текст*» предполагает развитие нового содержания слова при участии всех единиц с продуктивной текстовой реализацией. Подобное взаимовлияние может осуществляться благодаря тому, что в каждом слове, выступающем в качестве текстовой единицы, изначально сосредоточено синонимичное или понятийно близкое по своему характеру значение, поддерживающееся в сознании коммуникантов на уровне развития ассоциативных аналогий. Вступая в отношения, данные единицы раскрывают, дополняют, конкретизируют или моделируют новую семантику определенного слова. В этом случае целое предложение или текст трансформируется в слово, которое обладает информацией целого текста.

В отличие от моделей, которые предполагают наличие центра и периферии поля голографической единицы (модели «Сфера», «Информационная петля» и др.), зон и уровней текста (модель «Зонирование структуры текста»), в рамках модели «Ассоциативный текст» процесс актуализации семантики реализуется за счёт сегментов пересечения ассоциативно близких информационных участков в значениях всех единиц смыслового поля конкретного текста (*первый этап*), а также на основе сегментов перехода от одного компонента поля к другому (*второй этап*). Содержание, организованное таким образом, носит несколько обобщённый характер и имеет строго текстовую обусловленность.

На первом этапе развития модели «Ассоциативный текст» организуется система общих аналогий; то есть реакций, провоцирующих развитие ассоциативных значений стимуляторов, которые характеризуются большей степенью смысловой спаянности. На втором этапе возможности данных аналогий значительно расширяются. Именно на этой основе в смысловом поле текста формируется *альтернативный текст*, имеющий ассоциативную природу. Он представляет собой концентрированное предложение-текст, состоящее из ассоциативных доминант конкретного текста. В свою очередь, под *ассоциативными доминантами текста* понимаем совокупность различных видов ассоциативных значений стимуляторов. Они обладают высокой информационной нагрузкой.

В качестве слова, значение которого развивается в тексте, может выступать как общеупотребительная, так и авторская конструкция. Следующие примеры квалифицируются как случаи формирования семантики текстовой единицы в рамках голографической модели *организационного типа* «Ассоциативный текст».

Никакой литературно-журнально-публицистической подённости я не зарабатывал ни копейки. Это была фальшь, продажа себя, размен на

пятаки, снижение планки, замусоливание слуха, порча рук. Презренье! (М. Веллер «Моё дело»).

Первоначально в тексте семантика авторской конструкции **литературно-журнально-публицистическая подёщица** актуализируется и расширяется за счет системы ее лексико-семантических ресурсов:

1) ср.: **подёщица** – «работа или промысел поденщика, взятый посуточно, а не на отряд» [Даль, Т. 3, 2003: 172]; «подённая работа» [Ожегов, 1988: 433]; то есть репрезентируется значение «вид заработка» (см. с. 470 *Приложения*);

2) ср.: **литературно-журнально-публицистический** – «определяющий функциональную (или жанровую) структуру произведения» (см. с. 470 *Приложения*).

На базе системы собственных ресурсов у единицы **литературно-журнально-публицистическая подёщица** формируется следующая текстовая семантика: «оплачиваемая творческая писательская работа, имеющая случайный характер». Стимуляторы кардинально изменяют ее на основе развития собственных ресурсов. Данный процесс реализуется через моделирование. При этом стимуляторы развивают в структуре значения компонентов голографической единицы –**литературно-журнально-публицистическая** различную по степени эмоционально-экспрессивную оценку. С одной стороны, актуализируется положительно окрашенная семантика: судьба человека, занимающегося различного рода литературной деятельностью, не должна быть связана с достижением материального достатка. Его цель – духовное, нравственное обогащение общества. Актуализируется значение: «истинно благой, глубоко нравственный».

С другой стороны, развивается отрицательная по характеру семантика компонента голографической единицы –**подёщица** в процессе его взаимодействия со следующими стимуляторами: *подёщица* – *фальшь* (то есть «преднамеренный обман, подделка оригинала»); *поденщица* – *продажа*

себя; то есть «добровольное духовное рабство»; *подёница* – *размен на пятаки*; то есть «осознанная замена важных личных замыслов на более мелкие в духовном и нравственном плане»; *подёница* – *снижение планки, замусоливание слуха*; то есть «переход на более низкий, потребительский уровень, например, в творчестве»; *подёница* – *порча рук*; то есть «дурное, плохое занятие, оскверняющее самого деятеля»; *подёница* – *презренье*; то есть «чувство пренебрежения, возникающее в отношении производителя действия или его работы» (см. с. 470–471 *Приложения*). Становится очевидным, что в этом случае актуализируется следующее значение компонента –*подёница*: «унижающее человека занятие или род деятельности».

Проанализированные выше факты позволяют сделать вывод о том, что при участии стимуляторов в внутрислоевом пространстве голографической единицы *литературно-журнально-публицистическая подёница* возникают оппозиционные отношения: истинно благой, глубоко нравственный – унижающее человека занятие или род деятельности. Снять данное противоречие и смоделировать расширенное в условиях текста значение невозможно без привлечения ассоциативных возможностей всех его единиц, тем более что смысловое поле текста тоже построено на противоречии: художник-творец – подёница. М. Веллер сам называет подобный труд столь непристойно, отмечая, что «*никакой литературно-журнально-публицистической подёницей я не зарабатывал ни копейки*». Художник-творец создаёт свои произведения на годы, века; работа подёщика исчисляется днем. Литературный труд как вид искусства не может быть ориентирован на однократную востребованность. Его предназначение заключается в духовном развитии человека на протяжении всей его жизни. Творец не должен быть подёщиком в искусстве.

Процесс текстового развития голографической единицы *литературно-журнально-публицистическая подёница* в рамках модели «Ассоциативный текст» осуществляется в несколько этапов.

На начальном этапе активизируются семантика каждого стимулятора в результате чего формируется базовое значение голографической единицы *литературно-журнально-публицистическая подёница* – это «недостойный в материальном плане для профессионального литератора вид творческого заработка» (текстовое значение – 1 стимулятора через стимулятор *не зарабатывал ни копейки*); это «подделка, обман читателя» (текстовое значение – 2 стимулятора *фальшь*); это «отказ от собственной авторской позиции в угоду кому-то, унижение собственного "я"» (текстовое значение – 3 стимулятора *продажа себя*): это «утрата своего творческого потенциала по пустякам» (текстовое значение – 4 стимулятора *размен на пятаки*); это «потеря профессиональных качеств» (текстовое значение – 5 стимулятора *снижение планки*); это «постепенная утрата остроты слова, свойственной для писателя» (текстовое значение – 6 стимулятора *замусоливание слуха*); это «непристойное, непотребное занятие» (текстовое значение – 7 стимулятора *порча рук*); это «недостойный внимания и уважения читателя писательский труд» (текстовое значение – 8 стимулятора *презренье!*); то есть «недостойная, непристойная по каким-то причинам творческая работа для художника-творца».

В смысловом поле исследуемого текста устанавливается ассоциативная связь между общеизвестным словом *литературица* и голографической единицей, повторяющей его словообразовательную модель (ср.: *литературица* – «дурной художественный вкус, выражающийся в вычурности стиля, отсутствии простоты в языке, в изложении» [Ожегов, 1988: 263]. Ассоциации возникают на основе внутрисловных реакций в опоре на морфемные компоненты слов через опознание словообразовательной модели. Сохраняется значение «отрицательно оцениваемое свойство»,

репрезентантом которого является суффикс *-щин(а)*. Данная морфема достигает наибольшей экспрессивной силы и продуктивности в отвлеченных существительных, которые называют характерные для определенной эпохи общественно-бытовые явления, идейные течения с отрицательной окраской (ср. уголовщина, обломовщина и пр.). Как отмечал В. В. Виноградов, «соответствующие слова производятся очень часто от имен лиц, деятельность которых служит характерным признаком эпохи, режима, общественных явлений, идейных направлений или выражает их сущность» [Виноградов, 1986: 122]. На данной основе семантика голографической единицы *подёщица* расширяется следующим образом: «труд без любви к делу, без знания; недостойное занятие».

На втором этапе развития модели «*Ассоциативный текст*» система ассоциативных аналогий, вызванных взаимодействием стимуляторов (они выделены курсивом), организует *альтернативный текст*, в границах которого завершается процесс развития исследуемой голографической единицы (в скобках указаны номера реализованных в смысловом поле значений, которые вызвали данную ассоциацию):

Литературно-журнально-публицистическая ***подёщица*** представляет собой *недостойную, непристойную по каким-то причинам творческую работу для художника, потому что это случайный заработок [1], халтура в виде литературного произведения [2], созданная в угоду власти [3], отражающая ее идеологические интересы [4] и не приносящая внутреннего удовлетворения ее автору [5; 6; 7; 8]*. На базе данного *альтернативного текста* формируется следующее расширенное значение голографической единицы ***литературно-журнально-публицистическая подёщица***: «все виды пропагандистской идеологической литературы в тоталитарном обществе».

Это была неофициальная культура. Внеофициальная. Неподцензурная. Внеидеологическая. По своей охоте. Для людей (М. Веллер «Мое дело»).

В рамках словарной дефиниции значение лексемы **неофициальная культура** определяется как «система незначимых достижений народа, не принимаемая существующей властью; не соблюдающая всех необходимых формальностей». Установленная семантика значительно расширяется, так как в ее развитии (в рамках вида-2 голографической модели *организационного типа «Ассоциативный текст»*) участвуют все единицы, формирующие смысловое поле текста М. Веллера. *На первом этапе* данного процесса активизируются их лексико-семантические ресурсы. На подобной основе развивается базовое значение голографической единицы **неофициальная культура**: это «система ценностей, находящаяся за границей признанного официальной властью, политикой» (текстовое значение – 1 стимулятора *внеофициальная*), «не подлежащая цензуре» (текстовое значение – 2 стимулятора *неподцензурная*), «неподвластная идеологии, официальной идее» (текстовое значение – 3 стимулятора *внеидеологическая. По своей охоте*). «Она для всех и для каждого в отдельности» (текстовое значение – 4 стимулятора *для людей*).

Несколько стимуляторов в своем составе имеют префикс с отрицательным значением (*внеофициальная; неподцензурная; внеидеологическая*). Поскольку они формируют значение голографической единицы; то, возможно, подобная семантика может реализоваться в её полевым пространстве. Однако это противоречие снимается при участии стимулятора *для людей*: «для каждого человека; для каждого из нас». Происходит подмена понятия, которая устраняется в смысловом поле тексте в процессе развития значения единицы **неофициальная культура** в рамках голографической модели *«Ассоциативный текст»* следующим образом:

неофициальная культура в данных условиях является официальной для народа, почитаема им.

Данное семантическое направление поддерживается системой ассоциативных аналогий, вызванных взаимодействием стимуляторов (они выделены курсивом) на *втором этапе* организации модели «*Ассоциативный текст*». На этой основе формируется *альтернативный текст*, в границах которого завершается процесс развития голографической единицы **неофициальная культура** (в скобках указаны номера реализованных в смысловом поле значений, которые вызвали данную ассоциацию):

В стране с тоталитарным режимом в сознании *свободного человека* формируется *другая культура* [1], которая *не зависит от власти* [2], *цензуры и идеологии государства* [3]. Она для всех [4], а не для правящей горстки людей, значит, именно ее следует считать официальной.

В смысловом поле текста формулируется вопрос: для кого тогда официальная культура? В рамках модели «*Ассоциативный текст*» возникают оппозиционные отношения: **официальная культура** – **неофициальная культура**, которые нейтрализуются с помощью стимуляторов. Очевидно, происходит подмена понятия, которая устраняется в тексте при формировании значения единицы **неофициальная культура** в рамках голографической модели *организационного типа* «*Ассоциативный текст*». Неофициальная культура в данных условиях является официальной.

На основе сформировавшегося альтернативного текста организуется следующее значение голографической единицы **неофициальная культура**: «система ценностей, взглядов, оценок общества, отражающая условия конкретного исторического периода и связанная не только с внешней, но и внутренней стороной жизни конкретного общества»; «существующая в сознании людей культура, возникшая на основе христианских традиций и имеющая древние исторические корни; она не признается существующей

тоталитарной властью, потому что не поддерживает её хищнические интересы».

Тем временем мы бьемся друг с другом, отставив собственные взгляды на переустройство страны. Многие из нас падают, захлебываясь в крови и собственной желчи, и тогда наши несчастные родители подбегают к нам, чтобы помочь подняться. А мы отпихиваем их и плюем им в лицо со словами: «Будьте вы прокляты! Самое тупое, что вы могли сделать, – это родить нас! Теперь уже не взывайте! Поколение Франкенштейнов, пожирающее своих создателей» (С. Минаев «ДУХLESS: Повесть о ненастоящем человеке»).

Франкенштейн – вымышленный литературный персонаж, поражающий своим внешним физическим уродством. В тексте с помощью ассоциативного взаимодействия всех его единиц актуализируется значение конструкции **поколение Франкенштейнов** и организуется её базовое значение:

поколение Франкенштейнов – «любой из нас» (текстовое значение – 1 стимулятора *мы*); «непримиримые и жестокие в борьбе за свои интересы» (текстовое значение – 2 стимулятора *бьемся друг с другом, отставив собственные взгляды на переустройство страны*); «нас большинство» (текстовое значение – 3 стимулятора *многие из нас*); «уничтожающие себя духовно и физически» (текстовое значение – 4 стимулятора *падают, захлебываясь в крови и собственной желчи*); «ненавидящие даже близких» (текстовое значение – 5 стимулятора *родители подбегают к нам, чтобы помочь подняться. А мы отпихиваем их*); «оскверняющие и проклинаящие святое» (текстовое значение – 6 стимулятора *плюем им в лицо со словами: «Будьте вы прокляты! Самое тупое, что вы могли сделать, – это родить нас!»*); «угрожающие другим» (текстовое значение – 7 стимулятора *Теперь уже не взывайте! пожирающие своих создателей*).

Система ассоциативных аналогий, вызванных лексико-семантическим взаимодействием стимуляторов (они выделены курсивом), формирует

альтернативный текст, в границах которого завершается процесс развития исследуемой голографической единицы (в скобках указаны номера реализованных в смысловом поле значений, которые вызвали данную ассоциацию):

поколение Франкенштейнов, живущее рядом с нами современное новое поколение, – *наши современники* [1]. Они живут в *ненависти* [2], которая порождает *жестокое отношение к миру* [3], *проклиная его* [4]. Их жизненная программа *направлена на самоуничтожение* [5]. Они *уничтожают себя духовно* [6; 7].

На основе данного *альтернативного текста* организуется следующее значение голографической единицы *поколение Франкенштейнов*: «грешники по нормам христианской морали»; «нелюди или недочеловеки, которые только по внешнему облику напоминают людей, но не являются таковыми по внутреннему содержанию».

На базе вида-2 голографической модели *организационного типа «Ассоциативный текст»* семантика индивидуально-авторской конструкции *смехолай* развивается следующим образом:

В метро. Гул. Шлепанье подошв. Брехня. Смех. Лай. Смехолай (В. Аксенов «Ожог»).

В данном случае стимуляторы актуализируют значение сложной авторской конструкции *смехолай* поэтапно, определяя место формирования звука (через стимулятор *в метро*), общую атмосферу, царящую вокруг (через стимулятор *гул*), в котором ухо четко улавливает глухой стук подошв (через стимулятор *шлепанье подошв*), крики ругани (стимулятор *брехня*), хохот (через стимулятор *смех*), еще какие-то непонятные звуки (через стимулятор *лай*, например, хотя в метро животных нет). Все эта полифония звуков определяет содержательную структуру понятия *смехолай*.

Для подтверждения вышесказанного следует обратиться к анализу значений указанных единиц в словарях:

брехня – «вздор, болтовня» [ССРЛЯ, Т. 1, 1950: 627]; «юж. и зап. лаять, гавкать как собака, шуметь, орать, драть горло в брани» [Даль, Т. 1, 2003: 127]; то есть «громкие крики ругани, ссоры» (см. с. 489 *Приложения*);

гул – «длительный отдаленный шум (часто от слияния многих разнородных звуков); гудение» [ССРЛЯ, Т. 3, 1954: 475–476]; «дальний глухой звук, звон, зык, раскатистый шум, стук. Отголосок, отгул, второе эхо» [Даль, Т. 1, 2003: 406]; «не вполне ясный, сливающийся шум» [Лопатин, 2001: 119]; то есть «гудящее, глухое эхо» (см. с. 490 *Приложения*);

лай – «перен. устар. и простореч. о брани, ругани» [ССРЛЯ, Т. 6, 1957: 36]; «дейст. по знач. гл. *лаять* – отрывисто вскрикивать, рывкать по-собачьи, брехать, журить» [Даль, Т. 2, 2003: 241]; «отрывистые звуки, издаваемые собакой и некоторыми другими животными» [Лопатин, 2001: 278]; то есть «неразличимая череда звуков животного мира» (см. с. 490 *Приложения*);

метро – «то же, что *метрополитен*» [ССРЛЯ, Т. 6, 1957: 929]; «городская электрическая железная дорога, обычно подземная» [ССРЛЯ, Т. 6, 1957: 931]; то есть *в метро* – «место под землей, где формируется звук» (см. с. 490 *Приложения*);

смех – «прерывистые, характерные звуки, вызываемые короткими выдыхательными движениями как проявление радости, веселья, удовольствия (иногда при нервных потрясениях)» [ССРЛЯ, Т. 13, 1965: 1366]; «хохот, невольное, гласное проявление в человеке чувства веселости, потехи, взрыв веселого расположения духа» [Даль, Т. 4, 2003: 241]; «отрывистые гортанные звуки, создаваемые выдыхательными движениями при проявлении веселья, радости, удовольствия» [Лопатин, 2001: 679]; то есть «звуки веселья» (см. с. 490 *Приложения*);

шлепанье подошв – «действие по знач. глаг. *шлепать*; звуки, производимые этим действием» [ССРЛЯ, Т. 17, 1965: 1469]; «дейст. по глаг. *шлепать* – бросить, уронить что, глхнуть с глухим стуком» [Даль, Т. 4, 2003: 406]; то есть *шлепанье подошв*: «шарканье ногами при ходьбе, когда

ноги отстают от туловища; глухой звук, возникающий при ходьбе» (см. с. 490 *Приложения*).

Первоначально текстовое развитие голографической единицы *смехолай* осуществляется через активизацию семантики каждого стимулятора. Результатом данного процесса является формирование базового значения единицы *смехолай*:

смехолай – это «некий звук, возникающий в подземном пространстве» (текстовое значение – 1 стимулятора *в метро*); «похожий на дальний глухой звук, стук»; «как второе эхо» (текстовое значение – 2 стимулятора *гул* и *шлепанье*); «очень громкий и резкий звук, похожий на брань» (текстовое значение – 3 стимулятора *брехня*); «звуки радости, веселья» (текстовое значение – 4 стимулятора *смех*); «отрывистые вскрикивания, похожие на рывканье животных» (текстовое значение – 5 стимулятора *лай*). Очевидно, что на первом плане репрезентируется следующая семантика: «неясные по природе, размытые звуки большого города под землей».

В смысловом поле данного текста между стимуляторами устанавливаются два направления ассоциирования на основе их семантической близости:

1) *гул, шлепанье подошв, (в) метро* (в основе ассоциативной близости выделяется общий признак «глухой» – глухой звук определяет понятие «гула»; с глухим стуком связано шлепанье; в метро все звуки окружающего мира подвержены оглушению) – усиленно развивается ассоциативное значение, характеризующее один из оттенков в значении «гулкий, глухой звук»;

2) *лай, смех, брехня* (ассоциация связана с общим признаком «шумный, громкий, доставляющий неудобство») – актуализируется ассоциативное значение «неприятный, режущий ухо звук».

Система ассоциативных аналогий, вызванных лексико-семантическим взаимодействием стимуляторов (они выделены курсивом), организует

альтернативный текст, в границах которого завершается процесс развития исследуемой голографической единицы (в скобках указаны номера реализованных в смысловом поле значений, которые вызвали данную ассоциацию):

В замкнутом пространстве под землей [1] рождается гудящий звук, далеко слышимый, не сразу смолкающий [2], сквозь который пробивается сквозь глухой стук шаркающих шагов [2]. Он, как волна, то перерастает в радостные возгласы прохожих [4], то в грубые и тревожные крики [3; 5]. Этот необычный звук, рождённый под землей, является отражением внешнего мира.

На основе данного *альтернативного текста* формируется следующее значение голографической единицы **смехолой**: «голос современного общества; гулкий звук мира, режущий слух обывателя».

Развитие текстовой семантики языковой единицы **хорошая бумага** также осуществляется на базе вида-2 голографической модели *организационного типа «Ассоциативный текст»*.

Хорошая бумага – была для представляемой рукописи тем же, чем марка автомобиля для автомобилиста или покроя костюма для артиста. Она подтверждала либо могла отрицать профессиональный статус. Она была одежкой, по которой встречали неизвестного либо еще несостоявшегося автора (М. Веллер «Мое дело»).

В рамках словарной дефиниции значения компонентов конструкции **хорошая бумага** определяются следующим образом:

хороший – «основательный, солидный» [ССРЛЯ, Т. 17, 1964: 402]; «добротный, дорогой, ценимый по внутренним качествам, свойствам, достоинству» [Даль, Т. 4, 2003: 561–562]; «положительный по своим качествам, вполне удовлетворительный, такой, как следует» [Лопатин, 2001: 816];

бумага – «материал для письма, печати, рисования и для других целей, изготавливаемый из древесной или тряпичной массы» [Лопатин, 2001: 38]; то есть *хорошая бумага* – «качественный материал для письма» (см. с. 493 *Приложения*).

В тексте подобное «узкое» толкование расширится за счёт взаимодействия стимуляторов на уровне их ассоциативной близости на базе *вида-2 голографической модели организационного типа «Ассоциативный текст»*. Рассмотрим данный процесс более детально.

Текстовое развитие голографической единицы *хорошая бумага* реализуется при участии ресурсов следующих стимуляторов:

марка автомобиля для автомобилиста – «автомобильный торговый знак, бренд, важный показатель для водителя в современном обществе» (см. с. 493 *Приложения*);

покрой костюма для артиста – «см. *покрой* – вид, придаваемый одежде тем или иным способом кройки, фасон» [Ожегов, 1988: 447]; то есть *покрой костюма для артиста* – «фасон определенного вида одежды для деятеля искусства» (см. с. 493 *Приложения*);

подтверждала либо могла отрицать профессиональный статус – «см. *статус* – положение, состояние» [ССРЛЯ, Т. 14, 1964: 790]; *профессиональный* – «относящийся к профессии; связанный с какой-либо профессией» [ССРЛЯ, Т. 11, 1961: 1500]; то есть *подтверждала либо могла отрицать профессиональный статус* – «точно определяла профессиональную востребованность человека; критерий профессиональной востребованности человека» (см. с. 493–494 *Приложения*);

одежка, по которой встречали неизвестного либо еще несостоявшегося автора – «внешний фактор, по которому создавалось первоначальное представление о новом человеке (писателе)» (см. с. 494 *Приложения*)».

Результатом данного процесса является формирование базового значения голографической единицы *хорошая бумага*; в основе лежит признак «показной (внешний) фактор общественного положения»:

хорошая бумага – это «комфорт и престижность для обладателя» (текстовое значение – 1 стимулятора *марка автомобиля для автомобилиста*); «пафосность, так как покрой костюма задает не только манеру поведения человека, но и является показателем его культовости в определенных кругах общества» (текстовое значение – 2 стимулятора *покрой костюма для артиста*); «документ, устанавливающий уровень пригодности, квалификацию человека» (текстовое значение – 3 стимулятора *подтверждала либо могла отрицать профессиональный статус*); «своеобразная визитная карточка, позволяющая с первого взгляда определить писателя на начальном этапе становления его карьеры» (текстовое значение – 4 стимулятора *одежка, по которой встречали неизвестного либо еще несостоявшегося автора*) (см. с. 493– 434 *Приложения*). При взаимодействии ресурсов стимуляторов формируется следующее базовое значение голографической единицы *хорошая бумага*: «рекомендательное письмо; своеобразный документ, определяющий статус и значимость его владельца» (см. с. 493 *Приложения*).

Все единицы поля данного текста, выступающие в качестве стимуляторов, организуют его смысловое пространство. При таком значительном количестве участников развития семантики функция ассоциативных ресурсов значительно актуализируется. Между стимуляторами устанавливается одно направление ассоциирования: «престижность; статус; признание». Ср.: *марка автомобиля для автомобилиста* – высокий материальный статус; *покрой костюма для артиста* – реализованная имиджевая престижность; *подтверждала либо могла отрицать профессиональный статус* – профессиональное признание и т.п (см. с. 494–495 *Приложения*).

Вербализованные ассоциации, реализующиеся при участии стимуляторов и исследуемой голографической единицы в рамках вида-2 модели «Ассоциативный текст», организуют следующий *альтернативный текст* (в скобках указаны номера значений, которые вызвали данную ассоциацию):

Для начинающего писателя качество бумажного носителя, на котором изложен текст, является *показателем его успешности* [1]. В нем [в его состоянии] находит отражение *имиджевая сторона авторской натуры* [2]. Качество бумажного носителя свидетельствует также о *профессиональной компетентности и востребованности* начинающего писателя [3], что, несомненно, *визуализируется в первоначальной оценке его творческих перспектив* [4].

В *альтернативном тексте* репрезентируется следующее значение голографической единицы ***хорошая бумага***: «залог будущей профессиональной состоятельности начинающего писателя» (см. с. 495 *Приложения*).

В формировании вида-2 модели *организационного типа* «Ассоциативный текст» участвуют все единицы, реализованные в смысловом поле данного текста. При подобной многокомпонентности система их содержательно-смысловых ресурсов выполняет доминантную функцию. На её базе развивается *альтернативный текст*.

*Нынче я – трезвый, спокойный, вдумчивый, трудолюбивый гражданин, с отлично выправленными документами, водитель малолитражки, пайщик жилкооператива, спортсмен-любитель, взыскательный художник, умеренный оппозиционер, игрок, ходок, знаменитость средней руки, полуинтеллигент полусреднего возраста – словом, **нормальный москвич*** (В. Аксенов «Ожог»).

Вне текста значение компонентов конструкции ***нормальный москвич*** формируется достаточно узко:

нормальный – «обычный» [ССРЛЯ, Т. 17, 1965: 1401]; «образцовый, примерный, не впадающий ни в какую крайность» [Даль, Т. 2, 2003: 555]; «соответствующий норме, обычный» [Лопатин, 2001: 372];

москвич – «житель города Москва»;

нормальный москвич – «типичный житель Москвы»; то есть в семантике отмечается указание на место жительства (см. с. 481 *Приложения*).

Стимуляторы актуализируют данную семантику за счёт собственных ресурсов:

трезвый, спокойный, вдумчивый, трудолюбивый гражданин – см. *гражданин* – «каждое лицо или человек, составляющий государство» [Даль, Т. 1, 2003: 389]; «лицо, принадлежащее к постоянному населению данного государства, наделенного политическими и иными правами и обязанностями» [Лопатин, 2001: 113];

трезвый – «не пьющий, соблюдающий трезвость» [ССРЛЯ, Т. 15. 1963: 873]; «воздержанный в употреблении спиртных напитков, не пьющий» [Ожегов, 1988: 660];

спокойный – «отличающийся спокойствием характера; уравновешенный» [ССРЛЯ, Т. 14, 1964: 553]; «исполненный спокойствия, лишенный тревог, забот» [Ожегов, 1988: 618];

вдумчивый – «способный углубленно думать, сосредоточенный, глубокий в мыслях (о человеке)» [ССРЛЯ, Т. 2, 1951: 105]; «склонный к сосредоточенной мысли о чем-н., глубоко вникающий во что-н.» [Ожегов, 1988: 59];

см. *трудолюбивый* – «отличающийся трудолюбием» [ССРЛЯ, Т. 15, 1963: 1049]; «любящий трудиться» [Ожегов, 1988: 664];

Компоненты данного стимулятора *трезвый, спокойный, вдумчивый, трудолюбивый* определяют качества, которые должны быть присущи представителю советского общества, строителю коммунизма. Ср.: *трезвый* – здоровый образ жизни; *спокойный* – по характеру поведения в обществе;

вдумчивый – по складу мышления; *трудолюбивый* – по способу жизни. Стимулятор *трезвый, спокойный, вдумчивый, трудолюбивый гражданин* имеет следующее значение: «образец носителя нравственности в советском обществе» (см. с. 481 *Приложения*), на основе которого актуализируется значение исследуемой голографической единицы;

с отлично выправленными документами – см. *выправлять* – «доставать, испрашивать, получать в официальном учреждении (о документах)» [ССРЛЯ, Т. 2, 1951: 1158]; «законопослушный, не имеющий проблем с законом»; то есть *с отлично выправленными документами* – «законопослушный член общества» (см. с. 482 *Приложения*);

водитель малолитражки – «владеющий или управляющий машиной с малым объемом двигателя» (см. с. 482 *Приложения*);

пайщик жилкооператива – см. *пайщик* – «тот, кто имеет свой пай в каком-либо деле» [ССРЛЯ, Т. 9, 1959: 36]; см. *пай* – «доля, вносимая в капитал какого-либо общества (кооперативного, акционерного и т.п.) каждым его членом» [ССРЛЯ, Т. 9, 1959: 34]; см. *жилищный* – «относящийся к жилищу, жилищам» [ССРЛЯ, Т. 4, 1955: 152]; см. *кооператив* – «кооперативная организация» [ССРЛЯ, Т. 4, 1955: 1376; Ожегов, 1988: 238]; то есть *пайщик жилкооператива* – «участвующий в строительстве кооперативного жилья» (см. с. 482 *Приложения*);

спортсмен-любитель – «непрофессионально занимающийся спортом» (см. с. 482 *Приложения*);

взыскательный художник – см. *взыскательный* – «весьма строгий, требующий» [Даль, Т. 1, 2003: 202]; «требовательный, строгий» [Лопатин, 2001: 53];

художник – «посвятивший себя художеству, изящному искусству» [Даль, Т. 4, 2003: 568]; «тот, кто творчески работает в какой-н. области искусства» [Лопатин, 2001: 818]; то есть *взыскательный художник* – «строгий ценитель изящного искусства» (см. с. 482 *Приложения*);

умеренный оппозиционер – см. *оппозиционер* – «член, сторонник оппозиции» [Ожегов, 1988: 366]; см. *умеренный* – «занимающий среднюю, нейтральную линию между крайними политическими течениями» [Ожегов, 1988: 679]; то есть «в меру критикующий власть»; «занимающий лояльную позицию по отношению к власти» (см. с. 482–483 *Приложения*);

игрок – «любитель играть в азартные игры» [Ожегов, 1988: 193]; то есть «азартный человек» (см. с. 483 *Приложения*);

ходок – «простореч. опытный ухажер, волокита» [ССРЛЯ, Т. 17, 1965: 97]; то есть «искатель любовных приключений» (см. с. 483 *Приложения*);

знаменитость средней руки – см. *знаменитость* – «широко известный, прославившийся чем-либо человек» [ССРЛЯ, Т. 17, 1962: 1281]; в состав стимулятора входит фразеологизм *средней руки* («обычный, обыкновенный, ничем не выделяющийся; посредственный; «не слишком популярный»); то есть *знаменитость средней руки* – «персона, имеющая некую популярность, известность» (см. с. 483 *Приложения*);

полуинтеллигент полусреднего возраста – «немного образованный; культурный человек неопределенного среднего возраста» (см. с. 483 *Приложения*).

На данной основе формируется базовое значение исследуемой голографической единицы:

нормальный москвич – это «образец носителя нравственности в советском обществе» (текстовое значение – 1 стимулятора *трезвый, спокойный, вдумчивый, трудолюбивый гражданин*); «законопослушный член общества» (текстовое значение – 2 стимулятора *с отлично выправленными документами*); «имеющий определенные материальные блага» (текстовое значение – 3 стимулятора *водитель малолитражки и пайщик жилищкооператива*); «непрофессионально занимающийся спортом» (текстовое значение – 4 стимулятора *спортсмен-любитель*); «строгий ценитель изящного искусства» (текстовое значение – 5 стимулятора *взыскательный*

художник); «в меру критикующий власть» (текстовое значение – 6 стимулятора *умеренный оппозиционер*); «не чуждый многих человеческих слабостей» (текстовое значение – 7 стимуляторов *игрок* и *ходок*); «персона, имеющая некую популярность, известность» (текстовое значение – 8 стимулятора *знаменитость средней руки*); «весьма образованный; культурный человек неопределенного среднего возраста» (текстовое значение – 9 стимулятора *полуинтеллигент полусреднего возраста*).

Очевидно, в смысловом поле данного текста актуализируется семантика, характеризующая различные стороны жизни человека в обществе (духовность, физическое здоровье; политические взгляды и т.д.). На данной основе развивается базовое значение голографической единицы **нормальный москвич**: «среднестатистический представитель мегаполиса» (см. с. 481 *Приложения*). Оно имеет значительно расширенный объём: исчезает традиционное указание на место жительства («житель Москвы»), так как к такому материальному благополучию и душевному комфорту стремятся жители всех городов страны.

В формировании семантики голографической единицы **нормальный москвич** в рамках вида-2 модели *организационного типа «Ассоциативный текст»* принимают участие 9 стимуляторов. Подобная многокомпонентность активизирует систему ассоциативных связей. Данный процесс приводит к установлению следующих вербализованных ассоциаций:

1) основные христианские добродетели – через стимулятор *трезвый, спокойный, вдумчивый, трудолюбивый гражданин* (человек) (см. с. 483–484 *Приложения*). Ср.: трезвение – умеренность в употреблении пищи и питья, равно как особенная, непрестанная бдительность над собою в охране души и тела от всяких нечистых и греховных мыслей, пожеланий и дел; спокойствие – это смирение через доброжелательное отношение к миру и дружелюбное – к людям; трудолюбие – это залог жизненного успеха. Оно даёт энергию – чем больше души человек вкладывает в работу, тем больший

заряд энергии он получает. Оно обеспечивает благосостояние – при равных возможностях трудолюбивый человек способен лучше обеспечить себя и близких, нежели ленивый;

2) отсутствие проблем с законом, с органами правопорядка – через стимулятор *с отлично выправленными документами* (см. с. 484 *Приложения*);

3) имеющий определенные материальные блага; в советское время автомобиль считался важным атрибутом благосостояния человека, а жилищный кооператив был доступен лишь тому, кто в финансовом плане не испытывал серьезных затруднений – через стимулятор *водитель малолитражки и пайщик жилкооператива* (см. с. 484–485 *Приложения*);

4) здоровье; азарт – через стимулятор *спортсмен-любитель* (см. с. 484 *Приложения*);

5) осторожный человек в политике; в силу такой позиции, как правило, делает успешную политическую карьеру – через стимулятор *умеренный оппозиционер* (см. с. 485 *Приложения*). Он не представляет опасности для существующей власти, но и в реакционных кругах пользуется неким уважением;

6) духовное развитие; культура, образованность – через стимулятор *взыскательный художник* (см. с. 485 *Приложения*);

7) праздный образ жизни; такие люди живут риском; им требуется адреналин для полноты и активности жизни – через стимуляторы *игрок* и *ходок* (см. с. 486 *Приложения*);

8) популярность в узком кругу – через стимулятор *знаменитость средней руки* (см. с. 486 *Приложения*). Человека знают какие-то друзья и знакомые. О нем говорят, узнают в каких-то общественных местах и т.д.;

9) стимулятор *полуинтеллигент полусреднего возраста* – «личность с не реализованным до конца потенциалом, хотя добившаяся определенных успехов, испытывающая кризис среднего возраста» (см. с. 483 *Приложения*).

Средний возраст – это условное понятие. Это период жизни человека, предшествующий пожилому возрасту. Его границы определяются по-разному: начало – от конца третьего десятилетия до 40 лет, конец – от конца четвёртого десятилетия до 60 лет. *Полусредний возраст* (по аналогии: полусредний вес) – возраст человека, находящегося в промежуточной возрастной позиции (по аналогии: в боксе в весовой категории – между средним и легким).

В результате развития ассоциативных связей в процессе ассоциативного развёртывания смыслового поля данного текста утрачивается признак стандартности, усредненности, а актуализируется семантика успешности: христианина любит бог, вознаграждает его по заслугам (ср.: стимулятор *трезвый, спокойный, вдумчивый, трудолюбивый гражданин*); если веселишься, находишь удовольствие в жизни – значит, ты вполне успешный человек (ср.: стимулятор *спортмен-любитель*); есть какой-то материальный достаток (ср.: стимулятор *водитель малолитражки и пайщик жилкооператива*), пользуешься успехом у противоположного пола (ср.: стимулятор *игрок и ходок*); популярность человека даже в узком кругу знакомых свидетельствует об определенном успешности: он интересен, за его достижениями и успехами следят другие; человек добился определенного этапа в личностном развитии, но не реализовался максимально во всем (ср.: стимулятор *знаменитость средней руки*).

На данной основе формируется *альтернативный текст* (в скобках указаны номера значений, которые вызвали данную ассоциацию): Я, живущий в большом городе, человек *достойный, высоконравственный* (1). Веду здоровый образ жизни и нахожусь в хорошей физической форме (4). Получил *хорошее образование*, что позволяет мне *судить о культурном и духовном развитии* (5) современников. Как *законопослушный член общества* (2), *весьма благонадежный в политическом отношении* (6), я *обладаю определенными материальными благами* (3). Моя жизненная позиция

отличается активностью: пользуюсь *некой популярностью в узком кругу друзей* (8). Я не идеален: многие человеческие слабости мне знакомы (7). Так живет большинство. Я успешный человек, живущий в большом городе. *Таких успешных и стабильных людей, как я, много* (9).

В *альтернативном тексте* развивается следующее значение голографической единицы **нормальный москвич**: «самодостаточный человек, живущий полноценной жизнью, которая определяется условиями современного ему общества» (см. с. 487 *Приложения*).

Итак, моделирование лексической системы как способ развития семантического пространства слова в тексте осуществляется в виде *голографического моделирования*, которое представляет собой полифункциональный процесс, реализующийся в сознании коммуниканта через маркирование языковой единицы и ее ресурсов в смысловом поле конкретного текста, а также через активизацию различных по характеру *процессов моделирования семантики*.

Голографические модели семантики, имеющие лингво-коммуникативный характер, репрезентируют структурные особенности смыслового поля текста, а также внутрислоевую организацию единицы с актуализируемым значением.

Выводы к главе III

В зависимости от характера развития семантики слова в тексте, связанного с частичной или полной её трансформацией, выделяется два типа голографических моделей: *эскалационный и организационный*.

В эскалационном типе голографических моделей осуществляется усложнение зафиксированной в языке семантики слова, которая выступает в качестве голографической единицы. Подобная частичная трансформация связана с уточнением, детализацией, наращением ее исходного значения.

Эскалационный тип голографических моделей представляет линейную структуру. Его развитие ограничено лексико-семантическими и ассоциативными ресурсами текстовых единиц. Формирование голографической единицы в рамках данного типа модели осуществляется на базе пересечения или наложения значений структурных словообразовательных компонентов голографической единицы (модели «Информационная петля», «Двойная сферическая плоскость», «Сфера-1», «Сфера-2»).

В рамках моделей «Информационная петля», «Сфера-1» и «Сфера-2» взаимодействие лексико-семантических ресурсов реализуется в определённой точке – *информационном центре* поля голографической единицы, где организуется доминантная семантика, выражаемая при участии структурных компонентов единицы с актуализируемым значением.

Модель «Двойная сферическая плоскость» формируется на основе наложения ресурсов голографической единицы. Подобный способ взаимодействия обусловлен возможностью развития отношений одноплановой или разноплановой сочетаемости в структуре значения её компонентов.

Развитие голографической единицы в рамках эскалационного типа модели семантики осуществляется также в виде линейного развёртывания информационно-смысловых цепочек, в состав которых одновременно входят стимуляторы и голографическая единица (модели «Информационная цепочка», «Двойная информационная цепочка»). Между ними устанавливаются различные по характеру лексические отношения: от взаимодополнения до противопоставления. Процесс усложнения семантики

реализуется за счёт постепенного включения голографической единицы в систему ресурсов стимуляторов, а также развития на этой основе её нового значения.

Организационный тип голографических моделей связан с полной трансформацией исходного значения слова, выступающего в тексте в качестве голографической единицы. Он реализуется при частичном или полном количественном участии всех единиц смыслового поля конкретного текста.

Организационный тип голографических моделей формируется на основе текстового толкования семантики определённой единицы в виде концентрированного *предложения-текста*, который представляет собой объёмную структуру, развивающуюся одновременно в нескольких направлениях (лексико-семантическое, содержательно-смысловое, текстовое и др.). При этом изменяется смысловое пространство текста.

В рамках *организационного типа* голографических моделей развитие текстовой семантики слова осуществляется в процессе структуризации смыслового поля конкретного текста, в котором оно реализовано (*модель «Зонирование структуры текста»*), а также в виде развёртывания смыслового текста на базе его ассоциативных доминант, в качестве которых выступают различные типы ассоциативных значений стимуляторов (*модель «Ассоциативный текст»*).

Возможности ассоциативных ресурсов текстовых единиц реализуются в полном объёме при создании *организационного типа* голографических моделей. В смысловом поле текста вербализованные ассоциации участвуют в создании его уровней в виде зон и ярусов (*модель «Зонирование структуры текста»*), а также развивают альтернативную структуру – *ассоциативный текст*, состоящий из ассоциативных доминант (*модель «Ассоциативный текст»*). В силу этих факторов характер сформированной на этой основе

текстовой семантики отличается обобщённостью, которая проявляется, например, в определенной социологизированности значений.

Модель «*Зонирование структуры текста*» реализуется в виде системы информационных ярусов и уровней. Смысловое поле текста, отражающее по структуре и семантическому объёму пространство голографической единицы, разделяется по вертикали и горизонтали. При этом организуются его информационные ярусы и уровни, которые представляют собой более крупные внутрислоевые структуры, чем цепочка. Между стимуляторами выделяемых участков и голографической единицей возникают не только оппозиционные, сопоставительные, причинно-следственные отношения, но и формируются системы эмоционально-экспрессивных характеристик. При их ярусном или уровневом пересечении организуется текстовая семантика голографической единицы (*модель «Вертикальное зонирование», «Смешанное зонирование»*). Ее пространство частично отражает смысловое поле конкретного текста.

Модель «Ассоциативный текст» формируется на основе поэтапного наращивания семантики голографической единицы при участии всех стимуляторов, реализованных в смысловом поле текста. Она развивается через систему их ассоциативных значений в периферии информационного поля, в результате чего организуется особая структура – *концентрированное предложение-текст*. В нём в максимальном объёме сосредоточена различная по характеру семантика, базирующаяся на развитии ассоциативных ресурсов. Лексико-семантические возможности текстовых единиц не реализуют своей доминирующей функции при организации нового значения.

В рамках модели «*Ассоциативный текст*» развитие семантики голографической единицы осуществляется поэтапно: *пересечение сегментов* ассоциативно близких понятийных участков в значениях всех текстовых единиц; при этом система их ассоциативных значений характеризуется спаянностью; *переход данных сегментов* от ядра поля к его периферии во

внутреннем пространстве голографической единицы и формирование на этой основе *альтернативного текста*; в этом случае объём системы ассоциативных значений расширяется. Семантика, организуемая таким образом, носит несколько обобщённый характер. Кроме того, она имеет строгую текстовую обусловленность.

В результате семантика голографической единицы, сформировавшаяся в рамках *модели «Ассоциативный текст»*, обладает информацией целого текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современной лингвистике изучение и оценка языковых средств отражения картины мира языковой личностью с учётом условий коммуникации является перспективным направлением, поскольку позволяет исследовать динамические процессы формирования семантики. Индивидуальный опыт и знания человека, обусловленные традиционной и современной культурой, определяют область развития содержания слова и текста, а организация их семантического объёма во многом зависит от ситуации общения. Актуальность современных исследований текстовой коммуникации связана с изучением структуры значения, средств и способов её языкового выражения, процессов порождения и восприятия речи, соотношения единиц системы языка в различных ситуациях.

Коммуникативное моделирование текстовой семантики слова реализуется в процессе порождения и восприятия информационного потенциала языковых единиц. Сочетание текстовых единиц, организованных по определенным моделям, а также комбинация готовых (исходных) знаков языка оказываются способными выражать и передавать новые идеи, новые концепты, создавать новые тексты и таким образом расширять поле языковой системы, а затем на выходе за пределы известного – и языка в целом.

Понятие голографического моделирования семантики слова, как и любой известный в науке вид моделирования, является одновременно гносеологической категорией, характеризующей один из важных путей познания. Оно представляет процесс взаимодействия значимых ресурсов всех типов текстовых единиц, результатом развития которого является семантическое расширение возможностей языковой системы.

Голографическое моделирование семантики слова в тексте реализуется при участии двух типов текстовых единиц: слова, значение которых актуализируется; слова, которые способствуют данному процессу.

Текстовые единицы с актуализируемым значением определяются как *голографические*. Обладая характеристиками и свойствами, близкими с оптической голограммой, они развивают собственное информационное пространство за счёт внутренних ресурсов или путём изменения семантики через стимуляторы. Текстовые единицы с актуализируемым значением как модели порождения и восприятия значения слова, обладают системой собственных (языковых) характеристик: по происхождению – авторские и общеизвестные; по словообразовательной природе – простые и сложные; по морфологической выраженности – самостоятельные части речи.

Текстовые единицы, актуализирующие семантику голографической единицы, определяются как *стимуляторы*. В их лексико-ассоциативной базе заложены значительные информационные возможности, которые в дальнейшем способны стать источником развития нового значения слов и текста. Стимуляторы определяют смысловое поле текста, организуя его пространство, выполняя особые функции в процессе формирования текстовой семантики конкретного слова: констатирующую, выступая в качестве «проводника» репрезентированного содержания голографической единицы при помощи собственных ресурсов и подтверждая правильность или возможность того или иного толкования; организующую, раскрывая, дополняя, а иногда и полностью трансформируя исходное значение.

Семантика голографической единицы является результатом эффективного взаимодействия системы ресурсов всех типов текстовых единиц, эффективной реализации которой могут препятствовать следующие факторы:

1. Условия текстовой коммуникации, то есть система внешних факторов, при которых единицы, функционирующие в смысловом поле конкретного текста, могут быть связаны сложными, пересекающимися, а

иногда и взаимоисключающими друг друга отношениями, что препятствует активизации внутренних ресурсов самих текстовых единиц, так как система внешних факторов обладает более сильным потенциалом и подавляет возможность развития процессов актуализации и моделирования текстовой семантики голографической единицы.

2. Эффективность взаимодействия системы внутренних ресурсов всех типов текстовых единиц, т.к. стимулятор и голографическая единица могут быть связаны друг с другом специфичными отношениями, порожденными конкретными условиями развития и функционирования языка.

Голографическая единица и стимулятор представляют собой коммуникативно значимые единицы, способные не только развивать или трансформировать собственные значения, но и изменять структуру смыслового поля самого текста.

Голографическое моделирование семантики лексических единиц текста реализуется на базе следующих процессов:

1. Актуализация слова и его дальнейшее семантическое развитие через маркирование коммуникантом внутреннего потенциала единицы в смысловом поле конкретного текста.

2. Активизация глубинных возможностей единиц с продуктивной текстовой реализацией, что при первичном моделировании связано с развитием их лексико-семантических ресурсов, на основе чего развивается базовое значение голографической единицы, а также с трансформацией их содержательно-смысловых возможностей, определяющих ассоциативное значение голографической единицы. Если объём одного из типов значений больше, то возникают условия для их повторного взаимодействия в процессе вторичного моделирования семантики.

В современных условиях развития лингвистики полевой подход к описанию текстовых единиц и моделированию их семантики является достаточно перспективным, поскольку позволяет значительно расширить

представления о текстовой коммуникации и происходящих в ней процессах как «альтернативных» источника языкового расширения.

Внутреннее пространство голографической единицы развивается в виде полевой структуры на основе континуума языковых знаний, коммуникативных и когнитивных представлений, сформировавшихся у носителей языка. Данная структура выступает как модель порождения, восприятия и сохранения собственной семантики и несёт на себе отпечаток речевой деятельности языковой личности: языковые знания человека реализуются в его лексико-семантическом микрополе через систему лексических значений; результаты его предметно-познавательной и коммуникативной деятельности – в виде вербализованных ассоциаций в ассоциативном микрополе.

Информационное поле голографической единицы характеризуется концентричностью собственного пространства, которая проявляется в структурной моноцентричности: доминирующее положение занимает один из компонентов (ядро и периферия), в котором сосредоточено наибольшее число семантико-образующих признаков.

Пространство поля организуют микрополя разного характера: в ядерной части – лексико-семантическое микрополе, представляющее совокупность реализованных в конкретном тексте лексических единиц с их реальной семантикой; в периферии – ассоциативное микрополе с внутрисловными и межсловными ассоциативными связями голографической единицы и стимуляторов. Ассоциативные ресурсы единиц с продуктивной текстовой реализацией характеризуются собственной лингвистической природой. В процессе их вербализации в тексте развиваются различные словесные описания, репрезентируемые в языке системой лексических единиц. На этой основе формируются ассоциативные значения всех типов текстовых единиц.

Системность внутренней организации информационного поля дает методологическую возможность рассматривать его не как случайный набор

грамматических, семантических форм, а также коммуникативных и когнитивных представлений, установленных в определенных условиях, но как конкретную смысловую динамическую систему, являющуюся лингвистической реальностью для носителей языка. Эти части системы находятся в иерархических отношениях, которые активизируются в процессе порождения и восприятия нового текстового содержания слова.

По характеру выражаемой семантики информационное поле представляет функционально-диверсификационный тип поля, так как в его пространстве репрезентируется многоаспектная, изменённая в условиях текста информация, на основе которой моделируется значение голографической единицы. Данный тип реализуется в следующих формах:

1. Диверсификационно-связанный вид поля связан с развитием текстовой семантики через ее трансформацию в виде детализации, конкретизации и др., что приводит к организации новых аспектов в значении. Расширяется объём существующего содержания языковой единицы, которая выступает в качестве текстовой, без изменения её общего информационного направления. На базе диверсификационно-связанного вида поля организуется его поверхностно-развёртываемая разновидность, которая представляет собой изолированную (замкнутую) модель внутривекторного устройства, ограниченную в развитии, поскольку развивается на основе ресурсов только голографической единицы. При этом лексико-семантическое микрополе занимает ядерное положение.

2. В диверсификационно-несвязанном виде поля организация семантики осуществляется через формирование иного по характеру и типу значения лексической единицы, выступающей в качестве текстовой, в результате чего наблюдается отсутствие связи между семантикой языковой единицы, зафиксированной в словарях, и семантикой, реализующейся в конкретном тексте.

Диверсификационно-несвязанный вид поля является открытой, потенциально продуктивной моделью организации внутреннего

пространства голографической единицы, так как в процессе его моделирования принимают участие оба типа единиц с продуктивной текстовой реализацией. На этой базе развиваются условия для активизации глубинных возможностей голографической единицы и стимуляторов, что приводит к формированию глубинно-развёртываемой разновидности поля. При этом в его пространстве отмечается подвижность компонентов. Она приводит к внутрисловолевому «сдвигу», приводящему к позиционно-коннотационным изменениям его структур. В результате этого в ядре развивается ассоциативное микрополе, так как продуктивность реализации вербализованных ассоциаций, зафиксированных в форме ассоциативных значений, будет более высокой.

В информационном поле вступают во взаимодействие его компоненты – лексико-семантическое и ассоциативное микрополе, его элементы в виде голографической единицы и стимуляторов, а также их ресурсы, на базе чего создаются типичные модели, по которым развивается содержание слова в тексте. Голографическая модель семантики слова как лингвокоммуникативная структура формируется в период порождения и восприятия смыслового пространства текста носителем языка. Она способна отразить внутреннее устройство текста на основе результатов взаимодействия потенциальных ресурсов единиц с актуализирующим и актуализируемым значениями.

Голографические модели семантики слова в исходном положении могут не совпадать, а в тексте они образуют единую группу. Выделяются базовые модели семантической организации, которые сохраняются в языке и эффективно им используются, а также единичные (развивающиеся) модели, не получившие своего статуса (об их продуктивности судить еще рано).

По своему характеру голографические модели семантики являются аналитическими. При их порождении (на «входе») при актуализации голографической единицы коммуниканты опираются на слова (в единичном

их представлении, в качестве части предложения и т.д.), при восприятии же («на выходе») результатом являются новые семантико-смысловые структуры.

Выделяются два типа голографических моделей семантики: эскалационный и организационный.

1. Эскалационный тип характеризуется развитием в тексте внутренних потенций единицы с актуализируемым значением. В пространственной проекции он представляет собой линейную структуру. В рамках эскалационного типа голографических моделей активизация внутренних потенций единицы с актуализируемым значением осуществляется путём усложнения её семантического содержания. Данный процесс реализуется в следующих направлениях:

1) пересечение семантики компонентов голографической единицы на основе синонимичности их значений (*модель «Информационная петля»*);

2) наложение семантики компонентов голографической единицы, осуществляемой на основе одноплановости, разноплановости или оппозиционности выражаемой ими семантики (*модели «Двойная сферическая плоскость», «Сфера-1», «Сфера-2»*);

3) линейное развертывание синонимичных или оппозиционных лексических цепочек, в состав которых одновременно входят и стимуляторы, и голографическая единица. Данный тип модели развивается на основе либо содержательно-смысловой близости значения единиц с продуктивной текстовой реализацией (*модель «Информационная цепочка»*), либо на основе оппозиционности их значений (*модель «Двойная информационная цепочка»*).

2. Организационный тип голографических моделей семантики связан с механизмами текстового толкования значения голографической единицы в форме концентрированного предложения-текста. Участие в этом процессе принимают ресурсы всех типов текстовых единиц. Их ассоциативный потенциал выполняет особую нагрузку в условиях формирования организационного типа голографических моделей. При активном взаимодействии текстовых единиц обоих типов наличие смысловой

ассоциативной близости, возникающей между ними, определяет возможности развития частичной или полной трансформации семантического объёма конкретного слова. В результате чего ассоциативный потенциал текстовых единиц изменяет зонально-ярусную структуру смыслового пространства текста (*модель «Зонирование структуры текста»*).

Кроме того, вербализованные ассоциации формируют в смысловом поле текста имплицитную структуру – ассоциативный текст, состоящий из его ассоциативных доминант, под которыми понимается совокупность различных видов ассоциативных значений стимуляторов, обладающих высокой содержательно-смысловой нагрузкой. Развёртывание текста на базе развития его ассоциативных доминант в виде пересечения сегментов ассоциативно близких информационных участков в значениях всех текстовых единиц, а также перехода данных сегментов от одного участка к другому приводит к качественной трансформации голографической единицы. В результате этого изменяется не только её внутрислоевое устройство, но и смысловое поле текста. Значение голографической единицы расширяется до семантического объёма целого текста (*модель «Ассоциативный текст»*).

Голографические модели имеют различную степень продуктивности в зависимости от типа текста. Семантический объём слова и художественного произведения обусловлены особенностями индивидуального языкового творчества автора, его отношением к возможностям лексической подсистемы языка, то есть отправителя и получателя информации. Содержание текста находится под влиянием речевой деятельности языковой личности и непосредственно связано с историческими, социальными факторами, временем и условиями текстовой коммуникации. В художественном произведении наиболее продуктивными являются модели, в которых ассоциативный потенциал слов выполняет значимую нагрузку (*модели «Зонирование структуры текста» и «Ассоциативный текст»*), что объясняется активизацией процессов глобализации и виртуализации

современного общества, с информационным кодированием, приводящих к изменению всех структур языкового сознания коммуникантов.

Художественный текст в большей степени способствует расширению границ современного русского языка. Слово, реализуясь в его пространстве, совпадает с единицей лексической подсистемы и отражает происходящие в ней процессы. Трансформируя свою семантику с учётом авторского замысла, концепта произведения, позиции коммуникантов, экстралингвистических факторов, оно возвращается с новым текстовым значением в язык. В свою очередь, по своей природе официально-деловые, а также научные тексты направлены на сохранение исходной семантики, связаны с терминологией, ориентированы на организацию однозначного и точного понимания заложенного в них содержания. Данный вывод сделан на основе исследования творчества писателей и фрагментов их произведений, которые изучались в течение длительного времени.

Исследования голографических моделей семантики слов в художественном тексте имеет научную перспективу, так как позволяют на основе разработанных и описанных положений рассмотреть особенности формирования многоаспектной семантики на примере других функциональных типов в системе современной языковой коммуникации, которая подвергается большим изменениям и усложняет коммуникативное пространство. Результаты научного описания могут быть использованы в практике изучения семантической структуры слова и текста в области других гуманитарных наук, имеют прикладное и лингво-педагогическое значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Список использованной литературы и словарей

1. Абрамов, В. П. Семантические поля русского языка [Текст] / В. П. Абрамов. – М.; Краснодар, 2003. – 337 с.
2. Абрамов, В. П. Синтагматика семантического поля: (на материале русского языка) [Текст] / В. П. Абрамов. – Ростов-н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1992. – 108 с.
3. Адмони, В. Г. Еще раз об изучении количественной стороны грамматических явлений [Текст] / В. Г. Адмони // Вопросы языкознания. – 1970. – № 1. – С.89–101.
4. Адмони, В. Г. Основы теории грамматики [Текст] / В. Г. Адмони. – Л., 1964. – 106 с.
5. Акулинина (Мачихина), Е. П. Флористические текстовые единицы как отражение авторской картины мира Б.Л. Пастернака [Текст] / Е. П. Мачихина (Мачихина) // XIV Державинские чтения. Институт русской филологии: материалы Общерос. научн. конф. Февр. 2009 г. / отв. ред. Н. Л. Потанина. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 228–234.
6. Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики [Текст] / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 1999. – 274 с.
7. Алимуратов, О.А. Особенности моделирования семантики терминоединиц. Терминологические оппозиции (на материале англоязычной военной терминологии) [Текст] / О. А. Алимуратов, М.Н. Лату // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета – 2005. – № 3 (11). – С. 6–15.

8. Ананьев, Б. Г. О проблемах современного человекознания [Текст] / Б. Г. Ананьев. – М.: Наука, 1997. – 380 с.
9. Английские материалисты XVIII века: собрание произведений [Текст]: в 3 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1967. – 405 с.
10. Амосов, Н. М. Моделирование мышления и психики [Текст] / Н. М. Амосов. – М.: Наука, 1965. – 305 с.
11. Антонова, Л. Е. Текстовые варианты семантики стыда [Текст] / Л. Е. Антонова // Лингвистический и методический аспекты оптимизации обучения русскому языку в вузе: материалы докл. и сообщений X междунар. науч.-практ. конференции. – СПб., 2005. – С. 113–115.
12. Арбиб, М. Метафорический мозг [Текст] / М. Арбиб. – М.: Мир, 1976. – 296 с.
13. Арнольд, И. В. Основы научных исследований в лингвистике [Текст] / И. В. Арнольд. – М.: Высш. шк., 1991. – 140 с.
14. Ахутина, Т. В. О статусе многозначных и омонимичных слов во внутреннем лексиконе человека [Текст] / Т. В. Ахутина, С. И. Горохова // Психологические исследования в области лексики и фонетики. – Калининград, 1983. – С. 3–13.
15. Бабенко, И. И. Коммуникативный потенциал слова и его отражение в лирике М. И. Цветаевой [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Инесса Игоревна Бабенко. – Томск, 2001. – 25 с.
16. Бабенко, Л. Г. Русская глагольная лексика: денотативное пространство: монография [Текст] / Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 460 с.
17. Багрецов, Л. М. Несколько слов по истории появления идеалистической философии Джорджа Беркли [Текст] / Л. М. Багрецов // Вера и разум. – 1908. – № 15. Отд. 1. – С. 362–376.

18. Бакина, М. А. Словотворчество [Текст] / М. А. Бакина // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия. – М., 1977. – С. 78–128.
19. Бакина, М. А. Эволюция поэтической речи XIX-XX вв. Перифраза. Сравнение [Текст] / М. А. Бакина, Е. А. Некрасова. – М.: Наука, 1986. – 192 с.
20. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка [Текст]: монография. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
21. Бахтин, М. Вопросы литературы и эстетики [Текст] / М. Бахтин. – М., 1975. – 504 с.
22. Беляева, Н. И. Текстовые категории и принцип поля в их изучении (на материале рассказа Ю. Нагибина «Терпение») [Текст] / Н.И. Беляева // Проблемы исследования слова в художественном тексте. – Л., 1990. – С. 73–80.
23. Белянин, В. П. Введение в психолингвистику / В. П. Белянин. – М.: Черо, 1999. – 123 с.
24. Берсенева, Н. И. Ассоциации детей от шести до десяти лет (ассоциативное значение слова в онтогенезе) / Н. И. Берсенёва, Л. А. Дубровская, И. Г. Овчинникова. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995. – 254 с.
25. Беспалова, Т. А. Система текстовых единиц с семантикой солнце в структуре текста (на материале прозы и поэзии М. Цветаевой) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Татьяна Анатольевна Беспалова. – Тамбов, 2006. – 25 с.
26. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – Изд-во АН СССР, 1963. – 391 с.
27. Болдина, О. П. Возможности изучения ассоциативного поля для определения степени семантического расстояния [Текст] / О. П. Болдина // Наука и образование: проблемы и перспективы: труды 7-й регион. науч.-

практ. конф. аспирантов, студентов и учащихся (Бийск, 15–16 апреля 2005 г.): в 2 ч. – Бийск, 2005. – Ч. 2. – С. 23–26.

28. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии [Текст] / Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. – 123 с.

29. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика текста [Текст]: словарь-тезаурус / Н. С. Болотнова. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 384 с.

30. Болотнова, Н. С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте [Текст] / Н. С. Болотнова. – Томск, 1994. – 212 с.

31. Болотнова, Н. С. О соотношении прагмем и информем в поэтическом тексте как форме коммуникации (по данным экспериментов) [Текст] / Н. С. Болотнова // Художественный текст и языковая личность: проблема изучения и обучения: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (11–12 октября 2001 г.). – Томск, 2001. – С. 16–28.

32. Болотнова, Н. С. О теории регулятивности художественного текста [Текст] / Н.С. Болотнова // Stylistyka. – Opole, 1998. – Вып. VII. – С. 179–188.

33. Болотнова, Н. С. Об изучении ассоциативно-смысловых полей слов в художественном тексте [Текст] / Н. С. Болотнова // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века. СПб., 1998а. – С. 242–247.

34. Болотнова, Н. С. Основные понятия и категории коммуникативной стилистики текста [Текст] / Н.С. Болотнова // Речевое общение: специализированный вестник. – Красноярск, 2002. – Вып. 4(12). – С. 49–59.

35. Болотнова, Н. С. Поэтическая картина мира и ее изучение в коммуникативной стилистике текста [Текст] / Н. С. Болотнова // Сибирский филологический журнал. – 2003. – Вып. 3–4. – С. 198–207.

36. Болотнова, Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня [Текст] / Н. С. Болотнова. – Томск, 1992. – 312 с.

37. Бондарко, А. В. Грамматическое значение и смысл [Текст] / А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1978. – 176 с.

38. Бондарко, А. В. О грамматике функционально-семантических полей [Текст] / А. В. Бондарко // Известия АН СССР. – 1984. – № 6. – С. 492–503.

39. Бондарко, А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии [Текст] / А. В. Бондарко. – Л., 1983. – 208 с.

40. Бондарко, А. В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии [Текст] / А. В. Бондарко. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. – 220 с.

41. Бондарко, А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка [Текст] / А. В. Бондарко. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.

42. Бондарко, А.В. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис [Текст] / А. В. Бондарко. – М.: Изд-во УРСС Эдиториал, 2003. – 352 с.

43. Бочкарева, Е. В. Влияние формы эксперимента на ядро ассоциативного поля младшего школьника [Текст] / Е. В. Бочкарева // Проблемы детской речи: материалы Всерос. конф. Санкт-Петербург, 24–26 ноября 1999. – СПб., 1999. – С. 35–39.

44. Бочкарева, Е. В. Динамика ассоциативных связей с опорой на ударный гласный у детей-подростков [Текст] / Е. В. Бочкарева // Мурзинские чтения: динамика языка в синхронии и диахронии. – Пермь, 2002. – С. 154–157.

45. Брушлинский, А. В. Ментальная репрезентация как системная модель в когнитивной психологии [Текст] / А. В. Брушлинский, Е. А. Сергиенко // Ментальная репрезентация: динамика и структура. – М., 1998. – С. 5–22.

46. Бурдые, П. Социология политики [Текст]: пер. с фр. / П. Бурдые; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.

47. Буренин, Н. В. Психолингвистический аспект поведения мужчин и женщин во время интервью [Текст] / Н. В. Буренин // Материалы VI науч. конф. молодых учёных (Мордовский госуниверситет). – Саранск, 2001. – С. 101–105.

48. Бычкова, Т. А. К вопросу об изучении языка писателя (на материале произведений М. М. Зощенко) / Т. А. Бычкова // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 72–78.

49. Вайнштейн, О. Грамматика ароматов / О. Вайнштейн // Иностранная литература. – 2001. – № 8. – С. 107–116. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2001/8/vainstein.html> (дата обращения: 12.09.2011).

50. Валгина, Н. С. Теория текста [Текст]: учебное пособие / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 280 с.

51. Васильев, Л. М. Теория семантических полей [Текст] / Л. М. Васильев // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 105–113.

52. Веденов А. А. Моделирование элементов мышления [Текст] / А. А. Веденов. – М.: Наука, 1988. – 160 с.

53. Вержбицкая, А. Логический анализ языка. Культурные концепты [Текст] / А. Вержбицкая. – М., 1991. – 204 с.

54. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) [Текст] / В. В. Виноградов. – Изд. 3-е. – М.: Выс. шк., 1986. – 640 с.

55. Виноградов, В. Н. Стилистический аспект русского словообразования [Текст] / В.С. Виноградов. – М.: Либроком, 2011. – 186 с.

56. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) [Текст] / В. С. Виноградов. – М.: Изд-во ин-та общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.

57. Винокур, Г. О. О языке художественной литературы [Текст] / Г. О. Винокур. – М.: Высш. шк., 1991. – 448 с.
58. Воробьев, В. В. Лингвокультурология [Текст] / В. В. Воробьев. – М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 1997. – 331 с.
59. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И. Р. Гальперин. – Изд. 5-е, стереотип. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
60. Гасица, Н. А. Ассоциативная структура значения слова в онтогенезе [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Наталия Александровна Гасица. – М., 1990. – 15 с.
61. Гасица, Н. А. Ассоциативные реакции детей 4–8 лет и их изучение с помощью понятия энтропии [Текст] / Н. А. Гасица, С. Н. Дергачев // Лингвистические и психолингвистические исследования языка и речи. – М., 1986. – С. 109–116.
62. Гасица, Н. А. К проблеме семантической категоризации в онтогенезе [Текст] / Н. А. Гасица // Психолингвистические основы речевого онтогенеза при усвоении родного и иностранного языков: тезисы докладов совещания. – М., 1987. – С. 34–35.
63. Горбаневский, М. В. Советский «новояз» на географической карте: о штампах и стереотипах речевого мышления [Текст] / М. В. Горбаневский, В. П. Нерознак. – М.: Знание, 1991. – 64 с.
64. Горбаневский, М. В. Вре́мён связующая нить: Фамилии – памятники языка, истории, религии, культуры народов России [Текст] / М. В. Горбаневский, В. О. Максимов. – М.: ООО ИИЦ «История Фамилии», 2008. – 52 с.
65. Горошко, Е. И. Языковое сознание: гендерная парадигма [Текст] / Е. И. Горошко. – М.; Харьков: ИД ИНЖЭК, 2003. – 437с.

66. Горошко, Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента [Текст] / Е. И. Горошко. – Харьков; Москва: Издат. группа «РА-Каравелла», 2001. – 320 с.

67. Григорьев, В. П. Поэтика слова: на материале русской советской поэзии [Текст] / В. П. Григорьев. – М.: Наука, 1979. – 201 с.

68. Григорьев, В. П. Грамматика идиостиля: Велимир Хлебников [Текст] / В.П. Григорьев. – М.: Наука, 1983. – 225 с.

69. Григорьев, В. П. Некоторые вопросы теории словосложения (на материале сложных существительных с глагольным вторым компонентом в современном русском языке) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Виктор Петрович Григорьев. – М., 1955. – 15 с.

70. Григорьев, В. П. Очерки изучения языка русской поэзии 20-го века: Поэтический язык и идиостиль [Текст] / В. П. Григорьев. – М.: Наука, 1990. – 300 с.

71. Григорьева, А. Д. Слово в поэзии Тютчева [Текст] / А. Д. Григорьева; АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1980. – 247 с.

72. Гулыга, Е. В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке [Текст] / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. – М.: Просвещение, 1969. – 184 с.

73. Давыдова, М. К. Индивидуально-стилистические неологизмы в современном русском языке [Текст] / М. К. Давыдова // Вопросы теории русского языка и говоров Дальнего Востока. – Хабаровск, 1973. – С. 96–111.

74. Девяткин, С. В. Берклиеведение: основные этапы, проблемы и перспективы [Текст] / С. В. Девяткин // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Сер. Гуманитарные науки. – 1999. – № 12. – С. 21–25.

75. Диброва, Е. И. Пространство текста в композиционном членении [Текст] / Е. И. Диброва // Структура и семантика художественного текста: доклады VII-ой Междунар. конф. – М., 1999. – С. 91–138.

76. Дмитриев, В. П. Прикладная теория информации [Текст] / В. П. Дмитриев. – М., 1989. – 321с.

77. Доценко, Т. И. Влияние экспериментальной ситуации на ассоциативное поле младшего подростка [Текст] / Т. И. Доценко // Проблемы детской речи. – 1999: материалы Всероссийской конференции. Санкт-Петербург, 24–26 ноября 1999. – СПб., 1999. – С. 61–62.

78. Доценко, Т. И. Влияние экспериментальной ситуации на процесс и характер ассоциирования [Текст] / Т. И. Доценко // Материалы XXVII межвузовской науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. – СПб., 1998. – С. 57–62.

79. Дубровина, К. Н. Семантико-стилистический анализ лирики Федерико Гарсия Лорки (на материале цветообозначений) [Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / Кира Николаевна Дубровина. – М., 1970. – 29 с.

80. Ершова, Т. А. Русско-немецкие ассоциативные портреты (Опыт интерпретации) [Текст]: автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Татьяна Александровна Ершова. – М., 1998. – 18 с.

81. Ефремов, В. А. Ассоциативно-вербальная организация цикла лирических новелл И. А. Бунина «Темные аллеи» [Текст]: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Валерий Анатольевич Ефремов. – СПб., 1999. – 19 с.

82. Ефремов, В. А. Ассоциативные связи ключевого слова «счастье» в лирическом цикле И. А. Бунина «Темные аллеи» [Текст] / В. А. Ефремов // Семантика языковых единиц: доклады VI Междунар. конф.: в 2 т. – М., 1998. – Т. 2. – С. 263–266.

83. Жаботинская, С. А. Концептуальный анализ языка: Типы фреймов [Текст] / С. А. Жаботинская // Вестник Черкасского университета. – 1999. – Вып. 11. – С. 3–20.

84. Жинкин, Н. И. Механизмы речи [Текст] / Н. И. Жинкин. – М., 2001. – 370 с.

85. Журавлева, И. В. Проблемы взаимоотношения гендерных характеристик интервьюера и ответов респондентов [Текст] / И. В. Журавлева, И. А. Курочкина // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе: материалы междунар. науч. конф. – Иваново, 25–26 июня 2002 г.: в 2 ч. – Иваново, 2002. – Ч. II: История, социология, язык, культура. – С. 142–145.

86. Завьялова, М. В. Исследование речевых механизмов при билингвизме (на материале ассоциативного эксперимента с литовско-русскими билингвами) [Текст] / М. В. Завьялова // Вопросы языкознания. – 2001. – № 5. – С. 60–85.

87. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику [Текст]: учебник для вузов по филол. спец. / А. А. Залевская. – М., 2000. – 382 с.

88. Залевская, А. А. Некоторые проблемы подготовки ассоциативного эксперимента и обработки его результатов [Текст] / А. А. Залевская // Экспериментальные исследования в области лексики и фонетики. – Калинин, 1971. – С. 124–133.

89. Залевская, А. А. Проблемы описания значения / А. А. Залевская. – М., 1998. – 127 с.

90. Залевская, А. А. Психолингвистические исследования: Слово. Текст [Текст]: избранные труды / А. А. Залевская. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.

91. Залевская, А. А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование [Текст] / А. А. Залевская. – Воронеж, 1990. – 208 с.

92. Звёгинцев, В. Очерки по общему языкознанию [Текст] / В. Звёгинцев. – М.: Либроком, 2009. – 384 с.

93. Земская, Е. А. Как делаются слова [Текст] / Е. А. Земская. – М., 1963. – 93 с.

94. Земская, Е.А. Современный русский язык. Словообразование [Текст] / Е.А. Земская. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 328 с.
95. Иванова, И. П. Теоретическая грамматика современного английского языка [Текст] / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. – М.: Высш. шк., 1981. – 286 с.
96. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – Волгоград, 2002. – 477 с.
97. Караулов, Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М.: Изд-во ИРЯ РАН, 1999. – 180 с.
98. Караулов, Ю. Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания [Текст] / Ю. Н. Караулов // Языковое сознание: содержание и функционирование: тезисы докладов XIII Междунар. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – Москва, 1–3 июня 2000 г. – М., 2000. – С. 108–109.
99. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М., 1976. – 356 с.
100. Караулов, Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности [Текст] / Ю. Н. Караулов // Русский ассоциативный словарь. – М., 1994. – Кн. 1. – С.190–218.
101. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М., 1987. – 263 с.
102. Караулов, Ю. Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания [Текст] / Ю. Н. Караулов // Языковое сознание: содержание и функционирование: тез. докл. XIII Междунар. симпоз. по психолингвистике и теории коммуникации, Москва, 1–3 июня 2000 г. – М.: Ин-т языкознания РАН и МГЛУ, 2000. – С. 108–109.
103. Караулов, Ю. Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1992. – 168 с.

104. Караулов, Ю. Н. Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента [Текст] / Ю. Н. Караулов // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 67–96.

105. Карпенко, С. М. Ассоциативные связи слова в узусе и поэтическом тексте (на материале творчества Н. С. Гумилева) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Светлана Михайловна Карпенко. – Томск, 2000. – 26 с.

106. Карпенко, С. М. Особенности поэтического мира Н.С. Гумилева и его отражение в лексике [Текст] / С. М. Карпенко // Художественный текст и языковая личность: проблемы изучения и обучения: материалы II Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Том. гос. пед. ун-та, 11–12 октября 2001 г. / под общ. ред. проф. Н. С. Болотновой. – Томск, 2001. – С. 44–49.

107. Карпенко, С. М. Текстовые и межтекстовые ассоциативно-смысловые поля ключевых слов в творчестве Н. С. Гумилева [Текст] / С. М. Карпенко // Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / под ред. проф. Н. С. Болотновой. – Томск, 2001а. – С. 129–133.

108. Киселева, Л. А. Теоретические проблемы исследования языка как средства воздействия [Текст]: автореф. дис. ... доктор. филол. наук: 10.02.01 / Люция Акимовна Киселева. – М., 1973. – 48 с.

109. Клименко, А. П. Ассоциативный эксперимент в ряду других методов семантических исследований [Текст] / А. П. Клименко, А. Е. Супрун // Словарь ассоциативных норм русского языка. – М., 1977. – С. 17–24.

110. Клименко, А. П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение [Текст]: учеб. пособие / А. П. Клименко. – Минск: Изд-во Минского пед. ин-та иностр. яз., 1974. – 274 с.

111. Клименко, А. П. Направленные ассоциативные эксперименты [Текст] / А. П. Клименко, Л. Н. Титова // Методы изучения лексики. – Минск, 1975. – С. 64–70.
112. Климкова, А. А. Ассоциативное значение слов в художественном тексте [Текст] / А. А. Климкова // Научные доклады высшей школы. Сер.: Филологические науки. – 1991. – № 1. – С.45–54.
113. Климкова, Л. А. Концепт «жалеть» в русском языковом сознании [Текст] / Л. А. Климкова // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сборник материалов. – Тамбов, 2008. – С. 217–219.
114. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика [Текст]: учебник / И. М. Кобозева. – М.: КомКнига, 2007. – 352 с.
115. Когнитивная лингвистика [Текст]: учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 256с.
116. Кодухов, В. И. Лексико-семантические группы слов [Текст]: лекция / В. И. Кодухов. Л.:Изд-во ГПИ, 1955. – 28 с.
117. Кожевникова, Н. А. Язык Андрея Белого / Н. А. Кожевникова. – М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1992. – 256 с.
118. Колшанский, Г. В. Коммуникативная функция и структура языка [Текст] / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1984. – 240 с.
119. Колшанский, Г. В. Логика и структура языка [Текст] / Г. В. Колшанский. – М.: Высш. шк., 1965. – 240 с.
120. Кольер, Р. Оптическая голография [Текст]: пер. с англ. / Р. Кольер, К. Берхарт, Л. Лин. – М.: Мир, 1973. – 686 с.
121. Кольцова, Ю. Н. Духовные искания Н. С. Лескова [Текст] / Ю. Н. Кольцова. – М.: Сварог и К, 2000. – 496 с.
122. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль [Текст] / Н. С. Болотнова, И. И. Бабенко, А. А. Васильева и др.; под ред. Н. С. Болотновой. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2001. – 331 с.

123. Кондрашова, О. В. Семантика поэтического слова (функционально-типологический аспект) [Текст]: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Ольга Васильевна Кондрашова. – Краснодар, 1998. – 42 с.

124. Копанев, П. И. Вопросы истории и теории художественного перевода [Текст] / П. И. Копанев. – Минск: Изд-во БГУ, 1972. – 295 с.

125. Корытная, М. Л. Опыт экспериментального исследования роли заголовка и ключевых слов в построении проекции текста читателем [Текст]: [эксперимент по восприятию худож. текста] / М. Л. Корытная // Слово и текст в психолингвистическом аспекте. – Тверь, 1992. – С. 118–122.

126. Корытная, М. Л. Роль заголовка и ключевых слов в понимании художественного текста [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Марина Леонидовна Корытная. – Тверь, 1996. – 16 с.

127. Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история. Проблема языкового изменения [Текст] / Э. Косериу. – М.: Эдиториал УРСС, 2010. – 208 с.

128. Кочергин, А. Н. Моделирование мышления [Текст] / А. Н. Кочергин – М.: Наука, 1969. – 224 с.

129. Кочеткова, Т. И. Словоупотребление как средство номинации и предикации в современном русском языке [Текст] / Т. И. Кочеткова. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2005. – 287 с.

130. Крушевский, Н. В. Очерк науки о языке [Текст] / Н. В. Крушевский // Избранные работы по языкознанию. – М., 1998. – С. 96–222.

131. Крушевский, Н. В. Очерк науки о языке [Текст] / Н. В. Крушевский. – Казань, 1883. – 148 с.

132. Кубрякова, Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М., 1997. – 326 с.

133. Кубрякова, Е. С. Язык и знание [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
134. Кузнецова, А. И. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования [Текст] / А. И. Кузнецова. – М.: Изд-во МГУ, 1963. – 60 с.
135. Куликова, И. С. Словесные эстетические парадигмы в художественном тексте [Текст] / И. С. Куликова // Семантические и эстетические трансформации слова в тексте. – Л., 1988. – С. 74–86.
136. Левина, В. Н. Принципы классификации текстовых пейзажных единиц [Текст] / В. Н. Левина // Вестник МГОУ. Серия Русская филология. – 2011. – № 3. – С. 21–26.
137. Леонтьев, А. А. Словарь стереотипных ассоциаций русского языка. Его теоретические основы, задачи и значение для обучения русскому языку иностранцев [Текст] / А. А. Леонтьев // Вопросы учебной лексикографии. – М., 1969. – С.114–127.
138. Леденева, В. В. Заметки о языковом облике начала XX века [Текст] / В. В. Леденева // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2010. – № 2. – С. 78–81.
139. Леденева, В. В. Новообразования в текстах В. В. Розанова [Текст] / В. В. Леденева // Текст. Структура и семантика: доклады IX Междунар. конф. – М., 2004. – С. 39–42.
140. Леденева, В. В. Прецедентное имя Лермонтов в текстах Н. С. Лескова [Текст] / В. В. Леденева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология. – 2014. – № 4. – С. 8–13.
141. Леонтьев, А. Н. Деятельность, сознание, личность [Текст] / А. Н. Леонтьев // Избранные психологические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1983. – Т. II. – С. 94–231.

142. Лисоченко, Л. В. Высказывания с имплицитной семантикой (Логические, языковые и прагматические аспекты) [Текст]: монография / Л. В. Лисоченко. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. ун-та, 1992. – 160 с.
143. Лопатин, В. В. Рождение слова: Неологизмы и окказиональные образования [Текст] / В. В. Лопатин. – М.: Наука, 1973. – 152 с.
144. Лурия, А. Р. Диагностика следов аффекта [Текст] / А. Р. Лурия // Психология эмоций. Тексты. – М., 1984. – С. 228–235.
145. Лурия, А. Р. Речь и интеллект в развитии ребенка [Текст] / А. Р. Лурия. – М.: Полиграфшкола им. В. А. Луначарского, 1927. – 74 с.
146. Лурия, А. Р. Речь и интеллект деревенского, городского и беспризорного ребенка [Текст] / А. Р. Лурия. – Л., 1930. – 192 с.
147. Лурия, А. Р. Речь и развитие психических процессов у ребенка [Текст] / А. Р. Лурия, Ф. Я. Юдович. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956. – 96 с.
148. Лурия, А. Р. Роль речи в психическом развитии ребенка [Текст] / А. Р. Лурия // Вопросы психологии. – 1958. – № 25. – С. 3–17.
149. Лурия, А. Р. Роль речи в регуляции нормального и аномального поведения [Текст] / А. Р. Лурия // Проблемы высшей нервной деятельности нормального и аномального ребенка / под ред. А. Р. Лурия. – М., 1958а. – Т. 2. – С. 5–42.
150. Лурия, А. Р. Язык и сознание [Текст] / А. Р. Лурия; под ред. Е. Д. Хомской. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 320 с.
151. Лыков, А. Г. Окказионализм и язык. Норма [Текст] / А. Г. Лыков // Грамматика и норма. – М., 1977. – С. 62–83.
152. Лыков, А. Г. Современная русская лексикология [Текст] / А. Г. Лыков. – М.: Высш. шк., 1976. – 119 с.
153. Любимов, Ю. В. Природа ассоциации: структура словесной памяти и понятие ассоциативного значения [Текст] / Ю. В. Любимов // Словарь ассоциативных норм русского языка. – М., 1977. – С. 25–31.

154. Максимов, Л. Ю. О соотношении ассоциативных и конструктивных связей слова в стихотворной речи [Текст] / Л. Ю. Максимов // Русский язык. – М., 1975. – С. 216–229.

155. Маркелова, Т. В. Семантика оценки и средства её выражения в русском языке [Текст] / Т. В. Маркелова. – М.: Правда, 1996. – 87 с.

156. Мартинович, Г. А. Вербальные ассоциации и организация лексикона человека [Текст] / Г. А. Мартинович // Филологические науки. – 1989. – № 3. – С. 39–45.

157. Мартинович, Г. А. Типы вербальных связей и отношений в ассоциативном поле [Текст] / Г. А. Мартинович // Вопросы психологии. – 1990. – № 2. – С. 143–146.

158. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика [Электронный ресурс]: учебное пособие / В. А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 256 с. – режим доступа: <http://www.docme.ru/doc/7132/maslova---kognitivnaya-lingvistika>. (дата обращения: 03.08.2011).

159. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.

160. Матезиус, В. О так называемом актуальном членении предложения [Текст] / В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок: сборник статей. – М., 1967. – С. 239–245.

161. Матезиус, В. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. Матезиус. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 232 с.

162. Мачихина (Акулинина), Е. П. Флористические текстовые единицы: их роль в творческой картине мира Б. Л. Пастернака [Текст] / Е. П. Мачихина (Акулинина) // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2008. – Вып. 7 (63). – С. 114–118.

163. Минский, М. Фреймы для представления знаний [Электронный ресурс] / М. Минский; под ред. Ф. М. Кулакова. – М.: Энергия, 1979. – 151 с.

– режим доступа: <http://www.myai.narod.ru/Minsky/prilrus.htm> (дата обращения: 20.05.2011).

164. Мони́на, Т. С. Актуализация типа речевого субъекта в поэтической речи (Ф. Тютчев «Умом Россию не понять...») [Текст] / Т.С. Мони́на // Вестник института лингвистики. – 2012. – № 2. – С.46–52.

165. Мулу, Н. Структурные методы и философия науки [Текст] / Н. Мулу // Вопросы философии. – 1969. – № 2. – С. 74–85.

166. Мюллер, Г. Словесное поле и языковое поле [Текст] / Г. Мюллер // Методика преподавания иностранных языков за рубежом. – М., 1967. – С. 155–163.

167. Назарова, Н. Ю. Преобразование психологической семантики в современной текстовой коммуникации [Текст] / Н. Ю. Назарова // Вестник МГОУ. Серия Русская филология. – 2014. – № 3. – С. 50–57.

168. Найда, Ю. А. Процедура анализа компонентной структуры референционного значения [Текст] / Ю. А. Найда // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1983. – Вып. 14. – С. 61–74.

169. Намитокова, Р. Ю. Типология новых слов и место теленеологизмов в ней [Текст] / Р. Ю. Намитокова, И. А. Нефляшева // Филологический вестник. – Майкоп, 2005. – № 7. – С. 128–133.

170. Намитокова, Р. Ю. Употребление индивидуальных неологизмов в советской поэзии [Текст] / Р. Ю. Намитокова // Вопросы лексики и фразеологии современного русского языка. – Ростов-н/Д., 1968. – С. 154–157.

171. Некрасова, Е. А. Словесно-ассоциативные ряды в стихотворном тексте (к проблеме словесно-образной синонимии) [Текст] / Е. А. Некрасова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1983. – Т. 42. – № 5. – С. 451–463.

172. Новиков, Л. А. Семантическое поле как лексическая категория [Текст] / Л. А. Новиков // Теории поля в современном языкознании: Тезисы докладов научно-теоретического семинара. – Уфа, 1991. – С. 3–7.

173. Новикова А. М. «Семантический гештальт» в структуре ассоциативного поля [Текст]: автореферат дис. ... канд. филол. наук / Анна Михайловна Новикова. – М.: РУДН, 1998. – 30 с.

174. Ожегов, С. И. Основные черты развития русского языка в советскую эпоху [Текст] / С. И. Ожегов // Лексикология. Лексикография. Культура речи. – М.: Высш. шк., 1974. – С. 85–95.

175. Орлова, О. В. Коммуникативные аспекты лексической репрезентации концепта «язык» в лирике И. Бродского [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ольга Васильевна Орлова. – Томск, 2002. – 25 с.

176. Орлова, О. В. Место концепта язык в концептосфере И. Бродского и его лексическая репрезентация [Текст] / О. В. Орлова // Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте: науч. тр. каф. совр. рус. яз. и стилистики Том. гос. пед. ун-та / под ред. проф. Н. С. Болотновой. – Томск, 2000. – С. 140–150.

177. Островский, Ю. И. Голография [Текст] / Ю. И. Островский. – М.: Наука, 1970. – 362 с.

178. Петрова, Н. Г. Лексические средства регулятивности в поэтических текстах К. Д. Бальмонта [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Нина Геннадьевна Петрова. – Томск, 2000. – 23 с.

179. Пиотровский, Р. Г. Очерки по стилистике французского языка [Текст] / Р. Г. Пиотровский. – Л., 1960. – 220 с.

180. Пискунова, С. В. Грамматическая форма поэтического текста. Мелодии цвета В. Астафьева [Текст] / С. В. Пискунова // Теория и практика преподавания русского языка: межвуз. сб. науч. тр. – Тамбов, 1999. – С. 128–142.

181. Пискунова, С. В. Лингвистический анализ текста [Текст]: учебно-методическое пособие для студентов филологических факультетов / С. В. Пискунова. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 1999а. – 72 с.

182. Пискунова, С. В. Особенности языковых средств выражения портретных характеристик в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» [Текст] / С. В. Пискунова, Л. Е. Хворова // Теория и практика преподавания русского языка. – Тамбов, 1991. – С. 108–118.

183. Пискунова, С. В. Поэтическая семантика слова (Б. Пастернак «Близнецы») [Текст] / С. В. Пискунова // Слово II: сборник научных работ. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 1997. – С. 160–180.

184. Пискунова, С. В. Тайны поэтической речи (Грамматическая форма и семантика текста) [Текст]: монография / С.В. Пискунова. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. – 408 с.

185. Пискунова, С. В. Текст, его семантика, форма и функции в языковом общении [Текст] / С. В. Пискунова // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы Всеросс. научн. конф. (Пенза, 15-19 мая 2000 г.) / отв. ред. проф. А. В. Пузырев. – М., Пенза, 2001. – С. 58–65.

186. Покровский, М. М. Избранные работы по языкознанию [Текст] / М. М. Покровский. – М., 1959. – 382 с.

187. Полевые структуры в системе языка [Текст] / под ред. З. Д. Поповой. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 199 с.

188. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: Восток-Запад, 2007. – 313 с.

189. Попова, З. Д. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Антология концептов. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 1. – С. 7–10.

190. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 192 с.

191. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка [Текст]: монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007а. – 250 с.

192. Попова, Т. В. Неология и неография современного русского языка [Текст]: учеб. пособие / Т. В. Попова, Л. В. Рацибурская, Д. В. Гугунава. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 167 с.
193. Потебня, А. А. Мысли и язык [Текст]: сборник трудов / А. А. Потебня. – М.: Лабиринт, 1999. – 330 с.
194. Прибрам, К. Языки мозга [Текст]: пер. с англ. / К. Прибрам. – М.: Прогресс, 1975. – 463 с.
195. Пушкарева, И. А. Об изучении концептуальной картины мира автора на основе смысловых лексических парадигм [Текст] / И. А. Пушкарева // Современные образовательные стратегии и духовное развитие личности: материалы Всерос. науч. конф. – Томск, ТГПУ, 1996. – Ч. II: Язык в социально-культурном пространстве. – С. 64–69.
196. Пушкарева, И. А. Смысловые лексические парадигмы в лирике М. И. Цветаевой [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ирина Алексеевна Пушкарева. – Томск, 1999. – 22 с.
197. Рахилина, Е. В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики [Текст] / Е. В. Рахилина // Известия АН. СЛЯ, 2000. – Т. 59. – № 3. – С. 3–15.
198. Рацибурская, Л. В. Особенности языка современных российских СМИ: средства речевой агрессии [Текст] / Л. В. Рацибурская. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2010. – 79 с.
199. Ребеко, Т. А. Ментальная репрезентация как формат хранения информации [Текст] / Т. А. Ребеко // Ментальная репрезентация: динамика и структура. – М., 1998. – С. 25–55.
200. Ревзина, О. Г. Выразительные средства поэтического языка М. Цветаевой и их представление в индивидуально-авторском словаре [Текст] / О. Г. Ревзина // Язык русской поэзии XX века (сборник научных трудов) – М., 1989. – С. 195–222.
201. Ревзина, О. Г. От стихотворной речи к поэтическому идиолекту [Текст] / О. Г. Ревзина // Очерки истории языка русской поэзии XX века.

Поэтический язык и идиостиль. Общие вопросы. Звуковая организация текста. – М.: Наука, 1990. – С. 27–46.

202. Рогожникова, Т. М. Взаимосвязь ассоциативного мира слова и текста [Текст] / Т. В. Рогожникова // Проблемы семантики: психолингвистические исследования. – Тверь, 1991. – С. 45–53.

203. Рогожникова, Т. М. Психолингвистические проблемы функционирования полисемантического слова [Текст]: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Татьяна Михайловна Рогожникова. – Уфа, 2000. – 42 с.

204. Руделёв, В. Г. Принципы сегментации поэтической речи [Текст]: в 6 т. Т. 6 / В. Г. Руделёв. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2002. – 178 с.

205. Руделёв, В. Г. Принципы сегментации поэтической речи [Текст] / В. Г. Руделёв // Поэтика литературы и фольклора. – Воронеж, 1979. – С. 71–78.

206. Ряшенцев, К. Л. Сложные слова в современном русском языке [Текст]: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Константин Леонтьевич Ряшенцев. – М., 1969. – 34 с.

207. Сазонова, Т. Ю. Моделирование процессов идентификации слова человеком: психологический подход [Текст]: монография / Т. Ю. Сазонова. – Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-т, 2000. – 134 с.

208. Смирницкий, А. Н. Лексикология английского языка [Текст] / А. Н. Смирницкий. – М., 1956. – 260 с.

209. Соколова, Т. В. Ассоциативный словарь ребенка. Вербальные реакции детей 3–7 лет [Текст] Ч.1: от стимула к реакции / Т. В. Соколова. – Архангельск, 1996. – 255 с.

210. Соколова, Т. В. Ассоциативный словарь ребенка. Частотный словарь корней в ассоциативном тезаурусе ребенка дошкольного возраста [Текст] Ч. II: От реакции к стимулу / Т. В. Соколова. – Архангельск, 1996а. – 360 с.

211. Соколова, Т. В. Ассоциативный тезаурус ребенка 3-6 лет: автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Татьяна Васильевна Соколова. – М., 1999. – 65 с.

212. Солженицын, А. И. Некоторые грамматические соображения, применённые в этом собрании сочинений [Текст] /А. И. Солженицын // Русская речь. – 1993. – № 2. – С. 35–49.

213. Соссюр, Фердинанд де. Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. де Соссюр. – М.: УРСС Эдиториал, 2007. – 257 с.

214. Стальмахова, Е. А. Философская категория «время» в языке русской поэзии (семантико-стилистический аспект) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Елена Александровна Стальмахова. – Брянск, 1998. – 19 с.

215. Становкин, П. Заглавия-интертексты в сборниках О. Э. Мандельштама «Камень», «Tristia», «Стихи 1921-1920-х годов», «Новые стихи» (1930–1937) [Текст] / П. Становкин // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. – № 6. – С. 73–77.

216. Степанов, Г. В. Заметки об образном строе лирики Пушкина [Текст] / Г. В. Степанов. – Roma: Accademia Nazionale. Lincei, 1978. – 291 с.

217. Степанов, Г. В. Несколько замечаний о специфике художественного текста [Текст] / Г. В. Степанов // Сборник научных трудов МГПИИЯ. – М., 1976. – Вып. 103. Лингвистика текста. – С. 144–150.

218. Стернин, И. А. Концепты и лакуны [Текст] / И. А. Стернин, Г. В. Быкова // Языковое сознание: формирование и функционирование. – М., 2000. – С. 55–67.

219. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи [Текст] / И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 171 с.

220. Сузанович, В. Б. Окказионализмы в произведениях В. С. Иванова [Текст] / В. Б. Сузанович // Ученые записки Ташкентского пед. ин-та. – Ташкент, 1975. – Т. 143. – С. 146–152.

221. Талбот, М. Голографическая Вселенная [Текст]: пер. с англ / М. Талбот. – М.: Издательский дом «София», 2004. – 368 с.

222. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира [Текст] / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. – М., 1988. – С. 173–204.

223. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис [Текст]: монография / под ред. А. В. Бондарко. – М.: УРСС, Эдиториал, 2003. – 352 с.

224. Трубецкой Н. С. Основы фонологии [Текст] / Н. С. Трубецкой; пер. с нем. А. А. Холодовича; ред. С. Д. Кацнельсона; послесл. А. А. Реформатского. – М., 1960. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 352 с.

225. Тураева, З. Я. Лингвистика текста: (Текст: Структура и семантика) [Текст]: учеб. пособие / З. Я. Тураева. – М.: Просвещение, 1986. – 126 с.

226. Тырышкина Е. А. Изучение ассоциативных связей слов как один из способов интерпретации художественного текста [Текст] / Е. А. Тырышкина // Художественный текст и языковая личность: проблемы изучения и обучения: материалы II Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Томского гос. пед. ун-та (11–12 октября 2001 г.) / под общей редакцией проф. Н. С. Болотновой. – Томск, 2001. – С. 79–84.

227. Ульманн, С. Семантические универсалии [Текст] / С. Ульманн // Новое в лингвистике. – М., 1970. – Вып. 5. – С. 250–299.

228. Уфимцева, А. А. Опыт изучения лексики как системы / А. А. Уфимцева. – М., 1962. – 287 с.

229. Уфимцева, А. А. Теории семантического поля и возможности их применения при изучении словарного состава языка [Текст] / А. А. Уфимцева // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – М., 1961. – С. 30–63.

230. Уфимцева, Н. В. Опыт экспериментального исследования развития словесного значения [Текст] / Н. В. Уфимцева // Психолингвистические проблемы семантики. – М., 1983. – С. 140–180.

231. Уфимцева, Н. В. Слово, значение и языковое сознание [Текст] / Н. В. Уфимцева // Когнитивные исследования. Концептуальный анализ языка: сборник научных трудов. – Тамбов, 2009. – Вып. I. – С. 103–110.

232. Фельдман, Н. И. Окказиональные слова и лексикография [Текст] / Н. И. Фельдман // Филологические науки. – 1971. – № 4. – С. 64–73.

233. Физика. Электростатическое поле. Его свойства и характеристики: конспект лекций [Текст] Ч.1 / авт.-сост. В.И. Барсуков. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2005. – 64 с.

234. Филин, Ф. П. Историческая лексикология русского языка [Текст] / Ф. П. Филин. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 176 с.

235. Фрейд, З. Введение в психоанализ. Лекции 1–15 [Текст] / З. Фрейд. – СПб.: Алетейя, 1999. – 280 с.

236. Фролов, И. Т. Гносеологические проблемы моделирования [Текст] / И. Т. Фролов. – М.: Наука, 1961. – 224 с.

237. Фрумкина, Р. М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога (концепт, категория, прототип) [Текст] / Р. М. Фрумкина // Научно-техническая информация. – 1992. – № 3. – С. 1–8.

238. Фрумкина, Р. М. Психолингвистика [Текст]: учебник для студ. высш. учеб. заведений / Р. М. Фрумкина. – М.: Издат. центр «Академия», 2001. – 320 с.

239. Ханпира, Э. Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании [Текст] / Э. Ханпира // Развитие словообразования современного русского языка. – М., 1966. – С. 153–167.

240. Ханпира, Э. Окказиональные элементы в современной речи [Текст] / Э. Ханпира // Стилистические исследования. – М., 1972. – С. 245–316.

241. Ховаев, В. И. Текстобразующая роль ассоциативных рядов слов в художественных текстах малого жанра (на материале рассказов Ю. Нагибина) [Текст]: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Валерий Иванович Ховаев. – Воронеж, 1987. – 15 с.

242. Цыпин, О. А. Типология предикатов в русском языке: (На материале драматических текстов Александра Вампилова) [Текст]: автореф. дис. ... д. филол. наук: 10.02.01 / Олег Александрович Цыпин. – Тамбов, 2003. – 48 с.

243. Чернова, Н. В. Отклонения от языковых норм в письмах Л. Н. Толстого (Лексические новообразования) [Текст] / Н. В. Чернова // Грамматика и норма. – М., 1977. – С. 109–120.

244. Чернухина, И. Я. Элементы организации художественного прозаического текста [Текст] / И. Я. Чернухина. – Воронеж, 1984. – 220 с.

245. Чурилина, Л. Н. Антропоцентризм художественного текста как принцип организации его лексической структуры [Текст]: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Любовь Николаевна Чурилина. – СПб., 2003. – 44 с.

246. Шаклеин, В. М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста [Текст] / В. М. Шаклеин. – М.: Общество любителей российской словесности, 1997. – 184 с.

247. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка [Текст] / Н. М. Шанский. – М.: Просвещение, 1964. – 316 с.

248. Шанский, Н. М. Очерки по русскому словообразованию [Текст] / Н. М. Шанский. – М.: Изд-во МГУ, 1968. – 310 с.

249. Шанский, Н. М. Очерки по русскому словообразованию [Текст] / Н. М. Шанский. – М., 2010. – 336 с.

250. Шарандин, А. Л. Ведь что-то значат слов сплетенья: К вопросу о поэтическом языке [Текст] / А. Л. Шарандин // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманит. науки. – 2002. – Вып. 3 (27). – С. 125–130.

251. Шарандин, А. Л. Курс лекций по лексической грамматике русского языка: морфология [Текст] / А. Л. Шарандин. – Тамбов, 2001. – 313 с.

252. Швецова, В. М. Внешние ресурсы развития семантического пространства текстовой единицы Швецова В. М. Внешние ресурсы развития семантического пространства текстовой единицы [Текст] / В. М. Швецова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». Вып. 34. – 2009. – № 27 (165). – Челябинск: ЧелГУ, 2009. – 183с. – С. 164–166.

253. Швецова, В. М. Принципы семантического расширения слова в тексте и индивидуальной языковой системе А. И. Солженицына [Текст] / С. В. Пискунова, В. М. Швецова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. № 8: в 2-х ч. Ч.1. – С. 145–147.

254. Шевякова, В. Е. Актуальное членение предложения [Текст] / В. Е. Шевякова. – М.: Наука, 1976. – 136 с.

255. Шеннон, К. Работы по теории информации и кибернетике [Текст] / К. Шеннон. – М.: Иностр. лит., 1963. – 830 с.

256. Шешукова, Л. В. Об актуальном членении сложных предложений [Текст] / Л. В. Шешукова // Филологические науки / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М., 1972. – №1. – С. 69–78.

257. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики [Текст] / Д. Н. Шмелев. – Изд-е 2, стереотип. – М., 2006. – 280 с.

258. Шубин, Э. П. Языковая коммуникация и обучение иностранным языкам [Текст] / Э. П. Шубин. – М., 1971. – 350 с.

259. Щур, Г. С. Теория поля в лингвистике [Текст] / Г. С. Щур. – М., 1974. – 255 с.

260. Юм, Д. Сочинения [Текст]: в 2 т. Т.1 / Д. Юм. – М.: Мысль, 1965. – 841 с.

261. Юм, Д. Сочинения [Текст]: в 2 т. Т.2 / Д. Юм. – М.: Мысль, 1965. – 928 с.
262. Cofer, Ch .N. Associative Commonality and Rated Similarity of Certain Words from Haagen's List / Ch.N. Cofer // Psychological Reports, 1957. – V.3. P. 603-606.
263. Collier,R. Optical Holography / R. Collier, B. C. Burckhardt,L. H. Lin. – N.-Y.: Academic Press, 1971. – 605 p.
264. Deese, J. The Structure of Associations in Language and Thought / J. Deese. – Baltimore: The John Hopkins Press, 1965. – 216 p.
265. Ducháček, O. Průcis de sřmantique francaise / O. Ducháček. – Brno, 1967. – 216 p.
266. Ducháček, O. Le champ conceptuel de la beaute en francais modeme / O. Ducháček. – Praha, 1960. – 245 p.
267. Firbas, J. More thoughts of the Communicative Function of the English Verb / J. Firbas // Ins Sbornik Praci Filosof. Fak. Brnenske Univ. – A7, 1959. – P.74-96.
268. Heyse, K. W. System der Sprachwissenschaft / K. W Heyse; hrsg von DrSteinthal. – Berlin, 1856. – 476 s.
269. Humboldt, W. Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geitige Entwicklung des Menschengeschlechts : ueber die Sprache / W. von Humboldt . – Wiesbaden : Fourier, 2003. – 571 s .
270. Ipsen, G. Der Alte Orient und die Indogermanen / G. Ipsen. – Heidelberg, 1924. – 225 p.
271. Kent, G.H. A Study of Association in Insanity / G. H. Kent, A. J. Rosanoff // American Journal of Insanity, 1910. – № 67. – P. 37-96.
272. Lehrer, A. Semantic Fields and Lexical Structure / A. Lehrer . – Amsterdam: Benjamins,1974. – 229 p.

273. Lewin, K. Principles of topological psychology / K. Lewin. – N.-Y., 1936. – 189 p.
274. Lewin, K. A dynamic theory of the feeble-minded / K. Lewin // Dynamic theory of personality. – N.-Y.; L.: McGraw-Hill Book Company, 1935. – P. 194-238.
275. Lounsbury, N. R. History of English Language / N. R. Lounsbury. – L., 1906. – 287 p.
276. Meyer, R.M. Bedeutungssysteme / R.M. Meyer // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiet der indogermanischen Sprache. – Göttingen, 1910. – S. 334–359.
277. Miller, G. A. Language and communication / G. A. Miller. – N.-Y., 1951. – 298 p.
278. Müller, G. Wortfeld und Sprachfeld, «Beiträge zur Einheit von Bildung und Sprache im Geistigen. Festschrift für Ernst Otto» / G. A. Müller. – Berlin, 1957. – S. 155-163.
279. Parret, H. Discussing Language / H. Parret . – Hague-Paris, 1974. – 14 p.
280. Penfield, W. The Mystery of the Mind: A Critical Study of Consciousness and Human Brain / W. Penfield. – Princeton: Princeton University Press, 1975. – 123 s.
281. Porzig, W. Das Wunder der Sprache/ W. Porzig // Probleme, Methode und Ergebnisse der modernen Sprachwissenschaft, 2. Aufl. – Bern, 1957. – S. 117-125.
282. Porzig, W. Wesenhafte Bedeutungsbeziehungen. Beiträge zu der Geschichte der Deutschen Sprache und Literatur / W. Porzig. – Bd. 58, 1934. – 74 s.
283. Pribram, K. The Neurophysiology of Remembering / K. Pribram // Scientific American 220 (January 1969). – 75 p.
284. Pribram, K. Languages of the Brain / K. Pribram. – Monterey, Calif: Wadsworth Publishing, 1977. – 123 p.

285. Trier, I. Der Deutsche Wortschatz im Sinnbezirk der Verstandes / I. Trier. – Heidelberg, 1931. – 47 p.

286. Weisgerber, L. Die Bedeutungslehre – ein Irrweg der Sprachwissenschaft? / L. Weisgerber // Germanisch. – Romanische Monatsschrift, 1927, 15, 5/6. – P. 161-183.

287. Weisgerber, L. Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik / L. Weisgerber. – Dusseldorf, 1962. – 133 s.

Список словарей

288. Большой психологический словарь [Текст] / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 667 с.

289. Большая советская энциклопедия [Текст]. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – 1600 с.

290. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]: в 30 т. Т. 17. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/166420/%D0%9C%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%8C> (дата обращения: 14.10.2009).

291. Даль, В. И. Толковый словарь великорусского языка [Текст]: в 4 т. Т. 1 / В. И. Даль. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2003. – 699 с.

292. Даль, В. И. Толковый словарь великорусского языка [Текст]: в 4 т. Т. 2 / В. И. Даль. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2003. – 799 с.

293. Даль, В. И. Толковый словарь великорусского языка [Текст]: в 4 т. Т. 3 / В. И. Даль. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2003. – 688 с.

294. Даль, В. И. Толковый словарь великорусского языка [Текст]: в 4 т. Т. 4. / В. И. Даль. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2003. – 688 с.

295. Ефремова, Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка [Электронный ресурс] / Т.Ф. Ефремова. – М.: Дрофа, Русский

язык, 2000. – 1233 с. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/> (дата обращения: 04.08.2012).

296. Краткий психологический словарь [Текст] / под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М., 1985. – 430 с.

297. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / С. А. Кузнецов. – М.: Норит, 2000. – 1536 с.

298. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 683 с.

299. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / под ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/304a.html> (дата обращения: 12.11. 2010).

300. Лопатин В. В. Малый толковый словарь русского языка [Текст]: около 35000 слов / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. – М.: Рус. яз., 1990. – 704 с.

301. Лопатин, В. В. Русский толковый словарь [Текст]: около 35000 слов: 70000 словосочетаний / В. В. Лопатин. – 7-е изд. – М.: Рус. яз., 2001. – 877 с.

302. Новейший философский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1402/%D0%AD%D0%9A%D0%A1%D0%A2%D0%90%D0%97 (дата обращения: 05.03.2011).

303. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст]: ок. 57000 / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1988. – 750 с.

304. Ожегов, С. М. Словарь русского языка [Текст]: ок. 57000 слов / С. М. Ожегов. – Изд. 11, стереотип. – М.: Рус. яз., 1975. – 847 с.

305. Психологический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.psychologist.ru/dictionary_of_terms/index.htm?id=405 (дата обращения: 05.03.2011).

306. Русский ассоциативный словарь [Текст]: в 2 т. Т. 1: От стимула к реакции: около 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. Ф. Уфимцева, Е. Ф. Тарасов. – М.: Астрель – АСТ, 2002. – 783 с.

307. Русский ассоциативный словарь [Текст]: в 2 т. Т. 2: От реакции к стимулу: более 100 000 реакций / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. Ф. Уфимцева, Е. Ф. Тарасов. – М.: Астрель – АСТ, 2002а. – 992 с.

308. Русский словарь языкового расширения [Текст] / сост. А. И. Солженицын. – 3-е изд. – М.: Русский путь, 2000. – 280 с.

309. Словарь ассоциативных норм русского языка [Текст] / Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; под ред. А. А. Леонтьева. – М.: изд-во МГУ, 1977. – 192 с.

310. Словарь варваризмов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://varvarizm.narod.ru/glamour.html> (дата обращения: 05.02.2011).

311. Словарь русского языка [Текст]: ок. 57000 / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз, 1988. – 750 с.

312. Словарь синонимов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://academic.ru/dic.nsf/dic_sinonims/21681%DO%B3%DO%BB%DO%BC%D1%83%D1%80 (дата обращения: 05.02.2011).

313. Словарь современного русского литературного языка [Текст] Т. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 767 с.

314. Словарь современного русского литературного языка [Текст] Т. 2. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 1394 с.

315. Словарь современного русского литературного языка [Текст] Т. 3. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 1339 с.

316. Словарь современного русского литературного языка [Текст] Т. 4. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 1365 с.

317. Словарь современного русского литературного языка [Текст] Т. 5. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 1920 с.

318. Словарь современного русского литературного языка [Текст] Т. 6. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – 1676 с.
319. Словарь современного русского литературного языка [Текст] Т.7. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 1468 с.
320. Словарь современного русского литературного языка [Текст] Т. 8. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 1840 с.
321. Словарь современного русского литературного языка [Текст] Т. 9. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 1482 с.
322. Словарь современного русского литературного языка [Текст] Т. 10. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 1774 с.
323. Словарь современного русского литературного языка [Текст] Т. 11. – М.; Л. Изд-во АН СССР, 1961. – 1842 с.
324. Словарь современного русского литературного языка [Текст] Т. 12. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 1676 с.
325. Словарь современного русского литературного языка [Текст] Т. 13: – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1965. – 2126 с.
326. Словарь современного русского литературного языка [Текст] Т. 14. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1964. – 1390 с.
327. Словарь современного русского литературного языка [Текст] Т. 15. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 1285 с.
328. Словарь современного русского литературного языка [Текст] Т. 16. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1964. – 1610 с.
329. Словарь современного русского литературного языка [Текст] Т. 17. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1965. – 1965 с.
330. Терминологический словарь по основам информатики и вычислительной техники [Текст] / под ред. А. П. Ершова, Н. М. Шанского. – М.: Просвещение, 1991. – 159 с.

331. Термины полевой физики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sunhome.ru/philosophy/14547/p2> (дата обращения: 03.08.2011)

332. Толковый словарь русского языка [Текст] Т. 1 / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Астрель – АСТ, 2000. – 748 с.

333. Толковый словарь русского языка [Текст] Т. 4 / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Астрель – АСТ, 2000. – 1500 с.

334. Толковый словарь русского языка [Текст] Т. 4 / гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков; сост. В. В. Виноградов и др.; под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1940. – 1500 с.

335. Kent, G. H. A Study of Association in Insanity / G. H. Kent, A. J. Rosanoff // American Journal of Insanity, 1910. – Vol. 67. – No. 1–2.

336. Online Etymology Dictionary by Douglas Harper [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tymonline.com/index.php?search=glamour&searchmode=none> (дата обращения: 05.02.2011).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. БПС – *Большой психологический словарь* [Текст] / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 667 с.
2. БОС – Большая советская энциклопедия [Текст]. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – 1600 с.
3. БЭС – *Большая советская энциклопедия* [Электронный ресурс]: в 30 т. Т. 17. – М.: Советская энциклопедия, 1969-1978. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/166420/%D0%9C%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%8C> (дата обращения: 14.10.2009).
4. КПС – *Краткий психологический словарь* [Текст] / под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М., 1985. – 430 с.
5. ЛЭС – *Лингвистический энциклопедический словарь* [Текст] / под ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
6. НФС – *Новейший философский словарь* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1402/%D0%AD%D0%9A%D0%A1%D0%A2%D0%90%D0%97 (дата обращения: 05.03.2011).
7. РАС – *Русский ассоциативный словарь* [Текст]: в 2 т. Т. 1: От стимула к реакции: около 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. Ф. Уфимцева, Е. Ф. Тарасов. – М.: Астрель – АСТ, 2002. – 783 с.; Т. 2: От реакции к стимулу: более 100 000 реакций / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. Ф. Уфимцева, Е. Ф. Тарасов. – М.: Астрель – АСТ, 2002а. – 992 с.
8. РСЯР – *Русский словарь языкового расширения* [Текст] / сост. А. И. Солженицын. – 3-е изд. – М.: Русский путь, 2000. – 280 с.

9. САНРЯ – Словарь ассоциативных норм русского языка [Текст] / Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; под ред. А. А. Леонтьева. – М.: изд-во МГУ, 1977. – 192 с.
10. СРЯ – Словарь русского языка [Текст]: ок. 57000 / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз, 1988. – 750 с.
11. ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка [Текст]: в 17 т. т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960-1965.
12. ТСОИВТ – Терминологический словарь по основам информатики и вычислительной техники [Текст] / под ред. А. П. Ершова, Н. М. Шанского. – М.: Просвещение, 1991. – 159 с.
13. ТПФ – Термины полевой физики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sunhome.ru/philosophy/14547/p2> (дата обращения: 03.08.2011)
14. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка [Текст] Т. 1,4 / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Астрель – АСТ, 2000.
15. ТСРЯЗ – Толковый словарь русского языка [Текст] Т. 4 / гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков; сост. В. В. Виноградов и др.; под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1940. – 1500 с.
16. OEDDD – Online Etymology Dictionary by Douglas Harper [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tymonline.com/index.php?search=glamour&searchmode=none> (дата обращения: 05.02.2011).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Аксенов, В. Ожог [Текст] / В. Аксенов. – М.: Изогриф, ЭКСМО – Пресс, 2000. – 495 с.
2. Аксенов, В. Скажи изюм [Текст] / В. Аксенов. – М.: Изогриф, ЭКСМО – Пресс, 2000. – 408 с.
3. Булгаков, М. А. Собачье сердце: повести и рассказы [Текст] / М. А. Булгаков; сост., посл. и прим. В. И. Сахарова; ил. И. Н. Мельникова. – М.: Правда, 1990. – 464 с.
4. Веллер, М. И. Мое дело [Текст] / М. И. Веллер. – М., 2007. – 350 с.
5. Веллер, М. И. Ножик Сергея Довлатова [Текст] / М. И. Веллер. – Спб., 2004. – 283 с.
6. Грекова, И. Кафедра [Текст] / И. Грекова. – М.: Зебра Е, Эксмо, 2002. – 301 с.
7. Минаев, С. ДУХLESS: Повесть о ненастоящем человеке [Текст] / С. Минаев. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – 346 с.
8. Пунш, Е. Net. Любви [Текст] / Е. Пунш. – М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб., 2007. – 223 с.
9. Рыбаков, А. Тяжелый песок [Текст] / А. Рыбаков. – М.: Известие, 1981. – 331 с.
10. Силантьев, И. В. Роман и роман: риторика дискуссионных смешений [Текст] / И. В. Силантьев; отв. ред. Ю. В. Шатин. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 224 с.
11. Солженицын, А. И. Апрель семнадцатого [Текст] / И. А. Солженицын // Новый мир. – 1992. – № 12. – С. 4–66.
12. Солженицын, А. И. Архипелаг ГУЛАГ [Текст] Т. 2 / И. А. Солженицын. – М.: ИНКОМ НВ, 1991. – 576 с.

13. Солженицын, А. И. Бодался теленок с дубом [Текст] / И. А. Солженицын // Новый мир. – 1991. – № 8. – С. 5–124.
14. Солженицын, А. И. В круге первом [Текст] Кн. 2. / А. И. Солженицын. – М.: ИНКОМ НВ, 1991. – 384 с.
15. Солженицын, А. И. Раковый корпус [Текст] / А. И. Солженицын. – М.: ИНКОМ НВ, 1991. – 464 с.
16. Солженицын, А. И. Рассказы [Текст] / А. И. Солженицын. – М.: ИНКОМ НВ, 1991. – 288 с.
17. Солженицын, А. И. Окунаясь в Чехова: из литературной коллекции [Текст] / А. И. Солженицын // Новый мир. – 1998. – № 10. – С. 161–183.
18. Солженицын, А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов: очерки изгнания [Текст]. Ч. 1 (1974 – 1978) // Новый мир. – 1998. – № 9. – С. 47 – 125.
19. Солженицын, А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания [Текст]. Часть I. (1974–1978) // Новый мир. – 1999. – № 2. – С. 67–140.
20. Толстая, Т. Н. День: Личное [Текст] / Т. Н. Толстая. – М.: Подкова, 2002. – 415с.
21. Толстая, Т. Н. Изюм [Текст] / Т. Н. Толстая. – М.: Подкова, 2002. – 384 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ
МАТЕРИАЛЫ ОПЫТНОЙ ПРОВЕРКИ: ВАЛИДНОСТЬ
РЕЗУЛЬТАТОВ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Приложение 1

Основные положения эксперимента

Опытная проверка валидности результатов теоретического исследования диссертационного сочинения проходила в три этапа. *Цель проведения опыта* – определить текстовое значение голографической единицы на различных этапах развития процессов моделирования.

Достоверность результатов обеспечивается привлечением к анализу материала непосредственно носителей русского языка (523 человека), которые интерпретировали значения исследуемых единиц в тексте. Причём 220 человек – студенты очной и заочной формы обучения Мичуринского государственного педагогического института (факультет начальных классов и факультет биологии), 303 человека – студенты Мичуринского государственного аграрного университета (социально-гуманитарного, инженерного факультетов и Плодоовощного института).

Первый этап опытной проверки валидности результатов данного диссертационного исследования – установление значения предложенного слова, словосочетания, сочетания слов и так далее на базе статей толковых словарей русского языка: Словарь современного русского литературного языка; Большой толковый словарь русского языка (Кузнецов С.А.); Толковый словарь великорусского языка (Даль В.И.); Новый толково-словообразовательный словарь русского языка (Ефремова Т.Ф.) и т.д.

Цель – определить зафиксированный объём семантики исследуемой единицы. Если она не представлена в данной форме в словарях, так как имеет сложную словообразовательную структуру или состоит из двух и более

знаменательных единиц, объединённых подчинительной грамматической связью, или является компонентом предложения и т.п., то студентам предлагается установить значение каждого из её компонентов по материалам толковых словарей русского языка.

Второй этап – определить значение уже знакомого и исследуемого ранее выделенного слова во фрагменте текста художественного произведения. **Цель** – установить случаи трансформации в виде увеличения общего семантического объёма языковой единицы, выступающей в качестве голографической единицы. При этом фиксируются следующие аспекты: её лексико-семантический и ассоциативный потенциал. Если исследуемая текстовая единица не фиксируется в данной форме в словарях или представляет собой единицу индивидуально-авторского словотворчества писателя, то студентам предлагается установить её значение в опоре на их имеющийся индивидуальный языковой опыт, а также в опоре на смысловое поле самого текста.

Особое внимание уделяется исследованию вербализованных текстовых ассоциаций, формирующих в дальнейшем ассоциативное значение изучаемой единицы. Определяются типы внутрисловных ассоциативных связей, возникающих при взаимодействии содержательно-смысловых ресурсов голограммы. Работа осуществляется на основе данных следующих словарей: Русский ассоциативный словарь. От стимула к реакции Русский ассоциативный словарь. (РАС) Т.1, Т.2 (Караулов Ю.Н. и др.); Словарь ассоциативных норм русского языка [САНРЯ] (Ред. Леонтьев А. А.); а также с опорой на сформированную систему индивидуальных ассоциативных представлений студентов.

На данном этапе выявляются стимуляторы, которые непосредственно участвуют в развитии семантики голографической единицы. Если они не функционируют в данном тексте, то студенты переходят к завершающей фазе опыта. На основе развития лексико-семантического потенциала

голографической единицы устанавливается её базовое значение, на основе взаимодействия ассоциативного потенциала – ассоциативное значение. В результате синтеза полученных значений формируется текстовая семантика исследуемой единицы. Далее следует проверка значения, организованного в тексте и закреплённого в словарях русского языка, с позиции его трансформации.

Третий этап опытной проверки – выявление текстовой семантики голографической единицы на основе её базового и ассоциативного значений.

Цель – определить условия, способы и характер реализации голографической единицы в окружении стимуляторов:

1) выявляется потенциал стимуляторов, зафиксированный в толковых и ассоциативных словарях русского языка; определяются принципы их взаимодействия с голографической единицей, в результате которых моделируется её базовая семантика;

2) устанавливаются следующие механизмы развития первичных и вторичных процессов моделирования семантики голографической единицы: условия и характер взаимодействия лексико-семантических и содержательно-смысловых ресурсов голографической единицы и стимуляторов; семантический и ассоциативный объём уровня обобщённого значения голографической единицы; структура уровня информационного центра, на основе которого формируется текстовая семантика конкретного слова.

3) проверка адекватности толкования (интерпретации) текстовой семантики – студенты сравнивают объём сформировавшегося в тексте значения голографической единицы с зафиксированным в языке значением, а также устанавливают характер выявленной трансформации.

**Сведения об опытной проверке валидности результатов
диссертационного исследования**

**2.1. Эскалационный тип голографической модели
«Линейное структурирование внутреннего пространства
текстовой голографической единицы»**

2.1.1. Вид-1 голографической модели «Информационная петля»

ИГРУШЕЧНО-ЗВЕРИНО-ТЕСНЫЙ:

- тип текстовой голографической единицы – индивидуально-авторская конструкция М. А. Булгакова.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единица не зафиксирована в толковых словарях современного русского языка (528 человек).

Данные толковых словарей русского языка (компоненты голографической единицы):

- *игрушечный* – «необычно маленький, непохожий на настоящий» [ССРЛЯ, Т. 5, 1965: 56]; «вещь, служащая для игры, развлечения; не настоящая» [Лопатин, 2001: 84] – 528 человек; то есть *игрушечный* (комната) – «из ненастоящего мира; маленькая комната» (506 человек);

- *тесная* (комната) – «недостаточный по пространству, непросторный» [Лопатин, 2001: 743]; «где мало места, некуда деваться, не поместиться» [Даль, Т. 4, 2003: 450] – 526 человек;

- *звериный* – «чрезвычайный, свойственный дикому зверю» [Лопатин, 2001: 199] (523 человека); то есть *звериная комната* – «либо относящийся к животному миру, либо злой, жестокий» (498 человек);

– *игрушечно-зверино-тесный* – «для маленьких животных» (231 человек); «проявление крайней жестокости, нечеловечности» (43 человека).

Этап второй – «Текстовая семантика единиц»

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

– *игрушечный* – детский (278 человек); кукла, мягкая игрушка (123 человека); копия (87 человек); единичные ассоциации (18 человек); не смогли установить ассоциации (22 человека); *игрушечная* (комната) – «копия реального мира» (287 человек);

– *звериная* (комната) – не предназначенная для человека (234 человека); лес; чащоба; дубрава (134 человека); берлога; дупло; гнездо (88 человек); единичные ассоциации (25 человек); не смогли установить ассоциации (47 человек);

– *тесная комната* – сжатое, стесненное, ограниченное пространство (375 человек); мрак, полумрак, темнота (55 человек); коммунальное жилье; большая семья (49 человек); единичные ассоциации (17 человек); не смогли установить ассоциации (32 человека);

– стимулятор у черта на куличиках – где-то там (184 человека); неизвестное место (165 человек); неизведанность (102 человека); место, которое всегда страшит, пугает (56 человек); единичные ассоциации (10 человек); не смогли установить ассоциации (11 человек).

Ассоциативное значение:

– *игрушечно-зверино-тесная* (комната) – «копирование чего-либо из взрослой жизни»; «уменьшенная копия реальности» (318 человек).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

– *игрушечно-зверино-тесная комната* – «комната крошечных размеров, не обустроенная, и в силу этой причины непригодная для жизни человека» (355 человек);

– объём семантики языковой единицы, выступающей в виде голографической единицы, расширяется (349 человек); общий объём значения увеличивается.

ОПИСАТЕЛЬ:

- тип текстовой голографической единицы – общеупотребительное слово.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единица зафиксирована в толковых словарях современного русского языка.

Данные толковых словарей русского языка:

- *описатель* – «лицо, сделавшее описание чего-либо» [ССРЛЯ, Т. 8, 1959: 1903; Кузнецов, 2000:716; Даль, Т. 2, 2003: 679]; «тот, кто сделал описание (то есть результат такого действия; словесное – устное или письменное – изображение кого-либо или чего-либо) чего-либо» [Ефремова 2000] (510 человек);

- *описатель* – см. *писатель* и *описать*:

- *писатель* – «тот, кто пишет литературные произведения» [Лопатин, 2001: 467]; «лицо, профессионально занимающееся литературной деятельностью; автор художественных произведений» [ССРЛЯ, Т. 9, 1959: 1225; Кузнецов, 2000: 147; Ефремова 2000] (498 человек); то есть «человек, занимающийся определенным родом деятельности (литературной деятельностью)» (475 человек);

- *описать* – «излагать сведения о составе, особенностях чего-либо» [ССРЛЯ, Т. 8, 1959: 904; Ефремова 2000; Ожегов, 1988: 365] (507 человек);

- *описатель* – «констатирующий что-либо без эмоциональных затрат и творческого осмысления» (489 человек);

Этап второй – «Текстовая семантика единиц»

Базовое значение голографической единицы:

– *описатель* – «литератор, лишенный творческого начала» (201 человек); «неодаренный человек, пытающийся реализовать свои способности на писательском поприще» (129 человек).

Текстовая семантика стимуляторов:

– стимулятор *импотент от творчества* – «литератор, лишенный творческого начала» (156 человек); «обыватель в искусстве» (134 человека); нетворческий; неталантливый (36 человек);

– стимулятор *не способен оплодотворить материал* – «не может реализовать в произведении собственную авторскую позицию, нотки авторского дыхания» (189 человек); «не создает духовных и материальных ценностей» (98 человек);

– стимулятору *мальчика стоят мозги – и то ладно* – «ребенок с посредственными способностями» (205 человек).

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

– *описатель* – наблюдатель; созерцатель (197 человек); «литературный деятель советской и постсоветской (любой тоталитарной) эпохи» (147 человек); «бездеятельный в творческом плане человек» (87 человек); «литератор-статист» (54 человека); единичные ассоциации (10 человек); не смогли установить ассоциации (15 человек);

– стимулятор *импотент от творчества* – пассивное действие; пассивность; творческая несостоятельность (246 человек); посредственность (131 человек); бессилие; провал; крах; разрушение (50 человек); искусство (50 человек); единичные ассоциации (118 человек); не смогли установить ассоциации (15 человек);

– стимулятор *не способен оплодотворить материал* – пустота духовная; душевное бессилие (190 человек); пассивность; бессмысленность; опустошение (99 человек); профессиональная несостоятельность (87

человек); единичные ассоциации (65 человек); не смогли установить ассоциации (69 человек);

– стимулятор у мальчика стоят мозги – и то ладно – посредственность; низкий интеллект; неспособность мыслить творчески (183 человека); пробелы в образовании; без стремления к собственному развитию (105 человек); среднестатистический (73 человека); единичные ассоциации (34 человека); не смогли установить ассоциации (115 человек).

Ассоциативное значение голографической единицы:

– *описатель* – «обыватель в искусстве» (196 человек); «дилетант, лишенный творческого дарования и активной позиции в профессии» (187 человек).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

– *описатель* – «литературный деятель, лишенный творческого потенциала, не создающий незаурядных по своему художественному и интеллектуальному достоинству прозаических, поэтических, литературно-критических произведений» (156 человек); «хроникер-статист в литературном пространстве, осуществляющий запись событий в определенной временной или иной последовательности» (102 человека);

– семантика языковой единицы, выступающей в качестве голографической единицы, расширяется (432 человека); объём значения увеличивается.

ПРОВИНЦИАЛЬНО-СТАРОМОДНЫЙ:

- тип текстовой голографической единицы – индивидуально-авторская конструкция М. Булгакова.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единица не зафиксирована в толковых словарях современного русского языка (514 человек).

Данные толковых словарей русского языка (компоненты голографической единицы):

– *провинциальный* – «свойственный провинции и провинциалам» [ССРЛЯ, Т. 11, 1961: 964]; «отсталый, наивный и простоватый» [Лопатин, 2001: 556]; «к провинции относящийся, живущий не в столице, житель захолустья» [Даль, Т. 4, 2003: 472] (511 человек); то есть «по образу жизни и мысли далекий от всего прогрессивного» (500 человек);

– *старомодный* – «сделанный по старой моде, вышедший из моды» [ССРЛЯ, Т. 14, 1964: 758]; «сделанный по старой моде или следующий старой моде» [Лопатин, 2001: 708] (514 человек); то есть «не модный, близкий к прежнему укладу, к старому; вышедший из моды» (511 человек);

– *провинциально-старомодный* (человек) – «далекий от всего прогрессивного, от того нового, в частности, что дает цивилизация» (398 человек).

Этап второй – «Текстовая семантика единиц»

Базовое значение голографической единицы:

– *провинциально-старомодный* (человек) – «отсталый (человек), которым можно манипулировать» (196 человек); (человек), сформировавшийся под влиянием устаревших в современных условиях жизненных принципов и в силу этих обстоятельств лишенный дальнейшего развития» (183 человека).

Текстовая семантика стимуляторов:

– стимулятор *оценила его и назначила ему должность спокойную и почетную* – «власть вознаграждает службой, тихой, но приносящей славу и уважение» (189 человек); «по заслугам получить достойную работу» (134 человека).

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

– *провинциально-старомодный* – устаревший; непрогрессивный (287 человек); деревенский; не городской (105 человек); далекий от столичной

жизни (66 человек); единичные ассоциации (14 человек); не смогли установить ассоциации (42 человека).

– стимулятор *оценила его и назначила ему должность спокойную и почетную* – угодность тоталитарной системе государства (178 человек); бюрократическая машина подавляет простого человека (131 человек); достойная карьера; успешный карьерный рост (74 человека); единичные ассоциации (23 человека); не смогли установить ассоциации (108 человек).

Ассоциативное значение голографической единицы:

– ***провинциально-старомодный*** (человек) – всё, что каким-либо образом связано с провинцией, её укладом жизни, привычками, считается старомодным и смешным»; «старомодное, далеко от цивилизации, сосредоточено в провинции».

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

– ***провинциально-старомодный*** (человек) – «марионетка, в развитии и сознании которой нет никаких прогрессивных жизненных перспектив» (334 человека);

– семантика языковой единицы, выступающей в качестве голографической, трансформируется (338 человек); объём значения увеличивается.

РАССЕЯННО-ДЕРЗКИЙ; ЗАДУМЧИВО-ВЫЗЫВАЮЩИЙ:

• тип текстовых голографических единиц – индивидуально-авторские конструкции А. И. Солженицына.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

Рассеянно-дерзкий; задумчиво-вызывающий:

В данных формах единицы не зафиксированы в толковых словарях современного русского языка (517 человек).

Данные толковых словарей русского языка (компоненты голографической единицы):

– *рассеянный* – «невнимательный, плохо реагирующий на окружающее из-за неумения сосредоточиться на чем-н. одном или, наоборот, отвлечься от одной какой-н. мысли» [Лопатин, 2001: С. 613; ССРЛЯ, Т. 12, 1961: 796] (510 человек); то есть «невнимательный, не сосредоточенный на чем-то» (502 человека);

– *дерзкий* – «исполненный дерзания, смелый» [ССРЛЯ, Т. 3, 1954: 732]; «непочтительный, оскорбительно грубый» [Лопатин, 2001: 131]; «смелый, весьма отважный, неустрашимый, безрассудно, неуместно решительный; наглый, непокорный, грубый» [Даль, Т. 4, 2003: 432] (505 человек);

– *задумчивый* – «погруженный в думы, размышления; мечтательный» [Лопатин, 2001: 173]; «кто задумался или вообще склонен к этому; молчаливый, угрюмый» [Даль, Т. 1, 2003: 575] (510 человек);

– *вызывающий* – «содержащий вызов, обращающий на себя внимание дерзостью, наглостью» [Лопатин, 2001: 84], «содержащий в себе вызов, обращающий на себя внимание дерзостью, наглостью» [Ожегов 1988: 93]; «задорный, выражающий готовность к столкновению» (513 человек); то есть «безрассудно провоцирующий» (259 человек); «наглый» (250 человек);

– *рассеянно-дерзкий* – «безрассудно смелый; наглый, непокорный по случаю или по недоразумению» (65 человек);

– *задумчиво-вызывающий* – «осознанно провоцирующий» (104 человека).

Этап второй – «Текстовая семантика единиц»

Базовое значение голографической единицы:

– *рассеянно-дерзкий* и – *задумчиво-вызывающий* – «неспокойный в эмоционально-психологическом плане»; «неадекватный, провоцирующий на что-либо» (317 человек).

Текстовая семантика стимуляторов:

– стимулятор *какая-то* – «неустойчивая» (267 человек); «непонятная» (105 человек); «непонятная» (37 человек);

– стимулятор *Но ведь это и тянет* – «завораживает и как бы приковывает» (106 человек); «манит и притягивает» (87 человек).

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

– *рассеянно-дерзкий* – скрывающий что-либо (198 человек); неосознанно бросающий вызов чему-либо; вызывающий (120 человек); задумывающийся о чем-либо и воспринимающий происходящее вокруг он отчужденно (34 человека), единичные ассоциации (30 человек); не смогли установить ассоциации (135 человек);

– *задумчиво-вызывающий* – неадекватный по эмоциональному состоянию (211 человек); дерзкий по отношению к чему-то, кому-то (105 человек); рассеянный (84 человека); воспринимающий реальность отчужденно (39 человек); единичные ассоциации (11 человек); не смогли установить ассоциации (67 человек).

Ассоциативное значение голографических единиц:

– *рассеянно-дерзкий* и *задумчиво-вызывающий* – «психологическое состояние отражается не только в его поведении, но и на его лице, в его улыбке» (215 человек).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

– *рассеянно-дерзкая* и *задумчиво-вызывающая (улыбка)* – «улыбка человека, который пытается скрыть следы неуверенности, незрелости за маской взрослого, сформировавшегося человека; волнующая, привлекающая улыбка» (309 человек);

– семантика языковой единицы, выступающей в качестве голографической, трансформируется (309 человек); объём значения увеличивается.

2.1.2. Вид-2 голографической модели «Двойная сферическая плоскость»

ДОСАДНО-ПРОМЕДЛИТЕЛЬНЫЙ:

- тип текстовой голографической единицы – индивидуально-авторская конструкция А. И. Солженицына.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единица не зафиксирована в толковых словарях современного русского языка (522 человека).

Данные толковых словарей русского языка (компоненты голографической единицы):

- *досадный* – «раздражающий, вызывающий досаду» [ССРЛЯ, Т. 3, 1954: 1139]; «вызывающий досаду, неприятный» [Лопатин, 2001: 144]; «досаждающий, причиняющий кому-то досаду» [Даль, Т. 1, 2003: 475] (519 человек);

- *промедлительный* – «задерживающий дело, замешканный» [Даль, Т. 3, 2003: 495] (509 человек);

- *досадно-промедлительный* – «задерживающийся по каким-то причинам, обидным для кого-то» (417 человек).

Этап второй – «Текстовая семантика единиц»

Базовое значение голографической единицы:

- *досадно-промедлительный* – «глупый, ненужный и поэтому непонятный» (398 человек).

Текстовая семантика стимуляторов:

- стимулятор *обижавшая его совсем* – «доставляющая сильное огорчение, оскорбление» (269 человек); «приносящая глубочайшее разочарование» (163 человека).

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

- *досадно-промедлительный* – гнев, злость (215 человек); раздражение; раздражающий (110 человек); обижающий непонятными

ограничениями (54 человека); разочарование; обида; негодование (42 человека); единичные ассоциации (39 человек); не смогли установить ассоциации (62 человека);

– стимулятор *обижавшая его совсем* – личные отношения (178 человек); ссора; скандал; громкий разговор; разговор на повышенных тонах (61 человек); мужчина; человек (32 человека); нервозность (20 человек); единичные ассоциации (99 человек); не смогли установить ассоциации (132 человека).

Ассоциативное значение:

– не установлено (522 человека).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

– *досадно-промедлительный* – «раздражающий своей робостью, сомнением» (379 человек);

– семантика трансформируется (376 человек); общий объём значения увеличивается.

ЛИЧНОЕ-БЕЗЛИЧНОЕ:

• тип текстовой голографической единицы – индивидуально-авторская конструкция Е. Пунш.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единица не зафиксирована в толковых словарях современного русского языка (512 человек).

Данные толковых словарей русского языка (компоненты голографической единицы):

– *личное* – «о чем-л., касающемся только интересов, отношений и т.п. отдельного лица» [Кузнецов 2000: 501]; *личный* – «принадлежащий, свойственный лицу, лицам; относящийся к ним» [Лопатин, 2001: 281; Ефремова 2000] (508 человек);

– *безличный* – «не относящийся к определённому лицу, личности; отвлеченный» [ССРЛЯ, Т. 1, 1950: 347; Ефремова 2000]; «обезличенный» [Кузнецов, 2000: 67] (507 человек);

– *личное-безличное* – «предназначенное для определенного человека, но отнесенное к любому человеку» (206 человек); «что-либо частное в обезличенной форме» (113 человек).

Этап второй – «Текстовая семантика единиц»

Базовое значение голографической единицы:

– *личное-безличное* – «что-либо предназначенное, характерное для большого количества людей, отвлеченное от конкретного человека, при формально сохранившемся свойстве личной направленности» (245 человек).

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

– *личное письмо* – интимность (134 человека); персональность (106 человек);

– *безличное письмо* – безучастность по своему характеру и способу изложения сообщение (167 человек); деловая бумага; справка; документ (108 человек);

– стимулятор *имя «Ксюша»* или *«Катя»* – адресованное какому-либо конкретному лицу (196 человек); девушка; лицо женского пола (108 человек); непринужденное общение; личное общение; разговор (68 человек); сведения о личных данных человека (46 человек); доброта; ласковое имя (40 человек); единичные ассоциации (20 человек); не смогли установить ассоциации (34 человека);

– стимулятор *сотри имя – поставь нужное (любое другое)* – документ; деловая бумага; справка-трафарет (241 человек); унификации личных сфер; безадресность; анонимность; стандартность; стереотип (105 человек); безразличие; равнодушие; апатия (45 человек); хаос; беспорядок; неорганизованность (20 человек); единичные ассоциации (23 человека); не смогли установить ассоциации (78 человек);

– стимулятор *какая разница, кому из них это письмо было отправлено первым!* это не имеет никакого значения – безразличие; отсутствие личной заинтересованности; равнодушие (147 человек); единичные ассоциации (78 человек); не смогли установить ассоциации (287 человек).

Ассоциативное значение голографической единицы:

– *личное-безличное (письмо)* – «письменное сообщение, осознанно лишённое адресантом личностно-ценностного значения с целью упрощения процесса коммуникации» (298 человек).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

– *личное-безличное (письмо)* – «осознанно унифицированное по принципу административно-правовой документации сообщение личного характера» (376 человек);

– объём семантики языковой единицы, выступающей в виде голографической единицы, расширяется (372 человека); общий объём значения увеличивается.

МЁРТВО-ОБРЮЗГШИЙ:

• тип текстовой голографической единицы – индивидуально-авторская конструкция А. И. Солженицына.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единица не зафиксирована в толковых словарях современного русского языка (511 человек).

Данные толковых словарей русского языка (компоненты голографической единицы):

– *мёртвый* – «такой, в котором прекратилась жизнь; умерший (противопол. живой)» [ССРЛЯ, Т. 6, 1957: 869]; «безжизненный, лишённый оживления» [Лопатин, 2001: 306]; «умерший, лишённый жизни» [Ожегов, 1988: 281] (510 человек);

– *обрюзгший* – см. обрюзглый – «отёчный, с обвисшей, кожей; обрюзгший» [ССРЛЯ, Т. 8, 1959: 426; Даль, Т. 2, 2003: 618]; «отечный, болезненно-толстый» [Ожегов, 1988: 351] (509 человек);

– *мёртво-обрюзгший* – «давно умерший» (156 человек); «умерший с раздувшимися частями тела» (149 человек).

Этап второй – «Текстовая семантика единиц»

Базовое значение голографической единицы:

– *мёртво-обрюзгший* – «физически и морально лишенный интереса к полноценной жизни» (321 человек).

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

– *мёртво-обрюзгший* – нравственная смерть (287 человек); физическая смерть (111 человек); лицо теряет былую живость (87 человека); теряет упругость, меняется цвет кожи умершего (19 человек); ассоциации (7 человек).

Ассоциативное значение:

– *мёртво-обрюзгший* – «опустившийся, нравственно опустошенный, изживший себя» (311 человек).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

– *мёртво-обрюзгший* – «раздавленный обстоятельствами жизни физически и духовно»;

– семантика языковой единицы, выступающей в качестве голографической единицы, трансформируется (312 человек); общий объём значения увеличивается.

НЕЗАМЕТНО-СУЩЕСТВЕННЫЙ:

- тип текстовой голографической единицы – индивидуально-авторская конструкция И. Силантьева.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единица не зафиксирована в толковых словарях современного русского языка (520 человек).

Данные толковых словарей русского языка (компоненты голографической единицы):

– *незаметный* – «почти не видный, трудно различимый; *перен.* незначительный, ничем не выдающийся» [Ожегов, 1988: 325]; «почти не видный, трудно различимый; неощутимый; *перен.* незначительный, ничем не выдающийся» [Лопатин, 2001: 358] (513 человек);

– *существенный* – «составляющий сущность чего-нибудь, важный, значительный» [Лопатин, 2001: 727]; «составляющий сущность чего-н., крайне важный, необходимый» [Ожегов, 1988: 638]; «составляющий сущность вещи; главный, важнейший, основной, коренной» [Даль, Т. 4, 2003: 368] (508 человек);

– *незаметно-существенный* – «незначительный, ничем не выдающийся, но имеющий высокую ценность» (256 человек).

Этап второй – «Текстовая семантика единиц»

Базовое значение голографической единицы:

Базовое значение 1, формирующееся при участии голографической единицы *незаметный* и стимуляторов *незаметно(ный)*, *календарь*, *советский обыватель*, *ежедневный*, *привычный*, *средневековый книжный христианин*, – «непрекращающийся, привычный в процессе формирования жизненного опыта, нравственной позиции человека» (276 человека).

Базовое значение 2, формирующееся при участии голографической единицы *незаметный* и стимуляторов *существенный*, *идеологически организующий*, «*управляющий*», *приобщавший к миру высокой и правильной событийности*, *приобщать к высоким житиям и подвигам святых отцов через прологи*, – «имеющий государственный характер; значимый в

интересах государства или власти» (167 человек); «неизменный при всех обстоятельствах» (137 человек).

Текстовая семантика стимуляторов:

– стимулятор *календарь* – «таблица или книжка, в которой перечислены в последовательном порядке все дни года с указанием различных справочных сведений (о праздничных днях, памятных датах, астрономических данных и т. п.)» [ССРЛЯ, Т. 5, 1956: 704–705; Ожегов, 1988: 356]; «таблица или книжка с перечнем всех дней в году (с различными справочными сведениями)» [Лопатин, 2001: 233] (515 человек);

– стимулятор *советский обыватель* – см. *обыватель* – «тот, кто лишен общественного кругозора, интеллектуальных потребностей, живет только мелкими личными интересами» [Лопатин, 2001: 393]; «житель на месте; всегдашний» [Даль, Т. 2, 2003: 637]; «в царской России: постоянный житель какой-н. местности, относящийся к податным сословиям; человек, лишенный общественного кругозора, живущий только мелкими личными интересами» [Ожегов 1988: 355] (517 человек), то есть *советский обыватель* – это стереотип общественной и жизненной позиции «человека, незначительного во всех своих проявлениях и желаниях; обыкновенного, типичного для конкретного исторического (советского) периода» (398 человек);

– стимулятор *ежедневный* – «бывающий каждый день; обычный повседневный» [Лопатин, 2001: 154]; «каждодневный, бывающий каждый день, повседневный» [Даль, Т. 1, 2003: 516]; «бывающий каждый день, обычный, повседневный» [Ожегов, 1988: 152] (514 человек);

– стимулятор *привычный* – «ставший привычкой; такой, к которому привык; привыкший, приучившийся к чему-нибудь» [Лопатин, 2001: 537]; «привыкший и ставший привычкой» [Даль, Т. 3, 2003: 405]; «известный, хорошо знакомый, такой, к которому привык» [Ожегов, 1988: 477]; то есть «обычный, а следовательно, обыкновенный, незначительный» (519 человек);

– стимулятор *средневековый книжный христианин* – см. *христианин* – «последователь христианства» [стимулятор *ежедневный* – «бывающий каждый день; обычный повседневный» [Лопатин, 2001: 817]; «верующий во Христа, исповедник; человек крещеный» [Даль, Т. 4, 2003: 565] (518 человек); см. *средневековый* – «относящийся к средним векам» [Ожегов 1988: 620; ССРЛЯ, Т. 14, 1964: 638] (514 человек); то есть *средневековый (книжный) христианин* – это «типичный представитель определенного образа жизни (духовной, общественной и т.д.), характерного для средневековья; такой же, как все обыватель» (469 человек);

– стимулятор *существенный* – «составляющий сущность чего-нибудь, крайне важный, необходимый» [Ожегов, 1988: 638; ССРЛЯ, Т. 14, 1964: 1251] (500 человек);

– стимулятор *идеологически организующий* – см. *идеологический* – «основанный на системе взглядов, идей, характеризующих какую-нибудь социальную группу, общественно-политическую группировку и т.п.» [Лопатин, 2001: 208; Ожегов, 1988: 193] (520 человек);

см. *организующий* – «основывающий, создающий (какое-н. учреждение, общественное объединение и т.п.); определяющий» [Лопатин, 2001: 409]; «от глаг. *организовать* – 1. основать, учредить; 2. подготовить, наладить; 3. объединить для какой-н. цели; 4. упорядочить что-нибудь» [Ожегов, 1988: 418]; *организующий* – «определяющий; объединяющий с конкретной целью» (518 человек); то есть *идеологически организующий* – «идейно формирующий определенным образом (в чьих-либо интересах) мировоззренческую позицию, например, общества; значительный» (439 человек);

– стимулятор *«управляющий»* – «тот, кто управляет, руководит чем-нибудь, ведет что-нибудь» [Лопатин, 2001: 785; Ожегов, 1988: 683]; от глаг. *управлять* – править, давая ход, направление, распоряжаться; порядничать»

[Даль, Т. 4, 2003: 504]; то есть «управляющий» – «определяющий; руководящий; организующий что-либо» (398 человек);

– стимулятор *приобщавший к миру высокой и правильной событийности* – см. *приобщавший* – «знакомящий с чем-нибудь, включающий в какую-нибудь сферу, процесс» (297 человек);

см. *событийность* – «насыщенность событиями, фактами» [Ушаков 2000: 336]; «см. от событие – то, что произошло, то или иное значительное явление, факт общественной, личной жизни» [Ожегов, 1988: 604] (398 человек) (498 человек);

см. *высокий* – «полный благородства, значительный, необыденный по содержанию» [Лопатин, 2001: 92]; «превосходный, лучшего достоинства, более ценный, в высшей степени значительный» [Даль, Т. 1, 2003: 314]; «очень значительный, возвышенный по содержанию» [Ожегов, 1988: 98] (507 человек);

см. *правильный* – «не отступающий от правил, норм [Лопатин, 2001: 523]; «согласный с правилами, им отвечающий или по правилам сделанный» [Даль, Т. 3, 2003: 379]; «не отступающий от правил, норм, пропорций» [Ожегов, 1988: 476] (510 человек);

– *приобщавший к миру высокой и правильной событийности* – «знакомящий с жизнью, наполненной событиями в высшей степени значимыми, нравственными и соответствующими нормам общественной морали» (369 человек);

– стимулятор *приобщать к высоким житиям и подвигам святых отцов через прологи* – см. *житие* – «повествование о чьей-н. жизни (устар.). *Жития святых*» [Ожегов, 1988: 159; ССРЛЯ, Т. 4, 1955: 166] (489 человек); то есть *высокие жития* – «очень значительные по идейно-нравственной направленности, возвышенные по содержанию повествования религиозного характера о жизни и деяниях святых» (469 человек);

см. *подвиг* – «героический, самоотверженный поступок» [Лопатин, 2001: 482; Ожегов, 1988: 431]; «доблестный поступок, дело, или важное, славное деяние» [Даль, Т. 3, 2003: 164] (517 человек);

см. *пролог* – «вступительная часть литературного или музыкального произведения» [Ожегов, 1988: 500; Лопатин, 2001: 565] (516 человек);

см. *святой* – «человек, посвятивший свою жизнь церкви и религии, а после смерти признанный образцом христианской жизни и носителем чудодейственной силы» [Ожегов, 1988: 576]; «в религиозных представлениях: обладающий высшим совершенством и силой, божественный» [Лопатин, 2001: 652]; соответственно, *святые отцы* – «пастыри и учителя, преемники апостолов и епископы» [Даль, Т. 4, 2003: 161] (517 человек);

– *приобщать к высоким житиям и подвигам святых отцов через прологи* – «знакомить с общепризнанными в определенном обществе идеалами добродетели, самоотверженности, их судьбами и деяниями через изучение особых книг религиозного характера, содержащих не только описание жизни святых, но и сведения относительно празднования в их честь» (219 человек).

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

– *незаметно-существенный* – загадка; обманчивый (93 человека); тайный (87 человек); непонятный; неопределенного статуса (60 человек); единичные ассоциации (28 человек); не смогли установить ассоциации (256 человек);

– стимулятор *календарь* – типичный по структуре и представленной информации о временном периоде (176 человек); время; дата; фиксирование даты и времени (148 человек); год (58 человек); дни недели; неделя (34 человека); четыре сезона года (25 человек); единичные ассоциации (23 человека); не смогли установить ассоциации (60 человек);

– стимулятор *советский обыватель* – типичный представитель советской эпохи; житель страны Советов (221 человек); стандартность мышления, мировоззрения, поведения и т.п. (131 человек); стереотипный; одинаковый (73 человека); посредственный; не отличающийся оригинальностью (59 человек); единичные ассоциации (5 человека); не смогли установить ассоциации (35 человек);

– стимуляторы *ежедневный* и *привычный* – обыкновенный, незначительный (194 человека); типичный; стереотипный (151 человек); понятный; знакомый (74 человека); жизнь; каждый день; знакомая ситуация (45 человек); единичные ассоциации (42 человека); не смогли установить ассоциации (18 человек);

– стимуляторы *средневековый книжный христианин* – определяющий свое отношение к миру с позиции высоко нравственных духовных ценностей (100 человек); образованный человек в средневековье (67 человек); рыцарь; Рим; Древние государства (35 человек); единичные ассоциации (55 человек); не смогли установить ассоциации (27 человек);

– стимулятор *«управляющий»* – важный; решающий; главный (165 человек); признак; тип; стереотип (106 человек); мировоззренческий; идеологический; формирующий (89 человек); обязательный для выполнения; определяющий главное в чем-либо (46 человек); директор; начальник; руководитель (42 человека); единичные ассоциации (38 человек); не смогли установить ассоциации (48 человек);

– стимулятор *идеологически организующий* – формировать по определенному идеологическому образцу, требованию, стандарту (159 человек); тоталитаризм; диктатура; политические взгляды (121 человек); политика (76 человек); государство; власть; президент (51 человек); единичные ассоциации (97 человек); не смогли установить ассоциации (20 человек);

– стимуляторы *приобщавший к миру высокой и правильной событийности* и *приобщать к высоким житиям и подвигам святых отцов через прологи* – формирование или изменение важнейших нравственных жизненных приоритетов (123 человека); важнейший в духовном плане; определяющий жизненные приоритеты (87 человек); воспитывающий молодое поколение; определяющий мировоззрение (58 человек); религия; вера; религиозный; верующий (49 человек); наследственность; преемственность отца к сыну; традиция в чем-либо (36 человек); образцы духовность и нравственности (27 человек); единичные ассоциации (58 человек); не смогли установить ассоциации (86 человек).

Ассоциативное значение голографической единицы:

– *незаметно-существенный* – «значительный, первостепенный» (289 человек); «меняющий мировоззрение» (123 человека).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

– *незаметно-существенный* – «догматичный» (389 человек);
– семантика единицы, выступающей в качестве голографической единицы, трансформируется (328 человек); объём значения увеличивается.

ПОЛУЧАСТНЫЙ:

• тип текстовой голографической единицы – индивидуально-авторская конструкция Т. Н. Толстой.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единица не зафиксирована в толковых словарях современного русского языка (532 человека).

Данные толковых словарей русского языка (компоненты голографической единицы):

– *полу* – «наполовину, пополам с чем-то другим» [ССРЛЯ, Т. 10, 1960: 1081; Даль, Т. 2, 2003: 250; Ожегов, 1988: 447] (530 человек);

– *частный* – «принадлежащий отдельному лицу, отдельным лицам; не общественный, не государственный» [ССРЛЯ, Т. 17, 1965: 777; Ожегов, 1988: 717; Даль, Т. 4, 2003: 583] (532 человека);

– *получастный* – «в равных частях с частным лицом и государством» (501 человек).

Этап второй – «Текстовая семантика единиц»

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

– *получастный* – не государственный – не частный (179 человек); не совсем собственный (100 человек); не совсем хозяйский (62 человека); частный, личный, но не в полной мере (45 человек); нарушение (23 человек); спорный (20 человек); единичные ассоциации (113 человек);

– стимулятор *оскорблять достоинство* – поругание личности, его мыслей, чувств и так далее чем-то противозаконным (172 человек), нарушение внутреннего и внешнего баланса человека, его душевного комфорта (125 человек); несправедливая экономическая ситуация (110 человек); унижение лучших человеческих качеств (35 человек); нравственная обида, гнев (32 человека); единичные ассоциации (59 человек);

– стимулятор *преступно* – неправильно (134 человека); несправедливо (100 человек), ужасающе (76 человек), нарушение какого-либо порядка, закона (66 человек); бандиты; преступники и т.п. (59 человек); единичные ассоциации (97 человек);

– стимулятор *нарушать права* – преступление перед законом и обществом (299 человек); незаконность чего-либо (107 человек); полицейский произвол (43 человека); единичные ассоциации (47 человек); не смогли установить ассоциации (36 человек);

– стимулятор *пугать* – ответственность перед государством, законом и так далее (198 человек), страх (69 человек); напряжение (59 человек); ужас (52 человека); опасность, опасение (49 человек); единичные ассоциации (50 человек); не смогли установить ассоциации (53 человек).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

– *получастный* – «имеющий неопределенный юридический статус и нарушающий в силу этих обстоятельств законодательство (272 человека); не относящийся ни к государству, ни к собственнику (132 человека); незаконный; нелегальный (53 человека); противоречащий закону; коррупционный (51 человек); нечастотные значения» (24 человека);

– семантика языковой единицы, выступающей в качестве голографической единицы, расширяется (436 человека); объём значения увеличивается.

ПОСЛЕОСЕННИЙ:

- тип текстовой голографической единицы – индивидуально-авторская конструкция Т.Н. Толстой.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единица не зафиксирована в толковых словарях современного русского языка (503 человека).

Данные толковых словарей русского языка (компоненты голографической единицы):

– *после* – «позже чего-либо, вслед за чем-либо» [ССРЛЯ, Т. 8, 1959: 1481; Даль, Т. 4, 2003: 336] (503 человека);

– *осенний* – см. *осень* – «одно из четырех времен года, между летом и зимой, отличающееся дождливой, ненастной погодой» [ССРЛЯ, Т. 8, 1959: 1088]; «время года, следующее за летом [Ожегов, 1988: 371] (503 человека);

– *послеосенний* – «наступающий, приходящий после осени» (503 человека).

Этап второй – «Текстовая семантика единиц»

Базовое значение голографической единицы:

– *послеосенний* – «грустный, удрученный; фатальный для кого-либо» (324 человека).

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

– *послеосенний* – уныние (169 человек); душевная пустота (92 человека); душевное опустошение (83 человека); дождь, серое небо (58 человек); эмоциональный спад (38 человек); единичные ассоциации (53 человека); не смогли установить ассоциации (10 человек);

– стимулятор *унылый* – грустный (198 человек); осенний (78 человек); скорбящий (69 человек); старость (51 человек); безрадостный (34 человека); единичные ассоциации (33 человека); не смогли установить ассоциации (40 человек);

– стимулятор *печальный* – грустный (207 человек); обессиленный (67 человек); опустошенность (59 человек); не реагирующий на окружающий мир (48 человек); болезнь, болезненный (19 человек); единичные ассоциации (53 человека); не смогли установить ассоциации (50 человек).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

– *послеосенний* – «психологически тяжелый, отчаянный; депрессивный; наступивший после чего-то радостного, светлого» (289 человек);

– семантика языковой единицы, выступающей в качестве голографической, трансформируется (498 человек); объём значения увеличивается.

РАЗВИРТУАЛИЗАЦИЯ:

- тип текстовой голографической единицы – индивидуально-авторская конструкция Е. Пунш.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единица не зафиксирована в толковых словарях современного русского языка (513 человека):

– через слово – *виртуализация* (от *виртуальный* – фр. «*virtuel*», англ. «*virtual*» – «возможный, потенциальный, предполагаемый, искусственно воссозданный в форме макета»); «субъективное придание данным реалиям «жизненного мира» свойств пространственной инверсии, временной обратимости и произвольности»; «сокрытие настоящей реализации какого-либо процесса или объекта от истинного его представления для того, кто им пользуется» (установлено студентами самостоятельно) (501 человек);

Этап второй – «Текстовая семантика единицы»

Базовое значение голографической единицы:

– *развиртуализация* (в отношении человека, его жизненного пространства и пр.) – «процесс объективного восприятия явлений «жизненного мира», их идентификация, распознавание в реальном пространстве».

Текстовая семантика стимуляторов:

– стимулятор *на кого я потратила трое суток Интернета* – «потерянное время, проведенное в пространстве интернета» (124 человека); «72 часа напрасной работы и общения в интернете» (104 человека); «какой-то незначительный человек, на которого потрачено большое количество времени в пространстве интернета» (56 человек);

– стимулятор *(на кого я потратила) и два часа реальной жизни!!!* – «не имеющая значимости встреча в реальном времени, которая заняла два часа» (268 человек); «потерянные два часа жизни» (104 человека).

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

– *развиртуализация* – процесс, обратный виртуализации (197 человек); *размонетизация, расформатизация, размагнитизация, расформатизация* и т.п. (100 человек); процесс в интернет пространстве (87 человек); *рассекречивание; превращение в реальность; переход из виртуального мира в реальный* (86 человек); *перерождение; изменение;*

превращение (75 человек); интернет; пользователь; компьютерные технологии (56 человек); единичные ассоциации (18 человек);

– стимулятор *на кого я потратила трое суток Интернета – и два часа реальной жизни!!!* – виртуальность и реальность (218 человек); имитация реальной обстановки с помощью компьютерных устройств или умозаключений и реальность (103 человека); нереальный мир и действительность (54 человека); напрасно потраченное время; разочарование (47 человек); единичные ассоциации (38 человек); не смогли установить ассоциации (53 человека);

– стимулятор *в полуденном сквере* – реальность времени и пространства (289 человек); полдень в парке; конкретное время суток и место (104 человека); время и место встречи; свидание (72 человека); единичные ассоциации (38 человек); не смогли установить ассоциации (10 человек).

Ассоциативное значение голографической единицы:

– *развиртуализация* – «одна из форм выражения реальности в современном обществе» (156 человек).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

– *развиртуализация* – «первый личный контакт и непосредственное восприятие общающихся друг с другом людей в самом акте коммуникации» (201 человек); процесс перехода к реальности или первая встреча в реальном времени и пространстве» (129 человек);

– семантика языковой единицы, выступающей в качестве голографической, трансформируется (378 человек); объём значения увеличивается.

СМРАДНО-КЛУБЛИВЫЙ:

- тип текстовой голографической единицы – индивидуально-авторская конструкция А. И. Солженицына.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единица не зафиксирована в толковых словарях современного русского языка (516 человек).

Данные толковых словарей русского языка (компоненты голографической единицы):

– *смрадный* – «испускающий смрад; зловонный» [ССРЛЯ, Т. 13, 1965: – С.1429]; «несущий смрад, пропитанный смрадом» [Лопатин, 2001: 681] (смрад – «вонь, отвратительный запах» [Лопатин, 2001: 681]); «противный, отвратительный запах; горелые удушливые пары, чад» [Даль, Т. 4, 2003: 232]) (516 человек);

– *клубливый* – «на клубок похожий, шаровидный» [Даль, Т. 2, 2003: С.120] (516 человек);

– *смрадно-клубливый* – «зловонный, распространяющийся в виде клубка» (367 человек); «отвратительно пахнувший, распространяющийся в виде пара, тумана» (140 человек).

Этап второй – «Текстовая семантика единиц»

Текстовая семантика стимуляторов:

– стимулятор *пожарище* – «место, где недавно был сильный пожар» [Ожегов, 1975: 443]; «место, где был пожар; то, что осталось после пожара» [ССРЛЯ, Т. 10, 1960: 734] (501 человек);

– стимулятор *недогоревший* – «полностью не сгоревший» (505 человек) (установлено самостоятельно студентами);

– стимулятор *пропахивать* – «пропитаться каким-либо запахом» [Лопатин, 2001: 567] (502 человека);

– *смрадно-клубливое (пожарище)* – «недавнее место пожара, от которого еще исходит неприятный запах тления и клубы дыма» (359 человек).

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

- *смордно-клубливый* – густой туман (158 человек); дым, дымок, задымленность с плохим запахом (146 человек); удушающий (106 человек); гарь (46 человек); единичные ассоциации (60 человек);
- *смордный* – дым с неприятным запахом (145 человек), сумрак (109 человек); с запахом от чего-то тлеющего (104 человека); единичные ассоциации (32 человека); не смогли установить ассоциации (126 человек);
- *клубливый* – туманный (189 человек); в виде клубов дыма, густой, плотный по консистенции (149 человек), исходящий от тлеющего предмета (49 человек); клубы пара (18 человек); единичные ассоциации (15 человек); не смогли установить ассоциации (96 человек);
- *недогоревший* – полностью не сгоревший (245 человек); тлеющий (63 человека); оставляющий дымок (45 человек); пожар (32 человека); туманный (28 человек); пепелище (25 человек); единичные ассоциации (22 человека); не смогли установить ассоциации (56 человек).

Ассоциативное значение голографической единицы:

- *смордно-клубливый*– «едкий, густой, зловонно-удушающий» (189 человек); «обволакивающий, дурно пахнущий» (67 человек); «опасный для здоровья» (45 человек).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

- *смордно-клубливый* – «тлеющий, превращающийся в смердящий, густой туман; удушающий (запах)» (359 человек); «едкий, удушающий, распространяющийся повсюду» (102 человека); «зловонный, визуально ощущаемый» (57 человек);
- семантика языковой единицы, выступающей в качестве голографической, расширяется (422 человека); общий объём значения увеличивается.

ШИРОКОСКУЛЬЙ:

- тип текстовой голографической единицы – индивидуально-авторская конструкция В. Аксенова.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единица зафиксирована в толковых словарях современного русского языка (524 человека).

Данные толковых словарей русского языка:

- *широкий* – «большой в ширину» [Лопатин, 2001: 843]; «имеющий большую протяженность, размер» [ССРЛЯ, Т. 17, 1965: 411];
- *скула* – «одна из парных лицевых костей черепа ниже глазницы под верхней челюстью, а также соответствующая часть лица» [ССРЛЯ, Т. 13, 1965: 1089];
- *широкоскулы* – «имеющий широкие, выдающиеся скулы» [ССРЛЯ, Т. 17, 1965: 1422] (462 человека).

Этап второй – «Текстовая семантика единиц»

Базовое значение голографической единицы:

- *широкоскулый* – «имеющий большую голову» (152 человека); «с ярко выраженными на лице челюстями» (65 человек).

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

- стимулятор *широкоплечий* – объемность верхней части фигуры (125 человек); крепкий (102 человека); спортсмен, бодибилдер (80 человек); военнослужащий (20 человек); единичные ассоциации (35 человек);
- стимулятор *пышные усы* – большие усы (202 человека); усы, закрывающие большую часть лица (125 человек); Буденный, военачальник (36 человек); помещик, барин (24 человека); единичные ассоциации (25 человек); не смогли установить ассоциации (50 человек);
- стимулятор *размер руки просто шокировал* – большой размер кисти руки человека (287 человек); великан (40 человек); боксер (28 человек); клешня в виде руки (12 человек); толстый человек (10 человек);

единичные ассоциации (25 человек); не смогли установить ассоциации (60 человек).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

- *широкоскулый* – «обладающий крупным лицом с мощными и хорошо развитыми скулами» (305 человек);
- семантика голографической единицы расширяется (305 человек); общий объём значения увеличивается.

УЮТНОСТЬ-ПОЛУНЕБРЕЖНОСТЬ:

- тип текстовой голографической единицы – индивидуально-авторская конструкция А. И. Солженицына.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единица не зафиксирована в толковых словарях современного русского языка (510 человек).

Данные толковых словарей русского языка (компоненты голографической единицы):

- *уютность* – «свойство уютного» [ССРЛЯ, Т. 16, 1964: 1184; Ефремова 2000; Даль, Т. 4, 2003: 530] (510 человек);
- *полунебрежность* (не фиксируется в толковых словарях современного русского языка) – см. *небрежность* – «свойство небрежного; нерадивое, невнимательное отношение к чему-либо» [ССРЛЯ, Т. 7, 1958: 716] (510 человек);
- *уютность-полунебрежность* – «легкая, небольшая неаккуратность» (507 человек).

Этап второй – «Текстовая семантика единицы»

Базовая семантика голографической единицы:

- *уютность-полунебрежность* – «внутреннее состояние человека, проявляющееся в расположении и душевной открытости к людям»; «простота, удобная для повседневности».

Текстовая семантика стимуляторов:

– стимулятор *повседневный* – «*постоянный, каждодневный; обычный*» [Лопатин, 2001: 478] (510 человек).

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

– *уютность-полунебрежность* – порядок, наведенный на скорую руку (133 человека); комфортность чего-либо (45 человек); неофициальность (26 человек); спокойное душевное состояние (21 человек); безмятежность (17 человек).

Ассоциативное значение голографической единицы:

– *уютность-полунебрежность* – «внутреннее качество человека, проявляющееся в пограничном состоянии между легким душевным беспорядком или смятением и спокойствием» (278 человек); «легкий беспорядок где-либо, нарушающий официальность обстановки» (23 человека), «неаккуратность; комфортное состояние, не доставляющее каких-либо неудобств для человека; семейный очаг; обстановка, характерная для домашних условий; обстановка, не характерная для официальных помещений» (34 человека).

Этап третий – «Текстовое значение голографической единицы»

– *уютность-полунебрежность* – «комфортность, представляющая собой ежедневную обыденность» (158 человек); «естественность поведения в отношении собеседника» (45 человек) «внутреннее состояние человека, проявляющееся в расположении и душевной открытости к людям» (15 человек);

– семантика голографической единицы трансформируется (431 человек); общий объём значения увеличивается.

2.1.3. Вид-3 голографической модели «Сфера»

ЛУННО-ЛЕДЯНОЙ:

- тип текстовой голографической единицы – индивидуально-авторская конструкция А. И. Солженицына.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единица не зафиксирована в толковых словарях современного русского языка (529 человек).

Данные толковых словарей русского языка (компоненты голографической единицы):

- *лунный* – «освещенный луной; с луной» [ССРЛЯ, Т. 6, 1957: 397]; «светящийся отраженным солнечным светом; холодный» [Лопатин, 2001: 291] (521 человек);

- *ледяной* – «очень холодный; холодный, как лед» [ССРЛЯ, Т. 6, 1957: 127]; «очень холодный» [Лопатин, 2001: 280] (519 человек);

- *лунно-ледяной* – «холодный, как лунный свет» (159 человек); «холодящий» (143 человека); «замерзший» (100 человек).

Этап второй – «Текстовая семантика единиц»

Базовое значение голографической единицы:

- *лунно-ледяной* – «прозрачный, освещаемый лунным светом» (321 человек).

Текстовая семантика стимуляторов:

- *беззвучный* – «не издающий звуков; безмолвный» [ССРЛЯ, Т. 1, 1950: 344]; «неслышный, едва слышный» [Лопатин, 2001: 18; Ожегов, 1988: 36] (521 человек); то есть «тишина, молчание» (389 человек);

- *похоронная группа* – см. похороны – «обряд закапывания в землю или обряд кремации» [Лопатин, 2001: 521; Ожегов, 1988: 465] (318 человек), то есть «угнетающая тишина, траур (397 человек); «удручающая миссия» (106 человек);

– *череп* – «скелет головы позвоночного животного и человека» [ССРЛЯ, Т. 17, 1965: 872]; «скелет головы человека» [Лопатин, 2001: 828]; «кости, образующий твердую основу головы у позвоночных» [Ожегов, 1988: 719] (522 человека), то есть «смерть; траур, молчание, страх» (497 человек).

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

– *лунный* – одиночество, одинокий (258 человек); отчужденность (108 человек); холодность; лед (74 человека); свет; звезды: дорожка (41 человек); темнота; ночь (18 человек); единичные ассоциации (30 человек);

– *ледяной* – безжизненная корка снега; нет жизни (269 человек); могильный холод (132 человека); зловещая тишина (42 человека); страх; смерть (31 человек); единичные ассоциации (38 человек); не смогли установить ассоциации (17 человек);

– стимулятор *череп* – смерть (198 человек); вечная тишина могилы (179 человек); страх; испуг; оцепенение (41 человек); свастика; колдовство (34 человека); война; солдаты (17 человек); единичные ассоциации (23 человека); не смогли установить ассоциации (37 человек);

– стимулятор *беззвучный* – молчание, тишина (221 человек), отсутствие всяких звуков; вакуум (104 человека); голос; шепот; немой (76 человек); падающий снег; запорошенное поле (58 человек); космос (19 человек); единичные ассоциации (26 человека); не смогли установить ассоциации (25 человек);

– стимулятор *похоронная группа* – немые свидетели смерти (158 человек); страх; горе (100 человек); кладбище; могила; смерть (99 человек); рыдания; плач; крики (87 человек); черный цвет; черные одежды; траур (28 человек); единичные ассоциации (33 человека); не смогли установить ассоциации (24 человек).

Ассоциативное значение голографической единицы:

– *лунно-ледяной* – «зловещий, пугающий» (359 человек).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

- *лунно-ледяной* – «зловещий, пугающий, холодящий, дышащий холодом и тревогой» (397 человек); «несущий смерть» (111 человек);
- семантика языковой единицы, выступающей в виде голографической, трансформируется (432 человека); общий объём значения увеличивается.

РАЗЗАРЧИВЫЙ:

- тип текстовой голографической единицы – индивидуально-авторская конструкция А. И. Солженицына.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

- в данной форме единица зафиксирована в толковых словарях современного русского языка (511 человек);
- данные толковых словарей русского языка:
- *раззарчивый* – «неукротимый в желаниях» [Русский словарь языкового расширения / сост. А. И. Солженицын, 2000: 209]; «пылкий, горячий, неукротимый в желаниях своих, в стяжении желаемого» [Даль, Т. 4, 2003: 31] (503 человека).

Этап второй – «Текстовая семантика единиц»

Базовое значение голографической единицы:

- *раззарчивый* – «с ярко выраженным чувственным началом; излишне чувственный; в высшей степени чувственный» (143 человека); «достигший пика в области чувств» (131 человек); «стремительно распыляющийся; эмоциональный; быстро вспыхивающий» (68 человек); «любовный; романтический» (54 человека); «увлекающийся; волнительный; волнуемый» (31 человек).

Текстовая семантика стимуляторов:

- стимулятор *не желающий слышать об отсрочке свадьбы* – «тот, кто ни при каких условиях не хочет откладывать момент бракосочетания»

(119 человек); «решительно настроенный на свадьбу без промедления» (89 человек);

– стимулятор *не признающий никаких доводов* – «не желающий соглашаться с любыми доказательствами, то есть с рациональным, с нечувственным» (132 человека); «отвергающий все аргументы» (73 человека); «чуждый всему рациональному» (39 человек).

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

– *раззарчивый* – азартный; бесшабашный (167 человек); риск; казино; игрок; авантюрист (109 человек); вспыльчивый; агрессия; агрессивный; возбужденный (72 человека); драка; ссора; скандал (35 человек); спорщик (24 человека); единичные ассоциации (25 человек); не смогли установить ассоциации (79 человек);

– стимулятор *страсть* – чувственный; эмоциональный (139 человек); любовь; влюбленность; романтика; влюбленные (117 человек); сильное желание обладать; необузданность в чувствах; привязанность; влечение (83 человека); мужчина и женщина; Ромео и Джульетта; юноша и девушка (47 человек); мелодрама; женский роман; Даниэла Стил (34 человека); тайная встреча; любовники; грех; Адам и Ева (27 человек); единичные ассоциации (21 человек); не смогли установить ассоциации (45 человек);

– стимулятор *не желающий слышать об отсрочке свадьбы* – любовь; сильное чувство, влечение (136 человек); протест; противостояние; категорическое несогласие; отказ (102 человека); срочность; скоропалительность решений; мало времени для принятия решения (57 человек); желание жениха; хлопоты родителей (32 человека); церемония бракосочетания; гости; смех; веселье; праздник (29 человек); единичные ассоциации (34 человек); не смогли установить ассоциации (121 человек);

– стимулятор *не признающий никаких доводов* – решимость; упрямый; упрямство (201 человек); не подчиняется разуму, а живет сердцем

(113 человек); отвергать всё; опровержение; нигилист; «нет» (84 человека); не хочу; кричу от душевной боли; вопль отчаяния (44 человека); имеющий собственное мнение; руководствоваться только своими интересами (31 человек); неразумный человек; глупость, глупый; самонадеянность (18 человек); единичные ассоциации (5 человек); не смогли установить ассоциации (15 человек);

– стимулятор *накалить* – постепенно нагнетать ситуацию; доводить до пика (до максимума) чувства (149 человек); нервная обстановка; обострить сложную ситуацию; пик ситуации; возмущение (109 человек); ссориться; спорить громко; ругаться; переходить в разговоре на крик (79 человек); солнце; жара; зной; пламя; горячо (77 человек); уют; атмосфера; металл добела (41 человек); единичные ассоциации (16 человек); не смогли установить ассоциации (40 человек).

Ассоциативное значение голографической единицы:

– *раззарчивый* – «поглощающий плоть; всепоглощающий» (179 человек); постепенно развивающийся и сметающий все на своем пути» (96 человек).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

– *раззарчивый* – «плотский; не объяснимый разумом; не подчиняющийся рациональному восприятию»;

– семантика языковой единицы, выступающей в качестве голографической, расширяется (313 человек); объём значения увеличивается.

БЛЕКЛО-ЗЕЛЁНЫЙ:

- тип текстовой голографической единицы – индивидуально-авторская конструкция А. И. Солженицына.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единица не зафиксирована в толковых словарях современного русского языка (523 человека).

Данные толковых словарей русского языка (компоненты голографической единицы):

– *блеклый* – потерявший свежесть и яркость» [Лопатин, 2001: С. 27]; «потерявший свежесть и яркость; неяркий» [Ожегов, 1988: 44]; «хилый, поблекший, вялый, сухой; линялый, потерявший яркость, живость цвета» [Даль, Т. 1, 2003: С. 96] (521 человек);

– *зелёный* – «имеющий окраску, которая получается смешением желтого и синего цветов; цвет свежей травы, листьев; бледный, землистого оттенка (разг.)» [Лопатин, 2001: 200]; «цвет травы, листвы» [Ожегов, 1988: 187]; «цвета травы, листьев, разных оттенков; незрелый, молодой» [Даль, Т. 1, 2003: 677] (520 человек);

– *блекло-зелёный* – «выгоревший цвет травы, листьев; со временем потерявший яркость цвет» (504 человека).

Этап второй – «Текстовая семантика единиц»

Текстовая семантика стимуляторов:

– *старый серый изгнивающий дом* – см. *старый* – «бывший в употреблении; уже испортившийся от времени; ветхий» [Ожегов, 1988: 624]; «долго бывший в употреблении, пользовании; поношенный, подержанный» [ССРЛЯ, Т. 14, 1964: 777]; «ветхий, обветшалый, негодный, изношенный» [Даль, Т. 4, 2003: 316] (520 человек); см. *серый* – «цвет, получающийся из смешения черного с белым; цвет золы» [ССРЛЯ, Т. 13, 1965: 714]; «цвет пепла» [Ожегов, 1988: 582] (521 человек); см. *изгнивающий* – см. *гнить* – «разрушаться, подвергаясь органическому разложению» [Ожегов, 1988: 110; ССРЛЯ, Т. 5, 1956: 139] (517 человек); то есть *старый серый изгнивающий дом* – «дом, находящийся в плохом состоянии от времени, от давности лет» (409 человек); «внешне и внутренне обветшалый дом» (102 человека);

– *шкура обоев, под которыми бегали мыши* – «блеклые, выцветшие обои, отошедшие от стен» (376 человек); «свободное пространство под старыми слоями обоев» (98 человек);

– *с веселым смолистым запахом* – см. *веселый* – «проявляющий, выражающий радостное настроение, веселье» [ССРЛЯ, Т. 2, 1951: 216]; «проникнутый весельем, полный веселья, выражающий его» [Ожегов 1988: 63]; «полный веселья, изъясляющий веселье, веселость, радостный; возбуждающий чувство этого, увеселяющий, потешающий» [Даль, Т. 1, 2003: 186] (507 человек); см. *смолистый* – «пахнувший, отдающий смолой» [Ожегов, 1988: 600]; «от природы смолу в себе содержащий; обильный смолою» [Даль, Т. 4, 2003: 236] (509 человек); то есть *с веселым смолистым запахом* – «бодрящий, освежающий запах» (479 человек);

– *проступил мне молодым* – «показался новым, недавно построенным» (469 человек);

– *не потемневшим тогда* – см. *потемнеть* – «перен. Померкнуть, потускнеть, поблекнуть; утратить ясность, яркость, сил» [ССРЛЯ, Т. 10, 1960: 1596]; см. *потемневший* – см. *темнеть* – «становиться темным» [Ожегов, 1988: 647] (514 человек); то есть «выгоревший от времени» (251 человек); «старый к определенному моменту» (211 человек).

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

– *блекло-зелёный* – старый (199 человек); потерявший цвет от времени; неяркий; тусклый (159 человек); некрасивый (103 человека); цветовая гамма; палитра (26 человек); единичные ассоциации (22 человека); не смогли установить ассоциации (14 человек);

– *старый серый изгнивающий дом* – старый; старость; ветхость (201 человек); разрушение; гибель (121 человек); забытая деревня, село; брошенное жилище (69 человек); одинокие старики; немощная старушка; слабый старик (59 человек); труха; тараканы; черви (14 человека); запах гниения; затхлость (20 человек); единичные ассоциации (36 человек); не смогли установить ассоциации (3 человека);

– *шкура обоев, под которыми бегали мыши* – многослойность (167 человек); старый; старость (126 человек); шорохи; шумы; движение (115

человек); старая бумага; потемневшая бумага (68 человек); грызуны (23 человека); единичные ассоциации (13 человек); не смогли установить ассоциации (11 человек);

– с *весёлым смолистым запахом и стругаными брёвнами* – молодость; молодой (196 человек); крепость запаха и прочность; устойчивость (125 человек); бодрящий аромат; свежесть (77 человек); ель; елка; сосна; хвойное дерево (63 человека); единичные ассоциации (21 человек); не смогли установить ассоциации (41 человек);

– *проступил мне молодым* – новый; молодой; молодость (201 человек); единичные ассоциации (54 человека); не смогли установить ассоциации (268 человек);

– *не потемневшим тогда* – новый (167 человек); яркий (134 человека); молодой; свежий (90 человек); дом ухоженный; дом поддерживают в порядке (51 человек); недавно построенный (37 человек); единичные ассоциации (34 человека); не смогли установить ассоциации (56 человек).

Ассоциативное значение:

– *блекло-зелёный* – «не природная малоинтенсивность цвета, а приобретенная (с течением долгого времени дряхлым стал дом, а обои превратились в выцветшую шкуру)» (328 человек).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

– *блекло-зелёный* – «многослойный, чередующийся слоями, представляющими жизненные участки прошлого и настоящего» (401 человек);

– семантика трансформируется (349 человек); общий объём значения увеличивается.

ДРЯБЛО-УПИТАННЫЙ:

- тип текстовой голографической единицы–индивидуально-авторская конструкция М. Веллера.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единица не зафиксирована в толковых словарях современного русского языка (508 человек).

Данные толковых словарей русского языка (компоненты голографической единицы):

- *дряблый* – «лишенный свежести, упругости; сморщенный, вялый (обычно о лице, коже и т.п.)» [ССРЛЯ, Т. 3, 1954: 1139]; «лишенный упругости, крепости, вялый» [Лопатин, 2001: 148]; «рыхлый, ноздристый, потерявший крепость» [Даль, Т. 1, 2003: 497] (505 человек);

- *упитанный* – «полный, здоровый (от хорошего питания)» [Лопатин, 2001: 784; ССРЛЯ, Т. 16, 1964: 713] (505 человек);

- *дрябло-упитанный* – «плотного телосложения с обвислой кожей» (125 человек); «толстый с целлюлитом» (189 человек).

Этап второй – «Текстовая семантика единиц»

Текстовая семантика стимуляторов:

- стимулятор *не ветхий* – ветхий – «разрушающийся от старости» [Лопатин 2001: 50]; «разрушающийся от старости, дряхлый» [Ожегов, 1988: 64]; «старый, отживающий, дряблый, пришедший в негодность от долгого употребления» [Даль, Т. 1, 2003: 188] (501 человек); то есть *не ветхий* – «недряблый, сохранившийся в хорошем состоянии в условиях долгого употребления» (474 человека);

- стимулятор *старушка* – «уменьш.-ласк-ое от *старуха* – женщина, достигшая старости» [Лопатин, 1990: 571; ССРЛЯ, Т. 14, 1964: 676; Ожегов, 1988: 623] (489 человек);

- стимулятор *старый унтер* – *старый* – «проживший много лет, достигший старости» [ССРЛЯ, Т. 14, 1964: 775]; «период жизни после

зрелости, в который происходит постепенное ослабление деятельности организма» [Лопатин, 2001: 709]; «достигший старости» [Ожегов, 1988: 624]; «преклонных лет, доживающий век свой, кому под 60 и больше» [Даль, Т. 4, 2003: 316] (502 человека);

– *унтер* – «устар. простореч. То же, что унтер-офицер – звание младшего командира из солдат (нижних чинов) в дореволюционной русской и в некоторых современных иностранных армиях, а также лицо, носящее это звание» [ССРЛЯ, Т. 16, 1964: 679; Ожегов, 1988: 681]; «первый воинский чин, после звания рядового или ефрейтора» [Даль, Т. 4, 2003: 498] (499 человек); то есть «пожилой, много отслуживший младший командир» (500 человек);

– *дряблая старушка* – «пожилой человек (женщина), немощный и обессиленный, утративший жизненные и физические силы» (502 человека) на основе общего признака «вялый, слабый, старый»;

– *дряблый – не ветхий* – противопоставление признаков (студенты не смогли установить характер противопоставления);

– *упитанный – старый унтер* – противопоставление признаков: *старый* указывает на возраст человека, *упитанный* – на его благосостояние или здоровье; «благополучный, успешный военный человек, любящий порядок и дисциплину» (258 человек).

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

– стимулятор *старый унтер* – служака царской власти, старого режима (149 человек); жизненный уклад, изживший себя; атрибут мещанского благополучия (132 человека); сытый, довольный жизнью, наделенный властью, гордый человек, выходец из социально низких слоев общества (110 человек); выходец из народа, получивший военный чин и определенный материальный достаток (59 человек); единичные ассоциации (38 человек); не смогли установить ассоциации (20 человек);

– стимулятор *упитанный* – человек с крепким организмом, хорошо питающийся, с достатком (227 человек); полный, толстый, физически крепкий (107 человек); с хорошим аппетитом, любящий поесть (95 человек); благополучный (76 человек); персонаж русской классической литературы (28 человек); единичные ассоциации (21 человек); не смогли установить ассоциации (49 человек);

– стимулятор *дряблая старушка* – дряхлость, усталость или истощенность всего организма (189 человек); старость, немощность (156 человек); жалость (86 человек); отвращение; смерть, конец (финал) жизненного пути (57 человек); единичные ассоциации (9 человек); не смогли установить ассоциации (11 человек);

– стимулятор *не ветхий* – крепкий, достаточно новый (108 человек); еще нестарый (87 человек); в хорошем состоянии (75 человек); единичные ассоциации (5 человек); не смогли установить ассоциации (233 человека).

Ассоциативное значение:

– *дрябло-упитанная* (старушка) – «эмоционально и физически еще крепкая женщина, но уже *потерявшая* былую привлекательность, молодость, но *пытающаяся скрыть* свое женское увядание» (285 человек).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

– *дрябло-упитанный* – «потерявшая былую привлекательность, молодость, но пытающаяся скрыть увядание, старение» (320 человек);

– семантика языковой единицы, выступающей в виде голографической единицы, трансформируется (318 человек); общий объём значения увеличивается.

СПРЯМИТЬ:

- тип текстовой голографической единицы–индивидуально-авторская конструкция А. И. Солженицына.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единица зафиксирована в толковых словарях современного русского языка (519 человек).

Данные толковых словарей русского языка:

– *спрямить* – «делать прямым; выпрямлять» [ССРЛЯ, Т. 14, 1964: 598]; «выпрямить, прямить, править, переделать кривое на прямое» [Даль, Т. 4, 2003: 300]; «выпрямить, сделать прямым» [Ожегов, 1975: 619].

Этап второй – «Текстовая семантика единиц»

Базовое значение голографической единицы:

– *спрямить* – «выпрямить; исправить изгиб, неровность и так далее на ровную, прямую линию» (354 человека).

Текстовая семантика стимуляторов:

– стимулятор *наружу* – «на внешнюю сторону, по направлению за пределы чего-н.» [Ожегов, 1975: 313]; «на внешнюю сторону» [Даль, Т. 2, 2003: 463]; «на внешнюю сторону, по направлению за пределы для чего-н.» [Лопатин, 2001: 344]; (518 человек), то есть «круг напоминающий» (512 человек);

– стимулятор *пузо* – «большой живот» [ССРЛЯ, Т. 11, 1961: 581; Ожегов, 1975: 514], (510 человек), то есть «выдающийся вперед определенный участок тела (живот), напоминающий шар или круг» (424 человека);

– стимулятор *наружу выдаться пузом* – «напоминает форму круга» (217 человек); «выдвинутое вперед, округлое» (163 человека); «вздутое место; горб» (89 человек);

– стимулятор *ряд* – «линия ровно расположенных однородных предметов» [Лопатин, 2001: 638; Ожегов, 1975: 564]; «вереница, строй, предметы по одной черте, чередом» [Даль, Т. 4, 2003: 124], (512 человек), то есть «напоминающий прямую линию» (507 человек).

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

– *спрямить* – круг (искривленная прямая) и прямая линия (211 человек); исправить что-либо (124 человека); выполнить действие; работу какую-то (76 человек); линейка; ряд; метр (52 человека); разрезать круг; разогнуть круг (20 человек); единичные ассоциации (45 человек); не смогли установить ассоциации (56 человек);

– стимулятор *наружу* – выход на улицу, из дома, из квартиры, выход из помещения (134 человека); внешняя сторона – внутренняя сторона; на внешнюю сторону чего-либо (128 человек); вокруг чего-либо (97 человек); единичные ассоциации (93 человека); не смогли установить ассоциации (67 человек);

– стимулятор *пузо* – арбуз; мяч; шар; круг (187 человек); неровность, округлость (97 человек); вывалилось (67 человек); хороший аппетит; еда (35 человек); толстый; толстяк (33 человека); болезнь; беременность (30 человек); единичные ассоциации (43 человека); не смогли установить ассоциации (27 человек);

– стимулятор *наружу выдаться пузом* – округлиться; вывалиться вперед; принять форму круга, шара (198 человек); вперед животом (66 человек); стать неровным по форме (54 человека) единичные ассоциации (69 человек); не смогли установить ассоциации (132 человека);

– стимулятор *ряд* – прямой, ровный; в одну линию (256 человек); аккуратность (101 человек); кинотеатр; театр; зритель; кино (81 человек); стройка; здание; кирпичи (26 человек); колонна людей; демонстрация; митинг (24 человека); единичные ассоциации (15 человек); не смогли установить ассоциации (16 человек).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

– *спрямить* – «ударить, чтоб исправить изъян в виде изгиба, неровности на прямую линию, приложив усилия» (389 человек);

– семантика языковой единицы, выступающей в качестве голографической, расширяется (388 человек); общий объём значения увеличивается.

2.1.4. Вид-4 голографической модели «Информационная цепочка»

ЧЕСТНО-УДИВЛЁННЫЙ:

- тип текстовой голографической единицы – индивидуально-авторская конструкция А. И. Солженицына.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единица не зафиксирована в толковых словарях современного русского языка (524 человека).

Данные толковых словарей русского языка (компоненты голографической единицы):

- *честный* – «правдивый, искренний, прямой. Неспособный обманывать или не основанный на обмане; выражающий эти чувства» [Лопатин, 2001: 638]; «проникнутый искренностью и прямоотой, добросовестный; выражающий такие свойства [Ожегов, 1975: 721]; «в ком или в чём есть честь, достоинство, благородство, доблесть и правда» [Даль, Т. 4, 2003: 600] (521 человек);

- *удивлённый* – «испытывающий удивление; выражающий удивление» [Лопатин, 2001: 774; ССРЛЯ, Т. 16, 1964: 324] (517 человек);

- *честно-удивлённый* – «искренне изумленный, пораженный» (476 человек).

Этап второй – «Текстовая семантика единиц»

Базовое значение голографической единицы:

- *честно-удивлённый* – «искренне изумленный, пораженный фактом несправедливости» (341 человек).

Текстовая семантика стимуляторов:

- стимулятор *выскаченный* – «вылезший откуда-то» (265 человек); *выскаченные глаза* – выпученные глаза (197 человек); в переносном значении «вылезшие от удивления глаза» (156 человек);
- стимулятор *открыто в упор смотрит* – «выражение лукавства» (115); «проявляет честность в общении» (100 человек); «ничего не скрывает» (99 человек);
- стимулятор *быстрая на понимание* – «сообразительная; реагирующая адекватно и оперативно в любых условиях» (387 человек); «разумная; правильно мыслящая» (93 человека);
- стимуляторы *откинула голову и чуть расширила глаза* – «принимает позу нападения или атаки» (298 человек).

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

- *честно-удивлённый* – обман; лукавство (214 человек); нестабильное эмоциональное состояние (97 человек); правда, правдивость (67 человек); единичные ассоциации (69 человек); не смогли установить ассоциации (77 человек);
- стимулятор *выскаченный* – наигранное удивление (182 человека); скрытое волнение, смятение (158 человек); возмущение, негодование (69 человек); точка кипения (52 человека); психологическая атака, нападение на собеседника (34 человека); единичные ассоциации (19 человек); не смогли установить ассоциации (10 человек);
- стимулятор *открыто в упор смотрит* – виновность (146 человек); маска, за которой прячется обман (113 человек); подвох, осознанный обман (73 человека); диалог, общение (42 человека); имитация откровенного разговора (30 человек); враги, соперники; оппоненты (28 человек); единичные ассоциации (69 человек); не смогли установить ассоциации (41 человек);

– стимулятор *быстрая на понимание* – хитрая, хитрость (198 человек); живой ум, интуиция (109 человек); хорошая реакция (69 человек); единичные ассоциации (39 человек); не смогли установить ассоциации (109 человек);

– стимуляторы *откинула голову и чуть расширила глаза* – защита (189 человек); дать отпор в любой ситуации (155 человек); единичные ассоциации (44 человека); не смогли установить ассоциации (136 человек).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

– *честно-удивлённый* – «лживый, правдиво-наигранный, показной» (439 человек);

– семантика языковой единицы, выступающей в качестве голографической, трансформируется (420 человек); общий объём значения увеличивается.

НАСТОЯЩИЙ ВРАЧ:

- тип текстовой голографической единицы – общеупотребительное слово.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единица не зафиксирована в толковых словарях современного русского языка (519 человек).

Данные толковых словарей русского языка (компоненты голографической единицы):

– *настоящий* – «такой, какой должен быть, представляющий собой лучший образец кого-н., не показной» [Лопатин, 2001: 348]; «подлинный, истинный, неподдельный, неподложный» [Даль, Т. 2, 2003: 475; Ожегов, 1988: 316];

– *врач* – «лицо с высшим медицинским образованием, лечащее больных» [Ожегов, 1988: 84]; «лицо, имеющее высшее медицинское

образование и право лечения больных; лекарь, доктор (в просторечии)» [ССРЛЯ, Т. 2, 1951: 796];

– *настоящий врач* – «человек, чье профессиональное предназначение – лечить других людей; профессионал своего дела» (497 человек).

Этап второй – «Текстовая семантика единицы»

Базовое значение голографической единицы:

– *настоящий врач* – «внешность врача»; «типаж, характерный для человека, который занимается лечением пациентов» (312 человек); «являющийся высококлассным специалистом в области медицины» (109 человек); «талантливый» (90 человек).

Текстовая семантика стимуляторов:

– стимулятор *хороший* – «нравый на вид, по наружности, ценимый по внутренним качествам, полезным свойствам, достоинству» [Даль, Т. 4, 2003: 562]; «положительный по своим качествам, вполне удовлетворяющий, заслуживающий одобрения, такой, как следует» [Лопатин, 2001: 816] (511 человек), то есть «соответствующий внешне облику кого-либо (врача)» (389 человек);

– стимулятор *быть* – «существовать» [ССРЛЯ, Т. 1, 1950: 728]; «являться, существовать, иметься» [Ожегов, 1988: 55] (512 человек), то есть *быть (настоящим врачом)* – «существующий в качестве какого-либо деятеля (врача)» (311 человек);

– стимулятор *внешность (врача)* – «наружный вид, наружность» [ССРЛЯ, Т. 2, 1951: 472]; «внешний вид чего-нибудь» [Ожегов, 1988: 72; Даль, Т. 1, 2003: 189] (510 человек), то есть *внешность (врача)* – «типаж врача» (289 человек); «характерные визуальные черты для человека, осуществляющего лечебную практику» (211 человек);

– стимулятор *От Бога* – то есть «талантливый» (400 человек); «принадлежащий Богу» (89 человек).

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

– *настоящий врач* – больница; поликлиника; лечебное заведение (215 человек); помощь, болезнь, операция; врачебные манипуляции (79 человек); специалист; профессионал; кому доверяют жизнь (56 человек); гордость; мужество; уверенность (38 человек); долго жить; долголетие; здоровье (32 человека); единичные ассоциации (38 человек); не смогли установить ассоциации (61 человек);

– стимулятор *хороший* – о внешнем облике кого-либо (86 человек); качественный (76 человек); правильный; благоприятный; правильный (53 человека); *хороший врач* – талантливый доктор (211 человек); единичные ассоциации (42 человека); не смогли установить ассоциации (51 человек);

– стимулятор *быть* – жить (279 человек); функционировать; проявлять себя (68 человек); я (10 человек); единичные ассоциации (49 человек); не смогли установить ассоциации (113 человек);

– стимулятор *От Бога* – талант; гений (133 человека); религиозный; религия (103 человека); здание церкви; алтарь; просвирка; атрибуты церкви (102 человека); крест православный (71 человек); святой отец; поп; служитель церкви (51 человек); единичные ассоциации (17 человек); не смогли установить ассоциации (42 человека).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

– *настоящий врач* – «гармония внешнего и внутреннего содержания специалиста в области медицины»; «гармонично развитая личность, профессионал» (387 человек);

– семантика языковой единицы, выступающей в качестве голографической единицы, трансформируется (378 человек); объём значения увеличивается.

ПРАВДА-НЕПРАВДА:

- тип текстовой голографической единицы – общеупотребительные слова.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единица зафиксирована в толковых словарях современного русского языка (521 человек).

Данные толковых словарей русского языка (компоненты голографической единицы):

– *правда* – «то, что в действительности; истина» [ССРЛЯ, Т. 11, 1961: 5]; «то, что существует в действительности, истина» [Лопатин, 2001: 523]; «истина на деле, истина в образе, во благе, справедливость» [Даль, Т. 4, 2003: 379] (520 человек);

– *неправда* – «несправедливость; обман» (521 человек).

Этап второй – «Текстовая семантика единиц»

Текстовая семантика стимуляторов:

– стимулятор *И сумел дать его адекватно материалу, адекватно всей интонации* – то есть «объективная оценка чего-либо, сообразная конкретной обстановке» (247 человек); «реальность, действительность» (67 человек);

– стимулятор *скопированный* – «представляющий собой копию чего-либо» [ССРЛЯ, Т. 5, 1956: 1390] (523 человека), то есть «неправда; не настоящее» (189 человек); «что-то чужое, не созданное кем-либо изначально» (105 человек);

– стимулятор *созданный* – «давать существование, вызывать к жизни» [ССРЛЯ, Т. 14, 1964: 151] (522 человека), то есть «правда, настоящее; реальное» (201 человек); «реализованное в действительности, воплощенное, новое, не фиксируемое ранее» (113 человек).

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

– *правда* – затрачиваются собственные силы (145 человек); рождение истины (134 человека); жизнь, жизненное пространство, реальность (79 человек); правильная позиция, сила (42 человека); христианская заповедь, ангелы, праведники (40 человек); единичные ассоциации (46 человек); не смогли установить ассоциации (39 человек);

– *неправда* – нравственная, духовная смерть (189 человек); неправильно, нельзя так жить, опасность (97 человек); враг, ярость, жесточение (88 человек); жизнь – смерть; правда – ложь (76 человек); (31 человек); единичные ассоциации (21 человек); не смогли установить ассоциации (23 человека);

– стимулятор *И сумел дать его адекватно материалу, адекватно всей интонации* – анализ, оценка, аналитик (66 человек); разум, ум (32 человека); единичные ассоциации (123 человека); не смогли установить ассоциации (304 человека);

– стимулятор *скопированный* – копия; подделка чего-либо; не настоящий (177 человек); воровство; преступление; нарушение закона (102 человека); ложь, обман (87 человек); репродукция картины, иллюстрация (41 человек); списанный, срисованный, перерисованный, перенесенный с оригинала (26 человек); документ, текст, бухгалтерия, государственное учреждение (23 человека); единичные ассоциации (33 человека); не смогли установить ассоциации (36 человек);

– стимулятор *созданный* – собственный, сам сделал, лично соорудил (159 человек); оригинальный; оригинал; автор, авторский, настоящий (100 человек); деятельность, работа, созидание, созидатель, активизация (81 человек); мир, вселенная, бог; человек, Адам и Ева (53 человека); искусственно созданный интеллект, разум, мозг (35 человек); файл, папка, компьютер; компьютерная графика (33 человека); единичные ассоциации (49 человек); не смогли установить ассоциации (48 человек).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

- *правда* – «личностный выбор (человека)»;
- *неправда* – «личностный выбор (человека)»;
- семантика языковой единицы, выступающей в качестве голографической, трансформируется (375 человек); объём значения увеличивается.

СЮРТУЧНО-ГАЛСТУЧНЫЙ:

- тип текстовой голографической единицы – индивидуально-авторская конструкция А. И. Солженицына.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единица не зафиксирована в толковых словарях современного русского языка (521 человек).

Данные толковых словарей русского языка (компоненты голографической единицы):

- *сюртук* – «мужская двубортная одежда в талию с длинными полами» [Ожегов, 1975: 641; ССРЛЯ, Т. 14, 1964: 1386]; «род длинного двубортного пиджака, обычно в талию» [Лопатин, 2001: 732] (519 человек);
- *галстук* – «лента, полоска ткани, завязываемая бантом или узлом вокруг воротничка (рубашки, блузы)» [ССРЛЯ, Т. 3, 1954: 27]; «полоска материи, которую завязывают узлом вокруг воротника рубашки» [Лопатин 2001: 98]; «полоска из широкой лентой, завязываемая узлом или бантом вокруг воротника» [Ожегов, 1975: 103] (516 человек);
- *сюртучно-галстучный* – «относящийся к сюртуку и галстуку» (167 человек); «составляющий сюртук и галстук» (103 человека).

Этап второй – «Текстовая семантика единиц»

Базовое значение голографической единицы:

- *сюртучно-галстучный* (думцы) – «интеллигентные и культурные заседатели, которые проводят политику не в интересах государства и его граждан» (408 человек).

Текстовая семантика стимуляторов:

– стимулятор *думцы* – см. *дума* – «представительное выборное законодательное или административное учреждение царской России» [ССРЛЯ, Т. 3, 1954: 1157]; «название некоторых государственных учреждений» [Ожегов, 1975: 148] (511 человек); то есть *думцы* – «члены представительного выборного законодательного или административного учреждения царской России» (222 человека); «непорядочные представители представительного выборного законодательного или административного учреждения царской России» (203 человека);

– стимулятор *самоуверенно произносил под рукоплескания* – то есть «декламировать с большой убежденностью в своей правоте под восторженные аплодисменты» (186 человек);

– стимулятор *чистенький* – «перен. ирон. Ничем не запачканный» [ССРЛЯ, Т. 17, 1965: 1055]; то есть *чистенькие думцы* – «не желающие принимать на себя ответственность за государство и его членов» (142 человека); «те, кто желает остаться невиновным; осознанно желающие отстраниться от ответственности» (134 человека);

– стимулятор *поперли* – см. *переть* – «идти, двигаться куда-н., не считаясь с препятствиями, с запрещением» [Ожегов, 1975: 413; ССРЛЯ, Т. 9, 1959: 955] (523 человека); то есть «с наглостью пробираться через препятствия и запреты» (379 человек);

– стимулятор *одиночные рабоче-солдатские, или черт их разберет, депутаты* – то есть «члены выборного государственного учреждения с неопределенным статусом» (349 человек);

– стимулятор *мурлы из кресел* – то есть «неприятное, гадкое лицо, удобно разместившееся» (219 человек); «хамоватый, наглый или подлый человек, находящийся в комфортных условиях» (203 человека);

– стимулятор *орали* – см. *орать* – «громко кричать, слишком громко разговаривать» [Ожегов, 1975: 368]; «громко кричать, издавать вопли; громко плакать» [ССРЛЯ, Т. 8, 1959: 998] (517 человек).

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

– *сюртучно-галстучный* – интеллигентный; относящийся к интеллигенции (243 человека); благородный по происхождению (98 человек); элитный; модный (84 человека); старомодный; старый; из другого времени, века, столетия (64 человека); единичные ассоциации (9 человек); не смогли установить ассоциации (23 человека);

– стимулятор *думцы* – обманщики; ложь (138 человек); государство, страна, Кремль (101 человек); президент; Путин (76 человек); власть; народные избранники (54 человека); революционеры; патриоты (32 человека); единичные ассоциации (57 человек); не смогли установить ассоциации (63 человека);

– стимулятор *самоуверенно произносил под рукоплескания* – оратор; выступление на митинге, в людном месте (137 человек); крики; шум; аплодисменты; овации (103 человека); диктатор; Гитлер; агрессор (46 человек); официальное мероприятие; торжество (31 человек); единичные ассоциации (64 человека); не смогли установить ассоциации (140 человек);

– стимулятор *чистенький* – лживый; обманчивый на первый взгляд (107 человек); с запятнанной репутацией (89 человек); аккуратный; порядочный; не нарушающий закон (76 человек); человек (61 человек); грязные мысли, помыслы (50 человек); единичные ассоциации (83 человека); не смогли установить ассоциации (55 человек);

– стимулятор *одиночные рабоче-солдатские, или черт их разберет, депутаты* – революция; Россия; власть рабочих и крестьян (136 человек); путаница; неясность; непонятная ситуация; хаос (114 человека); единичные ассоциации (92 человека); не смогли установить ассоциации (179 человек);

– стимулятор *мурлы из кресел* – тюрьма; уголовник; бандит; предводитель банды (174 человека); единичные ассоциации (134 человека); не смогли установить ассоциации (213 человек);

– стимулятор *орали* – крик, шум, ор (136 человека); голос; окрик (91 человек); громкость (83 человека); ругань, вопль (71 человек); оратор; рупор

(54 человека); орать благим матом (45 человек); единичные ассоциации (34 человека); не смогли установить ассоциации (7 человек).

Ассоциативное значение голографической единицы:

– *сюртучно-галстучный* – «ненастоящий; фальшивый» (198 человек); «несовершенный» (79 человек).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

– *сюртучно-галстучный* – «рафинированный, педантичный во всем, далекий от всего, что составляет несовершенство мира» (349 человек);

– семантика языковой единицы, выступающей в качестве голографической, трансформируется (418 человек); общий объём значения увеличивается.

2.2. Организационный тип голографической модели «Каркасная трансформация текстового пространства»

2.2.1. Вид-1 голографической модели «Зонирование структуры текста»

БЛАГОДАРНО-ВИНОВНО:

- тип текстовой голографической единицы – индивидуально-авторская конструкция.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»:

В данной форме единица не зафиксирована в толковых словарях современного русского языка (517 человек).

Данные толковых словарей русского языка (компоненты голографической единицы):

– *благодарно* – см. *благодарный* – «чувствующий признательность за оказанное ему добро, помощь, внимание и т.п., готовый ответить услугой или чувством за добро» [ССРЛЯ, Т. 1, 1950: 476]; «чувствующий или выражающий благодарность» [Ожегов, 1988: 43]; «признательный,

чувствующий и изъявляющий благодарность; признающий оказанные ему услуги, добро» [Даль, Т. 1, 2003: 92] (512 человек);

– *виновно* – см. *виновный* – «совершивший преступление или проступок» [ССРЛЯ, Т. 2, 1951: 376]; «такой, на котором лежит вина» [Ожегов, 1988: 69]; «провинный, провинившийся, сделавший какой-либо проступок; погрешивший в чем» [Даль, Т. 1, 2003: 205] (511 человек);

– *благодарно-виновно* – «ощущающий одновременно чувства вины и благодарности за что-либо» (364 человека).

Этап второй – «Текстовая семантика единиц»

Базовое значение голографической единицы:

– *благодарно-виновно* – «бесконечно благодарен за сохраненную жизнь, виновен в смерти других» (287 человек); «ощущение вины за гибель других людей, которые ценой своей жизни сохранили чужую» (178 человек).

Текстовая семантика стимуляторов:

– *если я сегодня жив* – то есть «в данный момент я существую на земле» (129 человек); «только при одном условии я продолжаю сейчас дышать, думать, реагировать на окружающую действительность» (97 человек); «сейчас я сохранил собственную жизнь» (75 человек);

– *значит, вместо меня кого-то расстреляли в ту ночь по списку* – см. *расстрелять* – «подвергать смертной казни путем расстрела» [ССРЛЯ, Т. 12, 1961: 841–842]; «подвергнуть расстрелу» (см. *расстрел* – «смертная казнь, совершаемая выстрелом из огнестрельного оружия» [Ожегов, 1988: 542] (502 человека); см. *по списку* – «документ, содержащий перечень каких-либо сведений» [ССРЛЯ, Т. 14, 1964: 523]; «письменный перечень кого-чего-н.» [Ожегов, 1988: 617] (514 человек); следовательно, «по приказу, по приговору суда» (512 человек), то есть в значении данного стимулятора репрезентируется предположение, что «по решению высшей инстанции другие люди погибли в эту ночь» (478 человек);

– *значит, кто-то вместо меня задохнулся в нижнем трюме* – см. *трюм* – «штрафной изолятор или помещение камерного типа, внутренняя тюрьма колонии, которые довольно часто располагаются в подвалах» [Краткий словарь блатного жаргона [сайт]. URL: <http://www.aferizm.ru/jargon/slovar#Т> (дата обращения: 02.05. 2013)] (234 человека), то есть в значении данного стимулятора репрезентируется предположение, что «другой заключенный погиб от удушья в подвальном помещении штрафного изолятора» (213 человек); «заключенный умер во внутреннем помещении корабля от невозможности дышать» (98 человек);

– *значит, мне достались те лишние двести граммов хлеба, которых не хватило умершему* – то есть в значении данного стимулятора репрезентируется предположение, что «остался в живых, потому что съел пайку хлеба, которая предназначалась заключенному, умершему от голода» (189 человек); «чужая смерть спасла жизнь другому» (74 человека); «я живой, так как съел лишнюю порцию хлеба, которая осталась от умершего товарища» (38 человек).

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

– *благодарно-виновно* – сомнение; смятение; смутные чувства (181 человек); неловкая ситуация, причина возникновения которой некрасивая жизненная история, обида или ссора; ошибки, промахи, проступки (107 человек); сожаление; жалость (77 человек); прости, я виноват; надежда на будущее (54 человека); жизнь; жизненный путь; судьба (31 человек); единичные ассоциации (14 человек); не смогли установить ассоциации (53 человека);

– стимулятор *если я сегодня жив* – молитва; слова молитвы; заклинание (110); жизнь; живущий человек; настоящее; реальность (107 человек); есть опасность; рядом угроза жизни; смерть; тревога за судьбу; опасение (68 человек); жизнь-смерть (51 человек); я дышу, хожу по земле, вижу родных; счастье; радость (45 человек); завтра могу погибнуть; вчера

ничего не случилось, если сегодня все же жив (34 человека); единичные ассоциации (49 человек); не смогли установить ассоциации (53 человека);

– стимулятор *значит, вместо меня кого-то расстреляли в ту ночь по стиску* – болезненно воспринимать действительность; вина; обида; невозможно ничего исправить, изменить (97 человек); кровь; стена в крови; труп, мертвый человек; убийство; тюремный дворик (84 человека); тюрьма; заключение; камера смертников; преступники, заключенные (74 человек); смерть; расправа; наказание за преступление; возмездие (49 человек); оружие; винтовка; пистолет; пулемет (39 человека); надзиратели; солдаты; расстрельная команда (27 человек); суд; приговор; арест; судья (25 человек); единичные ассоциации (68 человек); не смогли установить ассоциации (64 человека);

– стимулятор *значит, кто-то вместо меня задохнулся в нижнем трюме* – вина за чужую смерть, благодарность за собственную жизнь; болезненное ощущение вины (128 человек); моя жизнь – его смерть; простите (103 человека); нет воздуха, темно, душно, духота; не могу дышать; глаза закрыты; стоны, хрип (87 человек); страх; страшно; мертвящий холод; ужас (65 человек); горло (39 человек); единичные ассоциации (43 человека); не смогли установить ассоциации (52 человека);

– стимулятор *значит, мне достались те лишние двести граммов хлеба, которых не хватило умершему* – вина за чужую смерть, благодарность за собственную жизнь; простите! (212 человек); голод; смерть; слезы; исхудавшие и изможденные голодом люди; дистрофия (125 человек); кусочек хлеба; крошки хлеба на дрожащей руке (52 человека); случайно остался жив; случай (43 человека); съел чужое; забрал у другого человека; чужое – мое (21 человек); единичные ассоциации (52 человека); не смогли установить ассоциации (12 человек).

Ассоциативное значение голографической единицы:

– *благодарно-виновно* – «признателен тому, перед кем в неоплатном долгу» (108 человек).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

– *благодарно-виновно* – «постоянно ощущать болезненное смятение» (422 человека);

– объём семантики языковой единицы, выступающей в виде голографической единицы, расширяется (418 человек); общий объём значения увеличивается.

ДО ТРИДЦАТИ и В ТРИДЦАТЬ ЛЕТ:

- тип текстовой голографической единицы – общеупотребительное слово.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единица зафиксирована в толковых словарях современного русского языка (510 человек).

Данные толковых словарей русского языка (компоненты голографической единицы):

– *лета* – «возраст, года» [Ожегов, 1988: 260; ССРЛЯ, Т. 6, 1957: 190] (513 человек);

– *до тридцати лет* – «период жизни человека до наступления тридцатилетия со дня рождения» (510 человек);

– *в тридцать (лет)* – «период жизни человека, когда ему исполняется тридцать лет» (510 человек).

Этап второй – «Текстовая семантика единиц»

Базовое значение голографической единицы:

– *до тридцати лет* – «жизнь, свободная от всех условностей; жизнь человека, далекого от реальности» (216 человек);

– *в тридцать (лет)* – «жизнь обывателя; устоявшаяся жизнь; привычная для человека жизнь» (198 человек).

– *до тридцати лет – в тридцать (лет)* – «поиск жизненного пути» (176 человек).

Текстовая семантика стимуляторов:

– стимулятор *шляться по миру* – см. *шляться* – «ходить, бродить где-либо взад и вперед, с места на место; слоняться, шататься» [ССРЛЯ, Т. 17, 1965: 1486] (512 человек); см. *мир* – «Земной шар, Земля» [Ожегов, 1988: 286; ССРЛЯ, Т. 6, 1957:1033] (510 человек); то есть *шляться по миру* – «праздно шататься без дела по земному пространству» (213 человек); «без всякой цели бродить по земле» (102 человека);

– стимулятор *пробовать все работы* – см. *пробовать* – «пытаться что-либо делать» [ССРЛЯ, Т. 11, 1961: 932]; «пытаться, стараться что-либо сделать» [Ожегов, 1988: 491] (509 человек); то есть *пробовать все работы* – «многократные попытки заняться чем-либо, какой-нибудь деятельностью» (201 человек); «испытать возможности многих ремесел, профессий, занятий» (83 человека); «полностью реализоваться в профессиональном плане» (78 человек);

– стимулятор *менять все, что можно менять в жизни, хлебая приключения* – см. *приключение* – «неожиданный случай, происшествие» [ССРЛЯ, Т. 11, 1961: 529]; «происшествие; неожиданный случай» [Ожегов, 1988: 481] (511 человек); то есть *менять все, что можно менять в жизни, хлебая приключения* – «с легкостью преобразовывать что-то в своей судьбе, испытывая различного рода неожиданные ситуации» (189 человек); «несерьезное, авантюрное отношение к действительности» (143 человека);

– стимулятор *осесть в тихом городе* – см. *осесть* – «поселиться на постоянное жительство» [Ожегов, 1988: 371]; «поселяться на постоянном месте, оставаться где-либо на постоянное жительство» [ССРЛЯ, Т. 8, 1959: 1082] (502 человека);

см. *тихий* – «безмятежный, спокойный, без тревог, потрясений» [ССРЛЯ, Т. 15, 1963: 486]; «спокойный, неоживленный» [Ожегов, 1988: 652] (509 человек); то есть *осесть в тихом городе* – «жить где-то длительное время, привыкнув к месту» (111 человек); «остановиться в приятном сердце месте» (71 человек); «там, где комфортно, уютно» (42 человека);

– стимулятор (*только*) *писать* – см. *писать* – «создавать, сочинять литературное, научное и т.п. произведение» [ССРЛЯ, Т. 9, 1959: 1229], то есть «заниматься одним лишь творчеством, литературной деятельностью, сочинительством» (479 человек);

– стимулятор (*в советских условиях было*) *весьма трудно* – см. *советский* – «свойственный Стране Советов» [ССРЛЯ, Т. 14, 1964: 82] (488 человек); см. *весьма* – «очень, чрезвычайно, крайне» [ССРЛЯ, Т. 2, 1951: 239]; «то же, что и очень» [Ожегов, 1988: 64]; «очень, крайне, сильно, больно, крепко, более чем очень» [Даль, Т. 1, 2003: 187-188] (505 человек); см. *трудно* – «с затруднениями, препятствиями; затруднительно» [ССРЛЯ, Т. 15, 1963: 1044]; см. *трудный* – «закрывающий в себе затруднения, нелегкий» [Ожегов, 1988: 664] (506 человек), то есть (*в советских условиях было*) *весьма трудно* – «нелегко осуществляемое при советском режиме» (111 человек); «обстоятельства жизни в советском обществе удручают, сопряжены с определенными трудностями» (99 человек).

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

– стимулятор *шляться по миру* – без цели; бесцельность; бессмысленность; неоправданная беспечность; безответственность перед чем-либо (167 человек); буйство красок; путешествие; страны; самолет; гостиница, отель; кафе, рестораны (106 человек); легкость, увлекательность, романтика; друзья; попутчики; веселая компания (73 человека); скитание; частые переезды с места на место; дорога (43 человека); нет дома; неприкаянная душа; одиночество (39 человек); евросоюз; единая валюта;

безвизовое пространство (21 человек); единичные ассоциации (48 человек); не смогли установить ассоциации (13 человек);

– стимулятор *пробовать все работы* – попытки в чем-либо (занятия, увлечения, деятельность и т.д.); многократность действий, операций; повторение; вариативность; несколько вариантов; различные возможности (143 человека); высококлассный специалист; профессионал; все умеет; универсальный человек (113 человек); беспечность; несерьезное отношение к жизни, работе и т.п.; отсутствие стабильности в жизни; непостоянство в выборе (81 человек); нужны деньги, финансовые трудности; потерял работу; безработный (62 человека); разнорабочий (27 человек); единичные ассоциации (52 человек); не смогли установить ассоциации (32 человека);

– стимулятор *менять все, что можно менять в жизни, хлебая приключений* – не задумываться ни о чем в жизни; авантюра, авантюрист (76 человек); непостоянство; отсутствие жизненных приоритетов; человек легко изменяет свою позицию, систему взглядов (62 человека); глупый человек (34 человека); единичные ассоциации (68 человек); не смогли установить ассоциации (270 человек);

– стимулятор *осесть в тихом городе* – крошечная территория; провинция; провинциальный город; маленький городок; Мичуринск (134 человека); уютная монотонность; покой; спокойная жизнь; жизнь без суеты обыватель; (122 человека); человек без активной социальной позиции; мещанство; домик с садом; палисадник (114 человек); бабушка; старик; хозяйство; печка; самовар (45 человек); отдых; природа; (27 человек); единичные ассоциации (51 человек); не смогли установить ассоциации (17 человек);

– стимулятор *(только) писать* – профессиональная ограниченность; выбрать один вид или род деятельности; монофункциональность (169 человек); текст; документ; роман; повесть; книга (121 человек); творчество; писатель; писательство; автор (77 человек); тетрадь; бумага; ручка;

карандаш; пишущие средства; чернила (55 человек); стол, стул; кабинет; компьютер, пишущая машинка (42 человека); единичные ассоциации (29 человек); не смогли установить ассоциации (17 человек);

– стимулятор (*в советских условиях было*) *весьма трудно* – несвобода; ограничение; зависимость от других (118 человек); давление власти; тоталитарный режим (79 человек); Сталин; партия коммунистов; социализм; коммунизм (39 человек); много лет назад; прошлый век; прошедший век (19 человек); единичные ассоциации (36 человек); не смогли установить ассоциации (238 человек).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

– *в тридцать (лет)* и *до тридцати лет* – «образ жизни творческого человека, с поделённым временным пространством; жизненное кредо художника» (396 человек);

– семантика языковой единицы, выступающей в виде голографической единицы, трансформируется (364 человека); общий объём значения увеличивается.

НЕЧТО РЕЛИГИОЗНОЕ:

- тип текстовой голографической единицы – индивидуально-авторская конструкция А. Рыбакова.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единица не зафиксирована в толковых словарях современного русского языка (511 человек).

Данные толковых словарей русского языка (компоненты голографической единицы):

– *религиозный* – «верующий» [Лопатин, 2001: 626]; «обряд веры; верующий, твердый в вере» [Даль, Т. 4, 2003: 90–91]; см. религия – «одна из форм общественного сознания – совокупность мистических представлений,

основанных на вере в сверхъестественные силы и существ, которые являются предметом поклонения» [Ожегов, 1988: 552] (508 человек);

– *нечто* – «что-то (в перен. знач. нечто удивительное)» [Лопатин, 2001: 367]; «что-либо, что-то, что-нибудь, что бы ни было; кое-что, несколько, одна часть» [Даль, Т. 2, 2003: 561] (509 человек);

– *нечто религиозное* – не смогли определить значение (511 человек).

Этап второй – «Текстовая семантика единицы»

Базовое значение голографической единицы:

Базовое значение 1, формирующееся при участии голографической единицы и стимуляторов *не ханжески-богомольное* и *не испуганное чувство* – «чувство, не разрушающее в человеке истинную веру» (175 человек); «чувство, не подрывающее нравственные основы веры» (102 человека).

Базовое значение 2, формирующееся при участии голографической единицы и стимуляторов *проникновенно-религиозное* и *спокойное, даже отрешенное* – «внутреннее ощущение или состояние душевного покоя» (269 человек).

Текстовая семантика стимуляторов:

– *нечто религиозное* – «нравственно и духовно чистое, поражающее святостью, но поистине человеческое, а не сверхъестественное» (125 человек); озаряющее все вокруг верой, истиной» (112 человек);

– стимулятор *не ханжески-богомольное* – см. *ханжеское* – «свойственный ханже, лицемерный» [Ожегов, 1988: 702];

см. *ханжеский* – см. *ханжа* – «крайний лицемер» [Лопатин, 2001: 808]; «притворно набожный, лицемерный» [Даль, Т. 4, 2003: 542];

см. *богомольное* – «любящий молиться» [Ожегов, 1988: 46]; «набожный» [Ушаков, 2000: 162]; «прилежно и часто молящийся; исполняющий все внешние обряды церкви; искренне молящийся, богобоязненный» [Даль, Т. 1, 2003: 104] (500 человек);

– *не ханжески-богомольный* – «не притворно, а искренне молящийся» (139 человек); исполняющий обряды церкви не для достижения какой-либо цели» (100 человек);

– стимулятор *не исступленное* – «не фанатичный; неагрессивное состояние, не выходящее за пределы рассудительного» (ср. *исступленный* – «фанатичный, свирепый; страстный сверх меры, выходящий за пределы рассудительного» [Даль, Т. 2, 2003: 36] (501 человек);

– стимулятор *проникновенно-религиозное* – см. *проникновенный* – «с большим внутренним убеждением, волнующе искренний» [Лопатин, 2001: 566]; *проникновенно-религиозный* – «истинно верующий; имеющий веру в своей душе» (498 человек);

– стимулятор *спокойный* – «находящийся в состоянии покоя, лишенный тревог; ведущий себя тихо, не беспокоящийся; не раздражающийся, мягкий» [Лопатин, 2001: 702]; «тихий, кроткий, миролюбивый; нетревожный, невзволнованный, ничем не возмущенный» [Даль, Т. 4, 2003: 294] (503 человека);

– стимулятор *отрешенный* – «отчужденный, проникновенный» [Лопатин, 2001: 431]; «отделившийся; исключенный» [Даль, Т. 4, 2003: 753] (502 человека); *даже отрешенный* – «отчужденный до предела (по своему желанию), от всего, что мешает его духовной свободе» (407 человек); «ничем не интересующийся; ушедший от внешнего мира» (85 человек).

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

– *нечто религиозное* – искренний, не лицемерный (178 человек); искренний, с большим внутренним убеждением (139 человек); фанатичный, не страстный сверх всякой меры, не выходящий за пределы рассудительного (102 человека); находящийся в покое; ведущий себя тихо (52 человека); единичные ассоциации (20 человек); не смогли установить ассоциации (17 человек);

– стимулятор *не ханжески-богомольный* – искренне набожный (156 человек); истинно верующий (106 человек); единичные ассоциации (25 человек); не смогли установить ассоциации (170 человек);

– стимулятор *не исступленный* – не фанатичный (138 человек); адекватно мыслящий; нравственный; духовный; здравомыслящий (121 человек); единичные ассоциации (32 человека); не смогли установить ассоциации (220 человек);

– стимулятор *проникновенно-религиозное* – истинно верующий (45 человек); церковь; вера (35 человек); лики святых (30 человек); молебенщицы; монахи; монашки (28 человек); единичные ассоциации (173 человека); не смогли установить ассоциации (200 человек);

– стимулятор *спокойный* – покой (189 человек); тихий (150 человек); состояние верующего человека (89 человек); единичные ассоциации (73 человека); не смогли установить ассоциации (10 человек);

– стимулятор *отрешенный* – спокойный (87 человек); далекий от реального мира (69 человек); святой; верующий (59 человек); единичные ассоциации (51 человек); не смогли установить ассоциации (245 человек);

– языковая единица *бабушка* – вселенская любовь и доброта (189 человек); добрые глаза (59 человек); старая женщина (45 человек); старость (30 человек); единичные ассоциации (173 человека); не смогли установить ассоциации (15 человек);

– языковая единица *облик* – лики святых на иконах (196 человек); образ святого (100 человек); служитель церкви; вера; храм (73 человека); единичные ассоциации (54 человека); не смогли установить ассоциации (88 человек).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

– *нечто религиозное* – «нравственно и духовно чистое, поражающее святостью, но поистине человеческое, а не сверхъестественное;

озаряющее все вокруг верой, истиной» (289 человек); «озаряющее светом, нравственным чистотой; истинно святое» (87 человек);

– семантика языковой единицы, выступающей в качестве голографической единицы, трансформируется (351 человек); объём значения увеличивается.

ОБРЕЧЁННО-БЕЗБРАЧНЫЙ:

• тип текстовой голографической единицы – индивидуально-авторская конструкция А. И. Солженицына.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единица не зафиксирована в толковых словарях современного русского языка (526 человек).

Данные толковых словарей русского языка (компоненты голографической единицы):

– *обречённый* – «такой, которому предстоит неизбежная гибель, угрожает большое несчастье» [ССРЛЯ, Т. 8, 1959: 399]; «такой, которому предопределена, суждена гибель, смерть» [Лопатин, 2001: 388] (524 человека);

– *безбрачный* – «холостой, одинокий, бессемейный» [Даль, Т. 1, 2003: 58] (523 человека);

– *обречённо-безбрачный* – «вынужденно одинокий, несчастный, не имеющий семьи» (510 человек).

Этап второй – «Текстовая семантика единицы»

Вербализованные ассоциации участники эксперимента:

– *обречённо-безбрачный* – не имеющий семьи в силу определенных обстоятельств (134 человека); несчастный (81 человек); несчастный, нестроенный в личной жизни (77 человек), одинокий не по своему желанию, без семьи (64 человека); единичные ассоциации (62 человека); не смогли установить ассоциации (138 человек);

– стимулятор *неудачный* – обреченный на провал (182 человека), несчастный (167 человек); провал в семейной жизни (51 человек); утрата чувств (49 человек); единичные ассоциации (77 человек);

– стимулятор *расстроенный* – с несложившейся личной жизнью (156 человек); нестроенный в личном плане (147 человек); с разрушенной судьбой и поэтому одинокий (103 человека); единичные ассоциации (65 человек); не смогли установить ассоциации (55 человек);

– *обречённый* – несчастливый – а следовательно, неудачный (жизнь); *безбрачный* – значит, одинокий – а следовательно, нестроенный – то есть расстроенный (жизнь).

Ассоциативное значение голографической единицы:

– *обречённо-безбрачный* – «несчастный в своем вынужденном одиночестве» (255 человек), «несчастный в личном плане в силу разных обстоятельств» (100 человек), «холостяк» (88 человек).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

– *обречённо-безбрачный* – «несчастный в личном плане (178 человек), первоначально безуспешный в личном плане (129 человек); бессмысленно пустой, изначально лишенный какого-либо семейного уклада, счастья» (78 человек);

– семантика языковой единицы, выступающей в качестве голографической, трансформируется (351 человек); объём значения увеличивается.

ПАТРУЛЬ:

- тип текстовой голографической единицы – общеупотребительное слово.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единица зафиксирована в толковых словарях современного русского языка.

Данные толковых словарей русского языка:

– *патруль* – «находящийся в движении небольшой вооруженный отряд для осмотра местности, поддержания порядка или проверки охранения» [ССРЛЯ, Т. 9, 1959: С.306]; «небольшая группа от воинского подразделения, от милиции, от общественной охраны для наблюдения за порядком, за безопасностью в определенном районе» [Лопатин, 2001: 447]; «ночной обход или дозор» [Даль, Т. 3, 2003. 25; Ожегов, 1988: 400] (514 человек).

Этап второй – «Текстовая семантика единиц»

Базовое значение голографической единицы:

– *патруль* – «люди,двигающиеся тесно сомкнув ряды, создавая ощущение монолитности»; «люди, разбивающие все препятствия на своем пути» (387 человек).

Текстовая семантика стимуляторов:

– стимулятор *рука в руку* – «взявшись за руки или под руку» (496 человек), то есть «тесно прижавшись друг к другу» (489 человек);

– стимулятор *квадрат за квадратом* – «равные участки» (209 человек);

– стимулятор *сегмент за сегментом* – «отрезок за отрезком; полоса за полосой; участок за участком» (189 человек);

– стимулятор *посреди фестивальной толпы* – «сквозь большое скопление нарядно одетых людей» (381 человек); «в центре сборища ярко одетых людей» (103 человека);

– стимулятор *прочесывали взглядом холл* – «внимательно рассматривали большое помещение в общественном здании» (354 человека); «тщательно изучали взглядом помещение» (100 человек).

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

– стимулятор *рука в руку* – слишком близко; прижавшись друг к другу; напор; стена (189 человек); плечом к плечу; тесно; воедино (153

человека); ряд, колонна, строй, шеренга, демонстрация (65 человек); друзья, товарищи, родственники, близкие люди (45 человек); солдаты; военные; офицеры (21 человек); единичные ассоциации (23 человека); не смогли установить ассоциации (18 человек);

– стимулятор *квадрат за квадратом* – тщательно; внимательно; с пристрастием (184 человека); обыск; поиск; розыск; осмотр; досмотр (149 человек); уборка урожая; вскопать грядку, огород или участок (59 человек); ограда; забор; двор; участок у дома (23 человека); геометрическая фигура; все стороны равны; периметр (10 человек); единичные ассоциации (43 человека); не смогли установить ассоциации (46 человек);

– стимулятор *сегмент за сегментом* – разрушать все на своем пути (54 человека); части большого пространства или участка (32 человека); с особым вниманием; тщательно (30 человек); инженер; микросхема; компьютер (5 человек); единичные ассоциации (44 человека); не смогли установить ассоциации (349 человек);

– стимулятор *посреди фестивальной толпы* – сопротивление; агрессия; противостояние; противодействие; сила (179 человек); центр чего-то (103 человека); один; одиночество в обществе; «не в своей тарелке»; чужой по духу (90 человек); праздник; много нарядных людей; яркие одежды; человек, выделяющийся своей обыденной одеждой из компании ярко и стильно одетых людей (80 человек); радость; веселье; праздничное настроение (19 человек); единичные ассоциации (39 человек); не смогли установить ассоциации (4 человека);

– стимулятор *прочесывали взглядом холл* – тотальное слежение; наблюдение с целью выявления чуждого, отличающегося от привычного; поиски (211 человек); федеральная служба безопасности; разведчик; резидент (103 человека); толпа; большое скопление людей; общественное место (67 человек); большое здание; огромное помещение; коридор (31

человек); глаза; визуальный; зрение; прищуриваться (19 человек); единичные ассоциации (44 человека); не смогли установить ассоциации (39 человек).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

- *патруль* – «тотальная, разрушающая сила» (369 человек);
- семантика языковой единицы, выступающей в качестве голографической, трансформируется (402 человека); объём значения увеличивается.

ТЕАТР:

- тип текстовой голографической единицы – общеизвестное слово.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единица зафиксирована в толковых словарях современного русского языка (522 человека).

Данные толковых словарей русского языка:

- *театр* – «вид искусства, в котором образное отражение жизни достигается посредством сценического представления, осуществляемого актерами перед зрителями» [ССРЛЯ, Т. 15, 1963: 180]; «искусство изображения драматических произведений на сцене» [Ожегов, 1975: 646].

Этап второй – «Текстовая семантика единиц»

Базовое значение голографической единицы:

- *театр* – «душевная тоска; тревога» (279 человек); «душа» (48 человек).

Текстовая семантика стимуляторов:

- стимулятор *тоскливо* – «о чувстве тоски, испытываемом кем-либо» [ССРЛЯ, Т. 15, 1963: 709]; см. *тоскливый* – «наводящий тоску, вызывающий уныние» [ССРЛЯ, Т. 15, 1963: С.709]; «полный тоски или наводящий тоску» [Ожегов, 1975: 656] (520 человек); то есть «печально» (178 человек); «неэмоционально» (172 человека);

– стимулятор *неинтересно* – «не представляет интереса» [ССРЛЯ, Т.7, 1958: 915] (519 человек), то есть «нейтрально в эмоциональном плане» (389 человек); «занудно» (45 человек);

– стимулятор *не хочется нисколько* – то есть «отсутствие какого-либо желания, интереса» (331 человек); «нет заинтересованности, мотивации» (169 человек);

– стимулятор *опасно* – «угрожающий жизни» [ССРЛЯ, Т. 9, 1959: 883], то есть «максимально эмоционально» (401 человек); «вредно; страшно» (64 человека);

– стимулятор *до конца бы досидеть* – то есть «приложить ряд усилий, чтобы оставаться на конкретном месте» (255 человек); «против собственной воли удержаться где-то до завершения какого-либо действия, события и т.п.» (219 человек);

– стимулятор *воплъ издал* – то есть «издать ужасающий, пугающий крик» (327 человек); «громко закричать; неожиданно крикнуть» (132 человека).

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

– *театр* – спектакль, опера, балет, искусство (169 человек); сцена; здание; ложа; кресло; бархат; зеркала; свет (138 человек); музыка (88 человек); торжество; праздник; важное событие; торжественные наряды (43 человека); эмоции; радость; восторг; трепет (16 человек); единичные ассоциации (48 человек); не смогли установить ассоциации (20 человек);

– стимулятор *опасно* – возбужденное состояние; адреналин в крови (177 человек); смерть; гибель; трагедия (109 человек); тревога; угроза; нестабильность; смятение (73 человека); предупреждение; опасение (51 человек); болезнь; травма (46 человек); жизнь; для жизни (34 человека); единичные ассоциации (20 человек); не смогли установить ассоциации (12 человек);

– стимулятор *до конца бы досидеть* – только бы остаться в живых (104 человека); опасность; тревога; тревожность; волнение (102 человека); неудобное место; некомфортная обстановка; дискомфорт; дисгармония; несоответствие чему-то (28 человек); единичные ассоциации (87 человек); не смогли установить ассоциации (201 человек);

– стимулятор *воплъ издал* – ужас; страх; отчаяние (159 человек); шум; крики; протяжный плач; вой (96 человек); вурдалак; приведение; леший; вампир (86 человек); волк; собака; хищник; дикий зверь (65 человек); сумасшедший человек; псих; психический больной; умалишенный (38 человек); единичные ассоциации (42 человека); не смогли установить ассоциации (36 человек).

Ассоциативное значение голографической единицы:

– *театр* – «смятение; нестабильное душевное состояние» (307 человек).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

– *театр* – «томительная тревога» (381 человек);
– семантика языковой единицы, выступающей в качестве голографической, трансформируется (378 человек); общий объём значения увеличивается.

2.2. Вид-2 голографической модели «Ассоциативный текст»

ЛИТЕРАТУРНО-ЖУРНАЛЬНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ПОДЁНЩИНА:

- тип текстовой голографической единицы – индивидуально-авторская конструкция М. Веллера.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единица не зафиксирована в толковых словарях современного русского языка (507 человек);

Данные толковых словарей русского языка (компоненты голографической единицы):

– *подёница* – «труд как отбывание тяжелой повинности, труд без любви к делу, без знания дела» [ССРЛЯ, Т. 10, 1960: 350]; «поденная работа» [Ожегов, 1988: 433]; «работа или промысел поденщика, взятый посуточно, а не на подряд» [Даль, Т. 3, 2003: 172] (498 человек);

– *литературно-журнально-публицистический* – см. *литературный* – «относящийся к художественной литературе» [ССРЛЯ, Т. 6, 1957: 284]; «относящийся к художественной литературе, писательский» [Ожегов 1988: 263] (495 человек);

– см. *журнальный* – «относящийся к журналу (в 1-м значении); то есть повременное издание политического, научного или литературного характера» [ССРЛЯ, Т. 4, 1955: 191]; «относящийся к журналу», то есть «периодическое издание в виде книжки, содержащей статьи или художественные произведения разных авторов, а также отдельная книжка такого издания» [Ожегов, 1988: 159] (503 человека);

– см. *публицистический* – «относящийся к публицисту и к публицистике, свойственный им» [ССРЛЯ, Т. 11, 1961: 1648] (500 человек);

– *литературно-журнально-публицистический* – «определяющий функциональную (или жанровую) структуру произведения» (374 человека);

– *литературно-журнально-публицистическая подёница* – «оплачиваемая творческая писательская работа, имеющая случайный характер» (329 человек).

Этап второй – «Текстовая семантика единиц»

Базовое значение голографической единицы:

– *литературно-журнально-публицистическая подёница* – «преднамеренный обман, подделка оригинала» (79 человек); «добровольное (духовное в данном случае) рабство» (74 человека); «осознанная замена важных личных замыслов на более мелкие в духовном и нравственном

плане» (65 человек); «переход на более низкий, потребительский уровень, например, в творчестве» (52 человека); «дурное, плохое занятие, оскверняющее самого деятеля» (43 человека); «чувство пренебрежения, возникающее в отношении производителя действия или его работы» (39 человек), то есть «недостойное, непристойное по каким-то причинам творческая работа для художника-творца».

Текстовая семантика стимуляторов:

- стимулятор *не зарабатывал ни копейки* – «недостойный для профессионального литератора (художника) вид творческого заработка»; «не приносящий доход, прибыль» (387 человек);
- стимулятор *фальшь* – «подделка, обман читателя»; «ошибка; проступок» (312 человек);
- стимулятор *продажа себя* – «отказ от собственной авторской позиции в угоду кому-то, унижение собственного «я»; «отсутствие собственной позиции, точки зрения» (382 человека);
- стимулятор *размен на пятаки* – «утрата своего творческого потенциала по пустякам»; «уничужение своего достоинства, таланта»; «неквалифицированное выполнение чего-либо» (265 человек);
- стимулятор *снижение планки* – «потеря профессиональных качеств; определенного уровня профессионализма»; «постепенная деградация»; «упадок сил» (349 человек);
- стимулятор *замусоливание слуха* – «постепенная утрата остроты слова, свойственной для писателя»; «ослабление чувств, каких-либо эмоций»; «привыкание; не реагирование на услышанное» (302 человека);
- стимулятор *порча рук* – «непристойное, непотребное занятие для творца»; «грязное дело»; «недостойное занятие, оскорбляющее чуткую натуру художника» (286 человек);

– стимулятор *презренье!* – «недостойный внимания и уважения читателя писательский труд»; «неуважение»; «осуждение; позор; осквернение мастера; его высокого звания» (417 человек).

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

– *подёница* – литературщина (186 человек); непостоянная работа; работа по дням; всесезонная работа; временная работа (122 человека); барщина; барин; крестьяне; крепостничество (109 человек); бедность; батрак (71 человек); трудная работа; нелегкая работа (58 человек);

– *литературно-журнально-публицистическая подёница* – недостойное, непристойное по каким-то причинам творческая работа для художника-творца (132 человека); «труд без любви к делу, без знания и таланта» (117 человек); «напрасный литературный труд» (79 человек);

– стимулятор *не зарабатывал ни копейки* – случайный заработок (88 человек); недостойный в материальном плане для профессионального литератора (художника) вид творческого заработка (75 человек); без зарплаты; отсутствие денег; без средств к существованию (61 человек); иждивенец; живущий за счет других (53 человека);

– стимулятор *фальшь* – халтура в виде литературного произведения (85 человек); литературное произведение низкого профессионального уровня (73 человека); неактуальное в художественном плане произведение (56 человек); неинтересное произведение (32 человека);

– стимулятор *продажа себя* – угодить власти, выгода для кого-то (82 человека); дешевый, по дешевке, (76 человек); продажный; продажная женщина; товар; торговать (61 человек); по хорошей цене, выгодно, успешная сделка; достаток (59 человек);

– стимулятор *размен на пятаки* – свой талант растратил в угоду идеологических интересов власти; взамен на что-то (77 человек); разменная монета; неважная жизненная ситуация; продажа себя или своего таланта (48

человек); денежные отношения; деньги; продажа; удобства для человека (37 человек);

– стимулятор *снижение планки* – не доставляет внутреннего удовлетворения человеку; дискомфорт; унижительные условия, ситуация (89 человек); профессиональный крах; падение или снижение профессионального уровня; профессиональная неудача (68 человек); проигрыш, неудача личного плана, провал в начинаниях; разочарование в своих возможностях (53 человека); спортсмен; соревнование; прыжки, прыгнуть; высота (25 человек); пол; земля; низ (12 человек);

– стимулятор *замусоливание слуха* – не доставляет внутреннего удовлетворения человеку; то, что делает человека равнодушным; бездушный человек (93 человека); привычка; обыденность; привычность обстановки или ситуации; все равно, безразличие к происходящему каждый день; безразницы (87 человек); музыкальный; тон; звуки музыки; музыкальный слух; преподаватель музыки (43 человека);

– стимулятор *порча рук* – не приносит удовлетворения человеку; безрадости; нет морального удовлетворения в чем-то (76 человек); непристойное занятие; грязное дело; плохой человек; мерзкий человек; пачкать руки в грязи (56 человек); брезгливость; неприязнь; подлость; ощущать неприятные чувства (32 человека).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

– *литературно-журнально-публицистическая подёница* – «все виды пропагандистской идеологической литературы в тоталитарном обществе» (298 человек);

– семантика языковой единицы, выступающей в виде голографической единицы, трансформируется (334 человека); общий объём значения увеличивается.

МИР:

- тип текстовой голографической единицы – общеупотребительное слово.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единица зафиксирована в толковых словарях современного русского языка:

- *мир* – «совокупность, система всех форм материи; вселенная» [Лопатин, 2001: 312; ССРЛЯ, Т. 6, 1957: 1034] (532 человека).

Этап второй – «Текстовая семантика единиц»

Базовое значение голографической единицы:

- *мир* – реальность, угнетающая личность» (298 человек); «нравственное и духовное ограничение» (87 человек).

Текстовая семантика стимуляторов:

- стимулятор *загажен* – см. *загадить* – «перен. «осквернять, опошлять» [Ефремова, 2000; Кузнецов, 2000: 316]; «запачкать, загрязнить» [Ожегов, 1988: 164] (522 человека), то есть «морально осквернён, загрязнён» (223 человек); «нравственно осквернён; унижен» (112 человек); «обезобразен; замусолен; испачкан (65 человек);

- стимулятор *задушен* – (ср. *задушить* – «подавить, уничтожить, не дать развиваться в полной мере чему-либо» [Кузнецов, 2000: 32; Ефремова, 2000] (207 человек); «морально уничтожен; нравственно уничтожен (84 человека);

- стимулятор *досмотр* – «результат такого действия (по гл. досматривать); таможенная проверка, контрольный осмотр личных вещей, товаров и т.п.» [Ефремова 2000]; «проверочный, контрольный осмотр» [Кузнецов, 2000: 278] (527 человек); то есть «простое обследование с разрешения или ведения человека» (245 человек); «тотальная проверка человека» (74 человека);

– стимулятор *дозор* – «наблюдение с целью охраны, разведки» [Ефремова 2000; Кузнецов, 2000: 268] (517 человек); то есть «тайное наблюдение в тоталитарном обществе за его членами» (187 человек); «наблюдение в целях осуществления охранных мероприятий или получения какой-либо информации» (149 человек); «частое наблюдение с целью сохранения жизни» (63 человека);

– стимулятор *надзор* – «наблюдение, присмотр за кем-либо или за чем-либо с целью контроля, охраны и т.п.» [Ефремова 2000; Лопатин 2001: 333; Кузнецов 2000: 577] (520 человек), то есть «постоянный контроль, осуществляемый в тоталитарном государстве» (213 человек); «унижение достоинства людей; попираание прав на свободу и неприкосновенности личной жизни» (169 человек);

– стимулятор *цензура* – «учреждения, ведающие таким надзором (в области печати, СМИ, иногда даже корреспонденции)» [Лопатин, 2001: 821; Кузнецов, 2000: 1460; Ефремова 2000] (516 человек), то есть «ограничение и контроль за взглядами людей, их мыслями и чувствами» (217 человек); «нравственное унижение человека» (76 человек);

– стимулятор *тюрьма* – «здание для содержания лиц, лишенных свободы» [Лопатин, 2001: 764]; «место заключения, здание, где содержатся лица, приговоренные судом к лишению свободы; лица, находящиеся под следствием» [Кузнецов, 2000: 1357] (518 человек); то есть «физическая и духовная несвобода» (256 человек); «ограничение прав и свобод в тоталитарном государстве» (127 человек); «ограничение интеллектуального развития общества» (48 человек);

– стимулятор *и не риторическая «тюрьма народов»* – «лишённый социальной или политической значимости штамп о гипотетически существующих угнетенных и несвободных народах» (159 человек);

– стимулятор *тюрьма вот этого, одного, единственного для самого себя, беспомощного человека* – не установлена семантика стимулятора.

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

– *мир* – грязь; негативная среда, враждебная для человека (203 человек); форма рабства; зависимости духовной и физической (109 человек); способ несвободной жизни (76 человек); душевная пропасть; духовная и нравственная пустота (69 человек); единичные ассоциации (58 человек); не смогли установить ассоциации (17 человек);

– стимулятор *загажен* – мусорная свалка; помойка (165 человек); неухоженность; брошенный город (105 человек); бомжи; бродяги (65 человек); стаи собак; крысы и мыши, насекомые (59 человек); единичные ассоциации (55 человек); не смогли установить ассоциации (83 человека);

– стимулятор *задушен* – смерть; гибель; преступление; уничтожение (179 человек); жертва и преступник; насилие (156 человек); тюрьма (61 человек); закон; наказание (58 человек); единичные ассоциации (23 человека); не смогли установить ассоциации (55 человек);

– стимулятор *и не риторическая «тюрьма народов»* – обман; бессмыслица; пустое; вымысел (33 человека); не смогли установить ассоциации (499 человек);

– стимулятор *цензура и тюрьма* – физическое и нравственное ограничение свободы людей (219 человек); власть и сила; государство; способ и форма влияния на людей в тоталитарном обществе (168 человек); чиновники и полиция (58 человек); душевная и физическая слепота; мрак; мрачность; серость (45 человек); единичные ассоциации (25 человек); не смогли установить ассоциации (17 человек);

– стимулятор *беспомощный человек* – незащищенность личности перед властью, обществом, государством (249 человек); «маленький человек» в большой бюрократической машине; неравноправие;

бесправие (149 человек); жалость; сострадание (56 человек); унижение (30 человек); единичные ассоциации (35 человек); не смогли установить ассоциации (13 человек);

– стимулятор *тюрьма вот этого, одного, единственного для самого себя* – реальность (67 человек); конкретное место для конкретного человека (59 человек); заключение; арестант; заключенный (58 человек); единичные ассоциации (35 человек); не смогли установить ассоциации (313 человек).

Ассоциативное значение 1, сформировавшееся на базе стимуляторов *загажен, задушен, досмотр, надзор, цензура, тюрьма, и не риторическая «тюрьма народов», тюрьма вот этого, одного, единственного для самого себя, беспомощного человека* – «место, непригодное для гармоничной жизни человека» (186 человек); «место, где в реальности угнетаются интересы и уничтожаются жизненные приоритеты» (59 человек).

Ассоциативное значение 2, сформировавшееся на основе стимуляторов *цензура; задушен досмотром, дозором, надзором*, – «блокада интеллектуальных возможностей человека, приводящая само общество к регрессу и, в конечном счете, к физической смерти» (167 человек); «механизмы уничтожения всех достижений человека» (72 человека).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

– *мир* – «совокупность, система всех форм материи, представляющая реальную угрозу для жизни или для любой формы существования человека» (231 человек); «нравственное и физическое опустошение» (68 человек);

– семантика языковой единицы, выступающей в виде голографической единицы, расширяется (228 человек); объём значения увеличивается.

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА:

- тип текстовой голографической единицы – общеупотребительная конструкция.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единица зафиксирована в толковых словарях современного русского языка (517 человек).

Данные толковых словарей русского языка (компоненты голографической единицы):

- *неофициальный* – «не имеющий официального значения, лишённый официальности» [ССРЛЯ, Т.7, 1958: 1035; Ожегов, 1988: 328] (512 человек);

- *культура* – «совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и умственной жизни» [ССРЛЯ, Т. 5, 1956: 1827; Ожегов, 1988: 252] (509 человек);

- *неофициальная культура* – «система незначимых достижений народа, не принимаемая существующей властью; не соблюдающая всех необходимых формальностей» (502 человека).

Этап второй – «Текстовая семантика единиц»

Базовое значение голографической единицы:

- *неофициальная культура* – «официальная культура для большинства членов общества» (398 человек).

Текстовая семантика стимуляторов:

- стимулятор *внеофициальный* – «находящийся за границей признанного официальной властью, политикой и т.д.» (289 человек); «не официальный» (113 человек);

- стимулятор *неподцензурный* – «неподлежащий цензуре» (301 человек); «неограниченный контролем; безконтрольный; свободный» (89 человек);

– стимулятор *внеидеологический. По своей охоте* – «неподвластный идеологии, официальной идее; по желанию» (323 человека);

– стимулятор *для людей* – «для всех и для каждого в отдельности» (403 человека).

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

– стимулятор *внеофициальный* – свободный (217 человек); не у власти; не государственный (89 человек); источник; информатор; новости; новостной канал (76 человек); не в Кремле; обстановка; общение; дискуссия; визит (68 человек); единичные ассоциации (24 человека); не смогли установить ассоциации (43 человека);

– стимулятор *неподцензурный* – независимый; свободный; неограниченный (168 человек); литература; книга, печатное издание; корректор; редактор; издательство, издатель (64 человека); писать; рецензия; ручка; лист бумаги (58 человек); единичные ассоциации (26 человек); не смогли установить ассоциации (201 человек);

– стимулятор *внеидеологический. По своей охоте* – независимый от политики, официальной стратегии государства; зависимый от личного желания человека; определяемый в обществе личными воззрениями человека (147 человек); свободный, вольный, самостоятельный, бесконтрольный (98 человек); тот, который нравится; по душе; по личному желанию (75 человек); без прямого воздействия; без принуждения; по своей воле (69 человек); государство, политика, идеологическая борьба, США, холодная война (51 человек); внепартийный; непартийный; идея; философия; взгляды (36 человек); единичные ассоциации (19 человек); не смогли установить ассоциации (22 человека);

– стимулятор *для людей* – все; каждый; большинство из нас; для всех (98 человек); человек; граждане; общество (73 человека); мужчина и женщина; семья, родственники; друзья; коллектив (65 человек); жизнь, живое существо; человек разумный; здравомыслящий (58 человек); мир, планета;

Земля (51 человек); не животное, не насекомое, не птица; не обезьяна (45 человек); благо, счастье, счастливый, радость; дом, машина, работа; одежда (40 человек); единичные ассоциации (49 человек); не смогли установить ассоциации (38 человек).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

– *неофициальная культура* – «система ценностей, взглядов, оценок общества и т.п., отражающая условия конкретного исторического периода и связанная не только с внешней, но и внутренней стороной жизни конкретного общества; существующая в сознании людей культура, сформировавшаяся на основах христианских традициях, имеющая древние исторические корни, которая не признается существующей тоталитарной властью, потому что не поддерживает ее хищнические интересы» (347 человек);

– семантика языковой единицы, выступающей в качестве голографической единицы, расширяется (312 человек); объём значения увеличивается.

НОРМАЛЬНЫЙ МОСКВИЧ:

• тип текстовой голографической единицы – индивидуально-авторская конструкция В. Аксенова.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единица не зафиксирована в толковых словарях современного русского языка (487 человек).

Данные толковых словарей русского языка (компоненты голографической единицы):

– *нормальный* – «обычный» [ССРЛЯ, Т. 17, 1965: 1401]; «соответствующий норме, обычный» [Лопатин, 2001: 372]; «образцовый, примерный, не впадающий ни в какую крайность» [Даль, Т. 2, 2003: 555] (476 человек);

- *москвич* – «житель города Москва» (483 человека);
- *нормальный москвич* – «типичный житель Москвы» (480 человек).

Этап второй – «Текстовая семантика единиц»

Базовое значение голографической единицы:

- *нормальный москвич* – «среднестатистический представитель мегаполиса» (278 человек).

Текстовая семантика стимуляторов:

- стимулятор *трезвый, спокойный, вдумчивый, трудолюбивый гражданин* – см. *гражданин* – «лицо, принадлежащее к постоянному населению данного государства, наделенного политическими и иными правами и обязанностями» [Лопатин, 2001: 113]; «каждое лицо или человек, составляющие государство» [Даль, Т. 1, 2003: 389] (395 человек), то есть «ведущий здоровый образ жизни» (374 человека);

см. *трезвый* – «не пьющий, соблюдающий трезвость» [ССРЛЯ, Т. 15, 1963: 873]; «воздержанный в употреблении спиртных напитков, не пьющий» [Ожегов 1988: 660] (432 человека);

см. *спокойный* – «отличающийся спокойствием характера; уравновешенный» [ССРЛЯ, Т. 14, 1964: 553]; «исполненный спокойствия, лишенный тревог, забот» [Ожегов, 1988: 618] (409 человек);

см. *вдумчивый* – «способный углубленно думать, сосредоточенный, глубокий в мыслях (о человеке)» [ССРЛЯ, Т. 2, 1951: 105]; «склонный к сосредоточенной мысли о чем-н., глубоко вникающий во что-н.» [Ожегов, 1988: 59] (439 человек), то есть «сосредоточенный по складу мышления» (412 человек);

см. *трудолюбивый* – «отличающийся трудолюбием» [ССРЛЯ, Т. 15, 1963: 1049]; «любящий трудиться» [Ожегов, 1988: 664] (473 человека); то есть «труд как способ жизни» (365 человек);

- *трезвый, спокойный, вдумчивый, трудолюбивый гражданин* – «образец носителя нравственности в советском обществе» (298 человек);

– стимулятор *с отлично выправленными документами* – см. *выправлять* – «доставать, испрашивать, получать в официальном учреждении (о документах)» [ССРЛЯ, Т. 2, 1951: 1158] (317 человек); «законопослушный, не имеющий проблем с законом»; то есть «законопослушный член общества» (307 человек);

– стимулятор *водитель малолитражки* – «владеющий или управляющий машиной с малым объемом двигателя» (346 человек);

– стимулятор *пайщик жилкооператива* – см. *пайщик* – «тот, кто имеет свой пай в каком-либо деле» [ССРЛЯ, Т. 9, 1959: 36]; см. *пай* – «доля, вносимая в капитал какого-либо общества (кооперативного, акционерного и т. п.) каждым его членом» [ССРЛЯ, Т. 9, 1959: 34] (423 человека);

см. *жилищный* – «относящийся к жилищу, жилищам» [ССРЛЯ, Т. 4, 1955: 152] (358 человек);

см. *кооператив* – «кооперативная организация» [ССРЛЯ, Т. 4, 1955: 1376; Ожегов, 1988: 238] (393 человека);

– *трезвый, спокойный, вдумчивый, трудолюбивый гражданин* – «участвующий в строительстве кооперативного жилья» (324 человека);

– стимулятор *спортсмен-любитель* – человек, «непрофессионально занимающийся спортом» (417 человек);

– стимулятор *взыскательный художник* – см. *взыскательный* – «требовательный, строгий» [Лопатин 2001: 53]; «весьма строгий, требующий» [Даль, Т. 1, 2003: 202] (422 человека);

см. *художник* – «тот, кто творчески работает в какой-н. области искусства» [Лопатин, 2001: 818]; «посвятивший себя художеству, изящному искусству» [Даль, Т. 4, 2003: 568] (453 человека), то есть «строгий ценитель изящного искусства» (436 человек);

– стимулятор *умеренный оппозиционер* – см. *оппозиционер* – «член, сторонник оппозиции» [Ожегов, 1988: 366] (411 человек);

см. *умеренный* – «занимающий среднюю, нейтральную линию между крайними политическими течениями» [Ожегов, 1988: 679] (448 человек);

– *умеренный оппозиционер* – «в меру критикующий власть»; «занимающий лояльную позицию по отношению к власти» (269 человек);

– стимулятор *игрок* – «любитель играть в азартные игры» [Ожегов, 1988: 193] (362 человека), то есть «азартный человек» (293 человека);

– стимулятор *ходок* – «простореч. опытный ухажер, волокита» [ССРЛЯ, Т. 17, 1965: 297] (427 человек), то есть «искатель любовных приключений» (361 человек);

– стимулятор *знаменитость средней руки* – см. *знаменитость* – «широко известный, прославившийся чем-либо человек» [ССРЛЯ, Т. 17, 1965: 1281] (461 человек); фразеологизм *средней руки* – «обычный, обыкновенный, ничем не выделяющийся; посредственный; «не слишком популярная» (342 человека); то есть «персона, имеющая некую популярность, известность» (311 человек);

– стимулятор *полуинтеллигент полусреднего возраста* – «немного образованный; культурный человек неопределенного среднего возраста» (265 человек).

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

– стимулятор *трезвый, спокойный, вдумчивый, трудолюбивый гражданин* – христианская добродетель; человек достойный, высоконравственный (195 человек); умеренность в употреблении пищи и питья, сохранность души и тела от греховных мыслей, пожеланий и дел; смирение через доброжелательное отношение к миру и дружелюбное – к людям; жизненный успех (88 человек); библия, вера, религия; правда (65 человек); пример для подражания, образец, типаж мужчины, мечта женщины, девушки (49 человек); достойный член общества, государства, Россия, патриот; в России много таких людей (31 человек); муж, мой отец, мой брат; офицеры РФ (17 человек); вымысел, сказочный персонаж, сказка, герой

американского боевика (13 человек); единичные ассоциации (9 человек); не смогли установить ассоциации (20 человек);

– стимулятор *спортсмен-любитель* – здоровье, здоровый человек; крепость физическая и духовная; выносливый, сильный человек (214 человек); азарт, победа, волнение игроков и зрителей (63 человека); олимпиада в Сочи, соревнования, стадион, овации, победитель; трибуна, зрители, судья на поле (58 человек); футболисты, хоккеисты, фигуристы, легкоатлеты, биатлонисты, сноубордисты; мяч, клюшка, гимнастическая лента, велосипед (47 человек); экипировка, спортивная одежда (31 человек); поражения, проигрыш, провал команды, освистали проигравших (22 человека); многочасовые тренировки, долгие сборы, тренер; разлука с домом (20 человек); травма, лечение, больница, лекарства, уколы, операционный зал, кровать, боль (11 человек); единичные ассоциации (21 человек); не смогли установить ассоциации (0 человек);

– стимулятор *с отлично выправленными документами* – нет проблем с законом, с органами правопорядка, не был судим; добропорядочный гражданин (153 человека); новый паспорт, новое водительское удостоверение, полученный недавно диплом об окончании института, курсов английского языка (102 человека); образованный человек, высшее образование, институт, университет, студент, бакалавр (73 человека); подделка документа; преступление, подмена паспорта (62 человека); секретарь, нотариус, нотариальная контора, юрист, выписать доверенность, оформить завещание, архивариус (42 человека); правильный, законный, подлинный (16 человек); единичные ассоциации (24 человека); не смогли установить ассоциации (15 человек);

– стимулятор *водитель малолитражки* – материальные блага; богатство, достаток финансовый; вложение денег, крупная сумма денег (241 человек); «деуматис», опель «астра», «ока» (94 человека); атрибут благосостояния и высокого уровня жизни, показатель успешности (54 человека); шоссе, трасса, улица; светофор зеленый горит, перекресток,

парковка (32 человека); женщина, девушка, новичок за рулем, неопытный, начинающий водитель (17 человек); маленький размер, небольшое авто; не скоростная (13 человек); экономный, мало бензина потребляет (11 человек); единичные ассоциации (25 человек);

– стимулятор *пайщик жилкооператива* – материальная успешность или состоятельность, достаток финансовый; вложение денег, много денег (151 человек); моя доля в строительстве жилья, собственник жилья, хозяин недвижимости (56 человек); купить квартиру, купить квартиру в доме на нулевом цикле строительства, взять кредит в банке для покупки квартиры, вступить в ипотеку; накопить денег (51 человек); квартира, жилье, дом, недвижимость (44 человека); строим вместе, участвовать в строительстве лично; класть кирпичи, возводить фундамент (38 человек); дорого (14 человек); единичные ассоциации (66 человек); не смогли установить ассоциации (64 человека);

– стимулятор *взыскательный художник* – духовное развитие; культура, образованность; интеллект (202 человека); строгий, требовательный, излишне внимательный; внимательный в мелочах (87 человек); знаток искусства, ценитель, эстет, коллекционер, галерист (60 человек); лупа, рассматривать тщательно картину, изучать холст (46 человек); картина, картинная галерея, Эрмитаж, музей искусств; скульптура, живопись; старые рукописи, архивы (25 человек); коллекционировать произведения искусства, экспертиза предметов искусства; посещение аукционов (16 человек); художественная школа, учитель рисования, хорошо рисовать; может научить рисовать (10 человек); единичные ассоциации (29 человек); не смогли установить ассоциации (12 человек);

– стимулятор *умеренный оппозиционер* – благонадежный в политическом отношении к существующей власти; угодный власти (103 человек); осторожный, не принимает необдуманных решений (63 человека); успешная политическая карьера; уважение соратников (56 человек); и нашим и вашим; способен прогнуться в угоду чему-то; «прислуживает»

одновременно нескольким людям; шестерка (47 человек); политический, парламент, парламентское меньшинство, Жириновский (42 человека); революция, митинги, собрания, лозунги (29 человек); партия (24 человек); единичные ассоциации (71 человек); не смогли установить ассоциации (81 человек);

– стимулятор *игрок* – не идеальный человек, порочный, порок (232 человека); праздный образ жизни; по жизни идет играючи; удача (97 человек); рискованный; на адреналине; азартный, ва-банк; искушение во всем ищет (61 человек); холодный расчет, просчитать победу; внимание, наблюдательность, контроль над ситуацией (43 человека); карты, казино, Блек Джек; биржа, игра на бирже, валюта (20 человек); победа, выигрыш; шальные деньги; крупная сумма денег; взятка (15 человек); Достоевский (7 человек); единичные ассоциации (12 человек); не смогли установить ассоциации (0 человек);

– стимулятор *ходок* – любитель женщин, холостяк, повеса (235 человек); порок, грех, блуд (103 человека); удовольствие, любовное увлечение, приключение; страсть к женщине (49 человек); праздность, безответственное отношение к женщине; нет серьезных отношений между мужчиной и женщиной (22 человека); мужчина, юноша, красавчик, Дон Жуан (21 человек); ночь, тайное свидание, поцелуи, встречи под луной (9 человек); единичные ассоциации (13 человек); не смогли установить ассоциации (35 человек);

– стимулятор *знаменитость средней руки* – популярность в узком кругу; парень из нашего двора, одноклассники, друзья (97 человек); добился определенного роста в личностном развитии, но не реализовался максимально во всем; не очень влиятельный человек (81 человек); провинциальный актер, певица неизвестная, начинающий свое дело (62 человека); популярность, небольшой успех, первое признание в чем-либо (в карьере, в творчестве и т.п.), поклонники (34 человека); единичные ассоциации (45 человек); не смогли установить ассоциации (168 человек).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

– *нормальный москвич* – «самодостаточный человек, живущий полноценной жизнью, которая определяется условиями современного ему общества» (387 человек);

– семантика языковой единицы, выступающей в качестве голографической, трансформируется (308 человек); объём значения увеличивается.

ОДНОСИДЕЛЕЦ:

• тип текстовой голографической единицы – индивидуально-авторская конструкция В. Аксенова.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единица не зафиксирована в толковых словарях современного русского языка (545 человек).

Данные толковых словарей русского языка:

– *сиделец* – «лавочник, торгующий в лавке от хозяина, по договоренности от купца» [Даль, Т. 4, 2003: 182] (545 человек); «лицо, отбывающее или отбывшее наказание в местах лишения свободы; заключенный» (540 человек) (установлено студентами самостоятельно);

– *одно* – «принадлежащий к одному и тому же» [Ожегов, 1988: 358]; [ССРЛЯ, Т. 8, 1959: 686] (545 человек);

– *односиделец* – «сокамерник или тот, кто находился с кем-то в одной тюрьме» (540 человек).

Этап второй – «Текстовая семантика единицы»

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

– *односиделец* – страдалец (165 человек), тюрьма (112 человек); сокамерник (86 человек); двое заключенных (58 человек); единичные ассоциации (45 человек); не смогли установить ассоциации (79 человек);

– стимулятор *тюрьма* – неволя (178 человека); томление, уныние, разочарование, страх, ужас (158 человек); камеры (59 человек); арестанты,

заклученные (48 человек); темнота, сырость (35 человек); единичные ассоциации (36 человек); не смогли установить ассоциации (31 человек);

– стимулятор *несчастные измученники* – горе (105 человек); физическая и духовная боль (102 человека); мученик, мука, страдания (96 человек); святые (65 человек); рабы (55 человек); единичные ассоциации (65 человек); не смогли установить ассоциации (57 человек);

– стимулятор *по случайности вырвавшийся на волю* – беглец (189 человек); свобода (103 человека); скорость, стремительное движение (87 человек); опасность, угроза (46 человек); единичные ассоциации (68 человек); не смогли установить ассоциации (52 человек);

– стимулятор *потом изнывавшими на беглянских путях* – отчаявшийся беглец, скиталец (128 человек); усталость, изможденность, страдания (97 человек); тайные тропы, дороги (88 человек); преследование, погоня (76 человек); единичные ассоциации (45 человек); не смогли установить ассоциации (111 человек).

Ассоциативное значение голографической единицы:

– *односиделец* – «невольник, находящийся в духовном поиске» (134 человека); «находящийся в нравственном и духовном поиске» (47 человек); «усталый путник» (26 человек).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

– *односиделец* – «страдалец, товарищ по несчастью» (198 человек); «человек, испытавший с кем-либо одинаковые лишения, мучения и так далее в местах лишения свободы» (156 человек); «человек, физически и морально измученный неволей» (45 человек);

– семантика голографической единицы трансформируется (402 человека); объём значения увеличивается.

СМЕХОЛАЙ:

- тип текстовой голографической единицы – индивидуально-авторская конструкция В. Аксенова.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единицы не зафиксированы в толковых словарях современного русского языка (497 человек).

Данные толковых словарей русского языка (компоненты голографической единицы):

– *смех* – «прерывистые, характерные звуки, вызываемые короткими и выдохательными движениями как проявление радости, веселья, удовольствия (иногда при нервных потрясениях)» [ССРЛЯ, Т. 13, 1965: 1366]; «отрывистые гортанные звуки, создаваемые выдохательными движениями при проявлении веселья, радости, удовольствия» [Лопатин, 2001: 679]; «хохот, невольное, гласное проявление в человеке чувства веселости, потехи, взрыв веселого расположения духа» [Даль, Т. 4, 2003: 241] (490 человек);

– *лай* – «перен. устар. и простореч. о брани, ругани» [ССРЛЯ, Т. 6, 1957: 36]; «отрывистые звуки, издаваемые собакой и некоторыми другими животными» [Лопатин 2001: 278]; «дейст. по знач. гл. *лаять* – отрывисто вскрикивать, рвать по-собачьи, брехать, журить» [Даль, Т. 22003: 241] (483 человека);

– *смехолай* – «смех, напоминающий лай собаки, громкий, звонкий, лающий» (264 человека); «громкие звуки ссоры, ругани» (157 человек).

Этап второй – «Текстовая семантика единицы»

Базовое значение голографической единицы:

– *смехолай* – «неясные по природе, размытые звуки большого города под землей» (286 человек).

Текстовая семантика стимуляторов:

– *брехня* – «вздор, болтовня» [ССРЛЯ, Т. 1, 1950: 627]; «юж. и зап. лаять, гавкать как собака, шуметь, орать, драть горло в брани» [Даль, Т. 1, 2003: 127] (444 человека), то есть «громкие крики ругани, ссоры» (287 человек);

– *гул* – «длительный отдаленный шум (часто от слияния многих разнородных звуков); гудение» [ССРЛЯ, Т. 3, 1954: 475-476]; «не вполне ясный, сливающийся шум» [Лопатин, 2001: 119]; «дальний глухой звук, звон, язык, раскатистый шум, стук. Отголосок, отгул, второе эхо» [Даль, Т. 1, 2003: 406]; то есть «гудящее, глухое эхо» (314 человек);

– *лай* – «перен. устар. и простореч. о брани, ругани» [ССРЛЯ, Т. 6, 1957: 36]; «действ. по знач. гл. *лаять* – отрывисто вскрикивать, рывкать по собачьи, брехать, журить» [ССРЛЯ, Т. 6, 1957: 241]; «отрывистые звуки, издаваемые собакой и некоторыми другими животными» [Лопатин 2001: 278], то есть «неразличимая череда звуков животного мира» (189 человек);

– *метро* – «то же, что метрополитен» [ССРЛЯ, Т. 6, 1957: 929]; «городская электрическая железная дорога, обычно подземная» [ССРЛЯ, Т. 6, 1957: 931], то есть *в метро* – «пространство, место под землей, где формируется звук» (374 человека);

– *смех* – «прерывистые, характерные звуки, вызываемые короткими и выдыхательными движениями как проявление радости, веселья, удовольствия (иногда при нервных потрясениях)» [ССРЛЯ, Т. 13, 1965: 1366]; «отрывистые гортанные звуки, создаваемые выдыхательными движениями при проявлении веселья, радости, удовольствия» [Лопатин 2001: 679]; «хохот, невольное, гласное проявление в человеке чувства веселости, потехи, взрыв веселого расположения духа» [Даль, Т. 4, 2003: 241], то есть «звуки веселья» (413 человек);

– *шлёпанье подошв* – «действие по знач. глаг. *шлепать*; звуки, производимые этим действием» [ССРЛЯ, Т. 17, 1965: 1469]; «действ. по глаг. *шлепать* – бросить, уронить что, гложнуть с глухим стуком» [Даль, Т. 4, 2003: 406], то есть *шлёпанье подошв* – «шарканье ногами при ходьбе, когда ноги отстают от туловища; глухой звук, возникающий при ходьбе» (354 человека).

Вербализованные ассоциации участников экспедиции:

– *смехолой* – гавкать; веселый лай щенка; шумное гавканье собаки (117 человек); громкий прерывистый смех, лающий хохот человека (109 человек); громко; звонко; шумно; неразборчивый; радостно (76 человек); человек, щенок, собака; волк (52 человека); большое пространство, двор, усадьба, хозяйство, барин, псарня (25 человек); единичные ассоциации (20 человек); не смогли установить ассоциации (101 человек);

– стимулятор *брехня* – громкий и резкий звук, похожий на брань (126 человек); ссора, кричащие люди, ругательства, оскорбления (101 человек); вранье, выдумка; обманщик (67 человек); собака брешет, собака лает громко; лес; чаща; ночь, полночь, лунная ночь (59 человек); плохое воспитание; низкая культура поведения; деревня; деревенские жители (53 человека); единичные ассоциации (37 человек); не смогли установить ассоциации (54 человека);

– стимулятор *гул* – глухой протяжный звук, нарастающий шум (118 человек); фон; несмолкающий долгое время звук (112 человек); завод, цех, заводской шум, стук колес (68 человек); ухо, слух; слышать на улице, дорожный гул (61 человек); гул самолета, гул ракеты, гул транспорта, гул из космоса (48 человек); единичные ассоциации (39 человек); не смогли установить ассоциации (51 человек);

– стимулятор *лай* – отрывистые вскрикивания, звуки, звукоподражания, похожие на рывканье животных (209 человек); собака, стая собак, свора животных (78 человек); страх, боюсь, тревожность, опасность, внешняя угроза (66 человек); бежать от опасности, спрятаться от угрозы, скрыться (укрыться) где-то (52 человека); ругаются люди, крики, шум (14 человек);

– стимулятор *в метро* – подземное пространство; под землей; глубоко (149 человек); поезд, рельсы; контролер; перрон, двери; вход и выход (96 человек); скорость звуков; хаотичное движение; бегут; я тороплюсь; толкучка (81 человек); люди, толпа людей, пассажиры (54

человека); реклама, красочные проспекты, яркие огни рекламы; иллюминация (57 человек); темнота, сумрак (30 человек); мало воздуха, безвоздушное пространство, замкнутость; трудно дышать (18 человек); единичные ассоциации (10 человек);

– стимулятор *смех* – звуки радости, веселья (199 человек); детский; громкий; веселый; взрывной, дружный, ехидный; злой (97 человек); праздник, день рождения; новый год наступил, свечи и огни, фейерверк (71 человек); дети, ребенок (55 человек); юмор; смешить людей; фестиваль; Одесса; день дурака, 1 апреля – день смеха (37 человек); единичные ассоциации (27 человек); не смогли установить ассоциации (11 человек);

– стимулятор *шлепанье подошв* – шарканье, шаркать (175 человек); дальний глухой звук, стук; эхо (97 человек); старость, старики, старушка, старик, пожилые люди; бессилие от усталости (78 человек); ноги больные; обувь ветхая, обувь старая; сапоги, разношенные туфли (53 человека); темный переулок, улица; асфальт; мостовая; пешеходная дорожка (44 человека); туфли, сапоги, ботинки (21 человек); единичные ассоциации (10 человек); не смогли установить ассоциации (19 человек).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

– *смехолой* – «голос современного общества; гулкий звук мира, режущий слух обывателя» (401 человек);

– семантика голографической единицы трансформируется (379 человек); объём значения увеличивается.

ХОРОШАЯ БУМАГА:

- тип текстовой голографической единицы – общеупотребительная конструкция.

Этап первый – «Словарная дефиниция языковых единиц»

В данной форме единица зафиксирована в толковых словарях современного русского языка (512 человек).

Данные толковых словарей русского языка (компоненты голографической единицы):

– *хороший* – «основательный, солидный» [ССРЛЯ, Т. 17, 1965: 402]; «положительный по своим качествам, вполне удовлетворительный, такой, как следует» [Лопатин, 2001: 816]; «добротный, дорогой, ценимый по внутренним качествам, полезный свойством, достоинству» [Даль, Т. 4, 2003: 561–562] (501 человек);

– *бумага* – «фабрикат из разных растительных волокон, спрессованных в виде листов, предназначенный для письма, упаковки мелких товаров и др. целей» [ССРЛЯ, Т. 1, 1950: 686]; «материал для письма, печати, рисования и для других целей, изготавливаемый из древесной или тряпичной массы» [Лопатин, 2001: 38] (508 человек);

– *хорошая бумага* – «качественный материал для письма» (486 человек).

Этап второй – «Текстовая семантика единицы»

Базовое значение голографической единицы:

– *хорошая бумага* – «рекомендательное письмо; своеобразный документ, определяющий статус и значимость его владельца» (315 человек).

Текстовая семантика стимуляторов:

– стимулятор *марка автомобиля для автомобилиста* – «комфорт и престижность для обладателя»; «автомобильный торговый знак, бренд, важный показатель для водителя в современном обществе» (376 человек);

– стимулятор *покрой костюма для артиста* – «см. *покрой* – вид, придаваемый одежде тем или иным способом кройки, фасон» [Ожегов, 1975: 447]; то есть *покрой костюма для артиста* – «пафосность, так как *покрой* костюма задает не только манеру поведения человека, но и является показателем его культовости в определенных кругах общества»; «фасон определенного вида одежды для деятеля искусства» (311 человек);

– стимулятор *подтверждала либо могла отрицать профессиональный статус* – «см. *статус* – положение, состояние» [ССРЛЯ,

Т. 14, 1964: 790]; *профессиональный* – «относящийся к профессии; связанный с какой-либо профессией» [ССРЛЯ, Т. 11, 1961: 1500] (479 человек), то есть *подтверждала либо могла отрицать профессиональный статус* – «документ, устанавливающий уровень пригодности, квалификацию человека», «точно определяла профессиональную востребованность человека; критерий профессиональной востребованности человека» (367 человек);

– стимулятор *одежда, по которой встречали неизвестного либо еще несостоявшегося автора* – «своеобразная визитная карточка, позволяющая с первого взгляда определить писателя на начальном этапе становления его карьеры», «внешний фактор, показатель, по которому создается первоначальное представление о новом человеке (писателе)» (273 человека).

Вербализованные ассоциации участников эксперимента:

– *хорошая бумага* – высокое качество, качественный, отличный (158 человек); белый лист; белоснежный (81 человек); писать; рисовать; чертить (62 человека); карандаш, ручка, краски (57 человек); письмо, картина, рисунок, набросок, схема, таблица (52 человека); документ, юридический документ, благодарственное письмо, заявление, приказ (36 человек); единичные ассоциации (24 человека); не смогли установить ассоциации (42 человека);

– стимулятор *марка автомобиля для автомобилиста* – показатель успешности человека, высокий материальный статус; солидность, успех (197 человек), скорость, скоростной, стремительная езда, движение; быстро, (101 человек); дорога, шоссе, трасса скоростная; правила движения, ГИБДД, нарушение правил; светофор (77 человек); гараж; автомобильная мастерская, автомобильный салон, дилер (58 человек); мужчина; водитель; гонщик (36 человек); единичные ассоциации (15 человек); не смогли установить ассоциации (28 человек);

– стимулятор *покрой костюма для артиста* – имидж, имиджевая сторона авторской натуры, имиджевая престижность, визитная карточка

человека (219 человек); ателье, портной, выкройка, нитка, иголки, примерка (101 человек); театральный костюм, театр, спектакль, сцена, декорация (69 человек); пиджак, брюки, платье; одеваться по моде, модно, красиво (54 человека); гардероб, шкаф, вешалка, вещи (28 человек); драма, комедия, трагедия (14 человек); единичные ассоциации (27 человек);

– стимулятор *подтверждала либо могла отрицать профессиональный статус* – профессиональная компетентность; востребованность начинающего писателя; статусность; шкала успешности или востребованности (105 человек); профессиональное признание (67 человек); профессия, специалист (16 человек); единичные ассоциации (122 человека); не смогли установить ассоциации (202 человека);

– стимулятор *одежка, по которой встречали неизвестного либо еще несостоявшегося автора* – первоначальная оценка творческих перспектив, оценивание; восприятие успешности автора на литературном поприще (131 человек); оценивающий взгляд, взор, интерес; оценивающий вид, факт (93 человека); первая встреча, знакомство, первое впечатление; первоначальный (71 человек); продажа ценностей, обмен духовных ценностей (52 человека); дешевый, недорогой, непрезентабельный; немодный (44 человека); литература, искусство, творчество, творческие люди (21 человек); внешний вид – визитная карточка; бренд; презентабельность – рейтинг успешности (9 человек); единичные ассоциации (21 человек); не смогли установить ассоциации (30 человек).

Этап третий – «Текстовая семантика голографической единицы»

– *хорошая бумага* – «залог будущей профессиональной состоятельности начинающего писателя» (327 человек);

– семантика языковой единицы, выступающей в качестве голографической, трансформируется (311 человек); общий объём значения увеличивается.

Результаты осознания голографических моделей